

СЕРГЕЙ ВАХРИН

**КАМЧАТКА
РОССИЯ
МИР**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВРЕМЕНИ II

Дальпресс 2024

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.

В22 Камчатка – Россия – Мир. Путешествие по времени II. — Владивосток :
Дальпресс, 2024. — 324 с. : ил.
ISBN 978-5-7311-0556-9

Эта книга о сохранении исторической памяти, о жителях Камчатки (постоянных или временных), которые и оставили нам в наследство эту память о своих замечательных деяниях во славу нашего Отечества – Ростово-Суздальского, Владимирского, Московского княжеств, Московского царства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации...

Эта книга об исторических и духовных связях Камчатки со всей великой Россией и со многими государствами мира, представители которых оставили свой след в истории нашего края.

Адресована широкой читательской аудитории.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

УДК 908(91)
ББК 63.3(2Камч)

Издано при финансовой поддержке
Ассоциации добытчиков лососей Камчатки

ISBN 978-5-7311-0556-9

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2024
© Вахрин С.И., 2024
© «Дальпресс», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЗЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ – ОНИ ДАРОВАНЫ НАМ СУДЬБОЙ...	5	ЛАЛЬСК	188
АЛБАЗИНСКИЙ ОСТРОГ	31	МАГАДАН	190
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА	35	НЕРЧИНСК	195
АНАДЫРЬ	39	НИКОЛАЕВСК-НА-АМУРЕ	201
АНТРАЦИТ (ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА)	48	ОБВИНСК	203
БЕЛАРУСЬ (ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ, ЛИТВА)	55	ОРЁЛ	205
БЕЛГОРОД, СЕЛО ХЛЕВИЩЕ	57	ОХОТСК	212
БОРОВСК	61	ПЕРМЬ	220
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	67	ПОЛЬША (РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ, КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ)	225
ВЕНГРИЯ	73	ПРИБАЛТИКА	229
ВЕРЕЯ	77	ПСКОВ	232
ВЛАДИВОСТОК	82	РИГА	238
ВЛАДИМИР, ВЛАДИМИР-ЗАЛЕССКИЙ, ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ	90	РОСТОВ ВЕЛИКИЙ	241
ВОЛОГДА	92	РУССКОЕ УСТЬЕ, ЯКУТИЯ	245
ВРБОВЕ (СЛОВАКИЯ)	98	РЫЛЬСК	251
ВЫВЕНКА	100	САМАРА	255
ВЯТКА	108	СМОЛЕНСК	258
ГЕРМАНИЯ	117	СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	261
ДАНИЯ	123	СОЛИКАМСК	266
ЕНИСЕЙСК	133	СУЗДАЛЬ	271
ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ, УКРАИНА	139	СУРГУТ	275
ИВАШКА	145	ТОМСК	279
ИРКУТСК	149	ТОРОПЕЦ, ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)	282
ИШИМ, ДЕРЕВНЯ СЛАДЧАНКА (СЛАДКАЯ)	160	ТРАПЕЗУНД, ТУРЦИЯ	284
КОСТРОМА	170	ТУЛА	288
КРАСНОДАР	173	УДОМЛЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПРЕЖ ДЕ ИЛОВ ПОГОСТ БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ) ...	289
КРОНШТАДТ	177	УЛАН-УДЭ	298
КУНГУР	184	ХАБАРОВСК	301
		ЧЕРДЫНЬ	307
		ЯРЕНСК	311

ДРУЗЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ — ОНИ ДАРОВАНЫ НАМ СУДЬБОЙ...

Замысел этого очерка родился у меня в национальном камчатском селе Эссо (это Быстринский район — камчатская Швейцария), где в гостинице «Амто» разместилась наша группа — участников историко-краеведческого десанта в камчатскую глубинку.

Амто — вообще-то это слово из корякского языка. И как бы оно не совсем уместно в национальном селе коренных эвенов.

Но на самом деле и в данном конкретном случае это слово здесь совершенно к месту. Оно является обозначением целой группы небольших и очень уютных гостиниц во многих сёлах Камчатки — гостиниц «Амто», созданных по инициативе супругов Андрея и Натальи Пятко.

Амто, тумгутум — по-корякски значит здравствуй, ДРУГ.

И о своём друге, трагически ушедшем из жизни, я, конечно, вспомнил, оказавшись волею судьбы в составе этой творческой группы, размещённой в «Амто».

Андрей Витальевич, которого я всегда ласково называл, как и своего младшего из сыновей, Андрюша, был ровно на пятнадцать лет младше меня. И мы успели встре-

тить его пятидесятилетний юбилей. Он был начинателем многих дел, но сблизилась мы, к моему удивлению, на рыболовном спорте, к которому я до первого десятилетия 21-го столетия никакого отношения не имел.

Мы тогда организовали фестиваль «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», центральной частью которого был рыболовный спорт — ловля спиннингом кижуча.

Сегодня это соревнование, полюбившееся многим рыбакам не только на Камчатке, носит имя Андрея Витальевича Пятко.

Конечно, этот образ и эти воспомина-ния, мысли вокруг, вдруг взорвавшаяся память, связанная с друзьями, которые окружали и окружают меня на протяжении вот уже семи десятков лет, потребовали какого-то выхода, и появилась идея написать очерк — о своём становлении в окружении тех самых дорогих и близких мне людей, которые, каждый по-своему, каждый по чуть-чуть, из той бесформенной ещё фактуры или на том белом листе, который зовётся «tabula rasa», оставлял либо свой личностный мазок, либо добавлял глины в форму, либо отсекал какую-то лишнюю деталь, создавая и общую картину моей жизни и ту фигуру, которая называется ЛИЧНОСТЬЮ.

Через мою жизнь прошло огромное количество людей. И каждый оставил свой след. Кто-то — незаметный.

А кто-то — яркий, судьбоносный.

Я родился в далёком северном селе Тилички, куда отец мой, Иван Григорьевич, был направлен по партийной линии делать служебную карьеру. Его направили парторгом в крупный рыболовецко-оленоводческий колхоз имени В.И. Ленина в селе Вывенка того же, что и Тилички, Олюторского района. Но я поломал его партийную судьбу. Общаясь с корякскими детьми, привезёнными из табунов, в круглосуточном садике-яслях, куда я был сдан для примера, будучи сыном парторга, врачи неожиданно у меня выявили некие признаки зарождающегося туберкулёза (которого, по всей видимости, не было — по крайней мере, я не помню, чтобы у меня были какие-то проблемы с лёгкими). Мать, Александра Ивановна, в панике собралась и уехала в Усть-Камчатск, где проживали мои бабушка с дедушкой Елена и Иван (оба Никитичи) Сторожевы по материнской линии и бабушка — Ульяна Демьяновна — по отцовской.

Так мы оказались в Усть-Камчатске, где через друзей моего детства и начала раскрываться история коренной и старожильческой Камчатки, которой я занимаюсь многие и многие годы.

Родители моей матери проживали в 12 километрах от районного центра

Усть-Камчатска, которых на самом деле, с точки зрения административного деления, было несколько. Рядом, на левом берегу реки Камчатки, в самом устье, на берегу Тихого океана, располагался Первый завод. Тоже Усть-Камчатск. Он получил такое народное название в 1927 году, когда здесь, на Дембиевской косе, был построен первый советский рыбоконсервный завод Камчатки. А рядом, в 12 километрах к югу, был построен Второй завод. Впоследствии так мы их и называли, хотя по нумерации 1959 года, когда мы прибыли в Усть-Камчатск, это были уже РКЗ-66 и 65. Так разрослось своими рыбоперерабатывающими заводами наше камчатское побережье к этим годам.

Кроме них, Усть-Камчатском считался и новый, строящийся в эти годы райцентр — Новый посёлок. А также посёлок, образовавшийся вокруг лесоперевалочной базы, именуемый и по сей день Варгановкой.

Отца устькамчатское партийное руководство, как человека, оставившего свой партийный пост ради семьи(!!!), не приняло, что в конечном итоге очень серьёзно сказалось на дальнейшей его судьбе. За что и я в определённой степени несу ответственность.

Но в эпоху счастливого советского детства никакие такие мысли меня, конечно, не посещали.

На Втором заводе, где я обычно проводил у бабушки с дедушкой летнее время, я сдружился (как выяснилось, на всю жизнь) с семьёй Георгия Черных — братьями Петром и Валерой и их сёстрами. Кто же знал тогда, что это прямые потомки казачьего сотника Ивана Черных, благодаря которому мы официально закрепили за Курильскими островами статус земли российского владения.

Но самым близким моим другом на ту пору был сосед Витя Кузнецов, с которым мы коротали и дни, и ночи. В буквальном смысле и ночи — летом мы жили с ним в маленьком домике, который собрали из каких-то крупногабаритных ящиков. Его отец был коренным камчадалом — дядя Ганя (Гаврил — с одной «и» — Константинович)

Кузнецов, который после смерти моего отца (а он ушёл из жизни в 55-летнем возрасте), был мне, по сути, до самой уже его смерти вторым отцом.

Эти мои коренные камчадалы и побудили тот мой неиссякаемый и по сей день интерес к их родовой истории. В детстве я побывал на исторической родине Кузнецовых — в селе Камаки, в семье родной сестры дяди Гани — Галины Константиновны и её супруга Василия Терентьевича Медведева. Село как раз в этот период было закрыто, и мы с Виктором бродили по пустынным улицам, зашли в школу, где валялись ненужные теперь уже никому учебники, исписанные корявыми детскими почерками тетради. Разве мог знать я тогда, что брожу

по улицам села, имя которому дали русские казаки в честь тойона Камака, который остался верен союзу с русскими даже в период знаменитого Харчинского бунта камчадалов, о котором позже я узнал все подробности из знаменитой книги Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Но нам тогда было не до великого: мы ловили для дяди Васи Медведева ондатр, доставали из «чиручей» — вентерей карасей (и домой мне отвалили целый мешок), осва-

ивали косу, скашивая хвощ для медведевской коровы, и кормили ненасытных камчатских комаров, которые не давали нам продыха ни днём, ни ночью, хоть и спали мы в закрытых пологаях, спасающих от этих кровососущих тварей...

Комары, разумеется, вскоре забылись, а память о Камаках осталась.

Через многие годы здесь с моим знаменитым другом Геннадием Никифоровичем Лысяковым, дальневосточным кинематографистом, лауреатом Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, снимали самый главный в моей не очень длительной кинематографической жизненной эпопее фильм «Я родом из Японии». От села не осталось и следа — здесь буйно шумела на ветру могучая крапива...

Как не осталось следа и от других сёл, располагавшихся ниже по течению реки Камчатки.

Не стало Нижнекамчатска. Того самого, откуда пошли открывать Алеутские острова и Аляску камчатские казаки, потомки которых росли вместе со мной, учились в одной школе, были соседями... Через дорогу от бабушкиного дома жили, например, Мутовины — родственники моего замечательного друга, Героя России, Олега Мутовина, лётчика-испытателя.

А в одном классе со мной училась Лида Никифорова — потомок студента Славяно-Греко-Латинской академии Степана Никифоровича Никифорова, ставшего священником Нижнекамчатска Успенской церкви, а затем и протоиереем камчатских церквей.

Кто же знал тогда, что ещё один из замечательнейших моих друзей — автор лучшего исторического романа о Камчатке 18-го столетия Николай Леонидович Бушнев — в пору нашего безвременья и беспамятства сподвигнет меня на восстановление Нижнекамчатской Успенской церкви, когда от самого Нижнекамчатска и следов никаких не осталось, а от церкви — только три стены...

Задача казалась непосильной... Но 12 августа 1993 года, благодаря героизму, мужеству, порядочности, выносливости и нашей дружбе с архитектором Виталием Блажеви-

чем, камчатский священник отец Ярослав (Левко) со своим американским коллегой с Алеутских островов освятили восстановленную церковь, сохранить которую, как выяснилось, завещал нам ещё в 19-м столетии епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий — Святитель, апостол Сибири и Америки — как первую миссионерскую церковь Камчатки и Русской Америки.

Среди сёл, располагавшихся ещё ниже по течению реки Камчатки, было и то, которое основали мои предки по линии бабушки Ульяны Демьяновны. Её девичья фамилия Хомченко. Демьян Хомченко был из староверов, молокан, которых завлёл на Камчатку прибыльным рыбацким делом рыбопромышленник Демби, построивший на левобережной стороне устья реки Камчатки рыбоконсервный завод, полагая, что сырьём для этого завода его обеспечат местные жители. Но ни старожилы, ни коренные камчадалы его надежд не оправдали, и пришлось завозить из Приморья расселившихся там староверов, отличавшихся завидной трудолюбивостью, честностью и... трезвостью, что в условиях Сибири и Дальнего Востока было поистине божественным даром.

Староверы расселились по нижнему течению, образовав несколько семейных рыбацких посёлков. Село, которое основали мои прадеды, стало называться Николаев-

кой, вероятно, в память о царствующем Николае Втором.

Большинство из переселенцев закрывшихся в середине 1960-х годов поселений оставались на постоянное жительство в нашем старом райцентре, который, в отличие от цивилизованного Нового посёлка, прозвали Деревней. Так и закрепилось. Хотя поначалу, конечно, и обижало.

Из Нижнекамчатска переселились Никифоровы. Из Берёзового Яра переехали в «деревню» Степановы. С Пашей Степановым мы настолько сдружились, что даже вместе поступали в пединститут, но потом он перепоступил в рыбопромышленный техникум, на всю жизнь связав себя с вязкой рыбацких сетей. Его предки из далёкой Удмуртии, прибывшие, как и родители моей мамы (они из Пензы), в тяжёлые годы послевоенного голода, завербовавшись на Камчатку, о которой уже в ту пору ходили легенды как о рыбном Клондайке.

В эти годы в моей личной жизни случилось судьбоносное перекрестье — я встретился с человеком, благодаря которому и сделал свой жизненный выбор на десятилетия вперёд.

Всё произошло случайно. Хотя как сказать...

В это самое время я был человеком влюблённым. Моей сердечной избранницей

была двоюродная сестра Виктора Кузнецова, дочь дяди Васи Медведева — Вера, учившаяся в параллельном классе.

И конечно же, как в песне у Ободзинского: «По ночам в тиши я пишу стихи...»

Стихи были никудышные. Но именно они привели меня в здание редакции районной газеты «Ленинский путь». Мне, разумеется, хотелось, чтобы о моих поэтических чувствах узнал весь мир. Но пыл мой был быстро остужен осторожным предложением заместителя главного редактора газеты Владимиром Михайловичем Овчинниковым заняться... прозой.

А вот он сам стал очередным даром судьбы — Владимир Михайлович был из второзаводских устькамчатцев. Учился в одном классе с моим младшим дядей Николаем Сторожевым. Закончил факультет журналистики МГУ. Позже, будучи редактором Мильковской районной газеты, Владимир Михайлович на страницах своей газеты публикует полностью мой первый роман-исследование «Встречь солнцу», на который сегодня ссылаются многочисленные именитые авторы научных книг по истории Дальнего Востока и Русской Америки.

А ещё позже, уже будучи очень больным, на исходе жизни, он нашёл силы и принял участие в презентации моих книг, посвятив тогда мне свои стихи — благодарность учи-

теля своему ученику за то, что он оправдал доверие и надежды своего учителя.

Я очень благодарен Владимиру Михайловичу. И не только за то, что он помог мне сделать свой выбор. Это было уже следствием. Главное, что он сделал, — он очень осторожно и бережно подвёл меня к этому выбору.

Я вообще-то собирался поступать в медицинский институт в Хабаровске. И с журналистикой свою жизнь никоим образом не связывал. Даже и не предполагал, что такая связь вообще возможна. Хотя творческий зуд проснулся во мне ещё с пелёнок. А в начальных классах я уже штудировал краеведческую литературу в поиске ответов на свои многочисленные вопросы, на которые не мог получить ответа от старших. В нашей семье был культ чтения. Не навязчивый, а естественный, когда без книги не можешь прожить и дня. Особенно много читал отец. Но с ним у нас по жизни были очень сложные взаимоотношения. Вполне вероятно, сказывалось то, что именно я был виновником произошедшего в его судьбе, резко и навсегда поменявшего курс его жизненного корабля. Он как-то всегда двойственно относился к моим успехам. Весьма критично. Я помню, как однажды услышал его разговор с товарищем: «Мой за всё хватается, всё ему надо. Говорю об этом на работе, а мне товарищ отвечает: „Ты радоваться должен, что твой всем

интересуется. А моему оболтусу всё безразлично, ни до чего дела нет...»

Звучало одновременно и раздражённое непонимание и... гордость. Вот с таким сыновним чувством я и рос. И не могу от этой двойственности — обиды и маленького торжества — избавиться по сей день, вспоминая наши взаимоотношения с отцом.

А я в это время как раз и пробовал себя в журналистике.

У меня по жизни было два срыва, когда я терял веру в себя и в свои способности писать.

Первый случай был особенно критическим, который чуть не поставил для меня на журналистике крест.

Владимир Михайлович, повторяю, был очень осторожен и бережен, давая такие задания, которые не обременяли меня какими-то осложнениями.

Какими? Поймёте из дальнейшего рассказа.

В районах, как правило, внештатных авторов было мало. Желающих писать много, а вот писать по существу — такие были в редкость.

И супруга (в те давние времена) Владимира Михайловича Алла Александровна Овчинникова (впоследствии известная детская писательница) без всякого учёта подростковой психологии и профессио-

нальной подготовки дважды использовала меня в деле, результаты которого оставили в моей душе неприятные, а в те годы весьма болезненные, царапины.

В первом случае (менее болезненном) она вынудила меня начать дискуссию — вышел мой критический материал о школе «Какие мы скучные», вызвавший некий общественный резонанс, к которому я совершенно не был готов. Как и к той критике, обрушившейся на меня со всех сторон за мои откровенные мысли. Мало сказать, что я был обескуражен...

Но это ещё можно было пережить.

Второй случай был гораздо ужаснее, хотя внешне в нём не было ничего особенного, просто я не справился с заданием.

Дело было так. Накануне 7 ноября возвращались рыбаки из рейса. И редакции нужен был позарез в праздничный номер репортаж о героическом труде.

Владимира Михайловича не было в редакции — иначе он бы не позволил посылать на такое задание неоперившегося в журналистике пацана. А заведующая отделом Алла Овчинникова отправила меня за этим материалом, поставив вопрос ребром о моей профессиональной возможности стать журналистом.

Вот так — и никак иначе. Классическое — быть или не быть.

Позже, в период моей краткосрочной работы в газете «Рыбак Камчатки», я оказался под началом Аллы Александровны. И понял, что неприязнь к ней, рождённая в далёком детстве, так во мне и не угасла.

Я прибыл на судно. И разумеется, никого из рыбаков не застал — все они давно разбежались по домам. На вахте был только полупьяный матрос, который нёс всякую околесицу, форся перед юным корреспондентом и не принимая его всерьёз. Я выглядел полным идиотом, задавая ему при этом ещё и какие-то вопросы, пытаюсь хотя бы выглядеть в своих глазах профессионалом.

Репортаж я, как и должно было это произойти, завалил. Алла Александровна, у которой горел номер, смотрела на меня своими злыми глазами, как на последнего неудачника.

И я твёрдо решил с журналистикой завязать.

Если бы не Владимир Михайлович. Он вызвонил меня и поручил написать... зарисовку. Зарисовку на свой собственный вкус о каком-нибудь ветеране. Мы выбрали дядю Стёпу Гранина.

А потом он меня послал в первую в моей жизни командировку...

И в итоге я сделал свой профессиональный выбор!

В МГУ на факультет журналистики я поступать струсил. В нашей школе было много учителей — жён военных (в «деревне» стояла воинская часть). Они, эти жёны-учителя, были разные. Некоторые остались в моей благодарной памяти навсегда. А некоторые постоянно подчёркивали тот факт, что на материке, откуда они родом-племенем, дети лучше, воспитаннее, умнее, образованнее и так далее, вырабатывая в нас, деревенских школьниках, комплекс неполноценности. Кто-то из наших, несмотря на это, рисковал и, как правило, поступал.

Я же прикинул для себя и решил не рисковать: филологическое образование — это тот же пропуск в журналистику.

И так я оказался на филологическом факультете Камчатского государственного педагогического института (сегодня это уже педуниверситет, который ни к селу ни к городу носит почему-то имя Витуса Беринга, вероятно, только в силу нашей неистребимой любви ко всему иностранному. Могли бы назвать и в честь С.П. Крашенинникова — первого русского учёного, прославившего Камчатку).

И здесь мне повезло. Мы жили в одной комнате с Костей Сидневым, он был лет на десять старше, уже много повидавший в жизни, очень серьёзный, дотошливый, справедливый и честный человек, передав-

ший и мне частицу той земной человеческой мудрости, позволяющей жить по законам совести, по законам справедливости.

А душевными моими друзьями той студенческой поры были Виктор Биковец и Олег Хо. Дружил я и с будущим поэтом Сергеем Скоробогатых, но эта дружба впоследствии угасла. Ни Виктора, ни Сергея уже нет с нами.

Удивительно, но моя будущая жена, мать троих моих детей, бабушка четырёх внуков, училась со мной в одном пединституте, на одном факультете, на одном курсе и даже в одной группе Р-712.

Но мы на тот период были совершенно в разных группах по интересам и не обращали друг на друга ровно никакого внимания.

Хотя я о ней, тогда ещё абитуриентке Тане Ларионовой, писал в своём материале о поступающих в вуз в газете «Камчатский комсомолец» в далёком 1971 году. Как и о других будущих студентах, с которыми поступал в этот институт.

А потом снова наступил перелом в моей главной жизненной профессии. Майская восьмилетняя школа, куда я попал по распределению, об учениках и учителях которой у меня самые тёплые воспоминания. Переезд в Краснодар по семейным обстоятельствам, смена профессии на оператора нефтеперерабатывающего завода, потом краткосрочное возвращение в школу.

Это было связано с первой моей семьёй — в Краснодаре родились две мои дочери: Оксана и Катюша (она трагически ушла от нас в 1990-м). И нужно было содержать семью. Попытка связать свою судьбу с «Кубанским комсомольцем» потерпела крах — в чужом городе я не справился с редакционным заданием. Но главное не в этом — я почувствовал отчуждение в самой редакции и настрой на творческую работу не получился...

Но случилось другое — на Краснодарском нефтеперерабатывающем заводе я приобрёл наставника и друга — замечательного человека, умницу, энциклопедиста, с которым можно было проводить долгие часы на смене, — Леонида Владимировича Крутова.

Это он своими разговорами, интересом, любознательностью, творчеством снова раскрутил мой внутренний пропеллер, и я захотел вернуть своё былое, от которого попытался отказаться, следуя «рекомендациям» своей кубанской тёщи...

Взрыв в семье не замедлил произойти.

Но в школе, куда я возвратился, я встретил человека, который был моим другом до последних дней своей жизни. У нас с ним были разными только фамилии — он Уткин. У нас даже имена и отчества жён совпадали впоследствии — обе Татьяны Петровны.

Сергей Иванович был музыкантом от Бога.

Как-то, будучи на своей исторической родине в Тиличицах, я разговорился с секретарём местного райкома комсомола, и он пожаловался, что в районе очень плохо обстоят дела с музыкальными работниками, я возьми и предложи ему кандидатуру своего друга Уткина. И уже вскоре у меня появился повод побывать в родной своей Вывенке, где Сергей с нуля создавал музыкальную школу. Чем ещё порадовала меня Вывенка — здесь, спустя тридцать лет, помнили моего отца — парторга Ивана Григорьевича Вахрина, который не гнушался жить с оленеводами и рыбаками, неделями проводя своё время на их станах и в стойбищах.

...Семейная кубанская лодка была разбита. Я возвращался на Камчатку, получив от родителей вызов, который отец, чуть не со слезами выпросил у заместителя председателя райисполкома Шевченко, которая в тот период властвовала в моём родном Усть-Камчатске, пока её не выгнали с этого поста за многочисленные аферы с квартирами.

Здесь нужно пояснить. Помимо тех пяти Усть-Камчатсков, которые существовали в пору моего детства, было решено построить ещё один — самый большой, многоэтажный, куда собирались переселить в первую очередь людей из цунамиопасной зоны. Дело в том, что в 1923 году волна цу-

нами высотой в несколько метров ударила по Дембиевской косе и разрушила завод Демби, а именно там в годы Советской власти был построен Первый рыбоконсервный завод и рабочий посёлок при нём.

Вот эти завод и посёлок на левом берегу реки Камчатки и должны были перенести в новый город на мысе Погодном — шестом по счёту Усть-Камчатске.

На болоте мыса Погодного засыпали песком две огромные площадки — под посёлок и под завод. Но с планами переселения категорически не справлялись. Завод вообще так и не перенесли.

И вот что решили наши аферисты, которые под переселение получили квоты на материковские квартиры в разных местах Центральной России и распределяли их по своему усмотрению, вкусу, благу и денежным подношениям...

Они справедливо решили, что в Москве никто не знает, что поселений с названием Усть-Камчатск несколько. И они решили списать мою родную «деревню», насильно переселив её жителей на Погодный, а их дома (чтобы не было оснований для возврата) раздавить бульдозерами.

А инициатором этого преступления и была та самая Шевченко, у которой мой отец, участник Курильского десанта, ветеран, израненный во время боёв на острове

Шумшу, вымаливал пропуск для возвращения сына на его родину.

Отец, к тому времени уже смертельно больной, страшно похудевший, упрашивал эту бессердечную чиновницу позволить сыну вернуться в родной дом. Эта картина, которую я много раз представлял себе, не даёт мне покоя и сейчас.

Но смилостивилась. Дала.

В самолёте рядом со мной сидел человек, которого я прежде где-то видел. Разговорились.

И снова произошёл переворот в моей судьбе. Я возвращался на родину, не имея никакого представления о том, что меня ждёт впереди. Моим соседом оказался журналист Игорь Владимирович Вайнштейн. А встречались мы с ним прежде, ещё в годы моего студенчества, в Петропавловске, в подвале пристройки к обкому КПСС, где располагалась редакция газеты «Камчатский комсомолец». Это был собрат по перу. И он определил — одним звонком — мою дальнейшую судьбу, позвонив главному редактору газеты «Камчатский комсомолец» Ольге Космыниной. Вопрос решился мгновенно. Когда я, в свою очередь, перезвонил Ольге Ивановне, то в Усть-Камчатск был уже командирован от редакции областной газеты со свободным творческим заданием на период, пока не получу камчатскую прописку.

Вот тогда я сам уже повстречался с этой госпожой Шевченко, которая не только изменила судьбу моих земляков, но и многим сократила жизнь — лишившись своих домашних хозяйств и привычного образа жизни, многих из моих стариков, оказав-

шихся в этом городе на песке, где среди болот торчали стандартные пятиэтажки, снесли на местный погост. В том числе и нашего отца...

Через двадцать лет, когда местное начальство отмечало юбилей школы на По-

годном, перенесённой из нашей «деревни», о деревенских учителях и школьниках, об истории деревенской школы, которой было сто с лишним лет, никто даже не вспомнил. Сохранили только дату якобы рождения Усть-Камчатска, связав её с кровавыми событиями Харчинского бунта 1731 года, когда казаки, оставшиеся в живых после разгрома прежнего Нижнекамчатска, находившегося на Ключах, бежали на устье реки Камчатки. Вопрос: почему на устье?

Да потому, что ещё в 1728 году, за три года до Харчинского бунта, на устье, в заранее построенных казармах, зимовали члены экипажа бота «Святой Гавриил» Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Увы, кровавая история Харчинского бунта временщиков из Усть-Камчатска привлекла, по странной причине, гораздо больше. Все мои попытки восстановить историю рождения Усть-Камчатска, как третьего в нашей истории тихоокеанского порта, и восстановить историческую дату его основания оказались тщетными.

Но это уже другая история.

В камчатской журналистике я проработал недолго — из «Камчатского комсомольца» перешёл в «Рыбак Камчатки».

Самое главное событие этого времени, да и всей моей жизни — я встретил свою одноклассницу Татьяну Ларионову. Не отда-

вая себе отчёта в том, что может произойти, просто из вежливости она пригласила меня в гости. Кто же из нас мог тогда предполагать, что моё пребывание «в гостях» задержится на срок с лишним лет?!

В принципе, если бы не Татьяна, её терпение, уважение к тому, чем я занимаюсь, я бы никогда бы не сделал того, что успел не только написать, но и отыскать в многочисленных командировках по архивам страны, тот эксклюзивный исторический материал, который и лежит в основе моих многочисленных книг. И я очень благодарен ей за то терпение, которым она, к моему счастью, обладает.

В последние годы мы много путешествуем, и она стала постоянным моим спутником на различных конференциях, где я выступаю с докладами, и видит воочию, какое полезное дело было сделано за эти годы.

Это мой друг первой, небесной величины, ниспосланный мне Богом.

Краеведение с самой ранней поры вошло в мою жизнь. И не только камчатское — на Кубани, куда занесла меня ранняя семейная жизнь, издана моя книга «Биография кубанских названий» по топонимике, на которую очень много ссылок в разных изданиях.

Мои самые ранние работы на Камчатке связаны с историей камчатских фамилий,

которые позволили возродиться коренным камчадалам как древнейшему этносу.

Краеведение — дело непростое. Практически каждый старожил Камчатки — своеобразный краевед, имеющий свою оригинальную позицию на всё, что было и что есть.

Поэтому любой новый взгляд на какие-то традиционные исторические ценности вызывает, как минимум, душевный трепет, а как максимум — гнев в отношении того, кто высказывает некие крамольные мысли, суждения, сентенции...

Но, тем не менее, иногда получается некий союз, переходящий в дружбу. Так моя детская легенда о Ключевский сопке сдружила меня с двумя прекрасными поэтессами — Ольгой Шишковой и Жанной Германович, которые замечательно использовали эту легенду в своих поэтических творениях. Крепкая творческая дружба связывает меня с поэтом Владимиром Татауровым, который создал на основе моих книг по истории оригинальные исторические поэмы.

Краеведы — люди непростые, как и все творческие люди. И особенно они не любят, когда кто-то переступает границы «их владений». Так Нина Игнатъевна Захарова, главный краевед Камчатки того времени (1980-х), очень обижалась на мои оценки Беринга. Но после публикации (уже в 1990-х) моего романа-исследования «Встречь солн-

цу» она публично заявила, что мне всё простила.

Очень тёплые отношения были у нас с Георгием Германовичем Поротовым — благодаря ему и нашему знаменитому туристу Владимиру Ивановичу Семёнову я начал заниматься историей обороны Камчатки в период Русско-японской войны.

Интересны были мои взаимоотношения с Леонидом Михайловичем Пасенюком, с которым мы скрестили творческие шпаги на теме Большерецкого бунта 1771 года и образе авантюриста Беньевского. Леонид Михайлович, первоначально отрицая значение моих работ, постепенно проникся к ним (а затем и ко мне) уважением и при каждом своём очередном посещении Камчатки не только дарил мне свои новые книги с автографом, но и был главным зачинщиком приёма меня в Союз писателей России.

Но ближе всех мне в нашем краеведческом сообществе две самые любимые мои женщины — это Ирина Васильевна Витер и Виктория Зиновьевна Михайлова. Обе великие и неутомимые труженицы, патриотки Камчатки, краеведы до мозга костей... К сожалению, Виктории Зиновьевны, моей названной сестры, уже нет с нами...

И ещё один человек бесконечно мне дорог — тихий, бескорыстный и очень увлечённый историей камчатских фамилий,

житель посёлка Ключи Виктор Николаевич Чекмарёв, который значительно пополнил базу фамилий долины реки Камчатки, скрупулёзно изучая родовую историю своей семьи — потомков вологодского купца Удачина, сгинувшего где-то на просторах Русской Америки...

Собственно, список на этом не заканчивается — история фамилий связала меня крепко-накрепко со многими родами, особенно с Логиновыми-Лонгиновыми, Мутовиными, Коллеговыми, Аббакумовыми, Колесовыми, Винокуровыми, Сафрыгиными, Новгородовыми, Крупениными и целой плеядой мильковских родов...

Но вернёмся в 80-е...

Что касается камчатской областной журналистики, то я здесь не прижился. Ольга Ивановна Космынина в своей многостраничной книге о своей работе в «Камчатском комсомольце» упомянула мою фамилию всего один раз, и то в подписи под коллективной фотографией. Но я не обижаюсь — уходил я из «Комсомольца» со скандалом — отстаивая права на квартиру своего коллеги, которого считал своим другом. Он должен был получить её по очереди, и эта злосчастная квартира определяла его дальнейшую судьбу — возможность, поменяв её, уехать во Владивосток и начать карьеру в приморской краевой газете. Так и случи-

лось — он впоследствии сделал себе неплохую карьеру вплоть до члена редколлегии «Комсомольской правды», став столичным журналистом. У Ольги Ивановны был свой интерес — она не хотела потерять другого очень опытного сотрудника, которого можно было, вероятно, удержать только камчатской квартирой.

А пару лет назад, в ответ на мои публикации, тот, кого мы дружно отстаивали и из-за кого я вынужден был уйти из газеты, став идейным либералом, написал мне: «Ты камчатский Проханов. И я вычеркиваю тебя из своих друзей».

Смешно...

Но в это самое критическое время, когда мне должность заведующего отделом областной газеты пришлось разменять на корреспондента бывшей многотиражки, снова случился перелом в моей судьбе.

Самый, в профессиональном смысле, счастливейший. В моей жизни на период в шестнадцать лет наступила золотая эпоха творчества.

Всё произошло случайно — встретился на улице со своими товарищами по институту — это были Сергей Донигевич и Владимир Локтев. Поболтали, и, уже было почти расставшись, Сергей вдруг вспомнил: «У нас тут в Камчатрыбводе освобождается место по проведению массово-разъяснительной

работы. Давай к нам. У нас хорошие зарплаты». Мои коллеги по образованию были учителями английского языка и работали в Камчатрыбводе (бассейновом управлении по сохранению рыбных запасов) инспекторами конвенционного отдела — по регулированию промысла рыбы иностранным флотом.

Честно говоря, меня в тот момент больше всего заинтересовала предлагаемая зарплата. О сути профессии я не думал. У нас с Татьяной Петровной в семье как раз к старшему Алёшеньке ожидалось пополнение Андрюшенькой. Зарплаты с моими алиментами не хватало — а тут открывалась, по сути, такая халявная перспектива. Кто бы знал, какая на самом деле глобальная и блестящая перспектива меня ожидала и с какими замечательными людьми сведёт меня на этот раз судьба.

Ребята предупредили: в отделе рыбоохраны, где мне предстоит понравиться, чтобы приняли на эту должность, работают два моих будущих начальника. Один — Огурец, то есть Сергей Викторович Огурцов, начальник отдела, любит повыпендриваться, но парень, в принципе, неплохой. Второй — Рыжий (он и на самом деле рыжий, с усами), тот покруче, принципиальный, прямой, как рельс, но тоже ничего — это Сан Саныч Чекулаев...

С Сергеем Огурцовым у нас не сладилось в отношениях — был он очень скользкий для начальника отдела рыбоохраны и вскоре от нас ускользнул в какой-то большой бизнес. А с Сан Санычем мы сдружились на всю жизнь.

Мне сказали, что моя работа в Камчатрыбводе — это плакаты, листовки, публикации в СМИ, а также контроль за массово-разъяснительной работой районных инспекций рыбоохраны.

Прежний сотрудник занимался переписыванием своих старых публикаций, поэтому его и списали.

Камчатрыбвод в это самое (счастливое для меня) время представлял из себя диво дивное, которое резко выбивалось из советской идеологической серятины 1980-х годов, когда журналисты сплошь и рядом писали, говорили, вещали разномастную идеологическую заказуху, чем и я, собственно, занимался прежде в газетах.

В Камчатрыбвод после введения 200-мильной морской экономической зоны пришло новое пополнение для работы с советским и иностранным флотом. Камчатский рыбопромысловый район по своему значению не имел себе равных не только в нашей стране, но и в мире. Это пополнение — сплошь мои ровесники. Более того — мои ровесники, заряженные мощным по-

ложительным зарядом, направленным на наведение порядка в море, где сплошь и рядом и советские, и иностранные рыбаки уничтожали наши рыбные богатства. Советские рыбаки — во имя социалистических обязательств по выполнению и перевыполнению гигантских планов пятилеток, когда в пересортицу за борт уходили тысячи тонн

рыбы. Иностранцы (в первую очередь японцы) — активно браконьерствуя, пользуясь рыбоохранной безалаберностью и кадровой неразберихой, которая царила прежде.

И я попал в самый центр той силы, которая направляла моих коллег на наведение этого порядка в сплошной тогда ещё анархии промысла в Охотском и Беринговом морях,

так как я был (точнее, стал) общественным рупором моих коллег — и в море, и на берегу.

Конечно, мы жили в то время в условиях тотальной цензуры. Обыватели об этом не догадывались. Журналисты же прекрасно знали, что каждую их статью, каждое слово, каждую запятую заверяет обллит, который и даёт добро на публикацию или вырезает запятую, слово, запрещает ту или иную статью. Без объяснения причин.

Я же, работая в сфере, связанной с сохранением рыбных ресурсов, подвергался ещё и ведомственной цензуре — через Министерство рыбного хозяйства.

Дело доходило до абсурда (что меня вполне устраивало): обллит направлял мою статью для проверки в наше Министерство рыбного хозяйства, Министерство отправляло в наш Главк — Главрыбвод, Главрыбвод, в свою очередь, направлял мою статью в Камчатрыбвод, а начальник Камчатрыбвода поручал дать ответ на статью старшего государственного инспектора рыбоохраны Сергея Ивановича Вахрина старшему государственному инспектору рыбоохраны Сергею Ивановичу Вахрину.

Однажды две мои статьи (конечно, разные) появились одновременно, в один день, в двух центральных газетах СССР — в «Правде» и в «Советской России». Вот на каком высоком уровне мы работали.

Когда же газеты перестали играть роль общественного рупора, мы переключились на документальное кино и вместе с замечательными моими друзьями — режиссёром Валерием Дмитриевичем Горбиковым, операторами Сергеем Владимировичем Верченко и Геннадием Никифоровичем Лысяковым создали целый ряд документальных публицистических лент, отмеченных, в том числе, и на международных кинофестивалях.

Но документальное кино не стало моим кредо, хотя в 1998 году я был принят по рекомендации бессменного руководителя Дальневосточного отделения Союза кинематографистов Геннадия Лысякова в Союз кинематографистов России. Последнее, что мы создали вместе с Геннадием Никифоровичем — фильм «Я родом из Японии», который мало кого оставляет равнодушным. Это фильм об истории моей малой родины и моих земляков, которые, как перекаати-поле, вынуждены были переселяться с места на место в результате бесконечных государственных реформ и местных афер, о которых я рассказывал выше.

И снова произошёл перелом в моей судьбе, но по-прежнему связанный с моим любимым Камчатрыбводом.

К середине 1990-х годов мы, благодаря руководителям Камчатрыбвода Николаю Николаевичу Маркову и Александру Алек-

сандровичу Чекулаеву, создали свой пресс-центр, который стремительно набирал творческие обороты и финансовую поддержку со стороны, в том числе, и камчатской власти. Рыбной отраслью командовал тогда на Камчатке заместитель губернатора Сергей Васильевич Тимошенко, с которым у нас (на ту пору) сложились самые лучшие взаимоотношения, особенно в условиях, когда на камчатские рыбные ресурсы претендовал Приморский край во главе с губернатором Наздратенко и рыбным олигархом Диденко (Дальморепродукт).

Мы тогда начали издание «фронтальной» рыбацкой газеты «Тихоокеанский вестник», сайта «Рыба Камчатки» и журнала «Северная Пасифика», признанного в 2000 году лучшим «зелёным» журналом России.

Вот с этого журнала и начался новый этап в моей и нашей творческой судьбе. Именно нашей — потому что в самом конце 1990-х ко мне привели человека, который должен был заняться дизайном журнала. Его рекомендовал мой же сотрудник фото- и видеооператор Вячеслав Мурашко. Честно говоря, я с некоторым подозрением отнёсся

к этой рекомендации, зная о некоторой «богемности» моего сотрудника, однозначно полагавшего, что все его творения суть гениальны, но Вахрин, к несчастью, этого не понимает. Ну, думаю, привёл ещё одного гения...

И как в воду смотрел.

Молодой (вообще-то и молодым его назвать

было уже нельзя — чуть помоложе меня), какой-то непристроенный, неприкаянный, немножко не от мира сего, поменявший за свою жизнь десятки(!!!) мест работы, прибывший к нам из Магадана — вот самое первое (и самое неверное) моё впечатление.

Кто же мог тогда предполагать, что за всей этой внешней несуразностью скрыт... самородок.

Я забыл ещё добавить, что это был человек с кучей неоконченных средних и высших учебных заведений.

Вот такой мне достался кадр, который на последующие десятилетия стал моим самым верным, надёжным и лучшим другом.

Это Евгений Юрьевич, Женя Дорт-Гольц.

Он дизайнер от Бога, который превратил многие из моих книг в прекрасные альбомы. А наши сайты заняли достойное место среди лучших. Мы работаем вместе более двадцати лет, и нас не разлучило даже время самых тяжких наших испытаний, когда в 2001-м, самом, казалось бы, счастливом нашем году, когда мы собирали «камни» своих творческих успехов, на нас обрушились две напасти, одна хуже другой.

Первая напасть — чтобы избавить Приморье от Наздратенко, его назначили руководителем Росрыболовства. И он дал команду новому руководителю Камчатрыбвода не просто избавиться от ненавистного, проевшего приморскую «печёнку» Вахрина, но изгнать его с позором, вплоть до уголовной статьи.

Местному борзописцу на средства из мафиозного «общака» был заказан цикл статей для местной прессы,

дискредитирующей меня на чём свет стоит. Попытались (но пролетели) повесить на нас нецелевое использование денег созданного нами фонда «Северная Пацифика». Даже уголовку попытались сфабриковать... Не получилось.

Но из Камчатрыбвода они меня всё-таки изгнали.

Попытку устранить меня из рыбвода предпринималась и ранее одним из его руководителей, который в эпоху дикого капитализма крепко присел на зависимость от крупнейшей крабовой мафиозной структуры России того времени — Дальморепродукта.

Но, к моему (а может быть, к нашему) счастью, у меня оказался могущественный покровитель. Он сам, кстати сказать, и тогда, и после (пока я сам ему об этом не рассказал) и знать не знал о моей проблеме, наоборот, полагал, что дела у нас идут в гору, а не катятся стремительно вниз.

В одном из своих документальных фильмов под названием «Крабовая лихорадка» мы дали публичную оценку деятельности нашего руководителя, и, разумеется, он попытался мне отомстить, найдя хоть какой-нибудь мало-мальски стоящий повод.

Но ему не везло: как только что-то у него намечалось, вдруг (неожиданно и для меня самого) приходила правительственная телеграмма из Москвы с указанием команди-

ровать меня для съёмки фильма то в Америку, то в Японию для участия в больших межправительственных мероприятиях по рыболовным проблемам.

У меня с Министерством рыбного хозяйства, откуда приходили эти телеграммы, не было никакой связи. Не буду скромничать — за годы своей творческой деятельности я брал интервью у самых разных и высоко и не очень высоко поставленных лиц в рыбной отрасли, был знаком со многими, кем отрасль гордится, дружил, да и дружу, со многими руководителями рыбацких союзов и ассоциаций.

Открою, наконец, секрет — этим человеком был заместитель министра рыбного хозяйства СССР Вячеслав Константинович Зиланов, с которым мы дружим и по сию пору.

Но тогда ни я, ни он лично знакомы не были. Познакомились мы в США, где проходил большой форум по проблемам Берингова моря, и мы тогда записали с ним большое интервью.

Именно он был тогда моим спасителем...

Но при Наздратенко к власти в рыбной отрасли пришли совсем другие люди. И кстати, он подставил в воровской практике дележа крабовых квот своего земляка, которого заманил из Приморья высокой должностью, Юрия Ивановича Москальцова (о чём он мне сам рассказывал), некогда руко-

водителя крупнейшего Дальневосточного объединения «Дальрыба», подведя его под уголовную статью. Вот такой был этот человек, коварный и подлый. Кстати, мне приходилось брать интервью и у Наздратенко — боже, какую он нёс околесицу... но очень уверенно и пафосно!

Вторая напасть, которая обрушилась на наши головы, — приход в камчатскую власть на должность губернатора лицемера, лжеца, самодура Михаила Машковцева, который в ответ на пожелание Наздратенко дал команду камчатским рыбакам: «Кто будет Вахрину помогать — лишу квот на вылов рыбы». Да, Машковцев имел такую власть и всласть ею попользовался, отбирая квоты у одних и передавая их другим под большевистским лозунгом: «Грабь награбленное».

В этот критический для меня и моей команды период, когда мы сидели без какой-либо финансовой поддержки, проявились силы, о которых я и не подозревал. Это были люди, которым были по душе наши публикации, кто разделял вместе с нами те проблемы отрасли и рыболовной (в том числе и иностранной) экспансии, о которых мы писали и говорили.

Центральной фигурой среди этих людей был Александр Николаевич Якунин.

Честно говоря, я как-то упустил этого человека из поля своего зрения. Не был с ним

прежде знаком. И известен он мне был как руководитель небольшой рыболовецкой компании «Атолл-Запад». Позже уже открылось кое-что из биографии: Александр Николаевич, мой земляк, детство которого прошло в ныне несуществующем селе на ныне несуществующем Укинском рыбокомбинате, которым руководил его отец. Александр Николаевич — капитан-директор плавбазы — по иерархической кадровой лестнице поднялся до начальника управления производственного объединения «Азчеррыба», которому подчинялся огромный рыболовный и китобойный флот в Индийском и Атлантическом океанах.

И вот этому человеку, не зная ещё его биографии, интуитивно почувствовав родную душу, я предложил создать Союз прибрежных и поселкообразующих рыбацких предприятий — СППРП, из которого впоследствии вырос Союз рыбопромышленников и предпринимателей Камчатки.

Мы создали и активизировали этот Союз, который заговорил от имени рыбаков Камчатки на всю Россию.

Александр Николаевич первым же и оплатился за активность Союза и связь со мной — команда Машковцева и его рыбного заместителя (ещё одного проходимца и афериста) Чистякова полностью лишила квот на вылов лососей. В итоге Александру

Николаевичу пришлось продать свой береговой завод, который он с большой любовью создавал.

Последние годы жизни Александр Николаевич был одержим идеей создания на Камчатке музея рыбацкой славы. Единственное, что нам тогда удалось, — мы со-

здали интернет-музей отечественного рыболовства, а Александр Николаевич издал ещё и цикл книг о капитанах дальнего плавания рыболовецкого флота, считая, что рыбак — вдвойне моряк.

Говоря о наших рыбаках, я не могу не сказать о том, что они не только поддер-

жали на плаву нашу команду, но и многие годы только благодаря их участию мы продолжаем ту огромную работу, которую начали ещё в середине 1980-х годов в Камчатрыбводе.

У нас всегда были очень сложные отношения с нынешним сенатором Борисом Невзоровым, но это не помешало нам в общем деле борьбы с дрейфтерным промыслом одержать общую победу.

Не все рыбаки поддержали нашу идею организации и проведения фестиваля «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», но благодаря Василию Николаевичу Полукарову (с которым мы начинали работать в Камчатрыбводе, когда он был начальником опергруппы) и его сыну Григорию, а также Игорю Владимировичу Редькину этот фестиваль появился и недавно отметил свой 10-летний юбилей.

Об Игоре Владимировиче Редькине, Евгении Аликовиче Новосёлове и Сергее Борисовиче Тарусове нужно сказать отдельно — это моя самая надёжная в течение многих уже лет опора. Это те люди, с которыми я поделюсь сокровенным, которым я верю, за которых готов постоять до конца.

Не так давно на Камчатке появилось новое рыбацкое объединение, со многими членами которого у меня давняя дружеская связь. Как и с первым руководителем этого

объединения — Ассоциацией добытчиков лососей Камчатки — экс-министром рыбного хозяйства нашего края Владимиром Михайловичем Галицыным.

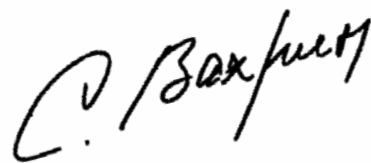
Благодаря всем им на Камчатке в 2017 году появился уникальный (и не только для нашего края) просветительский центр «Страна рыбы и рыбоедов» с музеем рыбы и цивилизации рыбоедов, прославляющий нашего кормильца — РЫБУ.

Этот центр работает и развивается благодаря самой непосредственной поддержке тех рыбацких руководителей и рыбацких коллективов, которые мной названы выше.

Подводя черту, хочется выразить самую искреннюю благодарность всем, кто встретился и поддержал (каждый по-своему) меня в разные годы моей жизни, что в совокупности и позволило мне реализовать свои возможности и создать то, что принадлежит сегодня не мне одному, а всем нам.

И низкий вам всем за всё это поклон!
С глубочайшим уважением, ваш

Сергей ВАХРИН

АЛБАЗИНСКИЙ ОСТРОГ

История Албазинского острога совершенно нетипична для сибирской колонизации.

Ерофей Хабаров, как и его предшественник письменный голова Василий Поярков, оставили о себе на Амуре позорную память, которые наши историки стыдливо замалчивают.

Целью любой казачьей экспедиции в Сибири было закрепление Российского государства за новой территорией — строительство зимовий или острогов, сбор ясака с местного населения, заведение пашен.

У Пояркова, а тем более у Хабарова, кроме целей личной наживы других целей не было. И в случае когда они не могли грабить местное население, умевшее дать им отпор, то грабили своих казаков, вводя их в долги (кабалы) за предоставленное оружие, продовольствие, сельскохозяйственные орудия, спаивая брагой из казённого хлеба...

Хабаров не строил Албазинский острог. Он захватил брошенный даурами во главе с местным князем Албазой ранее принадлежавший им город, перезимовал в нём и сжёг дотла, двинувшись в дальнейший путь. И так он проделывал не раз, вызвав недовольство

старослужащих казаков, не желавших столь бесславно терять Даурию и отделившихся от Хабарова. Они построили острог на низовьях Амура и начали собирать ясак — но Хабаров расстрелял острог из пушек... Позже за все свои «подвиги» он будет привлечён к ответственности в Москве. И вот что интересно: за Амурский поход (который был расценён как факт присоединения Даурии к России) он будет прощён, но за все его настоящие «подвиги» ему категорически было запрещено самому появляться на Амуре.

И Албазинское городище (точнее, пепелище) простояло бы ещё неизвестно сколько лет, если бы в Илимском воеводстве не случился бунт и убийство местного воеводы и около сотни человек не бежали бы, кто от наказания, а кто в поисках лучшей доли на Амур, где эта вольница избрала своим атаманом илимского пятидесятника Никифора Романовича Черниговского, который сам себя, в зависимости от ситуации, называл то ссыльным черкашенином, то военнопленным поляком.

Десять лет Москва не признавала албазинских казаков, хотя охотно принимала собранный албазинцами ясак.

Наконец в 1675 году последовал царский указ... о казни семнадцати главных бунтовщиков и о наказании кнудом с отсечением одной из рук ещё сорока шести. А на следу-

ющий день последовал другой указ — о прощении и даже награждении. Но атаман Черниговский прощения, а тем более награды, уже не дождался. Дождались его сыновья, томившиеся по тюрьмам сибирских острогов за убийство человека, изнасиловавшего их сестру.

В 1682 году Албазин стал центром нового Албазинского воеводства, первым и последним воеводой которого был Алексей Толбузин — вскоре, уже через три года, Албазинский острог становится ареной военных действий на Амуре, когда десяти тысячное войско маньчжуров, также как и русские, претендующих на амурские земли, осадило острог.

Из 800 его защитников за годы осады (1685–1686) в живых осталась только десятая часть гарнизона (погибали от ран, цинги и голода), состоящая из казаков, присланных в Албазин из разных сибирских городов. Погиб и воевода Алексей Толбузин.

По Нерчинскому договору 1689 года Албазинский острог был уничтожен, а остатки его гарнизона переведены в Нерчинский острог, который был теперь центром не только Нерчинского воеводства (образованного в 1655 году), но и всей сибирской торговли с Китаем.

В 1708 году Пётр I начал реформировать структуру государства, создав поначалу не-

что, не поддающееся управлению: «Великий Государь указал, по Именному Своему Великому Государя Велению, в Российском Государстве для всенародной пользы учинить 8 губерний, и к ним расписать города... VIII. Сибирская. А в ней города: Тобольск, Енисейск, Илимск, Тара, Берёзов, Сургут, Тюмень, Томск, Мангазея, Иркутск, Кузнецк, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якутск, Нерчинск, Красный Яр, Пелым, Кетск. Поморские: Кунгур, Пермь Великая, Чердынь, Соликамск, Кай-городок, Яренск, да ныне приписана вновь Вятка, и того 26, да к Вятке 4 пригородка, всего 30 городов».

Затем в 1724 году начинается процесс постепенного дробления этих супергигантских губерний (доведённый уже во время царствования Екатерины II до полного абсурда с созданием уездных городов на пустом месте), и на свет появляются провинции с новыми административными центрами — в восточной Сибири таким центром становится Иркутск, в подчинение которого входили города Селенгинск, Верхнеудинск, Илимск, Киренск, Нерчинск, Нижнеудинск, Якутск.

С этого момента историческая роль Якутска в освоении северо-восточных окраин переходит в Иркутск и Нерчинск.

И мы обнаруживаем появление на Камчатке нерчинских казачьих детей — потом-

ков защитников Албазинского острога: Андриюшки Вьюшкова — на Камчатке фамилия изменилась во Вьюшиных, а затем и Юшиных; Ивашки Белокопытова; Микитки Данилова; Сеньки Соснина; Оськи и Мишки Корниловых.

А в 1731 году во время штурма захваченного восставшими камчадалами Нижнекамчатского острога (знаменитый Харчинский бунт) получил смертельную рану казак Михаил Черниговский, потомок албазинского атамана.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА

Самое зловещее место при царе Иване Грозном. Столица опричной Руси, о которой ходило и ходит по сей день множество легенд. Духовный центр Ордена крошечников — тайной организации, деятельность которой была направлена на захват власти в государстве старомосковским боярством в противовес Рюриковичам, раздробившим Русь на мелкие и ничтожные княжеские уделы, включающие в себя отдельные города и деревни.

Но наш рассказ о другом времени.

Здесь, под Александровской слободой, проводила свой досуг непоседливая «дщерь» царя Петра царевна Елизавета Петровна. По русской православной традиции она и её сестра считались незаконнорождёнными детьми царя и женщины, социальный, национальный и родовой статус которой историки не могут определить и по сей день. Она была женой солдата и стала военным трофеем сначала главнокомандующего русской армией фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, потом — вездесущего бывшего пирожника, царского любимца князя Александра Даниловича Меншикова, который переусту-

пил её своему царю, покровителю и другу Петру Алексеевичу.

А после смерти Петра Алексеевича она стала русской императрицей.

Елизавета Петровна, её дочь, не помышляла о короне, хотя мать завещала ей своё царство после царевича Петра Алексеевича и одно время даже рассматривался вопрос о возможном браке Елизаветы с царём Петром II (рано умершим). Царствующая императрица Анна Иоанновна из рода князей Милославских, которые ненавидели Нарышкиных, видела на отечественном престоле только близких её сердцу иностранцев. А русская партия, во все времена раздираемая противоречиями, никак не могла определиться в своём выборе, пока своё слово не сказала гвардия, сформированная Петром.

Но это будет позже. В 1741 году. Через десять лет.

А пока на русском престоле была герцогиня Голштинская — Анна Иоанновна, которая в спешном порядке создавала в противовес русской гвардии иностранную и окружала Елизавету людьми, шпионившими за ней и доносившими императрице о каждом её шаге, о каждом любовном вздохе.

Денщиком, помощником, любовником при Елизавете был сержант Семёновского гвардейского полка Алексей Яковлевич Шубин.

Неожиданно, при допросе князей Долгоруковых по делу о фальшивом завещании юного царя Петра II, всплыла информация о том, что у Елизаветы с Шубиным двое детей и отношения их зашли столь далеко, что возможно тайное обручение.

Анна Иоанновна знала, что Шубин не был случайным человеком в окружении царевны, знала и о том, что вблизи Александровской слободы сосредоточились поместья тех, кого называли «птенцами гнезда Петрова». А сам Алексей Яковлевич был представителем Семёновского гвардейского полка, сформированного когда-то лично царём Петром.

И судьба Шубина была предрешена.

Тайным указом он, лишаясь имени, был отправлен в вечную ссылку на Камчатку.

Но это была только первая часть указа императрицы.

Во второй его части Шубина должны были насильно женить на камчадалке — чтобы навсегда расстроить возможный брак с Елизаветой.

О душевном состоянии самой царевны говорят её стихи — от горя она стала первой русской поэтессой:

***

*Всякий рассуждает, как в свете б жить,
А недоумеает, как с роком бы быть:
Что така тоска и жизнь не мила,*

*Когда друг не зрится, лучше б жизнь лишиться
Вся-то красота.*

*Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем я болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно,
Легче б ты не знати, нежель так страдати
Всегда по тебе.*

*О нещастие злое, долго ль мя мучить,
О чём я страдаю, то не дашь зреть;
Или я тебе отдана,
Что мене мучити — тем ся веселити
И жизни лишити.*

*Куда красные дни тогда бывали,
Когда мои очи ты видали,
Ах! не была в скуке и ни в какой муке,
Как цвет процветали.*

Десять долгих лет провёл Алексей Яковлевич в камчатской ссылке.

В ночь на 25 ноября 1741 года произошёл дворцовый переворот и Елизавета Петровна стала императрицей.

И далее произошли события, отмеченные выдающимися русскими историками. Вот что писал Н.И. Костомаров: «Тогда последовали разные награды. На одних были возложены ордена, иные были повышены в чинах. Вызваны были на свободу пред новую государыню опальные прежнего царствования Анна Ивановна князя Долгорукие — фельдмаршалы Василий и Михайло Владимировичи; томившиеся долго в шлис-

сельбургских казематах, потом отправленные в Соловки, они привезены были в Петербург ещё по повелению Анны Леопольдовны, а явившись к Елисавете, по её воцарении, получили прежние ордена и почести. Тогда повелела императрица возвратить из ссылки и восстановить в их правах князей Долгоруких: Николая, лишённого языка, Алексея и Александра, сосланных в Камчатку и Берёзов; кроме того, приглашены были ко двору: бывшая невеста Петра II княжна Екатерина Долгорукая и Наталья Борисовна, вдова казнённого Ивана Алексеевича князя Долгорукого. Первая выдана была за генерала Брюса; последняя отреклась от чести быть при дворе и воспользовалась освобождением только для того, чтобы удалиться в Киев и поступить там в монастырь. Императрица освободила из заточения несчастного киевского митрополита Ванатовича, томившегося десять лет в Кирилло-Белозерском монастыре за то, что, по незнанию, не отслужил молебствия в годовщину вступления на престол Анны Ивановны. Тогда же освободили Скорнякова-Писарева, графа Девиера, сосланных в Охотск Меншиковым в 1727 году; Девиер снова сделан был генерал-полцеймейстером. Возвращены были также Сиверс и Флэк, сосланные в Сибирь за то, что не пили за здоровье Анны Ивановны, не получивши

верного сведения о её вступлении на престол; возвратили свободу также и Соймонову, бывшему обер-прокурору сената, пострадавшему по делу Волынского и сосланному в Охотск. Не без труда нашли одного опального времён Анны Ивановны — человека очень близкого новой императрице. То был Алексей Яковлевич Шубин, сержант гвардии, цальмейстер Елисаветы Петровны в те годы, когда она была цесаревной. При дворе Анны Ивановны стали говорить, будто он был любимцем цесаревны, и Анна Ивановна приказала сослать его в Сибирь. По кончине Анны Ивановны Елисавета, будучи ещё цесаревной, стала стараться о его освобождении, и по её настоянию последовало о том два указа — один от курляндского герцога, в короткое время его регентства, другой — от правительницы. Но долго не могли отыскать, где Шубин находился; наконец по приказу, подписанному Минихом, его нашли где-то в Камчатке. Надобно было промерять 15 000 вёрст, пока Шубин успел бы воспользоваться своим освобождением и прибыть в столицу. Но тогда уже совершился переворот: императрицею стала Елисавета. Он был принят приветливо, назначен майором гвардейского Семёновского полка и генерал-майором по армии. Лесток был очень недоволен появлением этого человека при дворе, потому что Лесток не был безгрешен

по отношению к Шубину в ту пору, когда Анна Ивановна наводила справки о Шубине с намерением отправить его в ссылку. Но теперь Елисавета не могла относиться к Шубину, как прежде. Притом и Шубин был уже не прежний: он одичал за несколько лет жителя в камчатской пустыне, хотя и сохранил ещё следы прежней красоты. Украшенный орденом Александра Невского, награждённый пожалованными ему имениями в Нижегородской губернии, он уехал туда на покой, уразумевши, что ему нечего больше ждать при царском дворе».

Конечно, дело было не в «одичании» Шубина — просто в это время Елисавета Петровна была уже в гражданском браке с Алексеем Разумовским. Место и у сердца, и при троне было занято.

Но для нашей истории важно не это.

Бывший сержант гвардии, ставший генерал-поручиком, вернулся с Камчатки со своей семьёй.

У него родились здесь, в браке с камчадалкой, две дочери.

Софья (1739 г. р.) в 1781 году вышла замуж за полковника Николая Яковлевича Груздцова. Более мы о ней ничего не знаем.

Мария вышла замуж за ярославского помещика Фёдора Фёдоровича Панова. О судьбе её дочери Феофании, внуках и правнучках рассказала её прямой потомок Варвара

Николаевна Волоцкая, урождённая Нефиномова, которая написала «Воспоминания крепостной старушки А.Г. Хрущовой», опубликованные в журнале «Русский архив» (1901, кн. 1, вып. 4).

Судьба их была не простой. Я рассказываю об этом в своей книге «Фаворит ея высочества».

Но род не пресёкся.

В Москве я встретился с Сергеем Юрьевичем Ярёмченко — потомком Алексея Шубина и безымянной камчадалки, который многие годы занимается родословной своей семьи, одним из представителей которых был ярославский помещик генерал Эспер Иванович Степанов, сын которого Эспер Эсперович за отличие при обороне Шипкинского перевала в 1877 году был награждён орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После смерти своей супруги камчадалки Шубин женился в очередной раз. Потомком от этого брака является известный александровский краевед Виктория Владимировна Боравская (1942–2017), с которой мне посчастливилось (хоть и заочно) общаться и которая передала мне огромную подборку собранного ею лично материала об Алексее Яковлевиче Шубине и его потомках.

Виктории Владимировне принадлежат эти слова: «Я люблю свою землю до слёз, до молитв».

Поэтесса Татьяна Кликушина посвятила Виктории Владимировне Боравской свои

стихи, которые я лично оцениваю как Гимн краеведов всей России.

*Коптит свеча в убогой келье, мороз лютует за стеной.
И пишет дьяк под плач метелей за былью быль про род людской:
Про войны, княжества, пожары, закладку храмов и дворцов,
Болезни, моры, урожаи, про пришлый люд и про купцов.
Потомкам пишет в назиданье, чем жив был русский человек...
Остались книги и названья имён, местечек, сёл и рек.
Но в Лету канули чапыжник, Кулижки, «корни» деревень...
И лишь учёный, рьяный книжник, найдёт настырностью своей.
И как давали наши предки деревням, сёлам имена;
И по каким приметам редким река иль горка названа.
И сохранит в трудах докучных про жизнь народа и царей.
По малой капельке, научно, с учётом всяких мелочей,
Он соберёт из книг старинных, чтоб чтили мы своё родство,
Все знанья от веков былинных про земли, войны, мастерство.
Чтоб от благого созиданья сквозь бури, годы и века
Из ручейков слагались знанья, текла истории река.*

АНАДЫРЬ

Конечно, говоря об истории Чукотки, мы должны в первую очередь коснуться такой больной и весьма «популярной» темы, как Чукотская война, продолжавшаяся, как нас убеждают, более столетия и на определённом этапе завершившаяся, как, опять же, нам говорят, полным поражением русских регулярных войск.

Но сначала я позволю себе небольшое отступление. Как-то доктор исторических

наук Андрей Сергеевич Зуев, человек очень мною уважаемый, весьма иронично высказался в отношении моей версии о причинах добровольной сдачи в плен одного из предводителей корякского восстания Алексея Лазукова, которого некоторые исследователи называют камчуком или камчугом (якобы потому, что он был рождён от чукчи и камчадалки или, наоборот, по данным же А. Зуева, он был коряком), находящегося на камчатской казачьей службе в должности толмача.

Цитирую: «С. Вахрин, пытаясь объяснить „странное“ поведение А. Лазукова, выдвинул следующую версию: „Лазуков, ослеплённый яростью за надругательство над верой своего народа и бесчинства камчатских казаков и русского начальства, возглавляет бунт и начинает боевые действия против русских отрядов по сбору ясака, а потом вдруг идёт в Нижнекамчатск — жертвуя самым дорогим, что только у него есть — родным братом, ради того, чтобы остановить кровопролитие, ибо для него, Алексея Лазукова, братья были с обеих враждующих сторон, и он оказался не в состоянии выбрать между ними“. Звучит очень красиво, но явно надуманно. Вряд ли подобные „шекспировские“ страсти имели место».

В том-то и дело, что страсти на Камчатке кипели куда более горячие, нежели у Вильяма Шекспира. Алексей Лазуков был участником Второй Камчатской экспедиции на том самом несчастном пакетботе «Святой Пётр», который заблудился в штормующем океане и был выброшен на скалы необитаемого острова, оставшиеся в живых члены экипажа, большинство из которых были больны скорбутом (цингой) и не могли двигаться, пережили страшную зиму 1741–1742, ютятся в землянках и питаются тем, что выбрасывал на берег океан.

Экипаж пакетбота пережил эту зиму только потому, что по общему согласию (или, как говорят сейчас, общественному договору) было решено независимо от чина, должности, сословия, национальности считаться равными и ровно заботиться о выживании каждого и всех вместе. Самыми выносливыми, сильными и здоровыми, заботящимися о всех остальных, здесь, разумеется, были самые закалённые к невзгодам и трудностям камчатские служилые люди — в их числе и Алексей Лазуков. Это было Командорское островное братство. Об этом пишут сами участники той зимовки. И об этих братьях, которые оказались «во враждующей стороне», и идёт речь, когда я пытаюсь понять, почему Лазуков добровольно сдался властям, не дав разгореться корякско-чукотско-камчадальскому восстанию, главной целью которого было уничтожение русских людей.

Военная колонизация, как советские историки не уклонялись от этого термина, была основополагающей в расширении и укреплении границ Ростово-Суздальского, затем Владимирского, Московского княжества, Российского государства и империи.

Точно так же, как это происходило и во всём остальном мире. Правда, оружие было разное — от дубинки, копья, сабли и меча, лука со стрелой (с костяным или металли-

ческим наконечником) до ружья и пушки с «огненным боем»...

Почему же всё-таки именно на самой окраине, пройдя всю Сибирь и безоговорочно подчинив своей власти все здешние народы, русские застряли на Чукотке?

Во-первых, Чукотка не представляла тогда для России какого-то особого интереса.

Самый предприимчивый из первых анадырских приказчиков Михаил Стадухин, который появляется здесь через два года после основания Семёном Дежнёвым с товарищами Анадырского зимовья и уже однажды наказанный якутским воеводой Петром Головиным за то, что без его наказания покинул реку Индигирку и перебрался на «новую» реку Колыму, снова без наказания бросает реку Анадырь и отправляется искать реку Пенжину, потому что здесь, на Анадыре, ему с промышленниками делать было нечего — им нужны были соболиные меха, а здесь кроме песцов ничего сроду не водилось.

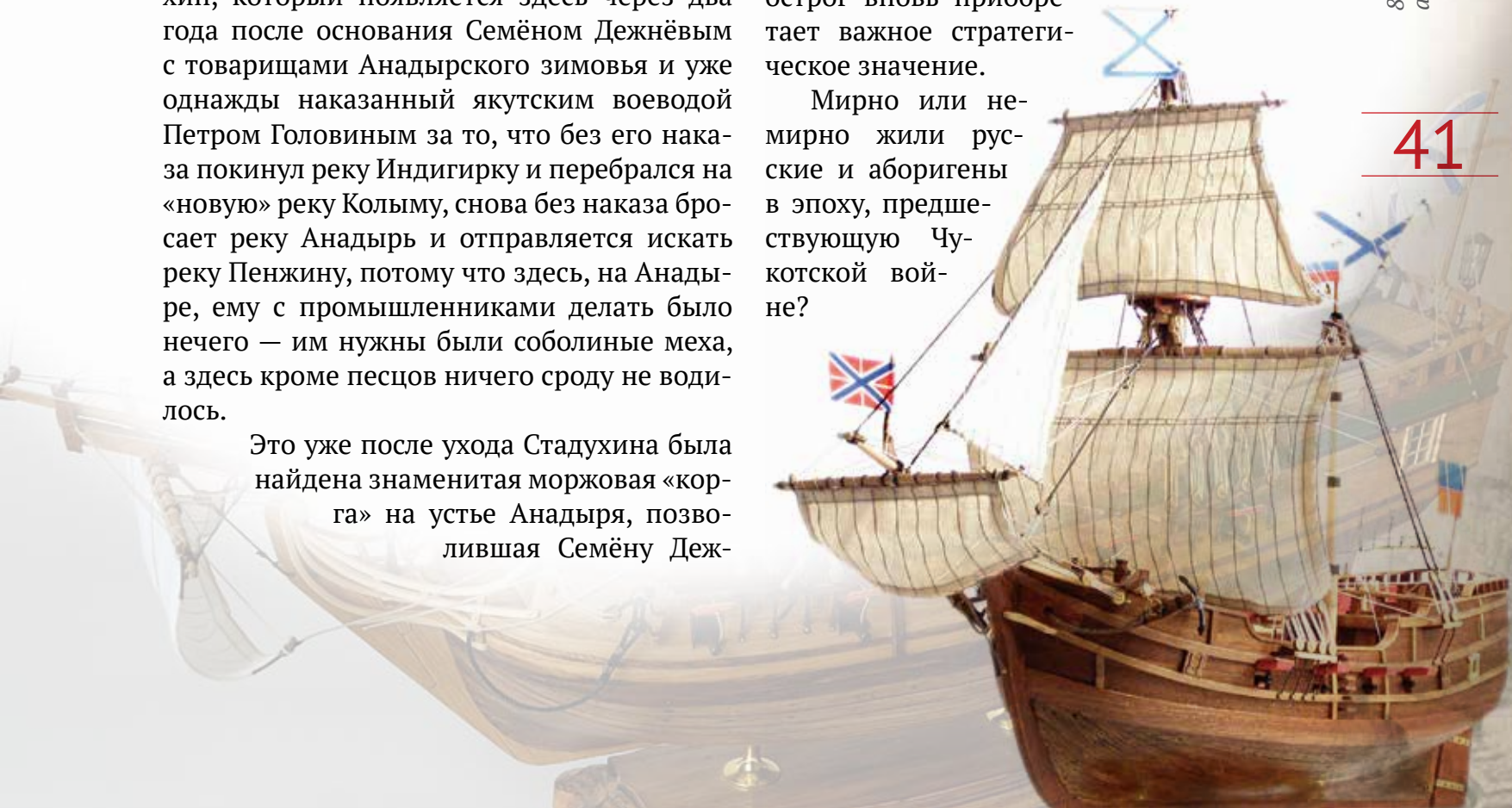
Это уже после ухода Стадухина была найдена знаменитая моржовая «корга» на устье Анадыря, позволившая Семёну Деж-

нёву потом не один год добывать здесь живой и морёный «рыбий зуб» — моржовую кость.

Ясак здесь собирался самый скудный. Несколько раз предпринимались попытки бросить Анадырский острог на произвол судьбы, так как экономически он себя никак не оправдывал.

И только в самом конце 18-го столетия в связи с присоединением к России Камчатки с её пушными богатствами Анадырский острог вновь приобретает важное стратегическое значение.

Мирно или немирно жили русские и аборигены в эпоху, предшествующую Чукотской войне?

Казачи в походы ходили регулярно. В этом и заключалась их главная роль — ласкою либо силою получить от инородцев в царскую казну ясак. Да и себя не обидеть. Когда не расходились мирно, то применяли силу.

Кстати, нужно отметить, что все боевые действия казаков фиксировались и отмечались — и чем больше подвигов он совершал (как писали в своих отчётах их командиры — «бился явственно...» и убил либо коня, либо «мужика»), тем выше была прибавка к его жалованию. Поэтому (и тоже важная деталь), если посчитать, сколько на бумаге «убили» казаки «инородцев», то цифры будут просто невероятные и соотношение с реальными русскими потерями (тут писался другой отчёт — по хлебному, денежному и пороховому жалованию, так что не приврёшь) будет разниться весьма значительно — хорошо если только на один порядок.

Но так как мы обычно свою отечественную историю трактуем либо только в белых тонах, либо только в чёрных, то и история нашего отечества в трудах знаменитых российских историков похожа на российские же дороги — то бугор, то овраг, то большая лужа...

Первыми жертвами, как это ни странно для тех, кто пишет историю чукотской вой-

ны, были русские — начиная с Федота Алексеева Попова Холмогорца с товарищами, коч которого буря занесла в Берингово море и выбросила в землях то ли коряков, то ли чукчей.

В 1654 году Дежнёв «отгромил у коряков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилой человек Герасим померли цынгой, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю-де куда».

А собственно Чукотская война (если её можно так назвать) начинается после убийства ясачными чукчами анадырского приказчика Василия Фёдоровича Кузнецова: «И он, Василий, с казаками и с промышленными людьми нартами во 197 году декабря в 6 число пришли к ясачным чюхчам и те чюхчи заворовали, великим государём изменили и его, Василия Кузнецова с товарищами, тридцать человек убили».

Шёл 1689 год.

К этим ясачным чукчам был послан второй отряд казаков, судьба которых тоже закончилась трагически: «Да в прошлом во 197 году послал я, Андрюшка, по Анадырю реки к морю к чюхчам для ясачного костяного збору казаков Ивашка Онкудинова, Сидорка Григорьева, Степана Иванова, Харьку Самойлова, и те воры изменники, те

же ясачные чюхчи, тех ясачных зборщиков убили».

А когда пошёл третий, то...

«Именно тогда, в 1689 г. чукчи впервые употребили против русских огнестрельное оружие. Цыпандин (очередной анадырский приказчик) особо отмечал, что они в 1689 г. „ис пищалей по казакам, и по торговым, и по промышленным людям стреляли, которые взяли у Василия Кузнецова, и впредь хвалятца, что анадырской острожек и ясачное зимовье взяли и казаков и всяческих чинов людей побить, а сказывают про их похвальбу и про воровское их убийство полонянки, которые полоняники были у тех воров, чюхоч в полону и прибежали в Анадырский острожек и в ясачное зимовье...“» (Б.П. Полевой).

В этот период в Анадырский острог очень часто ссылали. Так здесь оказался Лука Семёнов сын Старицын по прозвищу Мороска, который с Иваном Васильевичем Голыгиным проторил путь для Атласова в Камчатку. Да и сам Владимир Владимирович, отведав кнута за злоупотребления власти в якутских селениях, был отправлен в Анадырский острог, где вскоре вместе со Старицыным и казаком Симоновым вступил в новый конфликт с приказчиком Семёном Чернышевским. Атласов даже объявил «Слово и Дело» против Чернышевского,

а потом винился, когда в очередной раз его пытали с пристрастием за объявленное понапрасну преступление против престола. Здесь же служил и ссыльный запорожец, племянник ссыльного же гетмана Украины Многогрешного Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин. Да и якутский старый казак Андрей Цыпандин, имя которого мы упомянули выше, не раз изведывал на своей спине воеводский кнут.

Вполне возможно, что именно такая «горючая смесь» характеров и нравов, скопившаяся в Анадырском остроге, позволила прорвать чукотско-корякскую преграду на пути к Камчатке.

Но этот прорыв и отозвался уже в веках как начало большой схватки.

Спровоцировал эту схватку Владимир Атласов, который, боясь, что из его похода ничего не выйдет и упреждая возможную неудачу, собрал ясак с пенжинских коряков.

Вроде бы ничего неблагоприятного он не сделал.

Если бы... Если бы этот ясак не был собран с коряков во второй раз. То есть незаконно.

И в итоге получился замкнутый круг: против русских ополчились и коряки, и чукчи. Чукчи, в свою очередь, воевали с коряками, захватывая и угоняя их стада. Защищая ясачных коряков (число которых было не-

значительное), русские выступали и против чукчей, и против неясачных коряков. Добавим к этому, что неясачные коряки выступали против и своих ясачных собратьев и против ясачных камчадалов.

Вот такой получался расклад, как в сказке: направо пойдёшь — смерть у олюторов найдёшь, налево пойдёшь — лютую смерть у пенжинских коряков найдёшь, прямо пойдёшь — там уже тебя чукчи ждут.

До открытия морского пути на Камчатку в корякской и чукотской тундре погибло порядка 200 казаков, идущих «годовать» (служить) на полуостров либо возвращающихся в Анадырь с пушной казной.

После открытия морского пути на Камчатку значение Анадырского острога, как перевалочной базы, резко падает и пребывание там регулярных войск изначально было связано не с военными, а с научными (экспедиционными) целями по определению и закреплению российских границ.

Дмитрий Павлуцкий появляется в истории Северо-Востока России как помощник казачьего головы Афанасия Шестакова для проведения широкомасштабной экспедиции, но по причине ссоры с Шестаковым, а ещё более — пользуясь предоставленным ему правом самостоятельного решения военных вопросов (такой разрушительный

принцип был положен в основу этой экспедиции), он ушёл со всеми военными силами в Анадырский острог и, по сути, от безделья руководил различными походами на чукчей, один из которых закончился для него самого трагически. Но, подчеркнём это, никаких указаний для военных действий у него не было. Сами анадырские казаки доносили на него: «Чукоч, не призывая в подданство, побил до смерти». А до этого трагедия случилась с Шестаковым, который погиб, не дождавшись поддержки от Павлуцкого, на реке, которая сегодня носит его имя — его отряд состоял всего из двадцати с небольшим казаков и толпой тунгусов, коряков и юкагиров, которые разбежались, как только чукчи пошли в атаку.

То есть в основе конфликта, который вылился в пожар, как нам говорят, серьёзного и многодесятилетнего противостояния, был конфликт межличностный, связанный с высоким гонором потомка польского шляхтича, сосланного в Сибирь.

Неслучайно Павлуцкого называют «конкистадором Чукотки», обращая, вероятно, внимание на великодержавную «испанскую» спесь...

В 1763 году новый командир Анадырского острога Фёдор Плениснер, изучив обстановку, предложил (в какой уже по счёту раз) ликвидировать Анадырский острог. Его проект был поддержан, и в 1771 году началась эвакуация населения и разбор крепостных укреплений.

Но вдруг ситуация снова коренным образом изменилась — в Беринговом и Чукотском морях появились английские и французские корабли. Поэтому в спешном порядке предпринято официальное принятие чукчей в подданство России.

Одни пишут, что это было осуществлено Тимофеем Шмалевым, комендантом Гижигинской крепости, в 1786 году, а мореплаватель И.Ф. Крузенштерн в своей книге о кругосветном плавании пишет, что мир установил на Чукотке командир Нижнекамчатского уезда генерал-майор Павел Иванович Кошелев. Но Крузенштерн просто рассыпался в любезностях по случаю, что Кошелев спас его от бесчестия (см. гл. «Орёл»).

Царица Екатерина якобы освободила чукчей на 10 лет от уплаты ясака — который они и до этого не платили. И разрешила(?) жить по своим законам — по которым они и без участия и разрешения России жили прежде.

В своде законов Российской империи чукчи относились к народам, «не вполне покорённым», которые «платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают».

То есть если по сути, то никакой Чукотской войны не существовало в природе. Если бы правительству России такая война потребовалась бы, то она бы завершилась очень быстро, я думаю, в одно лето...

Были просто стычки. Как с коряками, как с камчадалами, так и с чукчами.

Были построены две крепости — Гижигинская на юго-западе этого «театра» военных действий и Тигильская на юге.

Так что преувеличивать значение этих пусть даже яростных и кровавых, но стычек и тем более возводить их в ранг войны с русскими поработителями, наверное, всё-таки не стоит, хотя об этом поздно уже говорить — написаны и изданы десятки книг и даже энциклопедия по военному делу чукчей.

Но вот мнение специалистов. По словам Андрея Сергеевича Зуева, ситуация выглядела следующим образом: «Вторая половина XVII — первая четверть XVIII вв., т. е. тот период, когда русские впервые вошли в контакт с обитателями Чукотки (включая колымско-алазейских чукчей), Корякии и Камчатки и стали предпринимать усилия по их подчинению, оказались насыщены многочисленными вооружёнными столкновениями. По моим подсчётам, сделанным на основе известных фактов (число которых может увеличиться в случае привлечения новых источников), за это время произошло 33 вооружённых столкновения с чукчами, 50 — с коряками, 41 — с ительменами, всего — 124. При этом столкновения начинались сразу же, как только русские появлялись на территории обитания указанных народов, и достигали наибольшей остроты и масштаба во время активизации русскими усилий по закреплению на данной территории и обосабливанию проживав-

ших на ней аборигенов. Иначе говоря, степень сопротивления последних была прямопропорциональна активности русских. Поэтому период наиболее жёсткого противостояния русских с колымско-алазейскими чукчами приходится на 1650–1680-е гг., с „каменными“ чукчами — на конец XVII — начало XVIII вв., с коряками и ительменами — на 1707–1716 гг.».

Далее следует второй этап (1730–1750 гг.): «Следствием применения русской стороной силы стало развёртывание интенсивных военных действий. Но проведенные Д.И. Павлуцким три похода на Чукотку в 1744–1746 гг. не дали никакого результата.

А после его разгрома чукчами в 1747 г. Анадырская партия снижает военную активность на чукотском направлении, хотя стремится контролировать нижнее течение р. Анадырь, что приводит к стычкам с чукчами, которые также претендуют на эту промысловую территорию».

И третий заключительный этап после 1750 г.: «Он характеризуется отказом русской стороны от каких-либо военных акций, упразднением Анадырской партии и перестройкой русско-чукотских отношений на мирный лад... С середины XVIII в. стержнем „чукотской“ политики русской власти становится принцип „мир любой ценой“, она отказывается от взятия аманатов, при-

знаёт добровольную уплату чукчами ясака и предпринимает усилия по их интеграции в общеимперскую систему управления. К концу XVIII в. осуществляются меры по политико-правовому закреплению чукчей и Чукотки в составе России: по побережью полуострова устанавливаются российские гербы, чукотским тойонам выдаются своего рода инсигнии — знаки отличия, дарованные от имени российского монарха (медали, кортики, мундиры). Это должно было символизировать принадлежность Чукотки и её населения Российской империи».

Поэтому закономерен вопрос: так когда же мы воевали на Чукотке и уничтожали этот воинственный и непримиримый народ, если в истории отмечено только три неудачных похода на чукчей Павлуцкого, закончившиеся разгромом русских и гибелью человека, которому совершенно несправедливо присвоили звание конкистадора Чукотки? Конкистадоры — захватывали территорию и порабощали проживающих на ней жителей. Павлуцкий далее Анадырского острога не продвинулся в своих территориальных притязаниях ни на шаг, и чукчи остались свободным народом и до, и после его гибели...

То есть рассказы о Великой Чукотской войне — не более чем исторические байки...

И самый последний штрих, чтобы было понятно, почему я вспомнил о Лазукове.

В плен к Павлуцкому попала чукотская семья, в которой был мальчик Тангитан. Отцом его был коряк, мать — дочь чукотского вождя. Сам мальчик был отправлен в Якутск и крещён, крёстным отцом у него был подъячий Иван Андреевич Борисов-Дауркин. В Якутске он получил образование. Николай Иванович Дауркин сначала как толмач, а потом и самостоятельно участвовал во многих экспедициях по Чукотке и соседней Аляске. Именно он впоследствии подтвердил сведения о том, что на Аляске живут бородатые люди, которые молятся на доски (иконы). За свои заслуги он был произведён в сибирские дворяне.

И вот, возвращаясь к вопросу о народах-братьях, с которого мы и начали этот свой рассказ: «В марте 1778 года стараниями коменданта Гижигинской крепости капитана Тимофея Шмалева и сибирского дворянина, крещёного чукчи Николая Дауркина с „главным“ тойоном Омулятом Хергынтавым был заключён договор о принятии чукчами русского подданства».

Но мало кто знает ещё и о том, что родная дочь Борисова-Дауркина, крёстного отца Николая Ивановича Дауркина, была женой Тимофея Ивановича Шмалева. Так что «шекспировские» сюжеты выдумываем не мы, писатели, их рождает сама жизнь...

АНТРАЦИТ (ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА)

Родился наш герой в хуторе Богатом Сталинградской области в 1929 году в самый разгар коллективизации, что, по всей видимости, и заставило его родителей покинуть родные места и перебраться в один из шахтёрских посёлков, которые образовались на территории нынешней Луганской Народной Республики в то время, когда наша страна была Российской империей, начиная с 1895 года с маленькой шахты Гавевского. В 1904 году появляется ещё один — Рудник Боковский антрацит. В 1912 году — Рудник Кольберга.

В 1920 году появляется посёлок Бокво-Антрацит, в 1936 году — одноимённый шахтёрский город.

Своё настоящее имя — Антрацит — город получил только в 1960 году.

Но вернёмся к нашему герою. Начало его биографии — обычное для шахтёрского посёлка — после окончания семилетки пошёл работать шахтёром.

Но случилось непредвиденное для шахтёрской профессии — молодой человек начал публиковать свои материалы в районной газете, его заметили, взяли

в штат, затем армия, сотрудничество с дивизионной, армейской и окружной газетой, после демобилизации — вечерняя десятилетка и заочный факультете журналистики Ростовского государственного университета.

По окончании университета оказался в 1961 году на Камчатке в должности сначала корреспондента районной газеты, а затем — собственного корреспондента областной газеты «Камчатская правда» в рыбацком посёлке Усть-Камчатск.

И здесь, среди устькамчатских рыбаков, с которыми свела его судьба, в нём пробуждается писатель.

В 1969 году выходит первая книга рыбацкого писателя Николая Васильевича Санеева в серии «Библиотека для рыбака» — «Честь». Затем — «Охота за солнцем» (1972), «Рыбаки» (1974), «Будни рыбака» (1977), «Шкипер Иван Малякин» (1978), «У кромки России» (1979), «На рыбацких перекрестках» (1985), «Не сотвори беду» (1988).

*Памятник шахтеру,
фото Дины Горбачёвой*

В 1976 году Николай Васильевич Санеев, а речь идёт именно о нём, избран ответственным секретарём Камчатской писательской организации и на этом посту бессменно прослужил до 2001 года, до самой смерти.

Вполне возможно, что в литературной нашей истории Николай Васильевич остался бы только как очеркист, специалист по литературным биографиям знатных ры-

баков Камчатки, если бы не его сын, Александр, который категорически не принимал на веру многие традиционные суждения тех, ещё советских, лет о рыбацком труде и

рыбацком героизме, которыми оперировал в своих очерках и Николай Васильевич.

Писатель сам рассказывает в своей книге «Не сотвори беду» об этих спорах, которые (я полагаю, чаще всего) заканчивались не в пользу Санеева-старшего.

Именно эти споры, а ещё более — категоричные выводы сына о том, что героизация труда, который наносит страшнейший удар по рыбным запасам нашей собственной страны, — это не есть настоящее призвание писателя, заставляли задуматься.

И опять же, это не моя выдумка — об этом рассказывает сам Николай Васильевич в своей книге.

Он не называет имя человека, с которым ведёт в этой книге свой спор. Это некий Рыбодовец. А на самом деле это его родной сын. Александр Николаевич Санеев в это время был начальником конвенционного отдела Камчатрыбвода — Камчатского бассейнового управления по охране, воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, в ведении которого был самый богатый в Советском Союзе Камчатский промысловый бассейн.

И вот что представлял из себя этот бассейн за годы его эксплуатации советскими рыбаками, добивавшимися рекордных выловов и становившимися ударниками социалистических соревнований.

Николай Васильевич Санеев в редакции «Комсомольской правды», фото из семейного архива

1950-е годы. Начало взлёта морского активного промысла рыбы на Дальнем Востоке. Уничтожена крупнейшая у побережья Камчатки Явинская тресковая и камбальная банка. Затем уничтожены запасы гижигинской сельди.

1960-е годы. Начат промысел олюторской сельди. Уничтожена к 1968 году. Одновременно подорваны запасы камбалы Берингова моря.

Советский промысловый флот начинает добычу рыбы вблизи Алеутских островов

и Аляски, уничтожая запасы окуня. Затем у Гавайских островов — уничтожая такой промысловый вид рыбы, как пристипома (кабан-рыба).

Далее — Канада и США, промысел хека вблизи побережья (тогда граница территориальных вод проходила по трёхмильной отметке) — тухлой рыбой, выброшенной с советских промысловых судов, были завалены все пляжи американского и канадского побережья.

И снова далее — вплоть до Антарктиды...

Введение в 1978 году морскими державами 200-мильных экономических зон привело к тому, что советский флот вынужден был вернуться на родину и начать промысел рыбы (чтобы не упали рекорды и цифры добычи), которую и за рыбу не считали, определив её как «мусорную» и истребляя самым беспощадным образом — сжигая на муку в специально для этого созданных рыбомучных заводах — двенадцатиэтажных морских монстрах, перерабатывающих в день до тысячи тонн минтая.

При этом шло повальное крупномасштабное очковтирательство — плавбазы воровали у рыбаков сырец, чтобы покрыть издержки своего производства, при этом воровали в таком количестве, что оставались огромные излишки, которые затем приписывали как вновь добытые тем судам, капитаны которых ходили у капитан-директоров этих плавбаз в любимчиках. Я сам однажды уходил в порт на одном из судов, победивших в соцсоревновании, капитан которого с обидой рассказывал, что он заработал свой рекорд трудом и потом, а его коллега, который тоже возвращался в порт с победой и за правительственной наградой, обслуживал плавбазу, завозя водку и женщин для командного состава, которое в «благодарность» обеспечило ему трудовую «славу»...

Но именно с введением 200-мильной экономической зоны в Камчатрыбводе был создан конвенционный отдел, куда пришли молодые выпускники Камчатского филиала Дальрыбвтуза и мореходного училища — судоводители, инженеры промысла, механики, рефрижераторы...

В их числе был и Александр Санеев. Умный, настырный, принципиальный...

И вот тогда эти молодые ребята из конвенционного отдела Камчатрыбвода совершили революцию — соотнесли добычу рыбы с выходом готовой продукции. И выяснилось страшное — за борт ежегодно выбрасывались советскими промысловиками сотни тысяч тонн рыбы. Я повторяю — сотни тысяч тонн!

Цифры были ошеломляющими.

В них трудно, в них невозможно было поверить...

Но сын упрямо, настырно, зло приводил один убийственнее другого аргумент за аргументом, против которых возразить было не-воз-мож-но...

А самое главное — Николай Васильевич всё то, о чём говорил сейчас сын, видел своими собственными глазами.

Видел — но смолчал. Смолчал — потому что такое отношение к рыбе было тогда на Камчатке в обычае. Рыбы было, как говорили, что грязи, и на её потери, на издержки

производства, на отходы мало кто обращал в то время внимание.

Обратил внимание лишь московский журналист, корреспондент «Комсомольской правды» Василий Михайлович Песков в 1965 году. Но цитату из его статьи, которую я хотел использовать в своём очерке «Быть хозяином...», написанном в 1985 году,

Александр Николаевич Санеев, фото из семейного архива

у меня вычеркнула цензура — эта тема была уже под строжайшим запретом.

А вот и сама цитата. Речь идёт об уничтожении стада самой знаменитой в СССР олюторской сельди: «Зацепил, например, сейнер две тысячи центнеров, а залить в трюм можно сто пятьдесят (с нарушением норм судоходства — двести–триста). Куда остальную? Позвать бы соседа — ему отдать. Некогда, каждая минута — большие деньги. Вывалил мятую рыбу за борт и ходом на базу. Дошёл. А на базе очередь. Простоял — триста центнеров в третий сорт превратилось, невыгодно сдавать — за борт. Вот и сгнули две тысячи из невода. И у другого так, и у третьего. Сегодня, завтра, несколько лет подряд...

На берегу та же картина. Засолили партию рыбы. Заплатили и рыбаку, и засольщику, и за бочку заплачено. Вдруг выясняется: много продукции накопилось, не скоро вывезут, а тут другого сорта пошла сельдь. Что делать? На свалку» (из книги «Птицы на проводах». — М., 1982).

Напомню, что в 1985 году цензура мне запрещала даже цитировать то, что публиковал Василий Михайлович Песков.

Это я повторяю к тому, чтобы подчеркнуть — в 1985 году, в обход цензуры, Николай Васильевич Санеев издаёт книгу «На рыбацких перекрёстках», на страни-

цы которой он выносит тему своих принципиально острых споров и разногласий с собственным сыном — Рыбодовцем, — повесть «Не сотвори беду, Человек!», в которой не только признаёт правоту своего сына, но и переосмысливает многое из того, что являлось когда-то на словах «благими намерениями» для нашей страны, а на самом деле вели к экологическим трагедиям, подобным «олюторской», которой он отводит особое место в своём литературном исследовании.

Эта повесть впоследствии будет отмечена премией Союза писателей РСФСР.

И я думаю, что именно она стала главной в творчестве Николая Васильевича Санеева последних лет.

А что касается Александра Николаевича Санеева, его сына, то впоследствии именно он был главным инициатором общественного движения по запрету дрефтерного промысла лососей в море.

Он своими глазами видел то, что творили сначала японцы, а потом и русские рыбаки на дрефтерном промысле. Дрефтерные сети — это обычные жаберные сети. Необычна длина этих сетей, которая достигает в общей сложности до 50 километров, перегораживая путь лососям к местам нереста. Эта плавучая сеть с глубиной посадки до 10 метров не пропускает через себя ни-

чего живого — ни рыб, ни птиц, ни морских животных. Во всём мире их называют «стенами смерти». И во всём мире крупномасштабный дрефтерный промысел запрещён. Кроме России, которая к тому же разрешила вести этот промысел в своих водах иностранцам. Разумеется, разрешила на коммерческой основе, за деньги.

Первым в печати забил тревогу бывший работник Камчатрыбвода, а теперь корреспондент газеты «Тихоокеанский вестник» Александр Николаев (творческий псевдоним Александра Санеева). К сожалению, он рано ушёл из жизни. Но мы продолжили его дело и совместными усилиями общественности, рыбопромышленников, депутатов Законодательного Собрания Камчатского края, Государственной Думы, сенаторов Совета Федерации, членов Правительства России этот варварский вид промысла, наносивший колоссальный ущерб нашим рыбным запасам (всё, кроме нерки, имеющей самую высокую рыночную стоимость, выбрасывалось за борт), был с 1 января 2016 года в России запрещён.

То есть эти слова, которые стали семейным девизом Отца и Сына Санеевых: «Не сотвори беду, Человек!», в наши дни начинают воплощаться в жизнь — в реальные дела, поступки и решения.

БЕЛАРУСЬ (ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ, ЛИТВА)

Об истории Великого княжества Литовского нам сегодня напоминают многочисленные фамилии Литвиновых и Литвинцевых, разбросанных по всей Сибири (и вполне вероятно — уже и по всему миру).

Многочисленность литвинов в русской истории объясняется не только количеством пленных, захваченных русскими войсками во время войн с Речью Посполитой, в состав которой на правах федерации вошло в 1569 году вместе с Королевством Польским Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское.

В числе самых первых из литвинов, кто добровольно перешёл на сторону великого Московского князя, были православные литовские князья, потомки великого князя Гедимины, не пожелавшие стать католиками. Среди этих князей впоследствии в русской истории особо выделялись Голицыны. Они занимали самые высокие посты в государстве и претендовали на царский трон. Но случалось, что царская опала опускала их и до самого социального низа, как это случилось с внуком Василия Васильевича Голицына Великого, фаворита регентши Софьи

Алексеевны, князем Михаилом Алексеевичем Голицыным, который волею императрицы Анны Иоанновны был превращен в жалкого шута Квасника. А затем — в жениха на шутовской свадьбе с любимой шутихой императрицы камчадалкой Евдокией Иоанновной Бужениновой — это была та самая знаменитая свадьба в Ледяном доме, также построенном по прихоти Анны Иоанновны, чтобы осрамить род Голицыных на весь мир.

Род, может быть, и осрамили, а супружескую чету Голицыных — осчастливили. В этом браке родились двое сыновей — князья Андрей и Алексей.

От Андрея пошла официальная старшая ветвь князей Голицыных с множеством новых фамильных ответвлений по женской линии. Одной из таких новых ветвей были помещики Яньковы и Бибиковы, проживавшие в Епифаньевском уезде Тульской губернии

И вот в итоге через два столетия этот реальный, а не шутовской брак обернулся для России чудом: по версии родоведа В. Бибикова потомком князя Голицына и камчадалки Бужениновой является Святая Блаженная Матрона Московская...

В истории Сибири литвины были изначально: «Родоначальником многочисленного тобольского клана Аршинских был литвин Павел из-под Орши ...записан

среди участников битвы с ханом Кучумом на реке Ирмень в 1598 г. Воевода Андрей Воейков с отрядом воинов напал на ставку Кучума, в Ирменьском сражении перебил его воинов и захватил в плен пять сыновей хана. Погибли брат и двое внуков Кучума, большая часть гвардии хана была убита. Сам же хан сумел бежать за Обь. Этот год считается годом окончательного падения Сибирского ханства и утверждения русских в Сибири. Среди ге-

роев этой битвы, помимо Павла Аршинского, значатся и тюменский литвин Никита Барзобогатый и Яков Шелковский. Павел Аршинский сопровождал в Москву пленённую семью сибирского хана Кучума. Как видим, победы пионерского периода освоения Сибири нередко имеют „литовскую закваску“, — как пишет один из потомков Аршинских.

Аршинские, будучи тобольскими детьми боярскими, служили в разных регионах Сибири. Так, Данило Данилов сын Аршинский был Нерчинским воеводой, а двое из его уже потомков в 1744 году были посланы на службу «в Камчатку» — нерчинские казаки Иван Петров сын и Ермолай Аршинские.

Сибирские казаки делились на несколько категорий. Низшая из них — пешие казаки. Высшая — конные казаки «литовского списка».

Первоначально это были профессиональные военные из пленных, сосланные на службу в Сибирь.

Но затем, когда по мирному договору между бывшими враждующими странами шёл обмен военнопленных, значительная часть казаков «литовского списка» возвращалась на историческую родину, а образовавшиеся вакансии заполнялись опытными сибирскими казаками. Поэтому очень часто исследователи не могут понять, как

Святая Блаженная Матрона Московская

могло такое случиться, что «чисто русские» тобольские казаки Дурьнины оказались не только в пеших и конных, но и в казаках «литовского списка». И не они одни...

География, как и причины появления белорусов в Сибири весьма обширны.

Мы приведём только несколько примеров из обширнейшего материала по теме «Белорусы в Сибири», которые ведут сибирские и белорусские исследователи.

Например, в Томске и Енисейске в 1630-х годах служили казаки по фамилии Белорусец — за много-много лет до официального государственного признания страны и её народа.

На службу в Якутск были направлены казаки Борисовы, белорусцы. И вполне возможно, что от кого-то из их потомков эта фамилия при крещении перешла к камчадалам Борисовым.

Григорий Каменский, оршанский шляхтич, Яков Андреев Лузгин, витебский шляхтич, Андрей Шереметьев, полоцкий шляхтич, Михаил и Янко Ждановичи, шляхтичи Оршанского повету, были сосланы в Якутск, в казачью службу.

Но большая часть уроженцев Белой Руси направлялась на службу в главные города Сибири того времени — в Тобольск и в Томск, где и по сей день проживают их потомки.

БЕЛГОРОД, СЕЛО ХЛЕВИЩЕ

Об этом городе я практически ничего не знаю. И в истории Камчатки он как-то стоит для меня особняком — не рождая каких-то ассоциаций, связанных с теми или иными камчатскими событиями или людьми.

Так было, пока я не начал писать статью о рыбацкой Ивашке. О нашей камчатской Ивашке, которую писатель Николай Прокофьевич Рыжих прославил на весь крупнейший Советский Союз.

Он родился в селе Хлевище Алексеевского района Белгородской области в 1934 году, но большую часть своей жизни провёл за пределами малой своей родины.

Он, чьё детство никоим образом не могло быть связано с морем, посвятил морю всю свою жизнь и всё своё творчество — даже вернувшись домой с Камчатки, он одну из двух книг, которую успел написать и посвятить проблемам родного края, назвал «Печальное море».

В семнадцать лет он закончил Саратовское военно-морское подготовительное (Нахимовское) училище, а затем — в 1956 году — военно-морское училище в Ленинграде.

В статье «Море жизни Николая Рыжих» её автор — младший научный сотрудник Белгородского литературного музея Ма-

рия Щукина — рассказывает о нём: «Служил офицером на подводной лодке, после увольнения в запас сменил много профессий: был штурманом на большом теплоходе и траулерах, слесарем на стройке, подручным вальцовщика на Ижорском заводе, бетонщиком, кочегаром, пожарным. С 1965 года Николай Прокофьевич поселился на Камчатке, рыбачил на рыбопромысловых судах».

Именно здесь, на Камчатке, в далёкой северной Ивашке, он раскрылся как писатель. Писатель яркий, самобытный, очень увлечённый своими героями, которых он не выдумывал, а брал из жизни — простых работяг, каждый из которых был не просто уникальной личностью, но и обладателем простой житейской — в то же время глубокой и мудрой — философии.

Когда я читал воспоминания о Николае Прокофьевиче его земляков из районной газеты «Заря», то вовсе не удивился такому вот факту: «В 80-е годы прошлого века судьба улыбнулась алексеевским приверженцам литературы. Николай Рыжих навестил малую родину и зашёл в редакцию местной „Зари“. Мы зачарованно смотрели на него и жадно внимали ответам на наши назойливые вопросы. Внешне он походил на „морского волка“: седая, прорежённая шевелюра, шкиперская борода, трубка, которую он демонстративно набивал табаком и за-

куривал. Но в общении производил впечатление человека очень доверчивого, непосредственного, даже немного несобранного. Говорил сбивчиво, как бы извиняясь, что мы приняли его за слишком значительную личность, а в нём нет ничего броского. С недоумением воспринял предложение сфотографироваться для газеты. Дескать, ну вы и загнули. Еле уговорили».

Внешне он действительно напоминал не «морского волка», а обычного забудыгу-бича из рыбацкого камчатского посёлка, которых немало встречается на страницах его повестей и рассказов.

Может, поэтому и в рыбацкой Ивашке к нему и его творчеству было двойственное отношение. Мало кто мог поверить, что Коля Рыжих, с которым ещё вчера вместе сидели за бутылкой водки и спорили за жизнь, написал такую стоящую повесть, как «Макук», напечатанную в московском журнале и известную всей стране (это произошло в 1969 году).

А из-под его пера одна за одной выходили всё новые и новые книги, в названии которых присутствовало обязательное слово «море». Говорят, что он поспорил с кем-то из своих, по пьянке, что издаст двадцать книг, посвящённых «моря». Говорили о том, что где-то в Москве у него есть в издательствах своя рука, потому-де он и спорит...

Вполне возможно, что в Москве он ко-го-то и покори́л своим талантищем.

И я этому не удивлён.

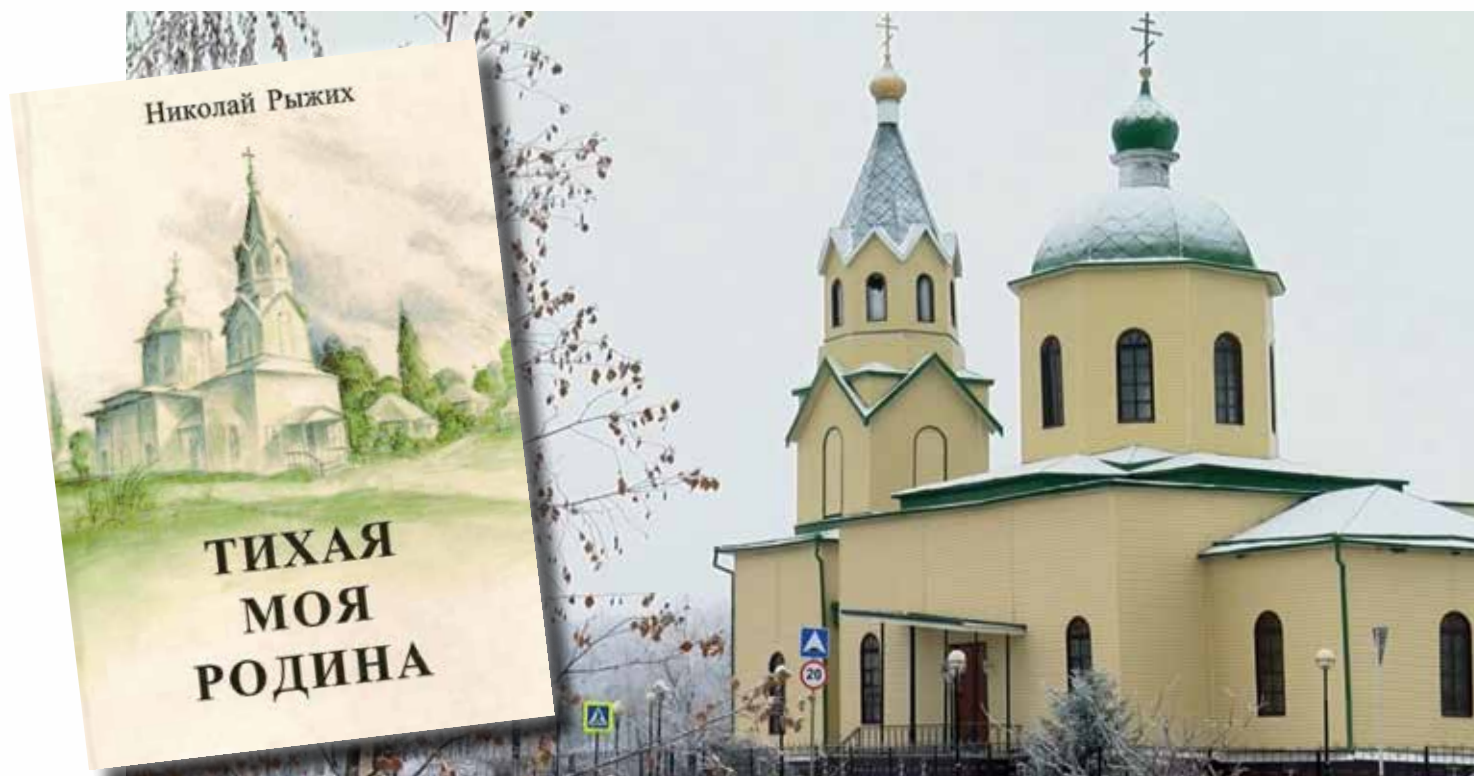
Я восхищён Николаем Прокофьевичем Рыжих и считаю, что на рыбацкой Камчатке никому ещё из писателей не удалось создать такой честный, глубокий и пронзительный образ человека труда.

А удивлён я другому. На Камчатке, в рыбацкой Ивашке, где писатель Рыжих создал свои замечательные произведения, где он

жил и творил, никто не удосужился увековечить память об этом человеке.

А вот на родине ему поставили памятник. Им гордятся, его любят и память о нём чтят. Хотя о своей родине он написал всего две книги.

Про одну из них я уже упоминал — «Печальное море». А вторая — «Тихая моя Родина», грустный отклик на столь же грустные стихи ещё одного простого русского парня Николая Рубцова:

Храм в селе Хлевище

***

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.*

*Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.*

*Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Новый забор перед школою,
Тот же зелёный простор.
Словно ворона весёлая,
Сяду опять на забор!*

*Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

«И как же я соскучился по нашим местам за тридцать лет! <...> И как же надоели за тридцать лет владивостоки, мурмански, риги,

петропавловски, америки, японии, кореи, китаи, польши, индии, всякие канады...» — так Николай Прокофьевич написал после того, как в 1990 годы ему удалось вернуться на белгородскую землю (Мария Шукина).

«На малой родине, куда так стремился Николай Рыжих и где он намеревался укрепить земляческие корни, к нему вернулось творческое дыхание, но — второе. От прежнего пафоса созидания оно отличалось пафосом огорчения. Писатель сокрушается: „Тихая моя родина, перед кем ты провинилась, что тебя так терзают, грабят твои богатства, раздают и продают твои территории и вот уже хотят распродать твою землю... Кому ты что плохого сделала, что тебя распинают на кресте“», — написал в своих воспоминаниях о Николае Прокофьевиче сотрудник районной газеты «Заря» Анатолий Кряженков (г. Алексеевка, Белгородская обл.).

А недавно я узнал, что в Белгороде и окрестных городах и весях проживает более ста тысяч дальневосточников. Возможно, среди них есть и бывшие жители нашей северной рыбацкой Ивашки, которые смогли бы от нашего общего имени далёких земляков и искренних почитателей литературного дара нашего любимого писателя положить цветы у подножия памятника замечательного сына белгородской земли Николая Прокофьевича Рыжих...

БОРОВСК

Это один из пяти десятков городов России, который получил недавно исключительный по своей значимости статус охраны исторического наследия, определяемый как «Историческое поселение».

В 2000 году он включён в список исторических городов России. В 2017 году получил почетное наименование «Город воинской славы».

Но всего этого могло бы просто не быть — город Боровск, в далеком прошлом один из административных центров Серпуховско-Боровского княжества, владел которым князь Владимир Храбрый, двоюродный брат князя Дмитрия Донского, внук Ивана Калиты, подлежал списанию как старая и никуда не годная вещь. Как уже списаны из исторического наследия России сотни исторических поселений и как будут списаны ещё сотни и сотни других, если у них не найдётся своего защитника.

Боровску повезло.

В 1985 году на пост главы администрации города был избран человек, который не привык останавливаться ни перед какими трудностями и ни перед какими авторитетами, если они стояли на его пути к сохранению города, в котором он родился, который он любил, которым восхищался и гордился

и хотел, чтобы им восхищались и гордились другие.

О себе он сообщал скромно: «Я урождённый боровчанин. С 1987 по 1995 год жители города несколько раз избирали меня мэром Боровска. За те годы многое удалось сделать. Мы смогли решить, как мне кажется, очень сложную задачу, учитывая то время, в которое мне пришлось работать. С середины 80-х годов в Боровске началось восстановление церквей. Вначале была отреставрирована церковь Бориса и Глеба, затем законсервирована церковь Спаса Преображенья на взгорье. Были проведены ремонтные работы на Покровской церкви на Высоково; старообрядцам был возвращён храм на улице Циолковского. Мы предотвратили разрушение церкви Всех Святых, где впоследствии была открыта картинная галерея. Усилиями альпинистов был отремонтирован купол старообрядческого Покровского собора (автоколонна). Трудовыми коллективами района был выполнен большой объём ремонтно-восстановительных работ для придания надлежащего вида Пафнутьев-Боровскому монастырю для встречи в 1994 году Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II».

Но это одна сторона медали.

Есть, к сожалению, и другая.

Вы прочитайте только названия статей в местной газете за последние несколько лет, отражавших события, связанные с борьбой жителей Боровска за сохранение исторического наследия, которые били в набат: «В помощь уникальной территории», «Все, кому небезразличен Боровск», «Сохраним вековые традиции», «Что имеем, не храним. Дом Наполеона», «Замкнутый круг?», «И вновь зазвонили колокола», «Кто поможет Боровску?», «Сохраним историческое наследие», «Долгий путь к возрождению», «Боровск может получить статус исторического поселения», «Теперь слово за министерством», «Развиваться надо. Но не любыми путями», «О Боровске с любовью и тревогой», «Историческому поселению быть!», «Точка невозврата», «Тревожное состояние», «Если любишь свой город, помоги», «Отселили дом — жди пожара?», «Во имя благородной цели», «За нами Боровск. Отступать некуда», «Останавливаться нельзя», «Судьба города», «Вопрос о статусе остаётся открытым», «Михаил Климов (глава города) уверен, что статус „исторического поселения“ навредит Боровску!», «По иному пути», «Было и не стало»...

И всё шло к последнему — чтобы не стало в нашей сегодняшней жизни всего того, что было в нашей великой истории.

И противниками сохранения уникального исторического величия Боровска были

не враги, а свои — мэры, главы, губернаторы нового капиталистического российского общества, в котором всё, что не приносит прибыль, подлежит тотальному уничтожению.

Но весь Боровск встал на защиту своего города. Собирались средства, направлялись петиции, велись горячие дискуссии... И у города, к его счастью, был в это время свой лидер.

И Боровск, благодаря его жителям, выстоял и не только сохранил своё историческое лицо, но добился от государства признания своего уникального исторического статуса.

Вот только один эпизод о том, как ковалась эта победа: «Наиболее ответственное решение после приезда с Камчатки, определившее мою жизнь на всё последующее время, я принял в конце 1989 года, когда пошёл на уговоры населения города Боровска построить через реку Протву пешеходный мост. Этот вопрос имел в городе практически вековую историю. Для лучшего понимания указанной проблемы приведу содержание статьи „Городские лавы“ в газете „Калужские губернские ведомости“ (1901. № 41): „Каждый год после весеннего разлива реки Протвы, когда она войдёт в свои берега, на обязанность городской управы лежит постройка временных лав для переходов против казацкой слободы.

Но постройка означенных лав всегда очень запаздывает, так что до выстройки лав переправа через реку Протву совершается на лодке, что днём не составляет особого препятствия, но в ночное время подобные переправы прекращаются и жителям, как с той, так и другой стороны, приходится делать обход в полторы версты на большой мост, и притом по грязной и топкой и неосвещённой дороге, какая идёт по набережной казацкой стороны, и в особенности между казармами и кузнями. Самый тип означенных лав настолько примитивен и неудобен, что много желает лучшего. Из пяти-шести слег, настеленных на козлах, с лёгкими, в одну слегу, перилами, — вот устройство городских лав. При подобном устройстве лав редкий год проходит без несчастных случаев, падения с лав в реку. Причём надо заметить, что подобные лавы имеют большое значение для всех жителей города. Ими пользуются все жители без исключения, потому что они являются единственным соединением города с обще-

Боровск — один из старинных центров старообрядчества

ственным сосновым бором, исключительно чудным и живописным местом летнего гулянья граждан, и потому движение по ним значительно».

Ко времени, описываемому мною, добавились новые факторы. В середине 80-х гг. XX в. на территории городского бора была построена современная районная больница с хирургическим и родильным отделениями и поликлиника. Поток людей увеличился, причем в основном больных. Кроме того, на левом берегу реки в 60-х годах раскинулись научные корпуса и жилые дома научно-исследовательского института физиологии и питания сельскохозяйственных животных. Одним словом, жители требовали, чтобы мост был построен. Надо вспомнить то время: всё было зыбко, власть слабела, дела в экономике шли плохо, наполняемость бюджета была неполной. И всё-таки люди меня „упросили“, впрочем, я и сам понимал, что им нужно идти навстречу. Для них же я работаю, а не для себя.

Много времени прошло, пока я нашёл подрядчика; потом разрабатывали и согласовывали проект. Самое сложное заключалось в том, что нужно было получить подтверждение районной администрации о финансировании объекта.

Летом 1993 года мы забили в русло реки 120 железобетонных свай. Работа нача-

лась. Моя популярность в городе была очень большой. Многих чиновников я раздражал.

В феврале 1994 года были назначены очередные выборы. Противников всегда было немало. Для меня всё усложнялось тем, что против меня стала выступать администрация района. Помимо меня на должность мэра были выдвинуты ещё два кандидата, хотя в тот год альтернативные выборы были не обязательны. Я „пошёл по кабинетам“, убеждая, что в момент начала строительства моста не нужно менять руководителя города, не нужно терять темп. Не убедил.

Я человек гордый. Принял решение снять свою кандидатуру. Сказал об этом жене. Напоминаю, что к этому времени в теле реки торчал частокол из 120 железобетонных свай. Моя Ирина Максимовна, зная мой характер, сказала следующее: „Ты можешь принять это решение, но пойми, что кроме тебя мост никто не достроит. Эти сваи многие десятилетия будут напоминать о тебе. Тогда нам нужно уезжать из города, чтобы не видеть этого позора. Ищи другое решение“.

Я понял, что она права. На следующий день попросил своих работников составить график встреч в трудовых коллективах и по месту жительства. На собраниях людям говорил всего одну фразу: „Вы знаете положе-

ние дел в городе. Кто-то хочет, чтобы я не работал. Я не возражаю, но прошу избрать меня на этих выборах. Как только будет подписан акт государственной комиссии о приёме моста, я сразу же подаю в отставку по собственному желанию, даже не доработав положенного срока“.

Людям такой разговор понравился.

Во время выборов я получил более 80 процентов голосов. Но оставался вопрос, как долго я буду строить мост. Беда для меня заключалась в том, что я не умею медленно и плохо работать...»

И он, после того как торжественно разрезали алую ленточку на открытии моста, сдал свои полномочия.

Сюжет из какой-то фантастической, явно нероссийской истории. Но у нас не бывает бочки всенародного счастья без ложки дёгтя — шесть лет после этого торжества в своём маленьком и родном Боровске Владимир Семёнович, бывший мэр... не мог устроиться на работу.

Но при чём здесь Камчатка?

Почётный житель и бессменный на протяжении многих лет мэр города Боровска, один из самых извест-

Владимир Семёнович Канунников

ных в Калужской области краеведов Владимир Семёнович Канунников значительную часть своей, как говорят, «сознательной» жизни (с 1962 по 1986 год) посвятил Камчатке, начиная с комсомольских организаций Елизовского района и продолжая партийной и хозяйственной работой в Пенжинском районе Корякского автономного округа, на севере полуострова. И сегодня, спустя десятилетия, он не расстался с Камчаткой и по-прежнему озабочен состоянием его любимых сёл аборигенов, за само существование которых он боролся — Парени, Оклана, Аянки; развитием оленеводства, без которого Север гибнет; обеспечением северян элементарными для материка продуктами — молоком и яйцами; авиационным обслуживанием, без которого сегодня не выжить никому на Крайнем Севере... Он пишет книги о Камчатке, обращается в разные инстанции с требованием обратить особое внимание на жизнь камчадалов и северян...

Вот такой этот человек, который своё жизненное кредо определяет словами Игоря Губермана:

***

*У самого кромешного предела
И даже за него теснымь веком
Я делал историческое дело —
Упрямо оставался человеком.*

И это о нём, не подозревая об этом, написал известный камчатский поэт Евгений Сигарёв в «Послесловии к Дон-Кихоту»:

***

*Из года в год,
Из века в век,
Не унимаясь, колобродит,
Всё что-то ищет человек
И не находит,
Не находит.
Смешной и добрый, он упрям,
И с ним всегда одна расплата:
Он не сожжёт —
Воздвигнет храм,
А помнит будут Герострата.
Создаст богиню он, чудака,
Но холст
С улыбкою мадонны
При жизни спрячут на чердак,
Чтоб красть потом за миллионы.
Его сжигают на кострах,
Ссылают в глушь,
Казнят в столице,
Чтоб, доконав другим на страх,
Его же именем креститься.
А он — как на голову снег!
Горит живой, не умирая.
И снова ищет человек,
И нет тому конца и края.
На всё махнувшим, не в пример,
Опять СВОДЯ с неправдой счёты,
Летит на мельницу в карьер
Бесстрашный правнук Дон-Кихота.
Летит с копьём наперевес,
Летит, всё той же правде веря.
Ему плевать на Вас, Дантес!
И он чихал на Вас, Сальери.*

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Великобритания была поистине царицей морей и океанов нашей планеты после разгрома Испанской армады и установления морской гегемонии.

Это были и великие разбойники морей и океанов мира, приносившие от пиратства колоссальный доход короне. Это были и великие мореплаватели, такие, например, как Джеймс Кук, которого впоследствии во время его третьей по счёту кругосветной экспедиции «съели людоеды на Гавайских островах».

Собственно, в этом он был виновен только сам — попытавшись взять в качестве заложника местного короля, что вызвало возмущение туземцев, он применил оружие и был убит.

Командование над судами Третьей экспедиции принял капитан «Дискавери» Чарльз Клерк (Кларк), который попытался «добиться выдачи тела Кука мирным путём. Потерпев неудачу, он распорядился провести военную операцию, в ходе которой высадившийся под прикрытием пушек десант захватил и сжёг дотла прибрежные поселения и отбросил гавайцев в горы. После этого гавайцы доставили на „Резюшн“ корзину с десятью фунтами мяса и человеческую голову без нижней челюсти.

22 февраля 1779 года останки Кука были захоронены в море».

Но и капитан «Дискавери» ненадолго пережил своего кумира: 22 августа 1779 года он умер от чахотки у берегов Камчатки и похоронен в Петропавловском порту.

Капитан-командор Чарльз Кларк был участником четырёх кругосветных плаваний, три из которых — под командованием Кука.

Родился он в графстве Эссекс. Службу на флоте начал в 14 лет.

Первая его встреча с Камчаткой произошла в период с 18 апреля по 5 июня 1779 года, когда шлюп «Дискавери» по пути в Чукотское море вошёл в Петропавловский порт и был весьма радушно встречен командиром Камчатки премьер-майором Карлом фон Бемом, который снабдил судно водой, продовольствием и корабельным имуществом.

Чукотское море поставило перед англичанами непроходимый ледовый затор, и они повернули назад. Смерть Кларка определила вторую причину их захода в Петропавловский порт — покойный капитан-командор завещал похоронить его в камчатской земле.

Он был похоронен с воинскими почестями.

Позже дань памяти великому мореплавателю отдавали, посетив его могилу, Жан Франсуа де Лаперуз и Иван Фёдорович Кру-

зенштерн. По приказу последнего на могиле был установлен первый — ещё деревянный — памятник.

Командир Камчатки, будущий адмирал российского флота Пётр Иванович Рикорд, в 1818 году перенёс прах Чарлза Кларка в центр Петропавловска.

«В 1914 году в центральной части города поставлен доставленный по просьбе английского адмиралтейства мраморный памятник с текстом на английском языке, который повторяет надпись первого захоронения. „Памяти капитана королевского флота Чарльза Клерка, который скончался 22 августа 1779 года в возрасте 38 лет и чьё тело покоится под этим камнем“. Такова надпись на фасаде.

На северной грани обелиска начертано: „Этот офицер совершил несколько путешествий, посвящённых открытию новых земель под командою капитана Кука, всемирно известного мореплавателя, и доставил его прах после того, как капитан был убит дикарями. Он умер в море после отважной, но безуспешной попытки пробиться сквозь льды, лежащие перед Беринговым проливом. Он был человеком высокого достоинства и беззаветной отваги, верный своему руководителю и безоговорочно преданный долгу“.

Надпись на южной стороне обелиска: „Этот памятник установлен в 1913 году офи-

*Памятник Ч. Кларку
в центре Петропавловска-Камчатского*

церами, членами парламентской комиссии адмиралтейства Великобритании, Ирландии и прочая в знак высокой оценки смелой и честной службы отважного британского офицера“».

На «Дискавери» служил матросом ещё один человек, оставивший след в истории Северной Пацифики — Осип Осипович Биллингс (Joseph Billings).

Это был сын простого рыбака, родившийся в деревне Тёрнем-Грин близ Лондона, но достаточно способный и в особенности весьма хваткий.

Он прекрасно понимал, что с его рыбацкой биографией в королевском флоте продвинуться не удастся, а в России можно сделать прекрасную карьеру, будучи просто иностранцем. И он пишет письмо графу Чернышёву: «Я прибыл в Россию не столько с целью служить её величеству в качестве офицера флота, сколько с надеждой, что я буду использован в какой-либо экспедиции в соседние с Камчаткой моря. Прослужив на флоте двенадцать лет, из которых пять лет сопровождал знаменитого капитана Кука в его последнем вояже с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, я льщу себя надеждой, что меня сочтут способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого плавания... В то время, как зани-

мались бы добычей пушнины, я мог бы продолжить исследования капитана Кука в этих морях, определить точное положение этих островов... Поскольку астрономия всегда была моим делом, я надеюсь, что и в этом я оправдаю оказанное мне доверие. В заключение я прошу ваше превосходительство в качестве первого знака вашего покровительства подвергнуть меня самому строгому экзамену, чтобы устранить всякое сомнение в моей опытности и способности».

На самом деле цели Осипа Осиповича были что ни на есть шкурными: «Оставив в Охотске капитана Галла для наблюдения за постройкой судов, Биллингс с значительной частью своей команды отправился к Колыме. Из устья её пытался пройти мимо Шелагского и Чукотского мысов, но безуспешно; вернулся после этого на зимовку в Якутск и там стал заниматься меновой торговлей с местным населением на деньги, которые получал из казначейства Иркутской губернии».

Затраты на экспедицию были настолько огромными, что правительство вынуждено было закрыть её, фактически не начиная тихоокеанских исследований. Но Биллингс, под видом того, что не успел получить приказ, в срочном порядке (даже уничтожив одно из судов экспедиции, не позволявшее в срочном порядке уйти

в море) покинул Охотск и отправился на Алеутские острова.

Вот какими словами характеризует деятельность этого «великого мореплавателя» адмирал Крузенштерн: «Между офицерами российского флота находились тогда многие, которые, начальствуя, могли бы совершить сию экспедицию с большим успехом и честью, нежели как то совершенно сим англичанином. Всё, что сделано полезного, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходцу. Без его неусыпных трудов в астрономическом определении мест, снятии и описании островов, берегов, проливов, портов и пр. не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции».

И это полностью соответствовало действительности. Биллингс на Камчатке бражничал, развратничал, проводил любимые им коммерческие операции по обогащению. Гавриил Андреевич Сарычев трудился не покладая рук: «Результатом этих исследований стал отчёт „Путешествие флота капитана Сарычева по Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции 1788–1793 гг.“. Этот отчёт включал не только географические, но и метеорологические, гидрографические, астрономиче-

ские, этнологические, биологические наблюдения и зарисовки местности. Сарычев также составил географические карты восточного побережья и островов Берингова и Охотского морей — более ста лет спустя эти карты были практически без изменений использованы в лоциях».

Морская карьера Биллингсу не удалась — он поднялся только до чина капитан-командора, в то время когда Сарычев стал адмиралом императорского флота.

Иосиф Биллингс женился на Екатерине Пестель, сестре будущего генерал-губернатора Сибири Ивана Борисовича Пестеля, отца декабриста Павла Пестеля.

В этом браке родилась дочь — Надежда Осиповна, мужем которой был Василий Дмитриевич Корнильев (1793–1851), управляющий делами и имениями князей Трубецких. Но для нас важно не это — Корнильев приходился дядей Дмитрию Ивановичу Менделееву. Это были не простые люди — в московской усадьбе Трубецких на Покровке супруги Корнильевы принимали в 1826 году Александра Сергеевича Пушкина.

А своими корнями Корнильевы (как и Менделеевы) уходят в тобольское казачество. Согласно исследованиям тобольского краеведа Сергея Дурынина, Корнильевы, как и Корниловы, — ветви рода тобольского атамана Ивана Дурыни, одна из ветвей рода

которого осела на российском Дальнем Востоке.

Конечно, мне бы не хотелось принижать роль английских мореплавателей, находившихся на российской военно-морской службе, потому что не все они были «биллингсами».

Например, лейтенант Вильям Вальтон, рано ушедший из жизни.

Он поступил на русскую военную службу в 1723 году штурманом, в 1730-м стал лейтенантом. Был зачислен в экспедицию Мартына Шпанберга по личной просьбе самого Шпанберга, о чём тот сожалел всю оставшуюся жизнь. Дело в том, что лейтенант Вальтон справедливо подозревал, что Шпанбергу вся эта экспедиция «до лампочки» и он только формально выполняет свои обязательства перед Россией. В то время как для самого Вальтона эта экспедиция была делом чести: «Во время первого плавания прошёл дальше всех кораблей на юг до Иессо. Во время экспедиции, в том числе и экипажем Вальтона отдельно от других, открыто более 20 островов. Во время второго плавания отстал от корабля Шпанберга и пришёл в Японию на несколько дней позже к восточному берегу острова Ниппон, где пробыл около двух недель. Это плавание отмечено курьёзным случаем: в связи с тем, что он постоянно пытался отстать, Шпанберг приказал команде „Надежды“ в случае, если Вальтон

снова попытается уйти, не слушаться его. Впрочем, это не помогло: в Японию Вальтон прибыл на четыре дня позже и значительно южнее Шпанберга».

Но это только полбеда.

Полная беда случилась для Шпанберга в 1739 году, когда Вальтон (с группой «товарищей») заявил о том, что Шпанберг на самом деле в Японии... не был. Была создана даже специальная комиссия по этому поводу.

Поэтому в третье плавание в 1742 году Шпанберг Вальтона (к этому времени капитана 3-го ранга) уже не взял. А в 1743 году, возвратившись в Москву, Вильям Вальтон неожиданно скончался.

И в истории географических открытий Южной экспедиции осталось только одно имя Мартына Шпанберга.

Но это скорее правило, чем исключение из него...

Англичане находились не только на военно-морской, но и на статской службе на Камчатке.

Примерно в середине 1830-х годов в Петропавловском порту появляются Иосиф Гарднер, Давид Варрен и Вильям Флетчер, принявшие православие и ставшие гражданами Российской империи, мещанами (горожанами) Петропавловского порта.

Франц Яковлевич Гарднер, патриарх рода Гарднеров в России, основал

в 1766 году знаменитую фабрику по производству фарфора в селе Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии. Память о «Гарднеровском фарфоре» передавалась на Камчатке из поколения в поколение, вплоть до нашего времени.

В 1854 году Пётр Иосифович Гарднер был в числе петропавловских мещан — охотников-добровольцев, вставших на защиту родного города. Он был награждён памятной медалью на Георгиевской ленте.

Другой сын Иосифа Гарднера — Константин — даже стал камчатским священником, а внук — Константин Константинович, был дьяконом Петропавловского собора до революции.

До революции...

А после революции многих из них не стало.

Приговорены к ВМН — высшей мере революционного наказания — братья Павел, Виктор и Пётр Константиновичи и их дядя Иннокентий Константинович Гарднер. Отец Павла, Петра и Виктора, брат Иннокентия — Константин Константинович — выслан в Западную Сибирь.

Фамилия сохранилась на полуострове благодаря случаю — Иннокентий Константинович Гарднер усыновил Ивана Петровича Мутовина, взятого из многодетной семьи. Сегодня потомки Ивана Иннокентьевича Гарднера, сохраняя эту фамилию, живут в Хабаровске.

Приговорён к трём годам лишения свободы Елизар Афанасьевич Варрен. Расстрелян его брат Игнат Афанасьевич.

Расстреляны Пантелеймон Николаевич, Василий Николаевич, Василий Иванович Флетчер.

Умер под стражей во время следствия Николай Васильевич Флетчер.

К десяти годам лагерей приговорена Мария Ильинична Флетчер.

Умер в заключении Иван Иванович Флетчер.

Приговорён к трём годам ссылки в Западную Сибирь Алексей Николаевич Флетчер.

Их предок — Вильям Эдуард Флетчер родился в Лондоне 1 мая 1810 года. На Камчатку прибыл 28 августа 1835 года на китобойном судне, на котором служил простым матросом.

А через столетие его потомкам припомнили их иностранное происхождение и мигром приписали антисоветскую деятельность и шпионаж.

ВЕНГРИЯ

Если бы я не дружил с Сергеем Евгеньевичем Дурыниным — потомком тобольского атамана Ивана Савельева сына Дурыни, то, возможно, и оснований, чтобы написать эту главу для нашей книги, у меня не было бы — венгры в Сибири, а тем более на Камчатке — большая редкость.

Венгры, правда, считают за своего Августа Морица Беньевского — он родился в государстве под названием Австро-Венгрия. Такое государство — Австро-Венгерская монархия и даже империя — появилось в 1687 году. На территории бывшей Австро-Венгрии располагаются современные государства Австрия, Босния и Герцеговина, Венгрия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, а также почти половина территории Румынии, часть Польши (Малопольское и Подкарпатское воеводства), Сербии (Автономный край Воеводина, часть Белграда), Черногории (Которский залив) и Украины (Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская и Черновицкая области).

Поэтому венгры, как и мы, соответственно, считали и считаем своими всех, кто родился на территории Австро-Венгерской империи, а мы — на территории Советского Союза. И в этом их и наша историческая правда.

Фамилия же Венгерский сразу наталкивает на мысль о месте рождения первого из носителей этой фамилии — Венгрия. Как Литвинов — житель Литвы. Поляков — житель Польши. Немчинов — житель Германии.

Оказалось, что фамилия эта с секретом — и поэтому мы предоставим слово Сергею Евгеньевичу Дурынину, который по материнской линии является представителем этого рода: «В августе 2018 года исполнится 400 лет тобольскому роду Венгерских. До недавнего времени существовало несколько версий появления Венгерских в г. Тобольске. Так, например, венгерский исследователь Шандо Сили считает, что тобольский род Венгерских — это выходцы из Венгрии, то есть этнические угры. „Кто такие Венгерские и когда они попали в Сибирь?“ — спросил я в детстве брата моей бабушки, Александра Николаевича Венгерского. Он сказал мне, что семья его деда, Льва Ивановича Венгерского, была сослана в Сибирь после подавления польского восстания 1863 года, что Венгерские боролись против самодер-

жавия. Кстати, эта легенда до сих пор бытует среди представителей многочисленного рода Венгерских. Уже в зрелом возрасте мои попытки найти подтверждение рассказу Александра Николаевича оказались безуспешными. Впрочем, как в дальнейшем подтвердилось, его рассказ в действительности оказался вымыслом. Я считаю, что легенда об участии Венгерских в польском восстании была придумана либо во времена красного террора, либо во времена сталинских репрессий, так как в те времена в первую очередь подвергались репрессиям представители таких сословий, как дворяне, купцы и казаки. Ведь Александр Николаевич Венгерский не мог не знать, что его дед, Лев Иванович Венгерский, был тобольским городовым казаком.

В начале 2000-х годов мне случайно попала статья профессора Уральского государственного университета Анатолия Тимофеевича Шашкова „Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII – начало XVIII века)“. Эта статья стала для меня неким Божьим откровением, направлением на путь истинный в моих поисках. Мне стало известно имя родоначальника тобольских Венгерских — Криштопа Венгерского, и сразу после этого — кирпичик за кирпичиком — стало складываться родословие тобольского рода Венгерских.

...Иван Савельевич (Криштоп) Венгерский (? г. р.) — „пахолок пана воеводича витепского Сопеги королевичевы роты“, уроженец Берёзовского повета (ныне — Берёзовского района Брестской области Белоруссии). Взят в плен в Медыньском уезде (ныне — Медынский район Калужской области), вероятнее всего, осенью 1617 года и в августе 1618 года сослан в г. Тобольск.

В г. Тобольске Криштоп Венгерский крестился в православии как Иван Савельевич Венгерский. После принятия православия он был вёрстан в казаки. Служил казаком литовского списка. В тобольских окладных книгах 1626–1627 годов и 1629–1630 годов указано, что он получал жалованья 7 рублей 25 копеек денег, 15 четей ржи и 12 четей овса.

В начале 30-х годов XVII века Иван Савельевич Венгерский стал казачьим атаманом. В 1633–1634 годах Ивану Савельевичу Венгерскому по государеву указу велено быть в детях боярских. Будучи сыном боярским, он получал в год жалованья 10 рублей денег, 10 четей ржи, 10 четей овса, 3 пуда соли. В 1634–1635 годах Иван Савельевич Венгерский служил прикащиком Нижней Ницынской слободы».

Итак, нам не повезло — и не венгр, и к Камчатке имеет только косвенное отношение.

Венгры — это исторические угры.

Правда, и в этом случае может получиться «незадача»: «...рейтар — Яков Мартышов — сообщил в том же 1668 г., что его отец Мартыш Угренин „выехал из Литовские земли... при государе... Иване Васильевиче... и служил на Москве 7 лет. А как де Ермак с товарищи Сибирь взял“, Мартыш попал „в Тоболеск в первых сведенцах охотю и служил в Сибири... многие службы лет с пятьдесят в литовском списке“».

В 1638 году в числе тобольских казаков, посланных на Лену с первым якутским воеводой Петром Головиным, был Угренинов Федька Матвеев сын. Как видим, два сына Мартыша (Матвея) Угренина имели разные фамилии. И, опять же, их предок был литвином.

А вот ещё вариант: «Приказчик Охотского острожка Сенка Епишев в 1652 году отправил жалобу Якутскому воеводе на многочисленные бесчинства своих подчиненных. В частности, он писал: „И в нынешнем же в 160 году (1652 год), сентября в 9 день, в ясачном зимовье сказал толмач Ивашко Уренинов заговорщиком своим Андрюшке Терентиеву, Офонке Курбатову, Ивашку Суре, Офонке Кучину с товарищи: будто он слышал от ясачного Тунгуса, что де на Лене служивые люди многие побились промежь собою, а мне того дела он Ивашко не сказал, и они, служивые

люди, такое дело слыша, что на Лене так делалось, и здесь на Охоте служивые за такие вести дурные слыша дуровать стали, и государева указу ни в чём не слушают, меня Сенку и в воду посадить хотели, и что захотят собою, то и делают, и ныне в таких их делах в их служивых людей в дурности государева служба стала и деле государевых делать не мочно: и о том что вы укажете?“».

А далее автор рассуждает: «Прозвище „У(г)ренинов“ наводит на мысль, что его носитель родился в семье венгра. Умение объясняться с тунгусами и род служебной деятельности — „толмач“ — позволяют предположить, что матерью Ивашка Уренинова была тунгусская пленница, и соответственно этому обстоятельству его отец раньше жил на реке Енисее или в Восточной Сибири».

Угрениновых (Угрениных) было много в Тюмени в конце 17-го столетия. Только в казаках служило трое — Иван, Савка, Сенка.

И есть ещё одна история — вполне вероятно, что командир Охотско-Камчатского края полковник Григорий Алексеевич Козлов-Угренин имеет с Венгрией какую-то, хотя бы давнюю, родовую связь, откуда, возможно, пришли когда-то на службу к московскому великому князю его венгерские (угорские) предки.

В истории Камчатки присутствие этого начальника коренными жителями опре-

делено как «собачья оспа» — настолько запомнился его кратковременный, но весьма «результативный» приезд на полуостров в августе-сентябре 1787 года, когда в Петропавловскую гавань зашло судно знаменитого французского мореплавателя Ж.-Ф. Лаперуза и на камчатском берегу был оставлен сын французского посланника (посла) в России Фердинанд Мари виконт де Лессепс, чтобы доставить в Париж по суше отчёт о плавании.

Вот что сообщал позже об этой поездке императору Александру I генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель: «Козлов-Угренин по определении его туда предпринял — по мнимому долгу Начальника — объехать всю Камчатку. Для сего предварительно заставлены были камчадалы расчищать дороги и вырубать лес. Вместо того, что там всегда употребляются для проездов обыкновенные нарты, в которых нельзя более поместиться, как одному пассажиру и другому ямщику — Козлов-Угренин имел превеликий возок, в который камчадалы должны были запрягать от 50-ти до 60-ти, да под прочих великую Свиту его составлявших от 200 до 250-ти собак. Для сего числа собак камчадалы не могли иметь достаточного корму — и потому все почти они подошли. Летом ехал Козлов-Угренин вверх по реке Камчатке в нарочно построенном судне, которое кам-

чадалы тащили от зори до зори по пушечному выстрелу с того судна».

Конечно, сегодня не все наши современники могут осмыслить трагичность положения коренного населения Камчатки, в жизни которых собака играла вторую (после рыбы) роль — без нартовой собаки, являющейся в течение тысячелетий главной транспортной составляющей на полуострове, выжить было невозможно.

Позже виконт де Лессепс в благодарность Козлову-Угренину за камчатское «гостеприимство» через императора Наполеона Бонапарта добился для своего собутыльника пожизненного пенсионера.

Сергей Марков, «Вечные следы»: «Александр Радищев дал отрицательный отзыв о книге Лессепса, а Штейнгель описал безобразное поведение Лессепса в Сибири, полное неуважения к обычаям страны, в которой тот был лишь случайным гостем. Любопытно вспомнить и то обстоятельство, что во время нашествия Наполеона на Россию Лессепс был французским полицмейстером Москвы».

А Григорий Алексеевич Козлов-Угренин, отставной полковник, в это же самое время командовал подмосковными ополченцами, уничтожавшими французских оккупантов — точнее, «шарамыжников» (слово родилось от французского выражения «шер ами» — «милый друг», с которым очоленные (задубев-

шие на русском морозе) и голодные (ели уже падаль) французы обращались к нашим партизанам, моля о пощаде).

Вот так история развела по разные стороны наших камчатских «героев», когда дело коснулась судеб их Отечества.

А мы подведём неутешительные итоги — ни одного «чистого» венгра в истории Сибири и Камчатки мы пока не нашли...

ВЕРЕЯ

Сегодня это самый маленький город Московской области с населением чуть более пяти тысяч человек.

«Верей» — это косяки двери, столбы, на которые привешиваются ворота. И Верей когда-то была воротами в Московское княжество. А сам город — столицей Верейского княжества (1432–1486 гг.). Своего наивысшего расцвета Верей достигает в 18-м столетии, когда город становится центром ремесла и торговли и самым крупным по тем временам уездным городом Московской губернии.

Поэтому быть предводителем Верейского уездного дворянства было весьма почётно. И посмотрите, какой громкий список имён: «В Верейском уезде за своё столетие с 1782 и по 1885 год было избрано двадцать пред-

водителей дворянства. Думается, что нашим читателям будет небезынтересно узнать их имена и период управления ими дворянским собранием. Первый, кто открыл этот список, был гвардии секунд-майор Александр Григорьевич Гурьев (1782–1794). Ну, а дальше его продолжают: майор князь Григорий Алексеевич Щербатов (1794–1797); гвардии капитан Дмитрий Петрович Смирнов (1797–1801); подполковник Василий Николаевич Панов (1801–1804); надворный советник Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов (1804–1814); полковник князь Дмитрий Николаевич Оболенский (1814–1823); майор Николай Иванович Свешников (1823–1826); капитан-лейтенант флота Владимир Петрович Апухтин (1826–1829); полковник Александр Иванович Калашников (1829–1832); майор Николай Иванович Свешников (1832–1838); титулярный советник граф Николай Алексеевич Шереметев (1838–1841); поручик Алексей Александрович Татищев (1841–1853); гвардии полковник Пётр Петрович Воейков (1853–1856); коллежский ассессор Николай Николаевич Павлов (1856–1859); гвардии поручик князь Александр Алексеевич Щербатов (1859–1865); полковник князь Александр Васильевич Мещерский (1865–1869); майор Пётр Иванович Мейнике (1869–1873); коллежский ассессор Владимир Карлович Шлиппе (1873–1878); коллежский

регистратор Александр Карлович Шлиппе (1878–1881); статский советник камергер Владимир Карлович Шлиппе (1881 —?).

Но нашему герою не повезло — он был предводителем Верейского дворянства до того, как Верея получила статус уездного города. Точнее, он был депутатом от Верейского дворянства в Комиссии об уложении новых законов Российской империи, учреждённой императрицей Екатериной II в 1767 году.

Некоторые историки пишут, что депутат Ипполит Семёнович Степанов сослан был на Камчатку за ссору с всесильным фаворитом императрицы Григорием Григорьевичем Орловым.

На самом деле это просто ерунда. На одном из заседаний, обсуждая доклад представителя от каргопольских крестьян, дворянин Степанов позволили себе реплику: «...крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны». На что Григорий Григорьевич Орлов «объявил ему, что Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своём сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, уторопленными и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются. К сему граф Орлов прибавил,

что подобные названия, относящиеся ко всем вообще крестьянам, не должны быть употребляемы при обсуждении дела, и он полагает, что выражения сии, обращённые в порицание всех крестьян, были помещены по ошибке писца, а не по мнению депутата».

Как вы сами понимаете, дело было весьма деликатного свойства, за что на Камчатку, разумеется, не ссылали.

Простецкая фамилия Степанов вводит многих в заблуждение — на самом деле верейские Степановы были из Рюриковичей. Ипполит Семёнович, начавший военную службу в 1752 году в Карабинерном полку, через десять лет в 1763 году отставлен «на своё пропитание по манифесту о вольности дворянской и за слабостью здоровья».

Семья Степановых была не только из Рюриковичей. Это были русские масоны. Особенно прославился его родной брат Руф (Руфин) Семёнович Степанов. В Большой биографической энциклопедии вы найдёте о нём следующие сведения: «устроитель колонии гернгутеров, мистик и масон первой четверти XIX столетия, происходил из древнего дворянского рода, которому при великом князе Василии Ивановиче пожалованы были поместья по Хопру, в Саратовской губ. Здесь С. основал близ Сарепты первую в России колонию гернгутеров, бежавших

из Германии от религиозных преследований. Последние годы своей жизни он жил в Москве, где играл видную роль среди масонов и после смерти Поздеева сделался главою масонских лож, когда они были запрещены правительством. Умер в Москве слепым, в 1828 г.».

Его сын Аркадий Руфович был женат на своей троюродной сестре Александре Дмитриевне Степановой, брат которой, в свою очередь, был женат на Анне Ивановне Каракозовой, родными племянниками которой были первые русские террористы Дмитрий Владимирович Каракозов и Николай Андреевич Иштутин, покушавшиеся на жизнь императора Александра II. Если к этому добавить, что существует версия о том, что Александр Ульянов был сыном Дмитрия Каракозова и Марии Бланк, то круг замыкается и не кажется неожиданным совершенно другая, нежели ссора с Григорием Орловым, ссылка на Камчатку: «За планы по свержению Екатерины II вместе с капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильёй Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным был сослан на Камчатку, в Большерецкий острог, где в 27 апреля 1771 г. участвовал в бунте и сбежал с группой лиц, в т. ч. с поляком М.А. Беньовским. Беглецы захватили га-

лиот (род судна) „Св. Пётр“ и на нём отплыли, побывали в Японии, на о. Формозе (Тайвань). Здесь они продали судно и зафрахтовали два французских корабля, решившись плыть во Францию. В апреле 1773 г. прибыли на о. Мадагаскар. Во время путешествия И. Степанов вёл записки. Есть сведения, что со своими спутниками у него вышла стычка в порту Макао, после чего Беньовский отправился во Францию, а Степанов остался в Китае. Дальнейших сведений о его судьбе нет, но где-то хранятся его записки...

...Другой источник указывает, что Степанов, несмотря на то, что А. Беньовский характеризовал его как человека вздорного, пьяницу, спорщика, скандалиста, завистника и честолюбца, был на самом деле личностью значительной. В Большерецком бунте 1771 года он играл роль идеолога. В Чекавинской гавани на Камчатке Степанов составил документ, в котором обличал Екатерину II, порицал её абсолютизм. Согласно этому источнику, он не остался в Китае, а жил в Лондоне. Императрица простила его и предложила вернуться, но Степанов отказался. А его товарищи — беглецы — по пути совершив грандиозное путешествие, добрались до Франции, а затем — отправились на Мадагаскар».

На Камчатке бунтовщики оставили так называемое «Объявление» о мотивах своих

поступках. Автором «Объявления», по крайней мере его политической части, считается Ипполит Степанов (многое в этом тексте не потеряло актуальности и для нашего времени):

«Новые законы сочинять депутаты хотя и собраны, с тем, чтобы пояснять об тягостях обществу, и полагать свои мнения. А как собрались, тогда дали наказ и обряды. И всего посмотрите: какое депутаты имеют право на себя законы полагать, когда недалеко велят трактовать, как то единое, что в Наказе написано, следственно не сами они на себя полагают закон, и велят повиноваться тому, что пристрастия угодно, требуют, что дела продолжают, и чрез того отягощение чувствуют, а Наказ повелевает оные неторопно решить. Народ от того не получает правосудия. Что апелляций много и к до государя доступу не имеют: а Наказ ещё больше прибавляет судебных мест, а полномочие не мало ни ограничивается». <...> «А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастье...» <...> «должно с сожалением сказать, сколь несчастлив народ российский <...> не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон». «Народ российский терпит единое тиранство». «Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам <...>

Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Если он и мало знает законов, то судьи ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого Указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу». «Государь есть — человек, а особливо такой, каков был Борис Годунов» <...> «теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пешися о своём Отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный быть вредом народным, понеже в сем чине жалование само беднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности». «Грабя народ и из общественной казны богатящиеся, из-за несправосудия наказания не получающие, оканчивают жизнь благоденственно <...> невзирая, что Отечеству вредно». «<...> всякий знает, что в России за истинную заслугу Отечеству ни о ком ещё народу неизвестно. И кто награжден был, кроме как Шуваловы проекты об гнании вина и соли <...> Да за убийство государей своих и нарушение присяги ныне прославлены. И из таких людей, которые не только делом, но мыслями Отечеству не доказали полезного и к высоким делам допущены <...>» «Есть самым доказательством Камчатская земля: какое попечение имеет правительство

о народе. Народ данной натуральную наклонность имел к добру, и никаких обманов между ним не было, а еже <ныне> непорядочные законы и самовластие начальников не только к злым обычаям вредным интересам приучены. Поморены оспою в 768 году. Понеже о сех болезнях они никаких понятия не имели, а правительство не предуведомлено, ни лекарей никаких в таком отдалённом месте не заведено, и о том им не растолковано. Когда не сохранять их, то зачем же тратить государственные интересы, но и более терять национальных <русских> людей для сыскания и завладения дикого народу, а оставить лучше с их обычаями <...>» (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 409).

Предпоследний штрих — первым губернатором Енисейской (со столицей в Красноярске) губернии был племянник Ипполита и Руфина Степановичей — Александр Петрович Степанов.

И штрих последний — крупнейшим (с мировым именем) православным исследователем и идейным разоблачителем масонства был Н. Свитков (псевдоним Николая Филипповича Степанова — правнука Александра Петровича Степанова, сына Филиппа Петровича Степанова — прокурора Московской Синодальной Конторы, впервые издавшего в 1897 году «Протоколы сионских мудрецов»).

ВЛАДИВОСТОК

Владивосток как название родился раньше, чем появился одноимённый военный пост.

Пост появился вместе с солдатами 13-го Восточно-Сибирского линейного батальона в 1860 году, а название — годом ранее, когда генерал-губернатор Восточной Сибири, будущий граф Амурский, на пароходо-корвете «Америка», обходя побережье залива Петра Великого, обратил внимание на бухту, которую велел назвать Золотым Рогом по аналогии с бухтой Золотой Рог в Стамбуле, а будущий пост прозорливо — Владелиющим Востоком — Владивостоком.

Выбор оказался не просто удачным — он вобрал в себя всё лучшее, что было в прежних портах — Охотске, Петропавловске и Николаевске-на-Амуре по удобству своего расположения и при этом компенсировал все те минусы, которые мешали организации крупного стратегического морского узла в прежних тихоокеанских портах России — этот порт был практически незамерзающим и связывал Россию с соседними странами — Японией, Китаем, Кореей.

Но вернёмся к тому, что название опережало появление самого населения.

Да и само население появляется на берегу бухты Золотой Рог тоже не с суши,

а с моря — его доставляет 20 июня (2 июля) 1860 года транспорт Сибирской флотилии «Манджур» под командованием капитан-лейтенанта Алексея Карловича Шефнера.

Но как город и порт этот военный пост получает своё развитие только при переводе сюда из Николаевска-на-Амуре Сибирской флотилии со всем её морским и береговым штатом. Это случилось в 1871 году.

Для нас этот факт важен по одной очень важной причине — ядром 27-го Амурского флотского экипажа был 47-й флотский экипаж, Петропавловская экипажная рота которого с момента своего рождения и в последующие годы формировалась из уроженцев Камчатки, которые в составе Петропавловского гарнизона были эвакуированы в Николаевск-на-Амуре, а впоследствии в составе Сибирской флотилии были переведены в порт Владивосток и, выходя в отставку, становились основой его гражданского населения.

Так что если покопаться в приморских архивах, то можно найти среди старожилов Владивостока и потомков уроженцев Камчатки.

Так, например, затерялись где-то следы Степана Семёновича Атласова, который в последние годы служил старшим штурманом на паровой шхуне «Алеут» и отличился в забытой ныне Манзовской войне 1868 года с китайскими золотоискателями и ловцами

трепанга (к слову сказать, бухту Золотой Рог сами китайцы называли Бухтой трепангов).

В архивах удалось найти дело о досрочном повышении кондуктора Атласова в чин прапорщика и увидеть переписку, из которой следовало, что главная препона в получении чина для потомка Камчатского Ермака — это его низкое (унтер-офицерское, а до этого сын боярское) происхождение его предков.

Заслуги Владимира Атласова в делах его потомков уже не фигурировали.

Да и сам Степан, будучи кантонистом, в пятнадцатилетнем возрасте участвовал в обороне Петропавловского порта и был награждён памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

Но, возможно, в этом был виноват отец Степана — Семён Никитич Атласов, у которого были большие карьерные перспективы, когда он был направлен служить на Камчатку по провиантскому ведомству, но попал под суд (видимо, это было связано с массовыми хищениями всего и вся офицерским составом Камчатского гарнизонного батальона, практически в полном составе отданного под суд). Семён Никитич был прогнан через строй в тысячу человек трижды (вероятно, это просто формулировка, потому что такого строя на Камчатке создать было невозможно, даже собрав

вместе все военные и казачьи силы) и разжалован в рядовые, в глубокой старости он дослужился до чина вахтёра Петропавловской экипажной роты.

Соответственно, происхождение его детей уже не было обер-офицерским (каких высот Семён Никитич мог достичь), а только унтер-офицерским.

20 января 1869 года за особые военные заслуги Атласов досрочно (не прослужив положенных 14 лет) получает чин прапорщика, но 19 октября 1870 года по «домашним» обстоятельствам покидает службу.

По «домашним» — то есть по семейным — значит, либо в Николаевске-на-Амуре, либо во Владивостоке у него была семья, были дети, о которых нам ничего неизвестно.

Сохранилось лишь его имя в топонимике Приамурья — в Амурском заливе есть банка и мыс, названные в честь Степана Семёновича Атласова, потомка «камчатского Ермака».

Ничего пока нам неизвестно и о других первых гражданских лицах Владивостока из числа отставных матросов Сибирской флотилии.

Легенда гласит, что первым гражданским жителем Владивостока был купец Яков Лазаревич Семёнов, родом из Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, с детства знавший китайский язык, что

и позволило ему заняться торговлей во вновь приобретённых приморских землях России.

Яков Семёнов был и первым из жителей Дальнего Востока, который вслед за добычей морской капусты и трепанга, с чего, собственно, он и начал свой морской бизнес, начал заниматься рыбным промыслом на Южном Сахалине в 1875 году, когда эта часть острова в обмен на Курильские острова отошла к Российской империи.

Но я думаю, что к этому бизнесу его подтолкнули сами японцы, которые браконьерствовали в здешних водах, вывозя ежегодно в свою страну тысячи тонн сахалинской рыбы, и им нужен был русский посредник, чтобы уберечься от российских крейсеров береговой охраны, которые хоть изредка, но появлялись у сахалинского и камчатского побережий, охраняя лежбища морских зверей.

Настоящий отечественный рыбный бизнес возникает здесь в 1877 году, когда Яков Лазаревич Семёнов вместе с Георгом Филиппом Демби (Денби — Denbigh) создают компанию «Семёнов, Демби и Ко». Сам Яков Лазаревич жил во Владивостоке, а на острове его интересы представлял сын К.Я. Семёнов, женившийся на аборигенке из местного племени айну и имевший здесь сыновей-наследников — Ивана, Семёна, Константина.

Восемь лет потребовалось Демби, управляющему сахалинскими рыбными промыс-

лами, чтобы наладить рыбный бизнес, который целиком и полностью был связан с Японией. Здесь он встречался с Антоном Павловичем Чеховым, который отмечал: «...делом заведует шотландец Демби, уже немолодой и, по-видимому, знающий человек. Он имеет собственный дом в Нагасаки в Японии, и когда я, познакомившись с ним, сказал ему, что, вероятно, буду осенью в Японии, то он любезно предложил мне остановиться у него в доме».

В Японии Демби женился. У него было четверо детей.

И после поражения России в Русско-японской войне, когда Южный Сахалин вновь стал частью Японии, рыбные промыслы пришлось сворачивать.

И поэтому новый этап развития своего рыбного бизнеса в семье Демби — уже в лице старшего сына Альфреда (который родился в 1880 году) — начинается у них на Камчатке, где Альфред Георгиевич строит в Усть-Камчатске новый («с иголки») рыбоконсервный завод, который производил лучшие в мире консервы из камчатского лосося, с которыми японцы, имея к тому времени на Камчатке около двадцати собственных РКЗ, оказались неспособными конкурировать...

В 1923 году завод Демби был уничтожен цунами. В память о нём осталось только на-

звание Дембиевской косы, на которой располагался завод.

Но именно Демби начал процесс переселения из Приморья на Камчатку семей староверов, которые с 1908 года, с момента запуска завода, обеспечивали все его технологические линии первосортным сырцом. Благодаря ему здесь появились и староверы Хомченко — патриархи нашего камчатского рода по женской линии.

Но это ещё не вся владивостокская история.

В 1886 году компаньоны Семёнов и Демби приняли на службу отбывшего сахалинскую каторгу Хрисанфа Платоновича Бирича, человека грамотного (закончившего военно-фельдшерскую школу) и весьма предприимчивого.

Кстати, до сих пор не выяснена причина, почему он угодил на сахалинскую каторгу. По одной версии — за дисциплинарное нарушение сослан сюда на три года в 1884 году. По другой — за отравление. Но неясно — кого. Есть предположение, что жены...

Вскоре и он заводит своё самостоятельное промысловое (сначала на сборе капусты) дело на Сахалине (в 1904 году на него работало уже 800 ловцов на 13 рыбопромысловых участках), участвует в народном ополчении в Русско-японской войне 1904–1905 годов на острове, пытаясь защитить

своё рыбопромысловое хозяйство и даже впоследствии получает от правительства возмещение ущерба за всё, что потерял на Сахалине в связи с тем, что эта часть острова снова стала разменной монетой в политике Российского государства и перешла к Японии. К этому времени Бирич был уже маститым рыбопромышленником, участником отраслевых съездов. О нём упоминал А.П. Чехов в своих очерках о Сахалине: «Некий Бирич, поселенец, бывший учителем и приказчиком у Семёнова — Дело ведётся неофициально... — Имеется карточка: Маука, дв. 19, поселенец Хрисанф Бирич, 31 г., католич., Волынск., фельдшер, грам. (ГБЛ.) По-видимому, вскоре после отъезда Чехова Бирич получил официальное разрешение, т. к. в ноябре 1892 г. он ходатайствовал о расширении своего предприятия».

Валентин Пикуль также не оставил его без внимания в «Каторге»: «Бирич хвастал, что дочка его окончила гимназию Владивостока, теперь к ней посватался граф Кейзерлинг, который служит лейтенантом на броненосце в Порт-Артуре.

— И ничего! Даже графьям не зазорно с нашими каторжанами родниться. Вот приплывёте на Сахалин, сами увидите».

Правда, выплывает интересная деталь — в июле 1905 года Бирич в районе поста Александровск сдался японцам в плен

и содержался в лагере для военнопленных Хироасаки. В японских публикациях того времени он упоминается как «правая рука Демби».

Кандидат исторических наук, внештатный преподаватель ДВГУ Юка Курата в своей статье о Бириче приводит ещё более любопытные подробности об этом человеке: «Японские корреспонденты из газет „Тоо ниппо“ и „The London Daily Telegraph“, узнав, что Бирич говорит по-японски, провели с ним интервью. Интересно, что на вопрос корреспондента из „The London Daily Telegraph“, почему он без единого выстрела сдался японским войскам в плен, Бирич, покраснев, ответил: „Это не моя война, а война между государствами, у меня нет обязанностей воевать“, — пишется в газете „Тоо ниппо“ от 12 августа 1905 г.».

Странно, но в этой же статье сообщается, что Бирич организовал народное ополчение из 30 человек, получив оружие и патроны, а 10 апреля 1905 года в результате организованной им охраны морского побережья собственными судами рыбопромыслового флота была задержана японская шхуна «Дайсан Кайчъ-Мару», на борту которой было 63 японца.

В конце 1905 года Бирич возвращается из плена во Владивосток и становится владивостокским купцом.

На Камчатке Бирич появляется вместе с Альфредом Георгиевичем Демби в качестве уже не наёмного лица, а компаньона, и имеет свою долю в рыбоконсервном бизнесе.

В 1921 году, когда во Владивостоке совершён очередной переворот и к власти пришли японские ставленники братья Меркуловы, они назначают Хрисанфа Платоновича Бирича особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае с правами губернатора.

И тогда открывается многое из его камчатской биографии: «Назначение состоялось, но ближайшие месяцы показали, что кандидатура была неудачной. Старожил (с 1910 года) и большой патриот Камчатки Александр Антонович Пурин, имевший воз-

можность наблюдать деятельность Бирича на его новом посту, писал о нём 16 августа 1922 года в официальном докладе: „Во главе управления краем было поставлено лицо, известное населению с самой отрицательной стороны. Особоуполномоченным Правительства явилось лицо, против которого местное население ещё в 1913 году в целом ряде приговоров указывало на вредную деятельность этого лица, подвизавшегося тогда на Камчатке в качестве рыбопромышленника, применявшего в ущерб жизненным интересам населения недозволенные способы рыбной ловли, спаивавшего инородцев и т. п. Население тогда ходатайствовало перед Областной и Краевой властью об освобождении его от деятельности подобного рыбопромышленника и при первых же известиях о революции готово было с ним расправиться, и лишь голос избранных населения сдержал их в рамках законности. В настоящее время это лицо является высшей правительственной властью в крае для населения, имеющего определенное и точное знание о прошлом этого лица, ещё недавно отбывавшего каторжные работы на Сахалине за отравление. Полное отсутствие какого-либо административного и общественного опыта, некультурность и злоупотребление спиртными напитками являются дополнительными штрихами фигуры, поставленной во гла-

Георгий Филиппович Демби с женой Мэри Моритака (Анна Рудольфовна Монетесса). Из альбома, изданного к 50-летию Владивостока

ве управления краем в особо острый период жизни окраины перед лицом нарастающего здесь иностранного влияния“. К тому же Бирич, по свидетельству Пурина, „открыто заявлял, что он приехал на Камчатку не из-за 300 рублей [жалованья] в месяц, а что у него свои виды“. Да и упомянутая „некультурность“, по-видимому, не исчерпывалась недостатком образования».

Известный журналист В.М. Дорошевич, побывавший на Сахалине в 1897 году, когда Бирич уже был «компаньоном одного из крупных рыбопромышленников» и всячески скрывал своё прошлое, описал его как человека, со злобой и ненавистью относившегося к его недавним товарищам по несчастью («это брезгливое отношение вылезших из грязи к тем, кто тонет ещё в этой грязи»), как «кулака»-эксплуататора («никогда и никто так не прижимал поселенцев, как Бирич, когда они работали у него по поставке шпал»), как «мелкую фигурку», жестоко уязвлённую передрыгами своей судьбы и при общении с приезжим назойливо и преувеличенно стремившуюся демонстрировать, что и он «на равной ноге и может вести себя „непринужденно“». Нетрудно представить, что перспектива получения почти неограниченной (в сущности, наместнической или губернаторской) власти в отдалённом и богатым регионе должна была ещё усилить

негативные черты характера Бирича, чьи амбиции к тому же подогревались и супругой, которой новое положение необычайно льстило».

И ситуация на Камчатке действительно очень сильно обострилась. Для охраны рыбных промыслов Альфред Георгиевич Демби вынужден был привезти из Владивостока сорок двух бывших каппелевцев, которые, не желая покинуть родину, согласились ехать на Камчатку. Среди них был и Григорий Павлович Вахрин.

Но эти особые полномочия Х.П. Бирича продолжались очень недолго — 16 ноября 1922 года он был арестован и приговорен 7 февраля 1923 года Революционным трибуналом 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й Краснознаменной армии по статье 64 УК РСФСР (по т. н. делу «Камчатская экспедиция есаула Бочкарёва»). Приговор: ВМН. Расстрелян 23 февраля 1923 года. Реабилитирован военным прокурором Тихоокеанского флота 26 июля 2001 года.

В 1937 году были расстреляны и камчатские каппелевцы.

Альфред Демби успел выехать из России и долгое время жил в Шанхае, потом в Японии, похоронен на Иностранном кладбище в Иокогаме.

А в 1927 году на Дембиевской косе в Усть-Камчатске был построен первый со-

ветский рыбоконсервный завод, собственно, с которого и начинается развитие отечественной рыбной промышленности на Камчатке.

ВЛАДИМИР, ВЛАДИМИР-ЗАЛЕССКИЙ, ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ

Один из древнейших городов Ростово-Суздальского – Владимирского – Московского княжества: основан в 990 году князем Владимиром Святославовичем. Столица княжества при князе Андрее Боголюбском (1157 год). Столица будущей России — в 1243 году владимирский князь Ярослав Всеволодович признан «старейи всем князем в Русском языке».

Но об этом можно прочитать и в Интернете.

Мы же хотим рассказать вам о малоизвестном.

В 1680 году томские казаки сообщали сведения о своём происхождении. И вот какую информацию оставил для потомков Корпушко Володимерцев: «Отец володимерец по государеву указу переведён город Томск ставить и был в конных казаках пятидесятником, а он родился в Томске и при-

вёрстан в конную службу в новоприборные, а от службы отставлен в 182 (1674) году. Служит, с пашни».

А вот и его отец: «Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казаков в составе отряда В. Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла „воровская“ съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допущен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и сослан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан».

В Якутск Ивашко и Корпушко (Карпунка) отправлялись под фамилией Володимерцевы. Корпушко впоследствии был прощён и возвращён в Томск. А вот что касается Ивашки, то к тому времени у него уже было прозвище, которое впоследствии прикрепило к его младшим сыновьям навечно — казаки звали его Новограбленным.

И это прозвище возникло, конечно же, не потому, что Володимерцевы изобрели какие-то новые грабли. Нет, они изобрели другое — как грабить своих же казаков по-новому.

Привычным было проигратся в зернь, в кости и даже позже в карты... Традиционным было освоить тайную профессию винокура и опоить всю казачью братию за большие долги по кабалам — с похмелья человек подпишет и не такое... Но Володимерцев использовал другое тайное зелье, запрещённое царём Алексеем Михайловичем — табак, за что был неоднократно штрафован и бит кнутом. Но барыш от нового грабежа был настолько велик, что соблазн быстрого обогащения затмевал разум, и Ивашка Володимерцев и его потомки навеки уже превратились в Новограбленных...

В 1669 году в Енисейске служит Матюшка Иванов сын Новограбленный. В конце 17-го века Новограбленные объявляются в Нерчинске. На Камчатке они появляются в 1720-х

*Золотые ворота Андрея Боголюбского
во Владимире, 1164 год*

годах уже как иркутские дети боярские. Их было двое — Василий собирал ясак в Верхнекамчатском остроге, а его брат Матвей — на Курильских островах.

В 1731 году на Камчатке вспыхнул знаменитый Харчинский бунт, о котором собирався писать А.С. Пушкин — восстали камчадалы, не выдержав притеснений и злоупотреблений камчатских приказчиков и казаков. В числе грабителей — и оба брата, наказанные публично кнутом и приговорённые к вечному житью на Камчатке. Из допроса: «А сего де 1731 году приезжал к нам от закащика Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и собирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начинив остроге в Топошином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брали и кунным на Шапиной и по Козыревской реках... с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и кулянками и собольными собаками. И что у нас имеется, то всё берут вместо чащин».

А в 1854 году, когда на Петропавловском нависла угроза оккупации со стороны англо-французов, Новограбленные были вместе со всеми в строю и отражали натиск врага.

Матрос 47-го Камчатского флотского экипажа Иннокентий Давидович Новограбленный от полученных в сражении ран скончался.

Трифон Иннокентьевич изменил фамилию семьи на Новограбленов. А его сын — Прокопий Трифонович Новограбленов стал известным учёным — автором более ста научных публикаций и сообщений.

Но в период политических репрессий возникло так называемое дело «Автономная Камчатка» — о якобы готовящемся заговоре о переходе Камчатки под протекторат Японии, одну из главных ролей в котором приписывали Прокопию Трифоновичу и его братьям и сестрам. Большую часть семьи расстреляли, а остальных выслали с Камчатки. Теперь многие из них проживают вдали от нашего полуострова...

ВОЛОГДА

В истории России исключительное по важности значение имели монастыри — по сути дела, пограничные, хорошо укреплённые крепости, в которых доживали свой век (призренную старость) отставные воины и несли службу зрелые иноки, способные дать отпор любому врагу.

Так появляется, например, задолго до города Архангельска Михайло-Архангель-

ский монастырь, давший впоследствии название самому городу.

Не была исключением из этого правила и Вологда: «Лета 6655 (1147) Августа в 19 день, на память святого мученика Андрея Стратилата, прииде Преподобный отец Герасим от богоспасаемого града Киева, Глушенскаго монастыря постриженник, к Вологде реке, ещё до зачала града Вологды, на великий лес, на Средний посад Воскресения Христова Ленивыя площадки малаго Торжку, и создал пречестень монастырь во славу Пресвятыя Троицы, от реки Вологды расстоянием на полпоприща».

А уж населённым пунктом (1264 год) и центром Вологодского княжества (1446 год) Вологда стала гораздо позже: «Пятый сын, Андрей Меньшой, получил... Вологду с Кубеною и Заозерьем, Иледам с Обнорою, Комелюю и Волочком, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму, Отводное с Перхушковскими селами, Тошну, Янгосар».

Судьба Вологды резко меняется в 1553 году после прибытия в устье Северной Двины английских купцов, заключивших договор на торговлю с Иваном Грозным — мы начали продавать в Англию и Голландию лён, пеньку, воск, меха, моржовый клык, ворвань; а закупали оружие, галантерею, вино...

В 1555 году Вологда становится столицей Российско-Английской компании — круп-

нейшим торгово-промышленным и ремесленным центром России.

Крахом для Вологды стал 1708 год, когда царь Пётр I запретил вести внешнеэкономическую деятельность через Архангельский порт во имя развития и процветания сотворённого им на Балтике Санкт-Петербурга.

Вологду, как и все города и веси Русского Севера, спасло открытие Русской Америки и начало промысловой деятельности самобытных мореходов, построивших на свой страх и риск шитые лозой и китовым усом шитики, на которых они покоряли Тихий океан и открывали всё новые и новые острова Алеутского архипелага, пока не достигли Большой Земли — Аляски.

Краеведы Тотьмы и сотрудники Тотемского музея мореходов посчитали, сколько «звёзд с неба» удалось добыть самым счастливым из тотемских аргонавтов.

Но я не думаю, чтобы Вологда уступила пальму первенства в конкурентной борьбе за американское «мягкое золото».

Если говорить о наиболее отличившихся — тех, кто получил из рук императрицы Екатерины Великой золотые медали «За обществу полезные труды», то среди них мы назовём следующие имена вологодских купцов: Иван Буренин (1767 г.); Федор Буренин (1768 г.); Иван и Василий Кульковы (Куликовы, Кулаковы — существует разное упо-

Худ. Леонид Зорин

минание фамилии в документах) (1764 г.); Василий Шапкин (1764 г.).

Итого: пять человек из двадцати одного.

Но я расскажу историю того вологодского купца, о котором в Вологде, наверное, уже не помнят.

Точнее, не я, а Карл фон Дитмар — эту историю я почерпнул из его книги «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.»: «Особенно интересно было для меня знакомство с одним очень старым жителем Ключей, более чем 90-летним крестьянином Удачиным, воспоминания которого уходили в очень

давнее время. Отец его родился в Вологде и уже лет через 25 после Атласова поселился в Камчатке, где умер от оспы в 1768 [г.], именно в ту страшно опустошительную эпидемию, которая и теперь ещё играет очень важную роль в летоисчислении камчадалов. Сам Удачин родился около 1760 г. в Нижнекамчатске. К сожалению, его воспоминания были очень сбивчивы и главным образом вертелись около второстепенных мелочей, так что, в сущности, почерпнуть из них можно было лишь очень мало. Но общий характер старины, все страшные неистовства казаков по отношению к камчадалам старик передавал очень живо и вполне согласно с историческими памятниками. Сущность его рассказов сводится к следующему. Удачин подтвердил известия Миллера и Крашенинникова о большом восстании камчадалов в 1731 г. Он рассказывал, как многочисленные толпы камчадалов, особенно же ключевские и еловские, под предводительством своего героя Харчина напали на русских вечером Ильина дня и перерезали их, как те же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселение казаков пониже Ключей, тогда населенных исключительно камчадалами и составлявших старинную, пользовавшуюся большой славой деревню их, как далее они подвергли той же участи Нижнекамчатский острог. Спасся только один русский, доста-

вивший печальную весть на суда, собравшись у устья реки Камчатки для похода против чукчей. Команда с судов поспешно направилась в Ключи, и после ряда кровавых битв русские взяли верх. Спустя несколько лет из Якутска прибыл полковник Василий Мерлин с множеством солдат и произвёл страшно строгий суд над камчадалами и казаками, предав смертной казни множество тех и других. Дед Удачина с материнской стороны, приобретший печальную известность казак Никифор Кольгов, также был приговорён к смертной казни, но откупился несколькими соболями.

После подавления бунта все камчадалы были прогнаны из Ключей и переселены в Козыревск, находящийся выше по реке. В Ключах же водворились русские, частью из Нижнекамчатска, а ещё более с берегов Лены, так что с 1740 г. это чисто русская деревня. Нижнекамчатск был также немедленно восстановлен, но не на прежнем месте, а немного ниже по реке, где стоит и теперь, т. е. при впадении Ратуги в Камчатку. Удачин ещё очень хорошо помнил новопостроенную крепость. Поселение было окружено очень прочным частоколом с воротами и дверями, в амбразурах были поставлены пушки, и вообще крепость была сильно укреплена. Старая крепость, по словам Удачина, также была очень сильна и взята лишь хитростью.

Камчадалы зажгли один из домов в предместье, и русские, ничего не подозревая, выбежали из крепости тушить пожар. Камчадалы воспользовались этим моментом, в большом числе вышли из засады, напали на русских, перебили их и сожгли деревянное укрепление. В нововыстроенном остроге стояли Успенский собор, Приказ, госпиталь, казарма, дом начальника и ещё некоторые другие дома; собственно же частные дома, Никольская церковь и два гостиных двора находились впереди крепости. Торговля здесь процветала, и все товары можно было достать очень дёшево. Вообще, благодаря прежде гораздо более многочисленному населению, во всей стране было больше оживления, между тем как теперь она представляется совершенно мёртвой. Прежде было также значительно больше и более ценного пушного зверя, а потому сюда притекало больше денег и товаров.

Камчадалы прежде были гораздо более самоуверенны, чем теперь, и нередко в борьбе с русскими обнаруживали черты большой храбрости и самоотвержения. Вооружённые одним холодным оружием, они мужественно выступали против огнестрельного оружия русских, стремясь освободить свою родину от владычества казаков.

По мнению Удачина, камчадалы почти вполне сохранили свою внешность, нравы,

обычай и привычки. Изменилось у них немного: так, русская изба вытеснила юрту, а христианство — поклонение Кутхе. Последнее изменение, однако, чисто внешнее, потому что у них ещё вполне процветают суеверия. Ворон и поныне остаётся птицею, посвящённой Кутхе; и теперь ещё, в важных случаях, камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом. На севере, у оседлых коряков, у укинцев, паланцев и олюторцев, вполне открыто ещё соблюдается старая вера. Камчадалы нередко отправляются туда, чтобы испросить совета и помощи у тамошних шаманов.

Наконец, Удачин рассказал мне легенду, заслуживающую внимания по некоторым чертам сходства с библейским рассказом о потопе. По этой легенде Камчатка в глубокой древности была залита большим наводнением. Жители её выстроили себе громадный плот, на котором и спаслись. Впоследствии, после стока воды, плот остановился на вершине хребта Тимаска и остался там. Много лет после того на горе ещё были видны обломки этого плота.

Много лет спустя после Мерлина, рассказывал далее Удачин, Правительство перевело из Сибири в Камчатку несколько батальонов солдат под командой генерала Сомова и расквартировало их главным

образом в Нижне- и Верхнекамчатске. Самыми населёнными и большими камчадалскими деревнями (острогами) по реке Камчатке в то время были Машура и Хапича. Население Хапичи, находившейся между Ключами и Камакой, совершенно вымерло в 1768 [г.] во время страшной эпидемии оспы, и с той поры этот острог более не существует. На восточном берегу полуострова самыми большими камчадалскими острогами были Кроноки и Чажма, ныне также совершенно вымершие и безлюдные местности. Такая судьба постигла, впрочем, все поселения восточного берега, от самого южного конца до устья реки Камчатки.

А род камчатских вологжан Удачиных, к сведению вологодских краеведов, благополучно проживает в своём родовом гнезде — посёлке Ключи у подножия самого высокого из действующих вулканов Евразии — Ключевской Сопки.

Если вам хочется более подробно познакомиться с историей Удачиных и их рода, загляните в мою книгу «Потомки острожкового бога (Камчадалы)».

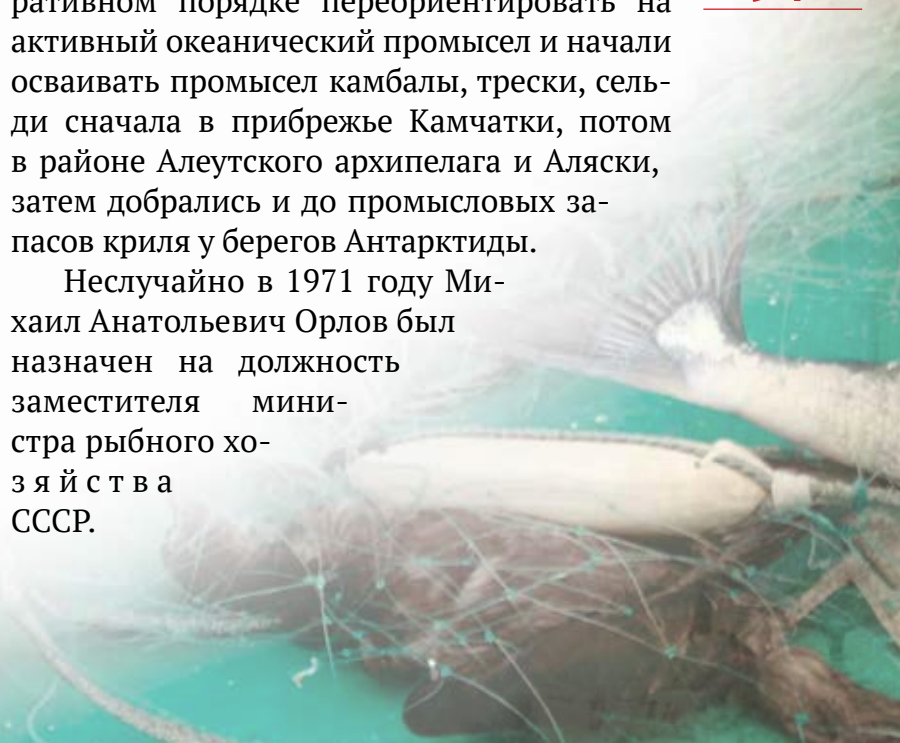
Среди вологжан, которые исключительным образом повлияли на судьбу Камчатки, особое место принадлежит Михаилу Анатольевичу Орлову, который в 1956 году был избран первым секретарём Камчатского обкома КПСС.

Год его избрания совпал с началом японской дрейфтерной экспансии, когда японский флот на границе территориальных вод СССР выставил огромное количество дрейфтерных порядков жаберных сетей — каждый длиной 50 километров, перекрывающих миграционные пути лососям к местам их нереста.

Это был год начала краха береговой рыбной промышленности Камчатки, которая в течение последующих двух десятилетий перестала играть серьёзную роль в экономике полуострова.

Камчатку от экономического и демографического краха в те годы спасло только то, что рыбную промышленность сумели в оперативном порядке переориентировать на активный океанический промысел и начали осваивать промысел камбалы, трески, сельди сначала в прибрежье Камчатки, потом в районе Алеутского архипелага и Аляски, затем добрались и до промысловых запасов криля у берегов Антарктиды.

Неслучайно в 1971 году Михаил Анатольевич Орлов был назначен на должность заместителя министра рыбного хозяйства в СССР.

ВРБОВЕ (СЛОВАКИЯ)

Краеведы — народ фанатичный, нередко выдвигают просто абсурдные версии. Например, камчатского ссыльного, известного авантюриста Августа Морица Бенъевского, наши соседи по дальневосточному региону записали в «сахалинские робинзоны».

Но точно такой же «делёж» чужой славы происходит и в «цивилизованных» европейских странах, и в тех местах — Польше, Венгрии, Японии, Китае, Франции, Мадагаскаре, где он действительно отметился.

Одной лишь Камчатке, где и происходили все главные события Большерецкого бунта 1771 года, предводителем которого был конфедерат из Польши (а не польский конфедерат) Август Мориц Бенъевский, всё это безразлично. Народ здешний знать не знает и знать не хочет о всяких там авантюристах мирового масштаба, о которых написаны горы книг, сняты фильмы, устанавливаются памятники, чеканятся монеты... Они у нас здесь знать не хотят и о героях...

А человек был весьма любопытный... У меня о нём (точнее, о камчатских событиях, связанных с его именем) написано несколько книг, а в интернете уже много лет «гуляет» мой очерк «Экипаж мятежного галиота», опубликованный тридцать лет назад в двух номерах журнала «Вокруг света», по-

этому я предоставлю слово другим, кто попытался разобраться в происхождении нашего героя.

«Сразу можно запутаться. Даже в таком простом вопросе, как имя. Барон Мориц Анадор де Бенев (как он сам подписывался по-русски) или Мауриций Аугуст (он же Маврикий Огюст де, Марек Аугуст, Матфей, Михал Матус Франтишек Серафин, Морис, Мэтью) по фамилии Бейновск, Бейпоск, Бемневский, Беневский, Бенейх-Ревай, Бениовзски, Бениовски, Бениовский, Беновенсис, Беновски, Бенъевский, Бенъевски, Бенъовский и прочая, прочая. Три страны борются за право. Да нет, не борются — просто и гордо называют себя его родиной: Венгрия, Польша, Словакия. Мадагаскар до сих пор гордится им как национальным героем; после крушения колониальной системы лишь его имя (из неместных) осталось в названиях своих городов да улиц. Гений польского романтизма Ю. Словацкий начинает свою главную эпическую поэму: „Беневский! Так зовётся мой герой Он был храним таинственной звездой. В мороз и в зной, и в час сраженья дикий“. Так и будем звать барона. Хотя тут тоже загвоздка — некоторые историки считают его баронство фальшивым. В отместку скажем, что не менее часто герой носит другие из троицы своих титулов граф или король (да-да!). Вообще, диапазон оценок очень широк. Австрийский

барон и венгерский граф. Словацкий помещик и польский генерал. Русский каторжник и американский республиканец. Трансильванский еретик и венский студент. Камчатский командор и мадагаскарский король. Французский эмиссар и английский эмигрант. Холодный нестигаемый фанатик и пламенный революционер. Фантазёр и авантюрист. Светский щёголь и международный дипломат. Романтический герой и циничный искатель приключений. Всесветный бродяга и защитник угнетённых. Анархист и конкистадор. Шпион и предатель. Создатель утопических государств и пьяница-дезертир. Сентиментальный персонаж опер и трезвомыслящий шахматный гений. Пират и философ. И кем ещё только не объявляют?!»

«Родился он в 1746 году в Австро-Венгрии, на словацких землях, принадлежавших тогда венгерской короне. Его отец Самуэл был словаком по национальности и австрийским полковником, мать Розалия Ревай — дочерью епископа венгерских и словацких кровей».

«Август Беневский, внук польско-еврейского эмигранта, принявшего христианство и породнившегося с венгерской шляхтой. Таким образом в венах его текла польская, еврейская, возможно, белорусская и венгерская кровь».

«Мориц Август Бенёвский родился в 1746 году в местечке Врбове в Австро-Венгрии (современная Словакия). В разных источниках он фигурирует как Бенъовский, Бенъов, Бениовский, Бенёвский, Бенеих. Его

Венгерская серебряная памятная монета

отец был венгерским дворянином и генералом от кавалерии».

«Граф Мориц Август фон Бенёвский

Дата рождения: 20 сентября 1746

Место рождения: Врбове, Пьештяни, Трнавский край, Словакия

Дата смерти: 23 мая 1786 (39 лет)

Место смерти: Мадагаскар

Страна: Словакия, Венгрия, Польша

Род деятельности: путешественник-исследователь, писатель

Мориц, либо Мауриций Бенёвский (словацк. Móric Beňovský, венг. Benyovszky Móric) — венгерско-словацкий авантюрист и путешественник, закончивший свою богатую приключениями жизнь королём Мадагаскара».

Итак, подведём черту.

Родился он в городе Врбове. Коренной словак, а не поляк и не венгр (хотя уверен, что и поляки, и венгры будут за это на меня в обиде). Но пусть не переживают — найдём мы в камчатской истории и поляков, и венгров, и представителей других европейских народов — копилка камчатской истории настолько богатая, что в ней хватит места и представителям других континентов, не только Европы.

Но хочу внести ещё одну неприятную для европейцев деталь — никаким мореплавателем, то есть мореходом, навигатором,

судоводителем, Август Мориц Бенёвский сроду не был. Не знаю, есть ли рядом с Врбове какая-нибудь речушка, в которой он в детстве окунулся — вот и вся его водяная стихия.

В 1770 году он в качестве ссыльного был доставлен из Охотского порта в Чекавинскую гавань (в устье реки Большой на западном побережье полуострова) на Камчатку на казенном галиоте. Это, по всей видимости, и было первое в его жизни плавание по морям-океанам.

А кто же на самом деле осуществил это, беспримерное на то время, плавание из Охотского моря в Японское, а затем в Восточно-Китайское и Южно-Китайское с высадкой «десанта» на острове Формоза (Тайвань) и заходом в порт Кантон, где и закончилось это, повторяю, беспримерное плавание?

Скажите, знает ли кто-нибудь в России (а тем более в мире) имя этого морехода, совершившего первым в России то, что до него не совершил ещё никто?

И я не удивлюсь, если вместо ответа будет молчание...

ВЫВЕНКА

Не каждый сегодня и на Камчатке знает о том, что историческое название реки

Вывенки — Олюторка (Олютора, Алютора, Алюталью).

Вывенкой, точнее Уйулен (Вуйвулен), она никогда прежде не называлась.

Комментаторы к изданию «Описания земли Камчатки» (М., 1949 г.) уточняют этот факт: «Уйулен — очевидно, искаженное корякское „вуйвулен“, что значит „имеющий крепости, укрепления“».

А история такова (см. А.С. Зуев «Хроника присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII в.»): «В конце 1713 г., между Рождеством и Новым годом анадырский приказчик дворянин Афанасий Петров выступил из Анадырска против олюторских коряков, которые более всего досаждали русским, шедшим на Камчатку и с неё. В отряде Петрова были анадырские служилые люди и юкагиры — чуванцы и ходынцы. По дороге присоединились оленные коряки с Апуки, Пахачи и других рек.

20 февраля 1714 г. отряд Петрова подошёл к самому крупному олюторскому острожку, который из-за своих больших размеров и внушительных укреплений получил от русских наименование Большой посад. Он располагался в 20 верстах к северо-востоку от р. Олюторы на крутой горе на берегу морской бухты. Защищённый с трёх сторон естественной преградой — морем,

острожек имел только один свободный подход. Вдобавок он был обнесён четырёхугольной стеной, каждая сторона которой достигала 50–100 сажень в длину, две сажени в высоту и 1–2,5 сажени в толщину. Эти стены представляли собой двойной частокол, засыпанный внутри щебнем и камнем, а снаружи обложенный дёрном. Над ними возвышались ещё одни, уже одинарные стены высотой в одну сажень. Верхняя и нижняя стены острога имели бойницы. На защиту Большого посада собралось до 700 воинов.

Понимая, что взять этот Олюторский острожек сходу не удастся, казаки по приказу Петрова под прикрытием специально сделанных щитов воздвигли рядом с острожком вал из ивовых прутьев, ярника и кедрового стланца, передвигая его всё ближе к острогу. Но 4 апреля коряки закидали вал зажжёнными травяными мешками с порохом, убив при этом одного пушкаря и одного юкагира, а остальных отогнав выстрелами: „не допустя до острогу, тот вал зажгли, и огнём и пищальною стрельбою от щитов отбили“. Петров в своём донесении в Анадырск эту неудачу объяснял тем, что у него не было „большого снаряду, пушек и чиненых ядр“. В том же донесении он запросил подмогу и необходимое вооружение и боеприпасы. До их прибытия Петров

больше не решился на штурм, ограничившись осадой острожка.

Рядом с Большим посадом русские построили свой укреплённый лагерь: восемь земляных острожков, которые окружили стеной из кольев и прутьев. Осада затянулась до начала августа. При этом было много стычек, так как коряки предпринимали вылазки, чтобы достать питьевую воду. Они, не зная заранее о приходе русских, не готовили продовольствия, в результате в их стане начался голод, дошло даже до людоедства. Появились перебежчики — женщины, дети, иногда мужчины.

К началу августа из Анадырска от нового приказчика И. Татарина прибыло подкрепление и с ним ручные гранаты. К тому же времени перебежчики сообщили, что в крепости уже никого не осталось. 6 августа Петров решился войти в посад. Но, когда поднялись на вал и стены, увидели, что внутри коряки соорудили ещё один острожек (из байдарных решёток, обложенных дёрном), куда отступило до 300 воинов. Этот острожек казаки забросали гранатами,

от которых взорвалась бочка с порохом. От взрыва загорелся и сам острожек. „И божиею помощью и счастием великого государя, тот Олюторской острог взят боем“. Во время штурма и после него казаки без всякой пощады перебили всех защитников, а также перебежчиков, давших ложные показания. Было убито и умерло от голода 1 500 одних только взрослых мужчин и детей мужского пола. Когда захватили посад, нашли там много пороха и свинца, 40 железных куяков и несколько пищалей (по разным данным, 15 или 40). Нападавшая сторона потеряла убитыми пятерых русских и троих иноземцев».

102

Вывенка, март 2018 года

Коряки, безусловно, не могли простить русским, и особенно приказчику Афанасию Петрову, это своё поражение.

Но и Петров делал всё возможное для того, чтобы не вызывать к себе пощады: «Со слов коряка Белоглаза (Белогласа), которого допросили в апреле 1717 г. в Анадырске, „он де Афонасей для своих пожитков жил у них, оленных коряк, целой месяц, и имал де он, Афонасей, с них коряк по лисице сиводущетой, а с ыных по красной лисице, да по четьре и по три оленя езжалых с санками добрых на выбор, а у кого лисиц сиводущетых и красных не было, и у тех имал он, Афонасей, юрты чюмовые и одежду их коряцкую — парки и куклянки — и кормы их, обкрал юколу, жир и икру. Да он же, Афонасей, имал у них коряк по две каргины добрые жирные и те каргины он, Афонасей, у них коряк бил и на вышеписанных де с них взятых добрых езжалых оленях посылал он, Афонасей, те убитые каргины на санках в Анадырск к жене своей и к брату ево Афонасьеву Петру Петрову“».

Поэтому, когда на реке Олюторе Петровым был поставлен Олюторский Архангельский острог, коряки его уничтожили вместе со всем гарнизоном.

Второй раз Олюторский острог был поставлен по приказу майора Дмитрия Павлуцкого, вошедшего в историю Северо-Востока России как «конкистадор Чукотки»,

но и этот острог был уничтожен коряками-олюторами.

В главе «Анадырь» мы рассказывали о событиях, которые происходили на Чукотке, о затянувшейся на многие годы войне.

Нечто подобное происходило и в землях коряков.

Точнее, был нарушен исторически сложившийся здесь, как и на Чукотке, баланс межэтнических отношений различных племён, проживавших на этой огромной территории. Русские казаки, используя противоречия, конфликты, междоусобицы, межплеменные раздоры и поддерживая то одну, то другую из враждующих сторон, одерживали как значительные победы, так и серьёзные поражения — и одним из самых опасных поражений, на мой взгляд, было то, что русским народы Севера перестали доверять свою судьбу.

И чукчи, и коряки, и тунгусы, и даже юкагиры, со многими из которых якутские казаки состояли в родстве.

Афанасия Петрова, кстати, убили юкагиры — те, которые пришли вместе с ним.

Юкагиры, бывшие в отряде Камчатского Ермака — Владимира Атласова, тоже в своё время подняли бунт и пытались убить приказчика вместе с его людьми.

Причина в обоих случаях одна и та же — и Петров, и Атласов использовали этих лю-

дей в своих целях, не считаясь с ними как с людьми, оценивая преданность и верность как некую услугу. А это были люди со своим чувством долга и своим пониманием чести, которые могли простить русским многое, но могли и жестоко отомстить за свои унижения, за свои обиды...

Я не пытаюсь сейчас размотать клубок тех противоречий, который существовал в те времена. Все без исключения, кто попытался это сделать тогда, понесли огромное количество жертв. И русские не были исключением из жестокого правила о том, что выживает сильнейший. А сильнейший — не всегда тот, кто пришёл на Север с «огненным боем». Почему и северо-восточная война, слабо освещённая в нашей отечественной истории, длилась, по мнению некоторых историков, более века.

Но я хочу рассказать о другом времени. В 1954 году мой отец, Иван Григорьевич Вахрин, был направлен парторгом в колхоз имени В.И. Ленина, центральная база которого была расположена в селе Вывенка. Колхоз этот был и рыболовецкий, и оленеводческий. Поэтому отец постоянно был в разъездах и весть о рождении своего младшего сына (моего брата) Саша дошла до него где-то в дальнем табуна, и он примчался оттуда на собаках, которые в те давние времена были самым надёжным транспортом Севера.

Я мало что помню в первые пять лет своей жизни. Больше помню по рассказам родителей. И особенно запомнилась мне фамилия Ахайми — это был бригадир рыболовецкой бригады, удостоенный звания Героя Социалистического труда, дружбой с которым отец очень гордился.

Много лет спустя, уже будучи журналистом и работая в газете «Камчатский комсомолец», я побывал в Вывенке, и оказалось, что отца моего здесь помнят и уважают.

Я помню один из его очень поучительных рассказов. Перед тем как провести партийное собрание, он обязательно встречался с человеком, который был корякским шаманом. Этот шаман тоже был коммунистом. Я не знаю, убеждённым или подневольным, не в этом суть. Отец знал, что этот человек — шаман. Это не афишировалось, было тайной для русского начальства, но отец откуда-то узнал. Может быть, в тех же табунах или в рыболовецких бригадах, в которых он дневал и ночевал, месяцами находясь в дальних командировках, у него установились доверительные отношения с коряками, которые и раскрыли эту тайну. Но суть, опять же, не в этом. А в том, что отец сознательно сначала проговаривал с этим человеком всё, что нужно было решить, а потом только наблюдал, как его однопартийцы-коряки,

перед тем как голосовать, сначала косили глаза на шамана, а после его утвердительно кивка поднимали руки для голосования.

Это один только маленький пример того, что без уважения к другому народу, его

Иван Григорьевич Вахрин

традициям, его укладу невозможно строить добрые отношения.

Я помню горячие дискуссии по поводу интернатов для корякских детей, привезенных из табунов.

Эти интернаты создавались при отце. И не только для школьников. Были свои интернаты и для детсадовского возраста.

Я сам прошёл через эту систему как сын парторга. В качестве положительного примера меня отдали в круглосуточный детсад, чтобы я рос и воспитывался вместе с корякскими детьми и служил для них примером. Не знаю, был ли я для них примером, помню только, что дважды учил их, как нужно мыть голову — голову намыливал, а воды в рукомойнике не было и меня отправляли домой, чтобы закончить «головомойку». Эксперимент тогда ничем не закончился — с подозрением на туберкулёз меня срочно вывезли с Севера.

И теперь, через года, когда уже более тридцати лет не существует система интернатов и можно посмотреть на это советское явление со стороны, то оказывается, что положительного в этом явлении было гораздо больше, чем отрицательного. Конечно, были и перегибы — например, рассказывают о том, что в интернатах запрещалось говорить на родном языке. Причина понятная — воспитатели не пони-

мали, о чём говорят их подопечные, и устанавливали свои правила.

Но в целом эта система приносила много плюсов, начиная с излечения того самого туберкулёза, которым болели многие дети в табунах.

Этой системе не прощали главного — то, что детей с детства отрывали от традиционного образа жизни, от традиционной трудовой деятельности. Сегодня, наверное, уже не отрывают. Но что-то незаметно, чтобы оленеводство на Камчатке начало стремительно развиваться за эти тридцать лет. Наоборот — в полном упадке, на стадии вырождения...

Мы всегда очень суровы по отношению ко времени, в котором живём. Нас, как правило, всё в нём не устраивает. Но ведь и на самом деле, как писал Сергей Есенин:

***

*Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.*

Особенно когда это расстояние — твоя собственная жизнь, и ты часть её прожил в советское социалистическое время, а другую его часть — в диком российском капитализме, так что есть что и с чем сравнить, понять, оценить и с благодарностью вспомнить то время, которое мы столь беспощадно клеймили как «застойное».

Но в те времена советское государство не жалело никаких средств для того, чтобы людям Севера жилось хорошо. Может быть, даже порой чересчур усердствовало, строя вместо юрт уютные дома; создавая «Красные яранги» — дома просвещения, культуры и досуга; создавая агитбригады, которые добирались до самых дальних табунов на вездеходах или вертолётах; снабжая оленеводов всем необходимым для их традиционной деятельности, щедро раздавая правительственные награды, выбирая в депутаты высших народных собраний...

Вспомните, как мы смеялись, подшучивая над несуразными оленеводами, одетыми «с иголки», которые должны были что-то сказать с трибуны или которых доставляли в Москву для участия в сессиях Верховного Совета СССР...

Мы не понимали тогда, что в этом была не насмешка, а дань уважения. Может быть, с некоторыми излишествами.

А теперь и не посмеёшься. А если и посмеёшься — то это смех сквозь слёзы...

Да, мир и время познаются в сравнении — большое, то, что мы потеряли, видится на расстоянии...

Столь же категорично и жестоко мы начали оценивать и то далёкое прошлое, в котором сами никогда не жили.

Вся история нашей планеты — это история чьих-то завоеваний, история побед и поражений.

Сегодня ДНК-генеалогия преподносит один сюрприз за другим в отношении того, как заселялась старушка Земля в энные времена, тысячелетия назад. По истории, пусть и путаной-перепутаной, мы видим, что творилось на европейском и азиатском театрах военных действий сотни лет назад, как многократно перекраивались политические карты мира, как поднимались и рушились империи, возникали и исчезали страны и целые народы, оставляя в истории только свои — уже экзотические — названия.

На памяти многих разрушилась в одночасье самая дружественная семья народов —

Союз Советских Социалистических Республик — в котором (это ещё мы помним!!!) не было межэтнической розни, но которая с развалом СССР не только мгновенно проявилась, но и обернулась резнёй, а мы стали друг другу не только чужими, мы стали уже кое с кем из бывших своих братьев и сестёр врагами...

В том числе и внутри своей собственной России.

Я приведу только один пример. Но он очень показательный.

Когда начали присваивать названия аэропортам, то один из сибирских аэропортов было предложено назвать именем Ермака Тимофеевича, который открыл для России Сибирь. И что вы думаете — оказывается, его нельзя за это почитать, так как он был жесток с сибирскими народами...

Когда начали обсуждать эту тему на Камчатке, я назвал три самых достойных имени, первым из которых было имя Владимира Владимировича Атласова, подарившего России Камчатку.

И что? Это имя оказалось неподходящим для нынешней Камчатки — её жители осудили Атласова за те жестокости по отношению к коренным народам, которые он допускал, и не посчитали возможным увековечить его имя.

Аэропорту присвоили имя Витуса Беринга, не подозревая в силу своей исторической некомпетентности, что капитан Беринг спровоцировал самый страшный из всех камчатских бунтов — Харчинский бунт, жертвами которого стали как русские казаки, их жёны и дети, так и восставшие камчадалы и их семьи...

Почему спустя много лет, когда моего отца уже и на свете не было, его помнили и уважали в Вывенке?

Мне объяснили — потому что он не избражал из себя человека, который уважает и любит коряков. Он именно уважал этих людей. Он жил среди них. Он старался вникнуть в суть того, какие и почему традиционные ценности были для них дороги. Он не заигрывал с этими людьми. Не любезничал с ними. Он их искренне уважал. И они отвечали ему взаимностью, сохраняя память и уважение.

Так и мы должны относиться к нашей общей истории России — уважая и сохраняя память о тех, кто создавал наше государство, объективно оценивая эти заслуги, которые и являются нашими общими историческими скрепами, несмотря даже на то, что когда-то наши предки бились друг с другом, завоёвывали и отвоёвывали эти территории, были смертельными врагами...

На опыте уничтожения СССР мы уже видели и видим, что происходит в действи-

тельности, когда эти исторические скрепы удаётся разрушить.

И когда мы в своих оценках отвергаем истинные заслуги Ермака или Атласова (и даже того Афанасия Петрова, который воздвигал Олюторский Архангельский острог), мы наносим удар не по прошлому (оно неизменно, оно уже не будет лучше или хуже) — мы наносим удар по собственному своему будущему...

ВЯТКА

Удивительное дело — но ни Перми (ни Великой, ни обычной), ни Вятки не существовало в перечне городов российских до 18-го столетия.

История весьма странная... Великопермская и Вятская земли есть, упоминаются в летописях, а городов таких нет. Историки сбиты с толку, привязывая Великую Пермь то к Соликамску, то к Чердыни, то ещё к чему.

А нынешняя Вятка — это вчерашний Хлынов. С 1780 года.

И кстати, дата рождения города — 1374 год (есть версия, что он появился ещё ранее — в 1181 году) — также связана с невнятным сообщением летописи: «...идоша на низ рекою Вяткою ушкунцы разбойницы,

90 ушкунцев, и грабиша Вятку». То ли землю Вятскую, то ли поселение...

Появление самого слова «Вятка» связывают с названием реки, а её название — со словом «вяче» — большая.

Хлынов тоже, по одной из версий, назван был по реке, которая получила своё название в связи с прорывом какой-то плотины. Хотя есть и более оригинальная версия, связывающая название со словом «хлын» — ушкуйник, разбойник, как возможное место дислокации этих русских разбойников по пути с Русского Севера на Волгу, чтобы пограбить купеческие суда.

Давайте посмотрим, каковыми были древние водные торговые пути из Сухоны от Великого Устюга по реке Юг в Ветлугу и Вятку, чтобы убедить в правоте этой версии: «Двигаясь от г. Тотьма вниз по реке Сухоне, мы приплывём в Великий Устюг — в город, который в истории Руси и России сыграл великую роль. Великий Устюг расположен в месте впадения в реку Сухону реки Юг, берущей начало на Северных увалах и текущей на север. После впадения в Сухону Юга она превращается в Северную Двину, которая отсюда течёт в основном в меридиональном направлении на север и впадает в Белое море. Через некоторое небольшое расстояние от Великого Устюга в Северную Двину впадает боль-

шая река Вычегда, текущая в широтном направлении с востока.

Поднимаясь вверх по Югу, потом по его притоку Лузе до волока, можно перебраться в бассейн большой реки Вятки, впадающей в Каму чуть выше устья Камы южнее города Казани.

Но если не сворачивать в Лузу, а продолжать подниматься по Югу, то можно выйти на волок, пройдя который, мы попадаем в истоки Ветлуги, точнее, в реку Вохлому. По Вохломе и Ветлуге тоже можно добраться до Волги и выйти в Волгу немного выше города Чебоксары. Бассейны Ветлуги и Вятки по масштабам Западной Европы просто огромны. Территория, ограниченная реками Волгой, Сухоней, Вычегдой и Камой, больше территории Франции. Думаю, что купцы, которые плыли из Северной Двины в Волгу, должны были отдавать предпочтение пути по Ветлуге: так проще было попасть в Казань. По Вятке же челны плыли мимо нынешнего города Кирова (старое его название Вятка, а ещё более старое — Хлынов). Ниже Кирова река Вятка судоходна, в Каму она впадает в её нижнем течении. От устья Камы в город Казань надо плыть вверх по Волге против течения».

Неслучайно Вятскую землю избрали для поселения торговые люди из Великого Новгорода, основавшие в том числе и Хлынов и

установившие, по новгородской традиции, Вятскую вечевую республику.

В 1490 году великий князь Иван III упразднил республику, присоединив вятские земли к Московскому княжеству, а вятских купцов и бояр расселил по разным уделам, разорвав их местнические и родовые связи, а в вятских городах и весях поселил выходцев из Великого Устюга и других торговых городов Русского Севера.

Но наши герои, уроженцы Вятки, о которых речь впереди, не были отпрысками купеческих родов. Их отец — Иван Степанович Шмалев — был государственным служащим, канцеляристом. Братья — Тимофей и Василий были погодками — 1736 и 1737 годов рождения.

Дальневосточный писатель-историк Александр Иванович Алексеев посвятил этой семье отдельную книгу «Братья Шмалева», поэтому мы ограничимся только несколькими наиболее яркими событиями, связанными с этой семьёй.

Как Шмалева оказались в Сибири и на Дальнем Востоке?

Ивану Степановичу наскучила жизнь канцеляриста, и он записался в военные, а, будучи человеком грамотным, начал быстро продвигаться по службе и в Сибирь был направлен уже в качестве ревизора расследовать чьи-то очередные сибирские злоупо-

требления. По делам службы заехал в Иркутск (это были 1740-е годы), где обсуждались последние новости, связанные с гибелью на Чукотке майора Дмитрия Павлуцкого.

Не знаю, что так зацепило Ивана Степановича, но он написал свой проект «поколения чукочек» и попросил назначить его командиром Анадырского острога, чтобы этот свой проект воплотить в жизнь.

Проект заинтересовал правительство и И.С. Шмалев даже был повышен в чине — стал капитаном и получил назначение в Анадырский острог. Но случилось непредвиденное — в Якутске уже самостоятельно, не дождавшись команды из далёкой Москвы, назначили командира.

И только в 1753 году московский приказ был исполнен и Иван Степанович, уже в чине секунд-майора, отправляется с сыновьями — сержантами — на Чукотку в должности командира Чукотки и Камчатки.

Добравшись до Якутска, Шмалева поселились в доме вдовы подъячего Авдотьи Семёновны Борисовой, у которой была дочь на выданье. И 3 июля 1754 года отец женил своего старшего сына на дочери умершего подъячего «Ивана Андреева сына Борисова а другое прозвание Дауркина» Прасковье Ивановне.

Так крепко-накрепко судьба связала Тимофея Ивановича Шмалева, ещё ничего не

подозревавшего об этом, с Чукоткой: крестным сыном Борисова-Дауркина был малолетний чукча Тангит, попавший в плен к Павлуцкому во время военных действий на Чукотке и вывезенный в Якутск, который после принятия православия стал Николаем Ивановичем Дауркиным. Это тот самый сибирский дворянин Николай Дауркин, с которым Тимофей Шмалев от лица правительства Российской империи заключил договор с вождём Омулятом Хергынтовым о присоединении Чукотки к России в 1778 году.

В 1757 году в Анадырском остроге вместе с отцом начал служить и Тимофей Иванович Шмалев, затем — на Камчатке. Он был следующим, после Крашенинникова и Стеллера, исследователем Северо-Востока России, включая помимо Чукотки и Камчатки ещё и Колыму. Его «Краткое описание Камчатки» с многочисленными примечаниями было опубликовано в 1774 году в первом томе «Опыта трудов вольного Российского собрания при Московском университете».

Параллельно с братом Василий Иванович Шмалев тоже служил в этих же краях, собирал исторический, географический и этнографический материал, переписываясь, как и брат, с историком Г. Миллером.

«Наибольшую ценность, — как пишет А.И. Алексеев в своей книге „Братья Шма-

левы“, — представляют „Примечания капитанов Шмалевых о морских экспедициях разных компаний с 1744 по 1781 год“. По существу, это первое хронологическое описание всех купеческих походов того периода на Алеутские и Курильские острова».

Василий Иванович Шмалев надолго пережил брата. Продвигаясь по службе, Тимофей Иванович получил назначение быть командиром Охотска. Чтобы не допустить Шмалева до власти, зная, что он раскрутит все воровские дела бывших при охотской власти командиров, его, по одной из версий, отравили.

А Василий Иванович Шмалев был тем самым русским офицером, который встречал в Петропавловской Гавани (как первоначально называли Петропавловский порт) корабли Джеймса Кука и Франсуа Лаперуза.

Будучи командиром Петропавловской гавани, он скончался здесь 18 декабря 1799 года.

...Еще более причудливым было появление на Камчатке сына вятского купца 1-й гильдии Алексея Алексеевича Прозорова.

Его отец, Алексей Яковлевич, был уроженцем Архангельска, но именно в Вятке начинается его главная деятельность — и коммерческая, и благотворительная.

Вятский краевед Валентина Ивановна Кашеева, работающая в Музее народно-

го образования, расположенного в здании, подаренном городу Алексеем Яковлевичем Прозоровым, собрала об этой семье очень интересный материал.

«Яков Алексеевич Прозоров — вятский 1-й гильдии купец, потомственный Почётный гражданин, коммерции советник, получивший по императорскому указу звание потомственного дворянина, был на Вятке зачинателем торговли с зарубежьем, отправлял суда со своим товаром в Англию и Германию, позднее во Францию, Бельгию, Голландию. Корабли везли зерно, лён, семя, конский волос особой выделки, щетину и холст.

Прозоров впервые организовал торговлю напрямую, в обход посредников-перекупщиков. Сам изучал иностранную бухгалтерию, банковское дело, постигал премудрости перевода рубля в иностранную валюту и наоборот. Его деловая репутация была высока: когда через 20 лет в Англию с частным визитом приехал племянник Якова

Алексеевича, его там приняли с большими почестями в память о дяде.

Яков Алексеевич ежегодно участвовал в торгах на поставку провианта для Архангельской и Вятской губерний, в неурожайные годы участвовал в заготовках зерна для обеспечения посевными материалами, мукой и продовольствием.

Тысячи рублей Яков Алексеевич тратил на благотворительность: принимал деятельное участие в строительстве Александро-Невского собора, в устройстве пароходства на реке Вятке, в проведении Вятско-Двинской железной дороги, в стро-

Двухэтажный каменный особняк купца первой гильдии Прозорова построен по проекту архитектора А.С. Андреева в 1871 году

ительстве концертного зала. 15 000 рублей пожертвовал он на устройство дома призрения детей бедных граждан Вятки, в котором содержалось 40 мальчиков, обучавшихся не только грамоте, но и столярному, слесарному, сапожному, портновскому ремеслу. На деньги Прозорова содержался и приют для девочек, где они учились шить, вышивать, вести домашнее хозяйство. По достижении 16-летия выпускницы получали приданое (одежду и постель) и устраивались в богатые семьи на работу. Кроме того, каждую пятницу в конторе Прозорова выдавали муку и деньги бедным жителям

Вятки. Этой традиции Яков Алексеевич не изменил и в Петербурге.

Примечательно, что в конторских книгах Прозорова была даже особая статья — „счёт благотворительности“, на которую ежегодно перечислялось 10% с каждого рубля прибыли».

В январе 1889 года в Санкт-Петербурге создан торговый дом «Яков Прозоров с сыном».

Этим сыном был Алексей Алексеевич Прозоров (р. 24 июля 1873), который, получая наследство умершего в 1881 году отца, стал одним из учредителей созданного в 1890 году

«Русского товарищества котиковых промыслов», в ведении которого находились Командорские острова.

Соучредителями товарищества были санктпетербургский меховщик коммерции советник Павел Михайлович Гринвальд, потомственный почётный гражданин Василий Николаевич Лепёшкин, действительный статский советник Иван Яковлевич Савич.

В 1882 году в доме разместились первые три класса епархиального училища, а в кабинетах Прозорова устроена домовая церковь

Они приняли Командорские острова после основательного разорения котиковых лежбищ американской компанией «Гутчинсон, Кооль, Филиппеус и Ко», которая арендовала котиковые промыслы у России в течение 20 лет — срок аренды завершился в 1891 году.

Но это ещё было полбеды.

Настоящей бедой стали браконьеры — японцы, американцы, канадцы. Джон Гриффит, будущий писатель с мировым именем, известный нам всем под литературным псевдонимом Джек Лондон, тоже промышлял котиков в здешних местах и оставил об этих событиях свои впечатления в «Морском волке».

Но это видимая часть айсберга.

А вот невидимая. Первые браконьерские шхуны у берегов Командорских островов были обнаружены в 1880 году. Их было четыре. Через шесть лет их было уже 34. В 1892 году, когда Товарищество приняло все дела от американцев, — уже 122.

Добыча браконьеров, согласно данным о продажах в 1880 году, составила 5 тысяч шкур, в 1889 году — 16 тысяч, после 1891 года, когда ушли американцы, подскочила до 80 тысяч...

В чём причина? В том, что главным объектом браконьерства были в то время Прибыловы острова на Аляске. В 1891 году на

охрану прибыловских котиков были направлены американские крейсера. И браконьеры повернули все свои шхуны в район Командорских островов.

34 американских и 48 английских (канадских), не считая многочисленных японских, шхун подошли в тот год к лежбищам острова Беринга и Медного, которые некому было защитить. В итоге добыча Товарищества сразу сократилась в два раза по сравнению с тем, что добыли здесь год назад американцы.

А.А. Прозоров в своей книге «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» (СПб., 1912 г.) подсчитывал урон, нанесённый его компании: «В 1891 году убито в море 8432 котика, в 1892 году — 26750, 1893 — 66143, 1894 — 79305».

В 1895 году вступает в силу соглашение, подписанное Россией с правительством США и Великобритании о запрете промысла котиков в 10-мильной полосе вдоль русских берегов и в 30-мильной полосе вокруг Командорских островов и острова Тюленьего на Сахалине, который также был арендован Товариществом.

Результат — в 1895 году добыто браконьерами 37935 морских зверей, в 1896 — 24191, в 1897 — 13802... Но цифры падали только по одной причине — количество зверя на лежбищах становилось из года в год всё меньше и меньше.

Дадим слово Джеку Лондону: «Это было безжалостное избиение, совершаемое во славу женщин. Мяса и жира никто не ел. После дня успешной охоты наши палубы были завалены тушами и шкурами, скользкими от жира и крови, и в шпигаты стекали алые ручейки. Мачты, снасти и борта — всё было забрызгано кровью. А люди с обнажёнными окровавленными руками, словно мясники, усердно работали ножами, сдирая шкуры с убитых ими красивых морских животных».

Алексей Алексеевич, имевший в Товариществе исключительное по значимости положение, исследовав экономический потенциал Камчатки, пришёл к выводу о необходимости создания на полуострове альтернативный котикувому рыбный промысел.

В 1896 году он предпринимает первую попытку, приглашая на Камчатку некоего засольщика Зубкова, который должен был начать засолку чавычи (самого крупного вида лососей) по методу посолки архангельской сёмги — бочковым посолом.

Первый блин, как и водится, оказался комом. Чавыча протухла по пути в Англию, куда направили опытную партию.

Но японские ловцы, также приглашённые Прозоровым на Камчатку, предложили свои услуги посолки камчатских лососей всех видов методом так называемого сухого посола, не нуждающегося в дополнитель-

ной таре. Рыба разделяется на пласт с удалением хребта, посыпается солью и накрывается рогожей, на неё сверху кладётся новый пласт, посыпается солью, покрывается рогожей, и так выкладывается многометровый вдоль, поперёк и в высоту штабель из рыбы, который находится на открытом воздухе, под дождём и ветром, а потом загружается на пароход или японские шхуны и уходит на японский рыбный рынок, где мгновенно расхватывается японцами.

Помимо этого, японцы предложили русским на Камчатке для развития рыболовства (столь выгодного Японии) новые орудия лова — морские ставные неводá, своих опытных ловцов, а главное — кредиты под смешные проценты и расчёт рыбой.

То есть японцы обеспечивали практически весь промысел — от подготовки к пути-не до её проведения, вывоза рыбы в Японию и её реализации на японском рынке.

Дело дошло до того, что впоследствии русские использовались только как посредники в японском рыбном бизнесе на Камчатке.

Но Прозоров не хотел попадать в зависимость к японцам, и он, ухватившись за идею строительства на Камчатке рыбоконсервного завода, предложенной, но не реализованной адмиралом В.Ф. Ивашинцовым, начал его строительство в бухте Тарья.

К тому времени Товарищество котиковых промыслов было реорганизовано в Камчатское торгово-промышленное общество.

Новый завод должен был выпускать 38 тысяч 400 банок рыбных консервов весом один фунт — 800 ящиков в день. Завод должен был приносить значительную прибыль, а налоги — пополнить полупустую камчатскую казну.

Были приглашены для его строительства и эксплуатации рабочие из Франции, США, Японии, Швеции и Норвегии.

Устанавливалась цена для местных рыбаков — 8 копеек за ценные виды лососей, 3 копейки за горбушу.

Но первый в истории Камчатки рыбоконсервный завод отработал только одну путину и встал.

Причина оказалась самой элементарной — местные жители потребовали закрытия завода, опасаясь, что он подорвёт запасы рыбы в нерестовых реках — Аваче и Паратунке, впадающих в Авачинский залив.

Причина была более чем надуманной. И скорее всего, корни её произрастали не здесь. Кому-то очень невыгодной была мысль о создании российской рыбной промышленности на Камчатке, появления здесь рыбоконсервного производства, способного конкурировать с американским.

Но более вероятна версия о японском рыбопромышленном лобби, которое рассматривало рыбные богатства Камчатки в собственных экономических, а не российских интересах, чего в конечном итоге и добились в результате пораженческих настроений в России после Русско-японской войны 1904–1905 годах, когда Камчатка де-факто стала сферой интересов Японии.

Алексей Алексеевич предпринял было новую попытку — попытался перенести завод в Усть-Камчатск, но 30 августа 1902 года при заходе судна компании в устье реки Камчатки судно переворачивается в «барах», где река впадает в океан, образуя огромные волны, и он погибает.

Его проект реализуют уже совсем другие люди...

Но именно он — Алексей Алексеевич Прозоров положил начало рыбной промышленности Камчатки.

И последний штрих — о благотворительности, как семейной черте Прозоровых.

«Княгиня Ольга (Ольга Алексеевна Прозорова, родная сестра Алексея Алексеевича. — С.В.) во втором браке была замужем за сыном московского вице-губернатора Алексеем Васильевичем Оболенским (1877–1969), чиновником по особым поручениям при Министре внутренних дел и членом ЦК Союза 17 Октября. После революции жили

в Финляндии, в 1939 г. переехали в Швецию. В эмиграции она принимала участие в работе Общества помощи русским беженцам, где А. Оболенский был председателем».

ГЕРМАНИЯ

Фамилия Немчинов в Сибири довольно распространённая. Причины понятны — это были немецкие военнопленные (в большей части наёмники в чужих войсках, например, Речи Посполитой), сосланные в Сибирь наравне с пленными поляками (ляхами, шляхтой), черкасами (запорожскими казаками) и литвинами (белорусами).

В 1623 году в Тобольске в «старой» казачьей сотне, состоящей из казаков-старожилов, в том числе и пришедших в Сибирь вместе с Ермаком Тимофеевичем, служил Андрюшко Фёдоров сын Немчин, имевший пашню в деревне Дурынинской, «в дуброве на речке Шанталыцкой».

Помимо него в Тобольске служили в это же время сын боярский Данило Немчин и казак Сергей Немчин.

В 1639 году в отряде томских и красноярских казаков Ивана Юрьева сына Москвитина — первых из россиян, вышедших на побережье Ламского (Охотского) моря, служил Алфёр Немчинов.

Томский казак Васька Данилов Немчин в 1680 году сообщал сведения о своём отце, родоначальнике томских Немчиновых: «Отец родом немчин, а которых земель не помнит, прислан в Томск из Москвы, а он вёрстан в Томске в пешую службу. Оклад 4 рубля с четью, 1½ пуда соли. Служит с пашни».

В 1642 году в Якутском остроге эта фамилия встречается в окружении знаменитых землепроходцев: «Царю, государю и великому князю Михаилу Фёдоровичю всеа Русии бият челом холопи твои, государевы, ленские служивые люди — Мишка Стадучин, Ондрюшка Шестаков, Мишка Коновал, Гришка Фофанов, Семёнка Дежнёв, Вавилко Леонтьев, Фторко Гаврилов, Сергейко Ортемьев, Ондрюшка Иванов, Бориско Прокофьев, Ромашка Немчин, Федька Фёдоров».

Свои Немчиновы были в Тюмени, Таре, Нарыме, Красноярске...

В 1638 году в отряде первого якутского воеводы Петра Головина был отправлен из Тобольска стрелец Матвеев Немчин Ганца.

Таких Ганцов и Ганцевых, переименованных в Анцыны в Тобольске, было много — была даже деревня Анцына.

Как правило, иностранцы (иноземцы, как тогда говорили) служили в казаках литовского списка — самых привилегированных сибирских казачьих подразделениях. Это объяснялось просто — иноземцы были

профессиональными военными, а не посадскими, гулящими людьми и крестьянами, из которых набирались в русских городах будущие сибирские казаки, пополняя гарнизоны зимовий, острогов, городов-крепостей.

Но людей на дальних окраинах хронически не хватало (погибали в боях, умирали от голода и цинги, да и просто от старости — служили сколько хватало физических сил), и те же тобольские казаки в качестве «годовальщиков» направлялись служить на год-два, а то и более в дальние края, например, в Даурию.

И вот что в результате этого отмечают позже исследователи: «Просмотренные нами именные книги служилых людей Иркутска, Селенгинска, Удинска, Баргузинска, Нерчинска последней трети XVII — первой четверти XVIII в., а также оставшихся в живых албазинских казаков (после обороны Албазинского острога от маньчжуров в 1685–1686 гг.) фиксируют несколько десятков человек с „польско-литовскими“, „черкасскими“, „немецкими“ фамилиями (например, Кирюшка Деревьяс, Лёвка Немчинов, Андрей Вайсов, Лёвка Дюков, Василий Анцын)».

В 1721 году из Нерчинска взят «в службу в Камчатку» Лаврентий Анцын.

Но более в истории Камчатки отметились представители другого тобольского ка-

зачьего рода, имевшие всё то же немецкое происхождение, — Бекеровы (Бекеревы, Бекиревы).

Первым из «немчинов» Бекеревых был Юрий — в 1626 году тобольский конный казак литовского списка. У него было трое сыновей — Вакула, Данила, Иван.

Нам не удалось установить, от кого из них пошла камчатская ветвь Кирилла и Лазаря Бекеревых, но известно, что жена конного казака Кирила Бекерева жила в Тобольске в районе, называемом «Качаловой улицей по праву ж от Федосеева переулка». Сам «Кирюша» в 1689 году получал оклад тобольского конного казака «6 рублёв» в год. В 1706 году он уже значится казаком шестой пятидесятни Якутского казачьего полка. Возможно, Лазарь Бекерев был сыном Кирилла, и поэтому мы его не находим в тех же списках якутских казаков за 1706 год. Либо он пришёл на Камчатку и вёрстан в казаки позже 1706 года. Но факт, что это были родственники и жили они вместе — одним двором в Верхнекамчатском остроге.

Когда в 1711 году верхнекамчатские казаки подняли свой знаменитый бунт и убили трёх камчатских приказчиков (в их числе был и Владимир Атласов), то одного из приказчиков — сына боярского Петра Чирикова казаки первоначально пощадили и до вынесения окончательного решения оста-

вили его под караулом Бекеревых, а сами отправились в Нижнекамчатск приводить в исполнение вынесенный казачьим кругом смертный приговор в отношении Камчатского Ермака — Владимира Атласова.

Вся камчатская казачья вольница в тот год отправилась во искупление своей вины за убийство приказчиков на реку Большую — приводить в российское подданство воинственных большеерецких камчадалов и строить Большеерецкий острог, который уже дважды уничтожался до них непокорными аборигенами.

Бекеревы же, а вместе с ними и значительная часть молодых тобольских казаков из знатных семей остались в Верхнекамчатске и в 1712 году приняли участие в новом бунте, который возглавил их земляк верхнекамчатский приказчик Константин Кыргызов, за что все они и поплатились: кто жизнью (Кыргызов был повешен), остальные — «вечным житьём в Камчатке». Кроме того, «тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щёки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутъём и по улицам в проводке водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутъя, на площади били нагих батожьём, того ради, чтоб на то смотря,

иным там бунтовать и скопы и заговоры не заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».

Но при всём этом Кирилл Бекерев, в силу своего казачьего опыта и авторитета, назначается камчатскими приказчиками заказчиком (управляющим) Верхнекамчатского острога и в 1715, и в 1716, и в 1717 годах.

Этот казачий род на Камчатке просуществовал до начала XIX столетия.

Но в период деятельности Камчатской Духовной Миссии казаки Бекеревы оставили свою фамилию и среди крещёных камчадалов и крещёных коряков: в разное время председателями Корякского окрисполкома были камчадал (ительмен) Василий Полуектович Беккерев и коряк Георгий Игнатъевич Бекерев, в память о котором был назван рыболовецкий колхоз в Корякском автономном округе.

Аборигены Камчатки наравне с русскими людьми участвовали в освоении Русской Америки. Вот только один из примеров: «На судне купцов Пановых „Пётр и Павел“ в 1767 г. у морехода Вторухина была потеря зрения, за мореходов были И. Дружинин, И. Попов, И. Коковин, камчадал Бекирев».

Но самую большую память о себе на Камчатке оставил Георг Вильгельм Стеллер, уроженец местечка Бад-Виндсхайм (около

Нюрнберга) в Баварии — участник Второй Камчатской экспедиции, зимовавший в составе оставшихся в живых членов экипажа пакетбота «Святой Пётр» на прежде необитаемом острове, где похоронен капитан-командор Витус Беринга, и был единственным учёным, кто видел и описал одно из чудес света — морскую корову Стеллера.

Но неслучайно кто-то из авторов многочисленных публикаций о Стеллере назвал его «бунтарём Камчатской экспедиции».

Но он был бунтарём гораздо более крупного масштаба. В Сибири он конфликтовал со своим непосредственным руководителем Иоганном Георгом Гмелиным, который вместе с ещё одним немцем — «недоучившимся студентом» Герардом Фридрихом Миллером (но сразу получившим профессорскую кафедру в России) представляли в Сибири Петербургскую Академию наук.

Чтобы вникнуть в суть конфликта между учителем и учеником, точнее — между

120

В Командорском заповеднике, скульптура «Георг Вильгельм Стеллер» скульптора Ильи Вьюева, фото ia41.ru

руководителем и его помощником, нужно знать некоторые биографические тонкости: в 1725 году 16-летний Гмелин окончил медицинский факультет Тюбингенского университета, в 1727 году переехал в Россию, стажирuется в Петербургской Академии наук, и уже 30 августа 1727 года Гмелин был утверждён в должности адъюнкта (младшего научного сотрудника) по химии и естественной истории Академии.

Стеллер учился в университетах Виттенберга, Лейпцига и Йены (1729–1733). Изучал медицину и ботанику в университете Галле, защитил университетский диплом ботаника в Прусском королевском научном обществе (1733 год). В Санкт-Петербурге сдал квалификационный экзамен по ботанике профессору Иоганну Амману (5 апреля 1734 года).

Он в научном отношении был на голову, а то и на две-три выше Гмелина, который все годы, проведённые им в России, описывал только коллекции Кунсткамеры, а Сибирью явно тяготился и с большою охотою послал на Камчатку вместо себя Стеллера.

Но и на Камчатке, и в морской экспедиции, и во время зимовки, и по возвращении на полуостров — везде Георг Вильгельм оставил следы не только своего научного пребывания, но и новых конфликтов.

Это был великий учёный.

Но это был и великий скандалист.

Гмелин писал о нём: «...Мы могли бы ему, впрочем, представлять неудобства сколь угодно великими: это было бы ему лишним побуждением к этому трудному предприятию, к которому он уже проложил себе дорогу своим прежним путешествием. Он не был обременён гардеробом. Поскольку надо было всё имущество везти с собой через Сибирь, у него его было так мало, как только возможно. Для пива, мёда и водки у него был всего один стакан. Вина он не употреблял совсем. У него была только одна миска, из которой он ел и в которой он готовил все свои кушанья. Для них ему не требовался повар. Он всё варил сам и всё как можно проще, так что суп, овощи и мясо помещал в один горшок и варил всё вместе. Он легко переносил чад от стряпни в комнате, где он работал. Ему не нужны были парик и пудра. Любые туфли и любые сапоги ему годились; при всём этом он никогда не досадовал на плохие жизненные условия; он всегда был в хорошем настроении, и чем необычнее шли его дела, тем радостнее он был. При этом мы замечали, что, несмотря на полную неустроенность, которую он обнаруживал в своём образе жизни, он тем не менее всегда был крайне аккуратным в исполнении своих наблюде-

ний и неутомимым во всех своих предприятиях».

То есть ничто не мешало ему жить так, как он хотел.

Но кто же ему это разрешит?

В Большерецком остроге он выпустил на свободу арестованных камчадалов, обвиняемых в бунте, считая их правыми в борьбе за свою свободу и независимость.

И естественно, поплатился за это – и во все не донос на него (как пишут повсеместно историки и краеведы) пошёл гулять по инстанциям, а серьёзный документ, обвинявший Стеллера в превышении своих полномочий и в действиях, которые привели к новому обострению отношений с аборигенами на полуострове. А это происходило, если кто не знает, в самый разгар войны с чукчами и коряками, а тут ещё и в тылу полыхнуло...

За Стеллера, конечно, обидно. Это был Робин Гуд. Но против него была вся государственная система.

В камчатской истории известна судьба ещё одного баварца, которого судьба занесла на наш полуостров: это был Иоганн-Готфрид Штейнгейль, отец декабриста, слабо знающий русский язык, которого местные полупьяные казаки, сходявшие с ума от безделья, доводили до бешенства... Это всё есть в воспоминаниях о камчатском детстве

самого Владимира Ивановича Штейнгейля. Жуткая история.

А Стеллеру была к тому же уготована ещё и бесправная участь сибирского арестанта. И если до Камчатки, как пишет Гмелин, он даже вина не пил, то причину его смерти учёные немцы видели именно в пристрастии к спиртному: «О причине его смерти существуют различные мнения. Паллас в своих „Zuverlässige Nachrichten...“ говорит, что „Стеллер при своих почти нечеловеческих трудах, в особенности на Беринговом острове, привык пить и предавался этому уже слишком“. Ещё в Тобольске у него обнаружили признаки горячки, но, несмотря на все советы, он продолжал своё путешествие. Бюшинг же рассказывает, что, доехав до Тюмени, „Стеллер лёг как-то в сани нетрезвый и заснул, а ямщик и провожатый, по случаю необычайно сильной стужи, отправились на постоялый двор. Когда они вернулись к саням, то нашли Стеллера уже окоченевшим от холода“».

А его бессмертное творение — «Описание земли Камчатки», написанное на немецком языке и известное во всём мире, было издано в полном виде на русском языке только спустя более чем... два столетия. Теперь же можно познакомиться с этой книгой в электронном виде и на одном из наших сайтов (<http://fishkamchatka.ru/library/books/2742/>).

ДАНИЯ

Дания — родина викингов или норманнов, морских рыцарей и морских разбойников, что, впрочем, по меркам того времени — одно и то же. Под стать им были наши поморы-ушкуйники, но те были не только морскими, но и речными бродягами и разбойниками.

Интересно, а каких великих мореплавателей произвели на свет датские потомки викингов?

Фричьоф Нансен хотя и имел давние датские корни, но его предки с XVII столетия обосновались в Норвегии.

Из известных нам по Дальнему Востоку датчан на службе в России было двое — Витус Беринг и Мартын Шпанберг.

Шпанберг, после того как приписал себе, по сообщению лейтенанта Вальтона, посещение в 1739 году Японии, вообще фигура, как мореплаватель, а тем более как человек, незначительная, хотя он и был участником Первой Камчатской экспедиции.

И в результате остаётся только один великий потомок морских рыцарей — викингов, родившийся в датском городе Хорсенс.

Скажу сразу, что я не из числа поклонников и великого мореплавателя Витуса Беринга, и к этому его титулу, говоряще-

му о всемирной славе, я отношусь соответственно. Как и к его нынешнему портрету...

Кстати, и к имени: «Витус Йонассен... взял себе имя своей матери — Беринг, о чём многие, кстати, не знают. Он сделал это, чтобы отделиться от своего сводного брата Свенда Йонассена, который был в заключении и который по этой криминальной причине был сожжён в тогдашней датской колонии Форт Дансборг в Транкебаре в Восточной Индии». «Отцом его был Йонас Сведсен (Свенсон). Он родился примерно в 1633 году в Хальмстаде в Швеции. Хальмстад принадлежал тогда ещё датскому королевству. Самое позднее в 1664 году он перебрался в Хорсенс, где стал купцом, а позднее — таможенником» (сообщено Йоахимом Руф).

Моё определение: Витус Йонассен Беринг — счастливейший из неудачников, для которого все его неудачи обернулись в конечном итоге всемирной славой.

При этом я глубоко уважаю мнение всех тех людей, кто боготворит и будет всегда боготворить Витуса Беринга и увековечивать его земную и вечную славу: создавать новые музеи, прокладывать туристские тропы, издавать книги...

Но при этом я считаю совершенно отвратительными поступки тех людей, которые взялись утверждать, что «по-настоящему» открыл Аляску именно Беринг. И вовсе

не потому, что до берегов Америки первым из числа членов Второй Камчатской экспедиции добрался не Беринг, а Чириков...

Я предлагаю вам взглянуть на карту Дальнего Востока России.

И вы увидите, что прежде чем добратъся морским путём до Камчатки, нужно было сначала покорить Охотское море.

И у меня вопрос.

Назовите имя человека, который совершил этот подвиг?

И я уверен, что абсолютное большинство, не задумываясь, ответит — Витус Беринг.

Но вот что пишет по этому поводу профессиональный историк А.И. Алексеев: «Мореходы прибыли в Якутск 23 мая 1714 г., а 3 июля уже вся экспедиция во главе с Соколовым отправилась из Якутска в Охотский острог... Было приступлено к закладке судна типа северных мореходных лодий. Для этого выбрали место в 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй. Там образовалось плотбище, получившее название Соколовского. Постройкой судна руководил Кирилл Плоских с помощниками Иваном Каргополом и Варфоломеем Фёдоровым.

Весь 1715 г. прошёл в усиленных сборах к экспедиции и в постройке лодьи. На следующий год работу закончили, и в мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была

сделана „наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю“. Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8½ сажень, ширина — 3 сажени. Осадка в полном грузу 3½ фута. Получилось настоящее морское судно с учётом современных требований. Оно было во многих отношениях лучше, мореходнее, чем строившиеся здесь до того кочи и боты-однодеревки. Это было первое морское судно, созданное русскими мастерами на берегах Тихого океана. Охотский острог стал родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке.

Лодья получила название „Восток“, что вполне соответствовало её назначению. К июню 1716 г. экспедиция была готова к отправлению в далёкий поход. Мореходом экспедиции, или, говоря современным языком, штурманом, был поставлен Никифор Моисеев Треска. В состав команды входили мореходы Яков Власов Невейцын и Андрей Буш, плотник Варфоломей Фёдоров и 21 человек служивых во главе с Михаилом Кривоносовым.

В июне 1716 г. „Восток“ вышел из первого русского тихоокеанского порта Охотска в первый поход по Охотскому морю на Камчатку».

И ещё один непростой вопрос: а как матушка Россия и её верные сыны увековечили в истории память человека, открывшего морской путь на Камчатку?

Впрочем, это вопрос в контексте всего, что будет сказано далее, риторический...

Но зададимся проблемой ответа ещё на один вопрос, без которого трудно представить себе масштабы открытий в Тихом океане.

Кто первым из русских мореплавателей прошёл через Курильские проливы (или переливы, как их называли в старину)?

И снова последует незамедлительный ответ — Витус Беринг. И вы даже найдёте официальное подтверждение — в 1729 году на боте «Святой Гавриил» Витус Беринг впервые прошёл через Первый Курильский пролив.

И действительно, для Витуса Беринга это было впервые.

Только вот какая «заковыка», о которой нам расскажет моряк-тихоокеанец А.С. Сгибнев: «Осенью 1727 г. пришёл в Большерецк Беринг с двумя судами, погружёнными провизией и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперёк всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на соба-

ках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причинённого им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: „Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел“. Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привёл же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое [по прихоти Беринга] судно „Фор-

туну“. Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатке, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путём с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае.

14 июля экспедиция отправилась в море и 2 сентября возвратилась в Нижнекамчатск, где Беринг оставался зимовать, и в июле 1729 г. ушел из Камчатки в Охотск».

Итак, правильный ответ на вопрос, кто первым из русских прошёл на морском судне через Курильский пролив, — архангелогородский мореход Кондратий Фёдорович Мошков.

И внесём ещё одно очень важное уточнение, сделанное все тем же Александром Степановичем Сгибневым, касаясь дел уже Второй Камчатской экспедиции и выводов, сделанных из прежних бед камчадалов, приведших к кровавому Харчинскому бунту: «Большая же часть экспедиционных запасов была доставлена из Охотска на дубель-шлюпке и гальоте в Большерецк, так как суда эти за сильным ветром не могли попасть в Петропавловскую гавань. Обстоятельство это было причиною, что и на этот раз все экспедиционные припасы везлись из Большерецка в Петропавловскую гавань

сухим путём на собаках, что было сопряжено с большими трудами и убытками для камчадалов».

Третий вопрос, ответ на который знает вся многомиллиардная мировая аудитория — кто первым открыл земли, вошедшие в историю как Русская Америка?

И я слышу громогласное — великий Беринг!

Но ведь это снова не так.

21 августа 1732 года, когда было совершено признанное сегодня всеми историками мира, кто историю пишет по фактам, а не по слухам, открытие Аляски.

Слово профессиональному историку В.Н. Арову: «21 августа 1732 г. — можно считать историческим. Первые европейцы достигли северо-западного побережья Америки. Это случилось за девять лет до плавания Беринга. М.С. Гвоздев сообщает об этом так: „Августа де 21 дня пополудни в третьем часу стал быть ветер пособной, и пошли к Большой земли и пришли к оной земли и стали на якорь от земли в верстах четырех“. От южного конца к западной стороне моряки видели юрты — жилья версты на полторы, „и ко оным де юртам за ветром блиско подойти было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лот, глубины семь и шесть сажень, и с того места возвратились назад и

стали лаверить подле Большой Земли, чтоб к земле подойтуть, и стал де быть ветер велик от земли противной... И от оной Большой земли таким великим ветром отнесло, а ветер де был норд-нордвест. А с четвертого де острова (остров Кинга. — В.А.) пригреб к боту чюкча в малом ялыче, по их называется кухта...“ На вопросы о Большой земле чюкча отвечал, что „...на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикий, куницы, и лисицы, и бобры решные“.

Несколько иначе рассказывал об этом бывший в плавании на „Св. Гаврииле“ служилый Илья Скурихин, допрошенный 8 апреля 1741 г. в канцелярии Охотского порта. Подойдя к Большой земле „...рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег жёлтого песку, жилья юртами по берегу и народу ходящаго по той земли множество; лес на той земле великий лиственничной, ельник и топольник. И пошли де подле ту землю в левую сторону. Шли дней с пять, однако ж де конца той земли не дошли“.

Земля, к которой подходил „Св. Гавриил“ — это мыс Принца Уэльсского на полуострове Сьюарда».

А вот что писал собственной рукой один из руководителей этой экспедиции: «Августа де 20 пополудни в 1-м часу подняли якорь и пошли в путь свой. 7-го часу попо-

луночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова, и между первым и вторым островом расстоянием версты с полтары увидели остров не большей первого острова, меньше. И на оной де остров послан был служилой Ефим Пермяков в девяти человеках и при нём толмач на байдаре для проведывания, что есть ли на нём народ какой. И оной де Пермяков, возвратись от одного острова, сказал, что де и на том острове живут люди и, как де стали к острову приезжать, и чюкчи де стали по ним из луков стрелять, и за тем на берег не выходили».

А теперь давайте вспомним имя великого мореплавателя, который осуществил это открытие.

Подштурман Иван Фёдоров, который был смертельно болен и практически не покидал своей каюты — он и умер вскоре после возвращения из того плавания 12 марта 1733 года?

Михаил Спиридонович Гвоздев, имя которого называют историки? Но он был всего лишь геодезистом. Кто такой геодезист — это «специалист, выполняющий работы в сфере инженерно-геологических изысканий путём определения и фиксации координат и высот точек на земной поверхности. В круг его обязанностей входит топографо-геодезические, исследовательские, разбивочные и проектировочные работы».

А третьим человеком на судне был архангелогородский мореход Кондратий Фёдорович Мошков — тот самый, что первым провёл «Фортуну» через Курильский пролив, и тот самый, что вёл бот «Святой Гавриил» под командой триады великих мореплавателей Беринга-Чирикова-Шпанберга в 1728 году в период деятельности Первой Камчатской экспедиции. И тот самый, кто первым доказал, что Амур имеет судходное устье, опровергнутое позже великим Крузенштерном, но подтверждённое, наплевав на авторитеты, столь же великим Невельским...

Хочу заострить ваше внимание ещё на одном очень важном, принципиальном для меня и для этой темы моменте.

В год 300-летия российского флота — 1996 году — в Тотьме открыт замечательный Музей мореходов во Входуиерусалимском храме, построенном на средства тотемских купцов-мореходов Григория и Петра Пановых, а сам «храм построен в стиле тотемского барокко и по очертаниям напоминает храм-корабль с белыми башнями парусами и колокольной-мачтой».

То, что я считаю оскорбительной для российского флота столь мелкую дату, — это сейчас к нашему разговору не относится. Слава Богу, что мы историю всей России пишем не с воцарения Петра Алексеевича.

Я продолжу задавать вопросы, на которые получу, основываясь на учебниках современной истории и нарисованных нашими современниками картах, один и тот же ответ.

Но я их задам.

Кто из великих мореплавателей открыл острова Алеутского архипелага?

Благодаря кому эта неизвестная прежде земля на соседнем континенте стала именоваться Русской Америкой?

Если глянуть на карту открытий Второй Камчатской экспедиции, то вся эта работа выполнена членами экипажей «Святой Пётр» и «Святой Павел».

Но фактически ими был открыт и описан только один остров. И тот случайно. Остров, на котором и был похоронен великий мореплаватель, заблудившийся в океане. И который носит сегодня его имя. Собственно, и к Алеутским островам он не относится. Стоит себе отдельно.

Кстати, в 1729 году Витус Беринг, имея от местных жителей информацию о существовании этого острова, на котором он найдёт себе последнее земное пристанище, не сможет (или не захочет) его отыскать, считая свою тихоокеанскую миссию выполненной.

1 (12 по новому стилю) августа 1743 года из Нижнекамчатского острога (а точнее, из

устья реки Камчатки, из поселения «при море», который потом назовут Усть-Приморским, а впоследствии Усть-Камчатском) выйдет в море даже не бот (а тем более не пакетбот или галиот), а обыкновенный поморский шитик, на которых ещё тысячу лет назад наши северные соотечественники — поморы — покоряли Грумант (Шпицберген), Новую Землю и добирались (по одной из существующих, но так и не доказанной ещё версии) до Аляски.

Что такое шитик? Это небольшое судёнышко, бортовые доски которого сшивались тонкими скрученными корнями сосны — «вицею», а за неимением сосны — лозой, китовым усом и другим вспомогательным материалом, который можно было приспособить для этих целей.

И вот в такой плетённой «корзине» 12 августа 1743 года камчатские мореходы во главе с уроженцем Тобольска казаком Емельяном Софроновичем Басовым отправившись на промысел морского зверя на остров, где были похоронены Беринг и члены экипажа пакетбота «Святой Пётр».

В 1745 году ещё один уроженец Тобольска, предки которого вышли из Великого Устюга, мореход Михаил Васильевич Неводчиков открывает, описывает и начинает промысловое освоение Ближних Алеутских островов.

В 1756 году архангелогородский мореход Пётр Башмаков обнаружил группу островов, которые первоначально были названы Башмаковскими, а потом, после второго их открытия яренским мореходом Степаном Готовым — Лисьими.

В 1761 году экипаж бота «Святой Гавриил» во главе с выходцем из Иркутска охотским квартирмейстером Гаврилой Пушкарёвым высадился на полуострове Аляска, где его люди и провели зимовку.

В 1762 году яренским мореходом Степаном Готовым «со товарищи» был открыт остров Кадьяк.

Промысловые экспедиции в Русскую Америку снаряжали торговые и промышленные люди из самых разных уголков России — Великого Устюга, Тотьмы, Вологды, Соликамска, Тулы, Рыльска, Курска, Иркутска, Селенгинска, Тобольска, Якутска...

Вот список имён русских купцов — кавалеров золотой медали «За полезные обществу труды» с изображением императрицы Екатерины II, за открытие и освоение Русской Америки: Буренин Иван (1767 г.) — вологодский купец; Буренин Фёдор (1768 г.) — вологодский купец; Голиков Иван Илларионович (1788 г.) — иркутский купец; Красильников Семён (1764 г.) — тульский купец; Кульков (Куликов, Кулаков) Иван (1764 г.) — вологодский купец; Куль-

ков Василий — вологодский купец; Никифоров Иван (1764 г.) — московский купец; Лапин Иван Саввич (1767 г.) — соликамский купец; Лебедев-Ласточкин Павел Сергеевич (1779 г.) — якутский купец; Орехов Афанасий (1764 г.) — тульский купец; Панов Григорий (1764 г.) — тотемский купец; Панов Пётр (1764 г.) — тотемский купец; Попов Василий (1764 г.) — лальский купец; Сабинин Егор (1764 г.) — московский купец; Снигирёв Илья (1764 г.) — тобольский купец; Суханов Афанасий (1764 г.) — яренский купец; Титов Андрей (1764 г.) — тотемский купец; Томилов Иван (1764 г.) — яренский купец; Чебаевский Афанасий (1764 г.) — лальский купец; Шапкин Василий (1764 г.) — вологодский купец; Шелихов Григорий Иванович (1788 г.) — рыльский купец; Шилов Василий Иванович (1767 г.) — великоустюжский купец.

Скажите мне: кто в России помнит их имена? Только сотрудники Музея мореходов Тотьмы?

И второй вопрос: какой ценой обошлись для России результаты проведения и Первой, и Второй Камчатской экспедиций?

Вот что, например, сообщает в своей статье доктор исторических наук Николай Петрухинцев «Прорыв на восток. Истоки и исход экспедиции Беринга»: «Цена эта была чрезвычайно велика и не ограничивалась

только потоком денежных средств, десятилетие лившихся из скудного российского бюджета в тяжело воевавшей и периодически голодавшей стране.

Огромной она была и для населения Восточной Сибири, над которой в конце этого десятилетия стоял несмолкающий вопль. Даже одна только переброска провианта через Юдомский крест к Охотску по дороге, которая „не токмо в болотных и грязных местах вымощена и нагачена, но и не росчищена... весьма корениста и завалена лесом дрязгом и во многих местах болотна и грязна“ и непроходима ни для саней, ни для телег, могла осуществляться лишь якутскими лошадьми, перевозившими провиант вьюками весом не более пяти пудов. Годовая потребность экспедиции Беринга в Охотске только в провианте исчислялась им самим в 1740 году в 18 111 пудов, то есть требовала в год только на последнем участке как минимум 3 622 рейсов якутских лошадей или оленьих упряжек, собираемых, как правило, „с запасом“, и перевозки продолжались уже семь лет. Они стали серьёзным бедствием для всей производственно-экологической системы якутов („и многия лошади в тех путях у них поумирали...“), усугубляемым „выкупкою от них и рогатого скота, которой идёт в морской провиант и на пропитание служителей и рабочих людей, понеже якуты не очень охотники

многово скота продавать“: последнее вполне естественно, ибо ставило их почти на грань голода. Не менее драматична была „подводная повинность“ для собачьих упряжек и всего хозяйства камчадалов с их ещё более хрупкой системой взаимодействия с местной природой („здешние аваченские жители... аленей у себя не имеют, а питаютца рыбою и кореньями и ещё что море даст какова зверя и прочее животное...“), вызвавшей к жизни вынужденный обычай оставления на смерть больных и стариков, когда-то так возмущивший Беринга.

Но четырёхтысячевёрстный путь транспортовки провианта из Якутска в Охотск стал не меньшим бедствием и для русско-го населения Сибири. Для перевозки провианта „и ныне при Якуцке работных людей содержитца 1028 человек, в том числе пашенных крестьян — 686 человек, которые крестьяне сказывают, что за отлучкою их от домов как пашня, так и прочие домовые работы остаются в неисправлении...“ А это было настоящим ударом по ещё очень слабой системе восточно-сибирского земледелия: „И ныне за удовольствием экспедицию и работных людей и салдат провиантом, к тому ж и за недородом в помянутых верхоленских местах хлеба, такая в Якуцку высокая хлебу цена произошла, что по 70 коп. и больше пуд ржаной муки покупают, да и

той ещё едва сыскать можно, отчего здешния жители, убогия люди, немалую нужду принимают“. Стоимость пуда ржи, эквивалентная годовой сумме подушной подати с русских крестьян, была достаточно ярким индикатором общего неблагополучия в Восточной Сибири. Объективный наблюдатель, отметивший все эти негативные последствия и неизбежный дальнейший рост расходов осенью 1742-го, в разгар Русско-шведской войны, подводил центральные власти к решению закрыть экспедицию.

Этим объективным наблюдателем был сорокалетний беринговский капитан Алексей Иванович Чириков — русский моряк, прошедший почти весь путь становления петровского флота с того момента, как он 12-летним мальчиком переступил порог Навигацкой школы. Сын помещика средней руки (отец его владел 19 дворами в Торжском, Тульском и Галицком уезде) не мог равнодушно смотреть на бедствия, причинённые амбициозным проектом сибирскому населению, и, вероятно, уже видел ту опасную грань, за которой слишком стремительный аннинский „прорыв на восток“ может оказаться тормозом для дальнейшего освоения восточных российских окраин».

Ещё раз подчеркну для тех, кто не понял, — объективным противником Второй

Камчатской экспедиции был один из главных реальных её исполнителей — Алексей Ильич Чириков, капитан пакетбота «Святой Павел».

И последнее, что я хочу сказать. Мы свято чтим имя мореплавателя Витуса Беринга, оправдывая все его неудачи. Строим музеи, возводим памятники, называем его именем моря, проливы, острова, улицы, скверы, аэропорты...

Повторюсь — я не против... Более того, я считаю, что мой родной Усть-Камчатск как приустьевое портовое поселение появилось на свет благодаря Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга — 2 (13 по новому стилю) сентября 1728 года, когда возвратившийся из морского похода бот «Святой архангел Гавриил» встал здесь на зимовку, где для членов экипажа предусмотрительно была построена казарма, а на самом устье, для обеспечения безопасного захода, маяк. Позже отсюда же бот «Святой Гавриил» отправился в 1732 году открывать Русскую Америку...

Я против другого. Против забвения своих собственных соотечественников, которые не на словах, а на деле, не в реляциях и ра-

портах, а своим трудом, здоровьем и жизнью расплачивались за те великие подвиги, которые потом приписывались другим.

Я рад за жителей Тотьмы, которые отдали дань уважения подвигу своих земляков.

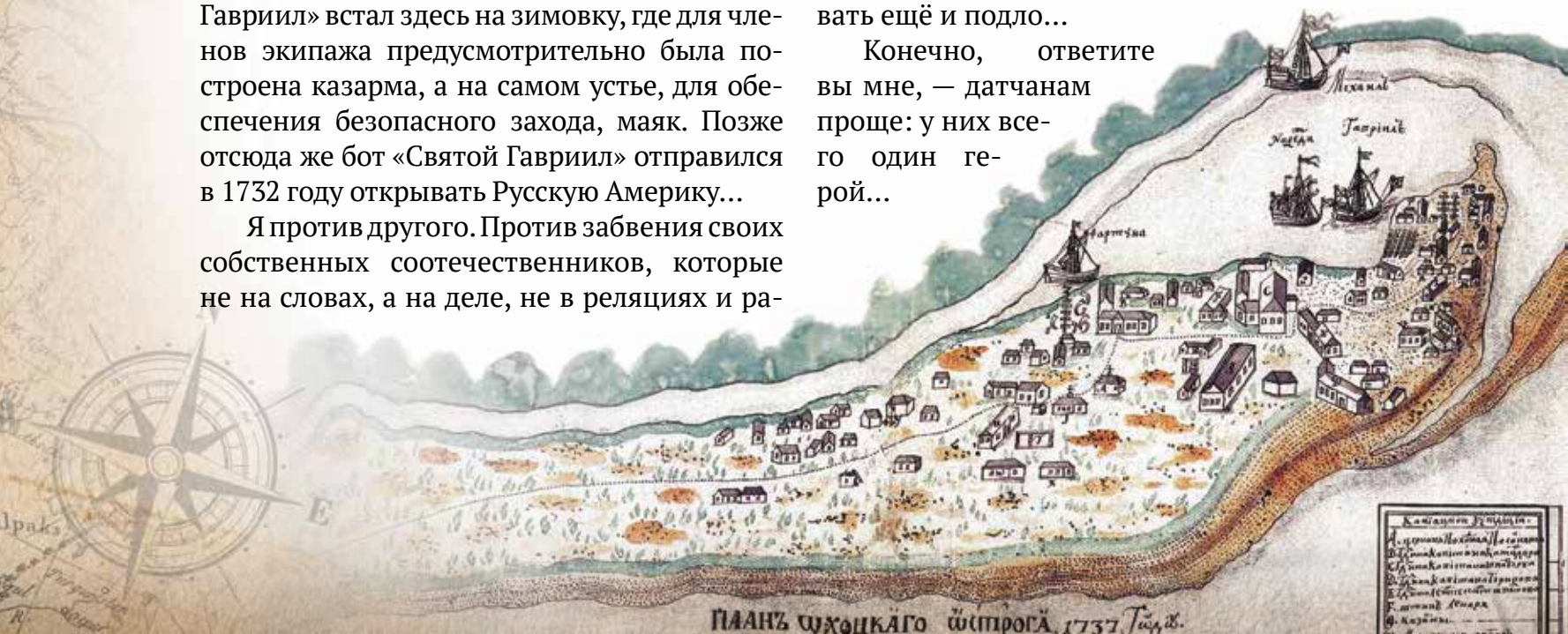
Но вклад Тотьмы — это ведь только капля в море от всего того, что было совершено здесь, на Камчатке, в этом заброшенном, официально не существующем с 1968 года поселении Нижнекамчатск, откуда началось всё то великое, чем до сих пор (и даже после позорной продажи Аляски) гордятся наши соотечественники...

А мне горько и стыдно...

Горько — потому что несправедливо предавать память о своих предках.

Стыдно — потому что эту память предавать ещё и подло...

Конечно, ответите вы мне, — датчанам проще: у них всего один герой...

ЕНИСЕЙСК

Основной состав гарнизона Енисейского острога, построенного в 1618 году, — берёзовские казаки.

Прежде всего — это атаманы Галкины: Иван, Осип, Никифор. Их отец, Алексей, был атаманом в Берёзове, возможно, что он пришёл в Сибирь вместе с Ермаком Тимофеевичем.

Впоследствии состав постоянно менялся — так пришёл с Руси стрелецкий и казачий сотник Пётр Бекетов, построивший с енисейскими казаками Ленский острог, ставший впоследствии острогом Якутским и городом Якутском — столицей обширного Якутского воеводства — от Амура до Чукотки и Камчатки.

Вот имена его первостроителей: десятичники Васька Бугор, Андрюшка Дубина, Мелентьев; рядовые: Васька Колесников, Семейка Чукарист (Чуфарист), Елеска Юрьев, Тренка Коляга, Алёшка Архипов, Томилка Артемьев, Ивашка Черноус, Микляшка Полуктов, Игнашка Вангин, Васька Горан, Якунка Филатов, Алёшка Голой, Лютко Яковлев, Рычко Яковлев, Клишко Иванов, Сивко Семёнов, Ивашка Щербак, Ивашка Падерин, Афонька Авдеев, Агапитко Иванов, Стёпка Марков, Федька Кайгородец, Оська Семёнов, Савка Семёнов, Стёп-

ка Осипов, Костекинко Петров, Гуляйко Фёдоров, Пронька Васильев, Якунка Софонов, Федька Васильев, Гаврилка Никитин, Дружинка Чистяков, Сачка Самсонов, Тренька Григорьев, казачий наслушник Куська Габышев, толмач Дунайко Петров и промышленный человек Якунка Семёнов Заруба.

Семейка Тимофеев сын Чуфарист первым из енисейцев завёл себе жену на Лене. А потом его примеру последовали и другие — так и у енисейского казака Семёна Дежнёва появился на Лене сын Любим — будущий якутский казак.

Интересная судьба у казаков по фамилии Голой или Голых.

Алексей Семёнов Голой был енисейским стрельцом, ставшим якутским казачком, входившим в отряд землепроходца енисейского казачьего пятидесятника Ильи Перфильева, в числе самых первых русских освоивших бассейн реки Яны.

А в 1651 году вошёл в историю, по всей видимости, его сын — Семён, служивший денщиком в Якутской приказной избе. Он был публично порот кнутом за то, что объявил слово и дело на бывшего дьяка Петра Стеншина. Всё это «Слово и Дело» заключалось в том, что якобы Стеншин сказал Голому «чтобы он, Голый, не дорожил делом, не служил государю и не грубил другим».

Станным образом, конечно, намешано, может быть, и действительно чего-то не слышал или ослышался Голый, но всыпали будь здоров: «Голый сознался в своём поклёпе, за что был предварительно посажен в тюрьму, а в день наказания, утром, присуждён к битью по торгам кнутом нещадно, „чтобы иным таким вора́м впредь не повадно было так затейными словами воровать“».

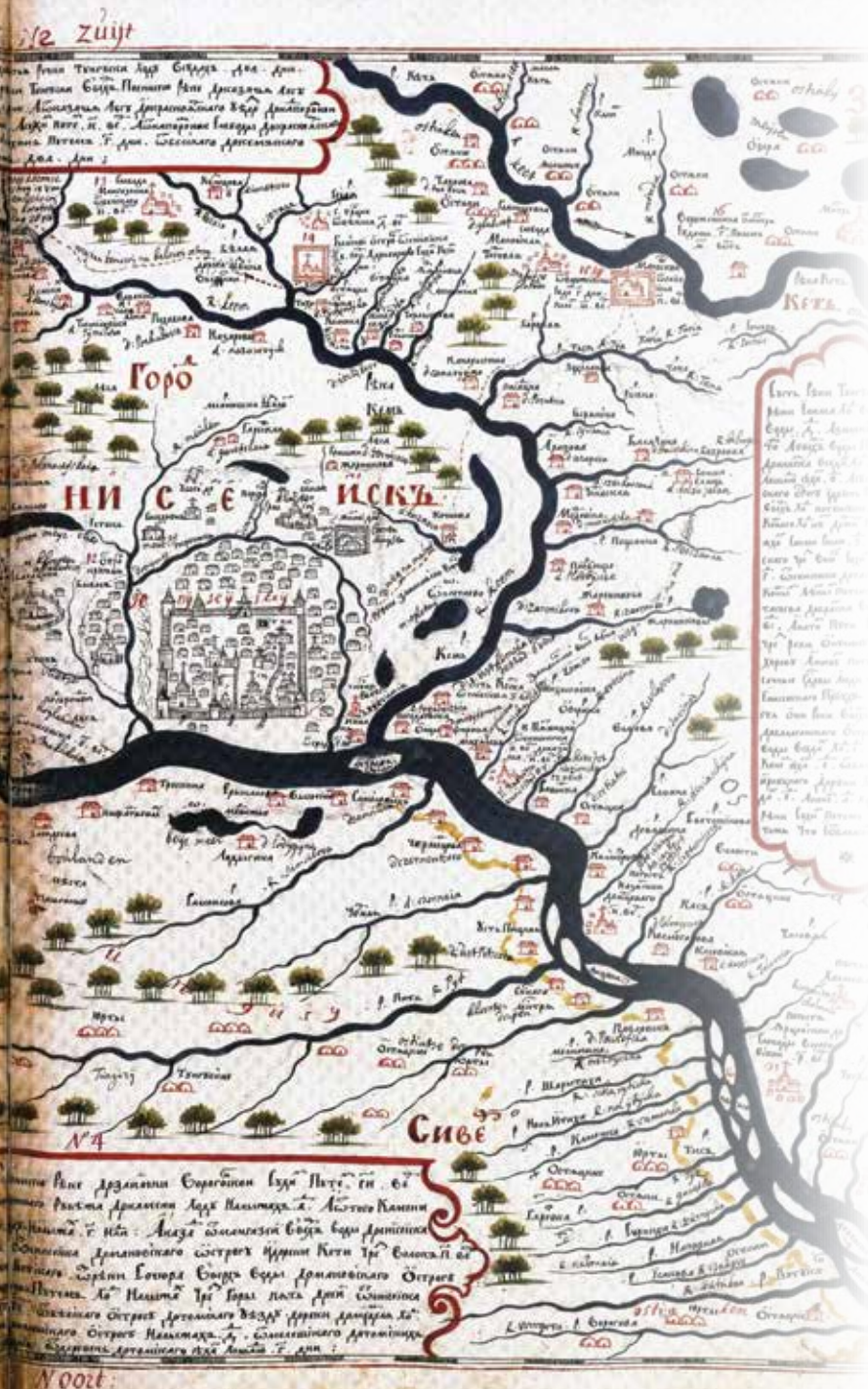
Секрет же был в другом — воевода Францбеков, вложивший в поход Ерофея огромные личные и под видом личных казённые средства, больше всего на свете боялся бывшего дьяка Якутской приказной избы Петра Стеншина, оставшегося в Якутске от прежнего воеводы Пушкина, который грозился разоблачить Францбекова и Хабарова.

Вот, в частности, что Стеншин в том же 1651 году доносил царю: «А по том, государь, пашенном крестьянине, Ярофейке Павлове сыне Хабарове устюжанине, взята в твою государеву казну поручная записка. И та по нём записка воеводе Дмитрею Францбекову и дьяку Осипу Степанову отдана. А в той ево, Ярофейковой, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, на Лене-реке на Усть-Киренги-реки после урочных годов на тебя, государя, пашня пахать от девяти десятую десятину по вся годы без переводно, чтоб год от году пашня пространилась и не запустела, и хитрости и порухи никоторой не чинить и

пашни не покинуть. А будет пахать пашни не станет и пашню покинет, и на тех порутчиках взяти твоя, государева, пеня и их порутчиковы головы в его Ярофейковы головы место. И твоя государева пашня, а не токмо, государь, что ему такая твоя государева даурская служба и посольская речь, за обычай. Нигде тот Ярофейко на твоей государеве службе преж сего, ни в посольстве не бывал и ничего, опрично пашни, тот Ярофейко не знает. Да с ним же, Ярофейком, в те поры воевода Дмитрий Францбеков из Якутцкого острогу отпустил твой государев наряд три пушки, которые у нас приняли, да твоих государевых служилых людей Тобольского города казаков Третьяка Ермолина сына Чечигина с товарищи дватцать человек. А послал, государь, он, Дмитрий, того Ярофейка Павлова в Даурскую землю не для твоей государевой службы, а для своей бездельной корысти и нажитку, дав ему, Ярофейку, своих денег две тысячи девятьсот рублёв».

А вот и конкретно на воеводу: «А которых служилых отпускал и ныне ссыльных служилых же людей посылает, он у них оклады их твоего государева денежное и хлебное жалованье всё себе емлет, а им даёт, покупая пища и свинец и зелье и платье. В том на них сверх их окладов емлет кабалы, и в те кабалы сверх займов треть денег невзятых, вместо росту, лишку приписывает.

Кому дать десять рублѣв, а кабалу на него пишет в пятнатцати рублѣв, а кому даст дватцать рублѣв, а кабалу пишет в тритцати рублѣв, а кому даст больши, и те кабалы пишет по тому ж розчѣту. И с теми де он приписными денгами тое даурскую службу почитает в тритцать тысяч рублѣв слишком».

Поэтому так и досталось Семёну Голых, что воевода хотел подольстить Петру Стеншину.

Но воеводы приходят и уходят — о них остаётся только такая вот память: «был воевода Головин, тот головнею людей покатил, приехал Василий Пушкин, так стало пуще, а как Дмитрий Францбеков приехал, то весь мир разбежал».

Несмотря на то, что вокруг Якутска Францбеков выставил заставы и обыскивал каждого отъезжающего на предмет возможного доноса, тем не менее донос Стеншина до Москвы дошёл, и новому воеводе Акинфому было велено «сыскать о всех злоупотреблениях, а все грабёжные и посульные животы отписать на государя». Что Акинфов с большим удовольствием и сделал.

А Голые продолжали служить.

Стенька Голых в 1685 году участвовал в обороне Албазинского острога и после сдачи крепости перешёл на службу к бог-

дойскому царю: «После взятия китайцами острога Албазин (в китайской традиции — Яксы) 45 пленных казаков, героически оборонявших приграничную крепостицу, привели в Пекин. Версию о добровольном переходе на службу к китайскому императору албазинцы отрицают категорически. Весь путь пленники проделали пешком, большинство при этом погибли. До столицы Китая смогли добраться представители пяти фамилий: Дубинины (в Китае ставшие Ду), Яковлевы (Яо), Романовы (Ло), Хабаровы (Хэ) и Холостовы (Хо). Правитель Китая оценил мужество и боевые качества казаков: в составе личной императорской гвардии была создана специальная Русская сотня. А самих албазинцев китайцы называли „ло-ча“. Казакам положили хорошее жалованье, дали землю, дома, жён. Последними были то ли придворные девицы, то ли вдовы казнённых преступников — в разных семьях бытуют различные версии. Так албазинские казаки стали смешиваться с китайцами, превратившись в особое этническое сообщество — китайское по языку и православное по вере».

В 1706 году во второй пятидесятне Якутского казачьего полка служил Алексей Голый.

Впоследствии на Камчатке мы видим две самостоятельные ветви этой фами-

лии — одну крестьянскую — в селении Ключи, а другую военную — в Петропавловском порту: Пётр Семёнович Голых в 1815 году служит квартирмейстером (унтер-офицером) Петропавловской экипажной роты Охотского флотского экипажа, а его сын — Илья Петрович Голый, матрос 47-го Камчатского флотского экипажа, участвовал в обороне Петропавловского порта.

Позже, уже в 1880-х годах семья петропавловских мещан Голых неожиданно переселится в село Камаки, где традиционно проживали аборигены — камчадалы: вполне вероятно, что родственники Голых по женской линии были из этого древнего поселения.

А мы вернёмся к изначальной нашей теме — к Енисейску.

Одной из самых значительных исторических фигур на северо-востоке России в начале 18-го столетия был мало кому сегодня известный толмач Иван Енисейский, который первое время даже не состоял на казачьей службе.

Но этот — малоприметный для нынешних историков — человек был самым опытным камчатским проводником, пришедшим на Камчатку задолго до Владимира Атласова.

Иван Енисейский был отправлен в Анадырский острог к приказчику Андрею Цы-

пандину во время якутского воеводства Ивана Михайловича Гагарина в 1689 году.

Его послужной список заткнёт за пояс любого знаменитого землепроходца: «...служил де он Иван нам великому государю из Якуцкого на заморских реках до верстанья службы и в поверстанью служил многие годы. И в прошлых де годех, при бытности в Якуцком стольника и воеводы князь Ивана княж Михайлова сына Гагарина, послан он из Якуцка на нашу великого государя службу в Анадырской острог к прикащику к Андрею Цыпандину, и из Анадырского острогу ходил он, по посылке того прикащика, с прикащиком же Семёном Чернышевским на немирных Чукочь к морю, боевым походом, и разбили 16 юрт. А как в Анадырской острог пришёл из Якуцка на перемену вышеписанному прикащику Андрею Цыпандину прикащик Михайло Черкашенин, и он де в то время из Анадырского ходил с прикащиком Лукою Морозком, для проведывния на Камчатке, в четырнадцати человеках, проведав на Камчатке немирных коряк, билися с ними не щадя голов своих и разбили 7 острогов, и из-за того бою троих аманатов взяли да лисицу чернобурую, а иных Коряк в наш великого государя ясак объясачили. Да он же Иван от того Луки Морозка послан был в немирные ж Коряки для призыву под

нашу великого государя высокую самодержавную руку в ясачный платёж, а тех Коряк оленных, князца Иктеня с родниками, он Иван в ясачный платёж призвал; а по призыву де его тот князец с родниками принял в нашу великого государя казну чернобурые лисицы пластину, да ясаку с них собрали 2 сорока соболей; а в том де походе был он 3 года. И после того, в бытность в Якуцком стольников и воевод Михайла и Андрея Арсеньевых, пришёл прикащик в Анадырской острог Володимер Атласов... его Ивана он Володимер взял с собою на Камчатку вожем и толмачём. И он де Иван служил нам великому государю с ним Володимером во всех походах, и на боях бился без нашего великого государя жалованья 3 года, и с ним Володимером с Камчатки за нашу великого государя казною в Якуцкой вышел. И по выходе, в прошлом 700 году, послан был из Якуцка на нашу великого государя службу в Камчадальской же острог с прикащиком Тимофеем Кобелевым вожем же и толмачём; и как дошли с ним Тимофеем до Паланы реки, из Камчатки шёл за нашу великого государя казною служилой человек Потап Серюков, и его Потапа и с ним трёх человек служилых людей коряцкой князец Ача с людьми своими побили и нашу великого государя казну пограбили. ...А как де из Якуцкого шёл на Камчатку на

перемену Тимофею Кобелеву прикащиком Василий Колесов так великому государю бил челом, а Тимофею Кобелеву подал челобитную, чтоб его Ивана он Тимофей отпустил с ним Васильем на Камчатку вожем и толмачём против прежнего. И по тому его Васильеву челобитью, по посылке от Тимофея Кобелева, с ним Васильем он Иван на Камчатку ходил, и его Василья с служилыми людьми до Камчацкого острогу довел; ...И в Якуцком в прошлом 707 году, по нашему великого государя указу, поверстан он Иван в казачью службу в десятники. ...И по нашему великого государя указу, велено ему Ивану, за вышеписанные службы, быть во дворянх по Якуцкому; а оклад ему учинить новичной, денег 16 рублёв, хлеба и соли против тогож; и то нашего великого государя денежное жалованье в Якуцкой даче к 5 рублём с четвертью с поверстви его 10 рублёв 25 алтын на 711 год ему Ивану выдано на Москве из сибирского приказа. И как к вам ся наша великого государя грамота придёт, и вы б о верстанье Ивана Енисейского по Якуцку в дворяне в новичный оклад учинили по вышеписанному нашему великого государя указу, а нашего великого государя жалованья на 711 год ему Ивану давать не велели, а на предбудущие годы давали без задержания. Писан на Москве, лета 1711, генваря в 9 день».

Царь, как мы видим, оценил землепроходческие заслуги Ивана Енисейского — произвёл его в сибирские дворяне. В 1713 году Иван Енисейский был назначен камчатским приказчиком, но по возвращении в Якутск на реке Пенжине был убит «немирными коряками».

Нечто подобное повторилось и через тридцать лет: «Первые беспокойства, принадлежащие к описываемому здесь времени, открылись между ними еще в 1744-м году; а чрез два года после того произошло общее возмущение кочующих и оседлых Коряков, которые осенью в 1746-м году соединёнными силами напали на Акланский острог, возобновлённый только за четыре года пред тем, и умертвили бывшего в Акланске начальником Сержанта Ивана Енисейского с находившимися там Козаками, коих было, как кажется, не менее 20-ти человек; и потом многие другие жестокости и убийства производили».

Вполне вероятно, что сержант Иван Енисейский был сыном сибирского дворянина Ивана Енисейского, нёсшего, как и его отец, службу в здешних краях, но уже не в казачьих (нерегулярных), а в регулярных войсках, пытавшихся покорить «немирных коряк и чукоч». Но эти мало кому известные сегодня трагические события на Крайнем Севере продолжались ещё долгие годы...

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ, УКРАИНА

Казаков (в том числе и запорожских, чей стан — Сечь — была за порогами Днепра) называли в прошлом черкасами.

Версий происхождения этого слова великое множество, но мы остановимся на одной: «Старые историки (в частности В.Н. Татищев и А.И. Ригельман) придерживались версии, что название города происходит от слова черкесы — одного из экзоэтнонимов народов Кавказа и особенно представителей адыгских народов, которые, по мнению В.Н. Татищева, составили пятигорские хоругви Речи Посполитой, получили земли и влились в польскую шляхту, а крестьян, подражавших своим хозяевам, шляхтичам из черкесов, и носивших кавказскую одежду (черкески), стали называть черкасами. Впоследствии, когда Стефан Баторий расселил „москвитян“, „волохов“ (жителей Дунайских княжеств, включая русинов) и „тех из наших подданных, кого Мы (прежние короли Речи Посполитой) казнить хотели“, как реестровых казаков вокруг города Черкассы, этих казаков по названию города и Черкасского полка стали называть черкасами».

Если эти историки не правы или их версия устарела, то мы готовы выслушать новые, более оригинальные.

Но традиция сохранилась: «Когда турецкое войско ходило под Астрахань, то в оное время царём Иоанном Васильевичем призван был с Днепра князь Михайло Вишневецкий с 5000 запорожских казаков, которые, соединясь с поселёнными на Дону, великую победу на сухом пути и на море над турками одержали, и таким образом без оных черкасских казаков большая часть оставшихся на Дону в 1570 году, построили совокупно с Донским сей город, в коем и жили долгое время без жён, как запорожцы».

И называли они тот город Черкасск (ныне станица Старочеркасская). Этот город до 1805 года был исторической столицей Казачьего Дона, Всевеликого Войска Донского. Затем столица переместилась в Новочеркасск.

Но в России казаки с Дона назывались донскими, с Волги — волжскими, с Терека — терскими, а с Яика — яицкими.

Реестровые (Войско Его Королевской Милости Запорожское) и нереестровые казаки Украины, служившие попеременно Польше (Речи Посполитой) или Турции (крымскому хану), будучи военнопленными в результате беспрестанных военных столкновений с Россией, ссылались в Сибирь — либо «в службу», либо в пашню.

Верстание военнопленных «в службу» велось издавна: примером тому один из

сподвижников Ермака Тимофеевича: «Атаман Афанасий Черкасов сказал: отец его Иван Александрович, а по тогдашнему Черкас Александров (о котором по означенным сказкам детей боярских в 7167 г. значит), служил с Ермаком в атаманах и Сибирь взяли вместе, после служил в Тобольске в Татарских головах (начальник полка) и получал жалованья денег 25 рублей, хлеба 50 четвертей и соли 3 пуда в год. В 1594 году командирован был из Тобольска, вверх по Иртышу, для строения города Тары, и под начальством его было служилых Татар 100 человек. Это подтверждается и Сибирской Историей. В 1594 году для построения города Тары повелено было воеводе князю Андрею Елецкому взять к себе в Тобольске Литвы, Черкас и казаков 100 человек под команду головы Своитина Рупозова, также и Тобольских служилых Татар 100 человек, под начальством атамана Черкаса Александра в двух Татарских голов Баязейта и Байбахты, Тобольских ясачных Татар тех волостей, которые от Тобольска, вверх по Иртышу, лежат, 300 человек, под командой их же Татарских начальников, да ещё из тех же ясачных Татар 150 человек в работу на суда, которым из Тобольска до Тары идти определено. У Черкаса Александра были дети Борис и Афанасий, и этот Афанасий, по грамоте из Сибирскаго приказа, вёрстан в Тобольске в дети бо-

ярские, при воеводе князе Иване Петровиче Буйносове-Ростовском (1613—1616), а оклад ему был денег 10 рублей, хлеба ржи и овса 16 четвертей, соли 3 пуда. И как приехал в Тобольск (1623 г.) боярин воевода князь Юрий Яншеевич Сулешев, то послал его с отписками к Москве, и он, Афанасий, с малодушия своего, с Москвы сошёл в Соловецкий монастырь, а из Соловков ходил в Русских городах лет с шесть, а в его место повёрстан в Тобольские дети боярские Спиридон Шелехов; „и как он, Афанасий, из Русских городов прешёл в Тобольск 7138 г., то за службу отца его, по приговору боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкаго, велено ему, Афанасью, быть в атаманах, вместо прежняго атамана Корнила Дурынина, и оклад ему учинён, что ему, Корнилу, был, денег 14 рублей с четвертью, хлеба ржи и овса 15 четвертей, соли 3 пуда. У него, Афанасья Черкасова, дети: Михайло 35, Игнатий 25, Марко 18, Евдоким 15, Яков 12, Максим 9 лет, а сенных покосов вверх по Тоболу в Черкасове ереку на 250 копен“. Другой сын Черкаса Александра — Борис сказал об отце своём то же, что и брат его, Афанасий, и о себе, что „повёрстан за службы отца своего в дети боярские 7138 г., при боярине ж воеводе князе Алексее Никитиче Трубецком, и оклад ему учинен 10 рубл. денег, хлеба ржи и овса 5 четвертей, соли 3 пуда.

У него дети Василий, Герасим и Иван; деревня безсенная, покосов по речке Суклему от города 15 вёрст и, кроме того, сенные покосы повыше города на усть Черкасова ереку на 200 копен. Василий Борисов Черкасов, сказав о деде своем Черкасе Александрове и отце Борисе Иванове, о себе дал сказку, что в 7155 году, по приговору боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова, велено ему, Василью, служить в Тобольске с детьми боярскими в недорослях, а оклад ему учинён: денег 5 рублей, корму хлеба ржи 3 четверти, соли два пуда без четверти. У него сенные покосы деда и отца его за рекою Иртышем выше Черкасова ереку. Прочие же братья его, Герасим и Иван Борисовы, и дети дяди его Афанасья, Михайло и Евдоким служили в Тобольских детях боярских; а Игнатий, Яков и Максим Афанасьевы также служили в Тобольске в детях боярских и были в сражении, под командою головы Алексея Шульгина, против Киргизов, в 1693 году, у озера Семис-Куля: первые два убиты, а последний взят в плен и претерпел там жестокия истязания и раны, и, бежав оттуда, служил в Тобольске в детях боярских, и прибавлено было ему жалованье. Герасимовы дети внуки Васильевы и правнуки Черкаса Александра: Иван, Алексей, Степан, Гаврило, Нефёд и Никита Евдокимов, внук Афанасья, служили в Тобольских детях боярских.

Осип Яковлев служил в Тобольске в детях боярских, получал жалованья денег 7 рублей, хлеба ржи и овса 7 четвертей, и потом определён Сибирским дворянином, с жалованьем по 20 рублей, хлеба по 20 четвертей. Был в Барневской слободе (комисаром и потом в Тобольске обер-рекетмейстером, и по смене оттуда в Исетском дистрикте правителем и, наконец, в городе Пелыме воеводою до 1736 года“».

В 1654 году «Войско Его Королевской Милости Запорожское», теперь уже как государственное образование «Гетманщина», вошло в состав России территориально. Владения Сечи Запорожской — некогда Дикое поле — охватывали земли современной Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областей, частично — Кировоградской, Одесской, Николаевской, Донецкой областей.

Но это и период постоянных раздоров внутри Гетманщины — Левобережной Украины, правящая верхушка которой постоянно была в измене начиная с легендарного Богдана Хмельницкого, подписавшего Переяславскую Раду.

Чтобы не быть голословным, я отошлю вас к статье доктора политических наук М.В. Жеребкина «Измены украинских гетманов: цели, смыслы» (она есть в интернете), в которой он говорит и о Хмельницких

(Богдане и Юрии), и об Иване Выговском, Иване Брюховецком, Петре Дорошенко...

Измены беспощадно карались. А Сибирь пополнялась всё новыми и новыми Черкасовыми и Черкашениными.

Эти перипетии черкасской судьбы хорошо прослеживаются в биографии ещё одного гетмана Украины, сосланного в Сибирь — Демьяна Игнатьевича Многогрешного (хотя некоторые историки считают, что Игнатович — это его фамилия).

Происхождение его неизвестно. Официально — он из простых казаков, во что не очень верится. По другой версии — он представитель шляхетского рода Игнатовичей.

Участвовал в казацко-крестьянском восстании против Речи Посполитой в 1648–1654 годах.

В 1688 году принял участие в антимосковском восстании под руководством Ивана Брюховецкого.

Затем стал полковником у гетмана Петра Дорошенко, пытавшегося объединить обе Украины.

После объединения Украины и получив самостоятельное гетманство над одной из её половинок (Левобережной Украины) от Дорошенко, Многогрешный сдаёт её Москве, а Дорошенко принимает вассалитет от Турции.

В ночь с 12 на 13 марта 1672 года гетман Многогрешный был низложен по доно-

су Ивана Самойловича о своих связях с Дорошенко по поводу передачи Левобережной Украины под власть Турции. Самойлович был избран гетманом вместо Многогрешного и начал активно работать против Москвы (жизнь свою тоже закончил в Сибири).

Демьян Многогрешный был приговорён к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Сибирь. Долгое время томился в Иркутской тюрьме, потом был сослан в Селенгинский острог, где оставил о себе благодарную память.

Вместе с ним был сослан и его брат — Черниговский полковник Василий Многогрешный, томящийся в тюрьме Красноярска, но за особые заслуги по обороне города вёрстаный впоследствии в дети боярские.

Но мы расскажем вам о племяннике Демьяна и Василия — о Михаиле Зиновьевиче Многогрешном Черкашенине.

Да-да, приходится перечислять целый набор имён и прозвищ, так как весь этот набор вошёл в историю, внося путаницу. Даже великий Степан Петрович Крашенинников, скрупулёзно отделяя зёрна от плевел истории, внёс некую путаницу в связи с нашим героем.

Вот что было найдено в его черновиках: «...упоминаются прикащики сын боярской Тимофей Кобелев и казачей пятидесятник Василий Колесов, Василей Шелковников,

Михайло Черкашенин, он же и Многогрешной, и вышеобъявленной служивой Михайло Зиновьев, который по возвращении своём, а кто сколько времени сидел на приказе, и кто какую учинил прибыль, того заподлинно объявить нельзя, ибо все, особливо Кобелев и Зиновьев, приписывают себе в челобитных своих за службу, что они Нижней Камчатской и Большерецкой остроги построили, но по словесным известиям даётся оная честь Тимофею Кобелеву, а о Зиновьеве ничего не упоминается, может быть для того, что он как рядовой служивой был у Кобелева под командой».

Но в то же время именно Степан Петрович первым выделил исключительную роль Многогрешного в освоении Камчатки: «Атласов с главными 10 заводчиками посажен в тюрьму, а на место его в 1702 году отправлен на Камчатку по выбору служивый Михайло Зиновьев, который бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, ещё прежде Атласова, может быть, с Морозкой».

«Кобелева сменил вышеописанный Михайло Зиновьев, который отправлен из Якутска вместо Владимира Атласова, а правил он камчатскими острогами до прибытия казачьего пятидесятника Василия Колесова, с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первый он завёл ясачные книги, в которые камчадалов поимённо начал вписывать».

А вот некоторые подробности из сибирской биографии нашего героя:

«Михаила Зиновьева в Якутск привезли в сентябре 1674 г. якутские и красноярские служилые люди. Он, в отличие от Демьяна Многогрешного, в Якутске и в уезде жил постоянно, до смерти. Сначала его сколько-то лет держали в тюрьме „скована“, затем освободили и во второй половине 1670-х годов зачислили в служилые люди. В Якутской окладной книге 1681 г. он числится рядовым казаком с годовым окладом жалованья в 5 рублей денег, 7 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 пуда соли. В окладной книге 1684 г. о нём пишется: „Мишка Зиновьев сын Многогрешного, в нынешнем во 192 году июля в 21 день хлебной оклад учинён ему женатой, потому что он женат“. Рядовым казаком, но с женатым окладом, он числится в окладных книгах 1686, 1691, 1696, 1701 и 1702 гг. И только после столь долгой (более 20 лет) службы в самом низшем разряде служилой лестницы смог он выдвинуться. По данным Н. Оглоблина, в 1702 г. его назначают приказчиком одного из камчатских острогов» (Сафронов Ф.Г. История Северо-Восточной Азии 17 – нач. 20 в.).

Не совсем так.

В 1685–1687 гг. казак Михаил Многогрешный был приказчиком Алазейского зимовья, в 1688–1690 гг. — приказчиком Анадырского острога, откуда он и послал на

поиски Камчатки отряд Ивана Васильевича Голыгина.

Он дослужился только до первого казачьего чина — десятника, хотя С.П. Крашенинников упоминает его в чине сына боярского.

Если у Демьяна и Василя Многогрешных остались сыновья, продолживших род, то в отношении якутской фамилии Многогрешный, у нас таких сведений нет.

Но вот в отношении фамилии Зиновьев (а это была обычная практика давать фамилии по отчествам) есть любопытный материал: в 1681 году в Якутске служит казак Мишка Зиновьев (это наш герой), в 1748 году там же служит в пятидесятниках Семён Алексеев сын Зиновьев и его брат

Иван. Как мне сегодня удалось выяснить — это внуки Многогрешного. Ибо сыном его был дворянин Алексей Михайлов Зиновьев [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2361. Л. 3]. И гижигинские Зиновьевы — их прямые потомки.

В 1853 году на Камчатку из Гижиги были переселены казаки в специально для них отстроенное село на берегу бухты Сероглазка. Но Зиновьевы остались в Гижиге.

А мы продолжим свой рассказ о черкасах.

В 1735 году по следствию о знаменитом Харчинском бунте на Камчатке, материалы о котором собирал для своей будущей книги А.С. Пушкин, в числе многих казаков, виновных в случившемся, был и Онофрий Черкашенин.

А в 1812 году в гренадёрской роте майора Крупского Камчатского гарнизонного батальона служил рядовой Антип Иванов сын Черкашенин.

Они тоже могли быть потомками якутского казака Михаила Черкашенина.

Но необязательно только его — в Якутск в 1651 году был сослан Черкашенин Карп Якимов сын.

В 1706 году в десятой пятидесятке Якутского казачьего полка служил Фёдор Иванов сын Черкашенин.

Хотя на Камчатку призывали и из других городов Сибири. А здесь выбор был велик:

Томск (1680 г.) — «Митька Самойлов сын Черкашенов, отец черкашенин, взят под Смоленском, переведён к Москве, по государевой грамоте прислан в Томск в конную службу, а он, Митька, повёрстан в отцово место при воеводе Иване Бутурлине. Оклад 7 рублей с четью, 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Тара (1666 г.) — Харитонко Васильев сын Черкашенин.

Тобольск (1696 г.) — Черкашенинов Стенька, казак литовского списка; Черкашенинов Ивашка Денисов сын, Черкашенинов Василий Фёдоров сын, Черкашенинов Бориско Васильев сын.

Тюмень (1680 г.) — десятник Тимошка Андреев сын Черкашенинов.

Красноярск (1662 г.) — конный казак Пашка Черкашенинов и Черкашенин Гришка Григорьев.

Енисейск (1669 г.) — Исачко Родионов Черкашенин.

Запорожские фамильные прозвища всегда выделялись некоторой экстравагантностью — например, в Нарымском остроге отбывал службу Пётр Жадная Брага, в Берёзове — казак Кривая Горница, потомки которого — Кривогорницыны — служили в Енисейске, Красноярске и Якутске, а якутские казаки, в свою очередь, при крещении подарили эту запорожскую фамилию за-

паднокамчатским аборигенам — камчадалам Кривогорницыным...

Но это только малая толика информации о сибиряках-запорожцах: в одном лишь Якутском воеводстве в 1640-х годах их было записано «в пашню» более ста человек.

ИВАШКА

Быстрая смена (миграция) населения на Камчатке приводит к тому, что забываются элементарные вещи, связанные с историей полуострова. И поэтому, наверное, жители села Ивашка определили датой возникновения своего села 15 октября 1922 года — дату установления в селе Советской власти как начало новой жизни села. Отчасти это было так, но только отчасти...

А вот, например, как трактуется официальная версия образования название села Ивашка: «Село названо по реке, в свою очередь гидроним восходит к русск. Иван. На корякском языке именуется Ми-ванным — предположительно „сумеречное место“».

И совершенно выпало из местной истории (а может быть, это сделано и совершенно сознательно) кровавое событие 1746 года, когда два корякских вождя (тойо-

на) — Ивашка и Дранка — возглавили анти-русское восстание.

Корякские поселения на реках, которые сегодня называются Ивашкой и Дранкой возникли задолго (за много-много веков) до появления на Камчатке русских людей.

Кстати, одна из рек называется Русаковой и легенда, которую записал С.П. Крашенинников, гласит: «Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом рекою... почитается в числе знатнейших рек, как по своей величине... так особливо, что тойоны, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по них называется Русоковою, а кто таков был, от кого род сей имеет начало, про то заподлинно неизвестно, токмо сказывают, что россиане, которые в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли».

То есть прибыли русские на Камчатку где-то вскоре после... 1648 года.

А реку Ивашку русские называли прежде Панкарой. И вот что сообщает Степан Петрович Крашенинников: «В ...губу впала река Нунгын... Казаки прозвали оную Панкарою по бывшему на южной стороне губы коряцкому острожку того имени, из которого жители переселились на северную сторону губы, построили себе острожек и назвали оной Хангота (в примечании: „Острожек

иноземческий, Кангатына называемой, отсюда начинается коряцкий язык“). Сей их острожек окружён земляным валом вышиною в сажень, а шириною в аршин. Внутри валу укреплен двойным частоколом, к которому приставлены прямые жерди. В каждой стене зделаны по две бойницы. Вход в острожек с трёх сторон, с восточной, западной и северной. И сей острожек коряки оставить намерены, а перейдут они в новый острожек, который построили над внутренним култуком объявленной губы и прозвали Уаканг-атынум».

Имени тойона Ивашки С.П. Крашенинников не упоминает. Он называет тойоном острожка на устье губы (Хангота или Уаканг-атынум) Камака, в подчинении которого было 30 «ясачных плательщиков» — два собольники и 28 лисичников.

Но имя Умьевушки (Умьеучкина) тойона Юмгина острожка, в присуде которого находились также остроги Енталан и Мекемена, упоминается несколько раз, и ему подчинялось 25 лисичников.

Впоследствии Умьевушку (после крещения он стал Стефаном Колеговым) назовут Дранкой. Обычно дранками называли на Камчатке людей, которых подрал медведь. Но, возможно, что в данном случае спина Умьевушки была «ободрана» кнутом в наказание за бунт.

А вот следы Ивашки и других участников бунта затерялись. Согласно приговору суда «камчадалам и олюторам Экче (карагинский тойон), Халюпу, Апле, Таннию, Хваволу, Лехту, Атакану, Амгытку, Апляжу да Ивашке, итого десяти человекам за убийство ими в 1746 году посланных к ним с Камчатки для ясадного сбора служилых и новокрещённых десяти человек, да корякам же новокрещён-

ным Василью да Льву Мохнаткиным, Спиридону Бекиреву, Петру, Семёну и Данилу Колеговым, Якову Антипову, Никите Заеву, Максиму Тиханову, Никите Чижевскому, Семёну Минюхину, Ивану Ащепкову за убийство ж ими и взятие в полон в том же году в Столбовском остроге ясадных коряк, всего тридцати шести человек, и за протчия их ... важныя злодественныя вины... политиче-

скую смерть: положи на плаху и сняв с оной, бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри до кости, вывезть с Камчатки из их жилищ в город Якуцк и написать тамо в ясак...»

Но его имя сохранилось и в названии корякского острожка, и в новом названии реки Панкары.

Через сто лет после описываемых событий Карл фон Дитмар отмечает: «Далее на север (от устья реки Камчатки. — С.В.) следуют поселения укинцев в следующем порядке (все они расположены по берегу Берингова моря и у устьев одноимённых рек). В 67 верстах от Уки находится Холюла (также названо по имени тойона. — С.В.) с 7 домами и населением из 14 мужчин и 20 женщин. Затем, в 46 верстах от Холюлы — Ивашка с 10 домами и населением из 34 душ мужского и 23 женского пола. Следуя вверх по течению реки Русаковой, достигают перевала, ведущего в Паллан, но никаких поселений по этой реке не имеется. 26 верстами далее лежит Дранка с 17 домами и населением из 47 мужчин и 48 женщин. Здесь есть церковь и живёт священник».

А еще через полвека население Ивашки сократилось почти вдвое: в шести домах проживало 37 человек — 19 мужчин и 18 женщин. Основной вид деятельности — рыболовство, охота на пушного и морского зверя.

Население явно вымирало.

С появлением рыбной промышленности начинается приток русского населения. По данным на 1927 год, из 66 366 пойманных лососей 23 800 были проданы рыбопромышленникам.

А в ноябре 1930 года в Ивашке образовалась рыболовецкая артель из шести человек, на основе которой впоследствии появляется рыболовецкий колхоз имени 13-й годовщины Октября.

В 1960-х годах произошло объединение двух колхозов — артели «Рыбак» из села Дранка и колхоза «Имени 13-й годовщины Октября», центральная база которого находилась тогда в национальном корякском селе Панкара в 8 км от современной Ивашки.

Новому колхозу, центральная база которого располагалась уже в посёлке Ивашка, было присвоено имя Георгия Игнатьевича Бекерева, уроженца села Дранка, который с 1953 по 1959 год возглавлял Корякский окружной исполнительный комитет.

В 2020 году колхозу имени Бекерева исполняется 90 лет. Это уже современная рыбопромышленная компания, но она чтит исторические традиции и сохраняет имя знаменитого земляка.

А вот как быть с официальной датой появления на карте Камчатки населённого пункта с названием Ивашка, если эта дата имеет очень важное для нас всех историче-

ское значение и сохраняет память о далёких событиях и человеческих судьбах?

Это уже на совести тех, кто сегодня живёт в Ивашке.

ИРКУТСК

Работая над циклом статей, посвящённых восстановлению исторических связей Камчатки с Россией и миром, я написал обращение: есть ли у Камчатки будущее?

Именно из-за того, чтобы получить ответ на этот вопрос, я тогда (в 2018 году), не имея ни малейшего свободного времени в связи с восстановлением погибшего при пожаре просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов», начинал в социальных сетях реализацию проекта фестивального движения «Камчатка – Россия – Мир», надеясь на то, что будущее у Камчатки есть (в 2024 году состоится уже третий по счёту фестиваль).

О каком будущем я говорю?

О русском будущем. О сохранении этой земли за Россией.

Вы полагаете, что у меня нет ни малейших оснований для тревоги?

А я полагаю, что есть. Ведь Советский Союз развалился не сам по себе — его развалили все те, кто хотел жить по-европейски,

по-американски, ещё по-каковски, но только не по-русски.

Сегодня русскоязычное население в массовом порядке покидает Камчатку. Это факт.

Сегодня Камчатку в массовом порядке заселяют представители Средней Азии. И это тоже факт.

И в недалёком будущем Камчатка перестанет быть русской по духу.

Русские люди будут приезжать сюда в турпоездки полюбоваться на огнедышащие вулканы, кипящие гейзеры, диких медведей, закусывающих отменным огненноспинным лососем. Точно так, как это делают германцы, американцы, французы, приезжающие полюбоваться на дикую Камчатку и «сделать селфи» на фоне природы. Ведь кроме природы на Камчатке снимать (на фото или видео) нечего.

Испокон веков русские люди с Камчатки только вывозили — пушнину, рыбу, золото...

Оглянитесь вокруг — а что они, то есть мы с вами, считая и наших предков, оставили Камчатке взамен?

Чем ещё, кроме природы, созданной Богом, может похвастать Камчатка?

Своей уникальной историей?

Так её нет — историческое наследие, каким бы уникальным оно не было, оно сохраняется в головах и душах людей. И если в го-

ловах и душах этого нет — то нет и истории, нет прошлого.

А без прошлого, как известно, невозможно построить будущее.

И не для того, чтобы лишний раз засветиться в социальных сетях, начал я работу над проектом фестивального движения «Камчатка – Россия – Мир», не для того, чтобы кто-то поставил мне лишний «лайк», а для того, чтобы люди, близкие мне по духу и по осознанию той ответственности, которая лежит на нашем поколении по сохранению исторического и культурного наследия того, что составляет русский дух и определяет Русский Мир, помогли мне пробудить в наших соотечественниках память. Память о своих предках, память о своих родовых корнях, память о той земле, которая на наших с вами глазах, в наше с вами время перестаёт быть русской...

Никто в России, раздвигая границы государства, не думал, что придёт время, когда мы начнём дарить эти земли соседям — как подарили Русскую Америку, как разменяли в своё время Курильские острова, как подарили Крым, безропотно отдали русские казачьи земли в Сибири...

А это случилось.

Случилось по одной простой причине — мы утратили чувство ответственности за будущее своей страны, будущее своего народа.

И если мы это чувство не вернём — грош нам цена...

А теперь о конкретном — нужно было чтобы как можно большее количество людей в России и мире узнало о фестивальном движении «Камчатка – Россия – Мир» и поддержало его — то есть приняло самое непосредственное участие в возрождении духовных исторических связей различных городов и весей России и мира с Камчаткой — самой дальней окраиной русской земли — её тихоокеанским форпостом.

Я понимал, что написанное мной примут к сердцу немногие — но это будут именно те, кто понимает, что наше будущее зависит только от нас самих.

Очень надеялся на поддержку и помощь...

И вот один из первых откликов на эту публикацию от проживающей и работающей в США, на Аляске, когда-то жительницы (и вероятно, уроженки) Камчатки Жанны Лельчук: «Когда на Аляску пришли русские, а потом американцы, они совершенно забыли, что были гостями на этой земле. Уничтожали и угнетали коренное население, вводили свои порядки. Сегодня ситуация изменилась. Да, Аляска часть США, но уже давно негласно признано, что она ни русская, ни американская. Сейчас делается всё, чтобы сохранить культуру коренных наро-

дов — тех, кто по праву может сказать: „Это наша земля. А вы все на ней — гости“. Мне кажется, Камчатка находится в похожей ситуации. И говорить только о сохранении русского наследия не совсем правомерно».

Я не хотел вступать с Жанной в спор.

По одной простой причине — мне казалось, что она меня не понимает. Что мы разговариваем на разных языках, хотя он русский и для меня, и для Жанны (к моей радости, это оказалось не так — после публикации моего ответного материала, текст которой идёт ниже, мы убедились, что не только понимаем друг друга, но у нас и общие духовные ценности).

Я просто расскажу о судьбе одного простого русского человека — Ивана Евсеевича Попова, родившегося 26 августа 1797 года в Сибири, в семье пономаря села Анга Верхотурского уезда Иркутской губернии. В шесть лет он остался без отца. А в 1806 году был определён в Иркутскую духовную семинарию, где ему сменили фамилию в честь недавно умершего епископа Иркутского.

В 1824 году он был назначен миссионером в Америку и определён на остров Уналашка — самый крупный среди островов Лисьего архипелага, где в 1760-х годах произошло и самое крупное в истории Алеутских островов восстание аборигенов и почти полностью были уничтожены экипажи

четырёх промысловых судов — как следствие жестокости русских колонизаторов (правда, у меня самого есть другая версия на этот счёт — восстание было спровоцировано группой русских промышленников для устранения своих же русских конкурентов, но это сути восстания не меняет).

На Уналашке сын пономаря Евсевия Попова прожил десять лет. Выучил алеутский язык. Создал алеутский алфавит и перевёл на алеутский язык Библию. Построил своими руками церковь Вознесения Господня.

Затем он был переведён в столицу Русской Америки — Новоархангельск (совр. Ситха) и обучал грамоте индейцев из племени колошей (тлинкитов) — тех самых, что в 1802 году уничтожили здешний русский гарнизон Ситка, не пожалев ни женщин, ни детей. На месте этого пепелища был воздвигнут впоследствии Ново-Архангельск.

И вот что было далее, цитирую: «Война закончилась заключением перемирия, которое, однако, индейцы не признавали, поскольку оно было заключено без соблюдения соответствующих индейских обрядов. Лишь спустя 200 лет, 2–3 октября 2004 г. была проведена официальная церемония примирения между кланом киксади и Россией. Официальная церемония проводилась на поляне, рядом с тотемным столбом военного вождя киксади Катлиана. В церемо-

нии, согласно требованию клана и благодаря сотрудничеству Службы Национальных Парков, Библиотеки Конгресса, российских историков и Культурного Центра Индейцев Юго-Востока Аляски, принимала участие проживающая в Москве Ирина Афросина — прапраправнучка первого главного правителя русских колоний в Северной Америке А.А. Баранова».

То есть нас, русских, индейцы тлинкиты ненавидели ещё, как минимум, двести лет.

Но, тем не менее, наш герой, в миру Иван Евсеев сын Попов, учил этих непримиримых врагов России грамоте, обращал в православие, совершал обряды крещения, бракосочетания, отпевания...

В 1840 году в связи со смертью супруги Иван Евсеевич принял монашество с новым именем Иннокентий.

15 декабря 1840 года в связи с образованием самой восточной Камчатско-Курильско-Алеутской епархии он стал её главой и до 1858 года управлял епархией из Новоархангельска, с территории, со всех сторон окруженной, как надо понимать из современных источников, непримиримыми врагами России.

Вы уже, наверное, поняли, что я рассказываю об архиепископе Камчатском, Курильском и Алеутском (впоследствии Якутском, Приамурском и Приморском)

Иннокентии Вениаминове, будущем митрополите Московском и всея Руси, апостоле Сибири и Америки.

Но к чему этот рассказ?

Не торопитесь.

В 1867 году Аляска избавилась от своего заклятого врага — русских людей. Индейцы, эскимосы, алеуты вдохнули полной грудью свободу, стали жить весело и счастливо.

Заметили — я ни слова не говорю об американцах, которые: «Уничтожали и угнетали коренное население, вводили свои порядки».

Это уже их проблемы.

Я о русских.

Кстати, сам епископ Иннокентий Вениаминов писал о жестокостях, насилиях, грабеже местного населения нашими соотечественниками. Он осуждал всё это открыто и честно.

Но, повторяю, с 1867 года эта территория России уже не принадлежит.

А вот цитата: «Сейчас на Аляске около 90 православных приходов, около 40 священников и больше 100 чтецов с семинарским образованием. Причём большинство священников — из местных».

Когда я в 1991 году вместе с Леонидом Павловичем Лельчуком (отцом Жанны, в то время вице-губернатором Камчатского края) впервые побывал на Аляске, то нам

называли другую цифру — 80 действующих православных храмов на Алеутских островах и на Аляске — в землях эскимосов и тех же колошей (тлинкитов).

Мы побывали на острове Уналашка в церкви Вознесения Господня, построенной при непосредственном участии самого Ивана Евсеевича Попова (Вениаминова).

Мы побывали на острове Кадьяк в церкви Воскресения Господня.

На острове Еловом в часовне, построенной в память о святом Германе Аляскинском.

В столице Аляски, в Джуно, в церкви Святого Николая.

Это было в 1991 году, когда на Камчатке не было ни одной действующей церкви и только ещё начиналось восстановление колыбели русского православия на Камчат-

ке и в Русской Америке — церкви Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатском остроге, на восстановление которой собирались пожертвования в том числе и на Аляске. Церковь представляла из себя сруб с прорубленной стеной и срубленными крестами — и в здании, который был некогда православным храмом, размещался в последние годы существования самого Нижнекамчатска склад для хранения всякой дряни.

Своё шестидесятилетие я отмечал на своей литературной родине — в Русской Америке, в бассейне реки Юкон по соседству с легендарным Клондайком любимого мною с детства Джека Лондона.

Мы побывали с супругой Татьяной (кстати, индейцы и эскимосы мою камчадалку принимали за свою, хотя у неё совершенно русское обличие) в посёлках эскимосов и индейцев — и все они с гордостью говорили нам о своём родстве с русскими, о том, что ещё их бабушек и дедушек звали русскими именами Вера, Надя, Люба, Иван... И в каждом из этих посёлков аборигенов была своя маленькая, чистенькая, уютная православная церковь.

А теперь давайте ответим на очень важный для меня вопрос — если мы, русские, были их самыми заклятыми врагами, то почему они столь благодарно хранят о нас память, сохраняют русскую православную культуру, чтят наши русские традиции и

Леонид Павлович Лельчук

обычай? Даже в баню ходят — правда, прячутся не берёзовыми вениками, а пучками полыни.

Значит, на этой земле мы были для них не только непрощенными и незваными гостями?!

Значит, помимо той жестокости, о которой писал и священник, а потом и епископ, сын русского пономаря Иван Попов (Вениаминов), было что-то ещё в наших соотечественниках — незабываемое в веках?!

И Иван Евсеевич Попов — Иннокентий Вениаминов не упал ведь на Америку с неба, а был плотью и духом того русского мира, который, оказывается, творит не только зло, но и добро.

Историки, как правило, пишут о зле — оно лежит на поверхности, оно конкретно: грабежи, разбои, насилия. Это было. Может, потому мы так легко и потеряли Русскую Америку.

А добро — это категория другого, духовного, порядка. И оно осознаётся не сразу. Это об этом писал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи».

Теперь это расстояние — не годы и не десятилетия, а столетия...

Можно ли посчитать, сколько добрых дел на счету святителя Иннокентия и определить, за что конкретно его почитают в том

духовном русском мире, в котором он и для нас, русских, и для тлинкитов, эскимосов и алеутов Святой?

И можно ли посчитать, сколько добрых дел сотворено русскими людьми и в Русской Америке, и на Камчатке, и в других регионах России и мира?

Посчитать невозможно.

Но есть другая нетленная категория для определения степени сотворённого для людей добра — благодарная память людей.

И вот вам ещё один конкретный пример — Леонид Павлович Лельчук, которого знала когда-то вся Камчатка (сегодня практически вся эта Камчатка уже выехала с полуострова на материк), потому что он руководил всем народным образованием Камчатской области. И я сам работал дважды под его руководством. В первый раз, когда был учителем в восьмилетней школе села Майского Усть-Камчатского района. А второй раз — когда был заместителем начальника управления культуры Камчатской области, а Леонид Павлович был курирующим (в том числе и этого — культурного — сектора) вице-губернатором.

И всегда, во все времена в облоно, в вице-губернаторском кресле для него вопрос о национальных языках, о воспитании национальных кадров, национальной культуре был самым собой разумеющимся.

Как самим собой разумеющимся этот вопрос был и для Святителя.

Таким же самым собой разумеющимся он является и для меня — среднестатистического русского человека — и по жизни, и в определении понятий «русский дух» и «русский мир», потому что русскость в данном контексте — это понятие наднациональное, и это понимают многие народы, проживающие в России, называя себя русскими евреями или русскими курдами. А понятие «Русский Мир» выходит далеко за пределы нашего ближнего зарубежья — и охватывает, например, ту же Аляску и Алеутские острова, где, собственно, и самих русских уже нет или есть, за редким исключением, те, которые считают себя гостями на этой земле.

А мой род корнями врос в эту русскую землю — Камчатку. По мужской линии мы преодолели вековую отметку. По женской — трехсотлетнюю. А если по родне с коренным народом — то мы здесь вечные.

Это моя родина!

Святитель Иннокентий, апостол Сибири и Америки, почитаем на обоих континентах по одной простой причине — и там, и там была его родина, и он должен был сделать всё возможное, чтобы эта его родина и его земляки, независимо от их национального происхождения, жили полноценной духовной жизнью.

В этом заключалась его миссия. Независимо от того, где он жил и творил — в Русской Америке, на Камчатке, в Якутске, в Благовещенске или в Москве. Это был его мир — Русский Мир.

Он нигде не был в роли гостя. Только работником — создателем и просветителем. Выразителем русского духа.

И потому этот дух «не выветрился» из Русской Америки до сих пор.

Но Иркутск (вернёмся к нему) был не только духовным, но и административным центром Восточной Сибири.

Событием, предшествующим появлению на карте Сибири, казачьего зимовья на реке Иркут, а затем и острога, был выход тобольского казака на якутской службе Курбата Афанасьева сына Иванова на побережье озера Байкал. Он же составил и первую карту Предбайкалья, где впоследствии и появится Иркутск.

Но Курбат Афанасьевич Иванов был создателем и первой карты Дальнего Востока на основе распросных материалов (сказок) казаков-землепроходцев, а затем и первой карты Чукотки, которую он обследовал, как и Предбайкалье, самолично в должности Анадырского приказчика.

Правда, на обратном пути из Анадырского острога в Якутск случилась беда — амбар, где хранилась казённая пушнина, сгорел.

Pravoslavnyy
Krasnodar
2019

По приказу Сибирского приказа было начато следствие по этому делу. Курбат Афанасьевич в это время служил вместе с Семёном Ивановичем Дежнёвым в Чечуйском зимовье, и атаман Дежнёв отказался выдать Курбата Афанасьевича властям. Но это сделал сменивший его приказчик Семён Епишев. По дороге в Якутск Курбат Афанасьевич Иванов, не выдержав позора, скончался от сердечного приступа.

И такая — бесславная — кончина была в здешней истории явлением обычным.

В Иркутске, когда он уже стал столицей Восточной Сибири, был не только административный центр региона, но и центр сибирской торговли, через который проходили все сибирские торговые пути и где проживали самые богатые люди Сибири. В 1686 году, когда у Иркутска ещё не было статуса города, сюда прибыл торговый караван с товарами из Китая и Бухары, состоящий из 172 верблюдов.

И конечно, в расцветающий торговый Иркутск, как пчёлы на мёд, слетелись представители русского купечества из разных крупных торговых городов России: «Именно русскому Северу обязан Иркутск появлению в городе таких известных купеческих династий, как Сибиряковы, Трапезниковы Саватеевы, Баснины». Добавим к этому списку имя купцов Ворошиловых, прибыв-

ших в Иркутск (правда, не по своей воле, а в ссылку) из Твери. Из деревни Никифоровой Верховажской десятины г. Ваги прибыли купцы Бречаловы.

Но появлялись и свои, доморощенные. В книге Г. Леонтьевой «Служилые люди Восточной Сибири» очень подробно, подетально раскрывается механизм накопления капитала иркутскими казаками, издавна занимавшимися либо винокурением, либо контрабандной торговлей с Китаем, постепенно расширяющими сферу своей деятельности, занимающимися скотоводством, мыловарением, скорняжным производством.

И одним из таких богатейших купцов Иркутска был уроженец Иркутска, выходец из казачьего сословия Иван Степанович Бичевин (его отец «Бечевин (Бочевин) Степан, пятидесятник пеших казаков с окладом 5 руб. с полтиною, 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; прядильщик с окладом по 16 четвертей ржи и овса, 6 пудов соли в год, 1704 г. — из книги «Первые иркутяне» С.А. Гурулева).

А в основе основ сибирской торговли, безусловно, лежала пушнина.

И стоит ли удивляться, что в числе первых русских аргонавтов, затеявших беспримерный поход «встречь солнцу» на судне, шитом лозой («вичами») и китовым усом,

был иркутский купец Никифор Матвеев сын Трапезников.

Но вот его жизненный финал, о котором писал бывший директор Музея города Иркутска Вадим Петрович Шахеров: «Трапезников организовал собственную компанию. В 1740–1760-х иркутский промышленник принял участие в организации 22 экспедиций. Его суда плавали на Алеутские острова и впервые достигли острова Атва.

В 1762 привезли ценные сведения об открытых ими островах Умнак и Уналашка. Несмотря на значительный риск, связанный с условиями плавания, тихоокеанские промыслы приносили значительный доход. Только одно судно Н. Трапезникова „Андреян и Наталья“ в 1759 привезло мехов на сумму более чем в 300 тыс. руб. Несколько кораблей были отправлены им к Курильским островам. В 1760–1761 с судна, снаряжённого им совместно с московским купцом И. Рыбинским, только казённой десятиной пошлины было взято на 200 тыс. руб.

Организация промысловых экспедиций требовала больших затрат. Подготовка судна, снабжение его всем необходимым, наём работных людей обходились в сумму до 10 тыс. руб. Кроме того, крушение судов, нападения туземцев также могли привести к потере всего капитала. Крушение в 1768 принадлежащего Н. Трапезникову судна

„Св. Пётр и Павел“ и банкротство некоторых его должников и компаньонов разорили промышленника, и он закончил свои дни в Иркутске в полной нищете».

Но за свои заслуги он был отмечен императрицей Екатериной II — награждён золотой медалью «За полезные обществу труды».

Страшным бедствием для иркутского купечества стало такое явление, как «Крыловщина» — государственный чиновник по особым поручениям (говоря на современном языке — следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры) Пётр Никифорович Крылов решил, используя элементы сыска о незаконном винокурении, «подойти» местных купцов, и этот процесс «доения» ему настолько понравился, что он вошел в раж и уже не мог остановиться.

Купец Ворошилов заплатил за сохранение своего капитала фамильной честью: Крылов изнасиловал и взял в наложницы его дочь.

«Самым влиятельным из арестантов оказался один из фактических управляющих регионом помощник Вульфа (вице-губернатора) бургомистр Бречалов. Крылов всем продемонстрировал, что для него в городе нет авторитетов. «Акция устрашения» возымела действие. Ведь все горожане прекрасно знали, кто на самом деле руководил Иркутском. И вдруг этот человек оказался в кандалах.

Под пытками и истязаниями Крылов вынудил бургомистра Бречалова показать, что вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 копеек, иркутские купцы продавали за рубль, а излишки денег делили между собой. Арестованным членам магистрата Крылов предъявил ведомость, согласно которой недоимки казны составляли 800 тысяч рублей».

Особо выделялся среди купцов Иван Степанович Бичевин, который помимо «питейного дела» занимался ещё и пушным промыслом.

Именно он на собственные средства построил, снарядил и отправил в Русскую Америку промысловую экспедицию на корабле «Святой Гавриил», экипаж которого впервые в истории россиян зимовал в 1761 году на Аляске, а по возвращении назад разбилось у берегов восточной Камчатки южнее мыса Шипунского в бухте, которая с той поры носит название Бичевинской.

Но это всё давно и хорошо известно и историкам, и жителям Иркутска.

А вот об этом знают немногие. Мореходом на «Святом Гаврииле» был опытный мореход — квартирмейстер (то есть кадровый моряк) Охотского порта Гаврила Гаврилов сын Пушкарёв.

В 1722 году в Иркутске был произведён набор из казачьих детей для службы на Камчатке. В числе иркутян, призванных на эту служ-

бу, был и Гаврила Пушкарёв, участник Второй Камчатской экспедиции, член экипажа пакетбота «Святой Пётр», зимовавший вместе со всеми на легендарном острове Беринга.

Иван Степанович Бичевин не узнал о результатах этой экспедиции, вошедшей в историю мировых открытий.

Крылов пытал его, вымучивая взятку: «Бичевина подняли на дыбы или виску: т. е. к его ногам был привязан обрубок дерева или сырая колода вроде той, на которой наши мясники рубят говядину, весом от 5 до 12 пудов. Мученика поднимали по блоку кверху за верёвки, привязанные к кистям рук и быстро опускали, не давая бревну удариться о землю; потом с вывернутыми суставами в руках и ногах несчастный висел в продолжение времени, определенного мучителем, по временам получая по телу удары плетью. Подвешенный на виске, Бичевин крепился и отказывался признать за собою вину. Не сняв его с виски, Крылов уехал к купцу Глазунову на закуску.

Там он пробыл три часа. Бичевин всё это время провисел на дыбах. Когда Крылов вернулся, Бичевин почувствовал приближение смерти и дал согласие подписаться в 15 000 рублей. Его сняли с дыбы и отвезли домой. И здесь Крылов не оставил его в покое. Он приехал к нему в дом и перед смертью ещё вымучил такую же сумму». 13 де-

кабря 1759 года Иван Степанович Бичевин скончался. Родственников у него не было. Оставшееся после его смерти имущество было продано с аукциона, а вырученные деньги пошли на нужды Иркутска.

Будучи одним из самых крупных иркутских меценатов, Иван Степанович щедро вкладывал средства в строительство церквей — в 1754 году заложена Тихвинская церковь, вслед за ней — Благовещенская, в 1757 году — Знаменская, в которой был похоронен основатель Российско-Американской компании и первого постоянного поселения на острове Кадьяк Григорий Иванович Шелихов.

В 1771 году во время знаменитого Большерецкого бунта среди жителей Большерецкого острога был иркутский посадский Моисей Бречалов, который в числе 27 арестованных «за неисполнение долга» жителей острога был доставлен в Иркутск и два года провёл в тюрьме под следствием, а потом, как сообщает А.С. Сгибнев: «По итогу расследования „не соблюдшим долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге“».

Как сообщают краеведы, в Иркутске фамилия купцов Бречаловых исчезла, а на Камчатке она сохраняется и по сей день.

Как и фамилия купцов Ворошиловых, камчатский род которых — один из крупнейших сегодня на полуострове, породнившийся

за прошедшие столетия практически со всеми коренными и старожильческими семьями на полуострове... В том числе и с камчадалами Трапезниковыми, получившими свою фамилию при крещении от иркутского купца.

Но богатства большого ни те, ни другие не нажили...

Но нашлись и другие причины, чтобы подвергнуть политической «Крыловщине» — репрессиям 1930-х годов — и русских старожил Камчатки Бречаловых с Ворошиловыми, и коренных камчадалов Трапезниковых, потерявших в результате свою родовую память...

160

ИШИМ, ДЕРЕВНЯ СЛАДЧАНКА (СЛАДКАЯ)

Ишим основан в 1687 году как Коркина слобода.

Иван Карпович Коркин, её основатель, был тобольским казаком, род которых разошёлся по всей Сибири. Из рода Коркиных были и якутские казаки, которые были отправлены сюда ещё в 1638 году в связи с образованием Якутского воеводства.

В «Истории Сибири» Г. Миллер сообщал: «Из Ишимских первая слобода Коркина, которая стоит на урочище над рекою Ишимом.

Река эта обошла сверху вниз вокруг жилищ со всех трёх сторон и токмо имеет сухим путём с четвёртую, проезжую от Тобольска. От Тобольска расстояние 380 вёрст, а от Устья Ишимского — 250 вёрст. Из крепостных и прочих казённых строений имеется: в Коркиной слободе — крепость деревянная рубленая, внутри расстоянием в 188 сажень, высота 2 сажени. В этой же крепости две башни деревянные. Да от неё книзу до Ишима-реки крепость рубленая расстоянием 135 сажень, вышиною одна сажень. И в этой же крепости двое ворот проезжих, а перед ней от яру до яру Ишима-реки — ров копаный, а позади рва имеются надолбы и рогатки».

В Ишиме, как известно, родился и автор «Конька-Горбунка» Пётр Павлович Ершов.

А для автора настоящей книги — это, как стало ему не так давно известно, его родовое фамильное гнездо.

В уголовном деле, точнее в листах уголовного дела, так как самого дела не было — дед мой, Григорий Павлович Вахрин, был расстрелян 25 мая 1938 года без предъявления обвинения (для органов ГПУ было достаточно того факта, что он служил у генерала Каппеля — в гвардии Белой армии), в графе «место рождения» записано: Тобольская губ., Ишимский р-н, с. Салатка.

Как он попал на Камчатку? Очень просто — не захотел уходить за границу, когда

Красная армия вытеснила белогвардейцев в Приморье. Рыбпромышленник Демби нанял его с товарищами (всего их было 42 человека) для охраны рыбных промыслов на Камчатке и часть бывших каппелевцев поселилась в селении Николаевка в шести верстах от Усть-Камчатска, а впоследствии стали членами рыболовецкой артели, занимались рыболовством и охотой. Из сорока двух каппелевцев в годы репрессий остался в живых только один, ставший агентом ГПУ и выдавший всех своих товарищей.

Я долго и безрезультатно искал эту Салатку, пока мне не подсказал тобольский краевед С.Е. Дурынин обратить внимание на деревню Сладкую (современную Сладчанку), в которой, по его данным, встречается наша фамилия.

И точно. На одной из плит памятника, который установили жители Сладчанки в память об основателях деревни, написано: «В 1758 году согласно чертежу капитана Шустова основана „Деревня у озера Слатково“. А на другой — имена отцов-патриархов: «Основатели: Василий Половодов, Михаил Вахрин, Василий Казанцев, Егор Усольцев, Артемий Мясников, Иван Ярков».

Тобольский государственный архив оцифровал церковные книги и открыл для всех, кто интересуется историей своего рода, возможность самостоятельно поработать

с документами архива, которые находятся в свободном (за небольшую плату) доступе.

С волнением листал я на компьютере листы Переписи населения деревни Сладкой Казанской волости Ишимского уезда Тобольской губернии. Двенадцать семей Вахриных насчитал я в этой деревне, которые проживали здесь в конце XIX века. Конечно, это родственники, но нужно ещё постараться отыскать эти родственные ветви и сложить единое древо Вахриных, идущее от одного из первооснователей деревни Сладкая (Слаткая, Сладчанка) Михаила Вахрина. С замиранием сердца я искал того Павла, который мог быть нашим прадедом — отцом Григория Павловича Вахрина. Их было двое. Павлу Ефимовичу Вахрину в 1895 году было уже 55 лет, у него было четверо сыновей и трое внуков, которые были ровесниками моего деда Григория Павловича. То есть вряд ли он мог быть отцом моего деда, рождённого в 1892 году, да и в списках членов его семьи Григория Павловича не было. Нашёл я свою прямую родню в семье Никифора Михайловича Вахрина (1826, вероятно, сына патриарха рода Михаила Вахрина), у которого был сын Павел Никифорович (1863) и внук Григорий Павлович, которому на момент переписи было три года (то есть родился он именно в 1892 году, как и следует из уголовного дела).

Имя моей прабабушки, жены Павла Никифоровича, — Пелагея Епифановна из Гагарьевской волости, а прапрабабушку звали Анной Дмитриевной, и она была на два года старше прапрадедушки (1824). У моего дедушки были старшая сестра Пелагея (1885) и брат Пётр (1887). Брат Степан, 1901 года, участник Великой Отечественной войны, в эту перепись попасть не мог — он тогда ещё не родился. Впоследствии я нашёл его данные в архиве Министерства обороны по наградным листам.

Позже, когда я списался с некоторыми из уроженцев Сладчанки (с Леонидом Фёдоровичем Половодовым и Анной Глубокой (Половодовой), замечательными знатоками нашей общей родовой истории), выяснилось, что многие Вахрины из Сладчанки были раскулачены и высланы в разные города Сибири и Дальнего Востока.

А потом в интернете я нашёл интересный обзор Казанской районной газеты за 1931–1981 гг., подготовленный Николаем Олькиным, в котором упоминается и Сладчанка, и Вахрины, и буквально в нескольких строках отображается полувековая история нашего рода.

«12 ноября 1923 года образовалась Уральская область, Ишимский уезд переименован в округ и разделён на районы. Нас интересуют три, имеющие прямое либо кос-

венное отношение к Казанке: Ишимский, Ларихинский и Ильинский. Ильинский район включал в себя пять бывших волостей: Афонькинскую, Дубынскую, Ильинскую, Казанскую и Копотиловскую. Тут же волости были упразднены, и на их месте образованы восемнадцать сельских советов: Афонькинский, Баландинский, Большеярковский, Благодатновский, Боровлянский, Вакоринский, Грачевский, Дубынский, Ельцовский, Ильинский, Казанский, Копотиловский, Новоалександровский, Новогеоргиевский, Пешневский, Синицинский, Сладчанский, Яровской.

...В 1931 году уже упомянутым решением ВЦИК Ларихинский район был ликвидирован, северная группа советов отошла к Ишимскому району, южная — к Ильинскому. Поскольку районный центр Ильинка находился на самом юге территории, и это вызвало бы немало неудобств в управлении, центр района перенесли в Казанку, и район, соответственно, стал именоваться Казанским. В него вошли уже 27 сельсоветов: Афонькинский, Баландинский, Благодатновский, Большеярковский, Боровлянский, Вакоринский, Гагарьевский, Грачевский, Дальнетравнинский, Дубынский, Ельцовский, Ильинский, Казанский, Копотиловский, Неживовский, Новоалександровский, Новогеоргиевский, Новопокровский,

Огневский, Пешневский, Селезневский, Синицинский, Сладчанский, Смирновский, Ченчерский, Ярковский, Яровской.

...Территория Ильинского района составляла 2250 квадратных вёрст, всего посева в 1925 году было 25 тысяч десятин, на пять тысяч больше, чем в предыдущем. В районе насчитывалось 4757 дворов или хозяйств, причём 694 хозяйства были безлошадные, а 96 к тому же и бескоровные. От 112 до 187 дворов в деревнях Благодатное, Вакорино, Сладчанка и Синицыно

1925 год. ...Машинное товарищество успешно работает в Сладком (Сладчанке). Властям товарищества дали заявки на четыре новых трактора.

1933 год. Список колхозов: ...Сладчанка — „Урал“ ...обвиняют нового председателя колхоза тов. Соколова в нежелании и неумении бороться с кулацким вредительством, в результате которого семена засыпаны только на четверть потребности. И такие материалы переполняют газету. Удивляться тут нечему, потому что во главу страницы редактор ставит слова тов. Сталина: „Кулаки разбиты, но они далеко ещё не добиты. Более того — они не скоро ещё будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушеествовать“.

...Всеми методами пропагандируется сверхранний сев. Уже к 18 апреля коммуна

„Новая жизнь“ отставала с севом, выполнено только 37,5 процента. 19 апреля к вечеру коммунары засеяли 75 процентов площади. Яровской колхоз „Красный Октябрь“ соревнуется с копотилловской „Победой“, оба посеяли по 25–30 гектаров. Похоже, отдельные руководители берут на себя смелость не спешить с севом. Так, сладчанский „Урал“ и афонькинский „Восход“ засеяли только по два гектара.

...„Коровы могут пахать и должны пахать!“ — утверждает автор заметки, скрывшийся за подписью „Е-в“. В Гагарье Вахрин Пётр ежедневно заборанивает на коровах по полтора гектара в два следа.

...Бюро райкома партии вручает переходящие Красные знамёна сладчанскому колхозу „Урал“, Малоярковскому колхозу „2-я пятилетка“, а рогожное знамя — знамя позора: огневскому колхозу „Трудовик“ и смирновскому „Красное знамя“.

1934 год. ...Продолжается поиск внутренних врагов. Вдруг выяснилось, что в Сладчанском колхозе „Урал“ руководство притупило бдительность, а в это время в колхоз пролез сын кулака Половодов Николай Яковлевич. Его отец имел пять лошадей, пять коров, двадцать голов мелкого скота, молотилку, жнейку, веялку, а это уже преступление. Половодов не только пролез в колхоз, но и работает секретарём сельсо-

вета. Кроме него еще кулаки С. Демьянцев и А.П. Кононов стали членами колхоза. Об этом пишет селькор „Зоркий“.

...В сладчанском колхозе „Урал“ допущено большое отставание по севу, потому что плохо работают тракторы. Два трактора, Вахрина Михаила и Чернышёва из бригады Плесовских, простояли трое суток из-за поломки коробки скоростей и расплавки подшипников. Трактористка Лысова Ирина расплавилла подшипники, и трактор простоял целые сутки.

...Уполномоченный райкома в Сладчанке Тараскин совсем запустил дела, потому Рындин рекомендовал его немедленно исключить из партии, снять с должности и отдать под суд. Странно, но газета печатает расписку секретаря райкома Егорова, данную, видимо, Рындину, где он пишет: „обязуюсь план хлебосдачи к 1 октября выполнить на 80 процентов, уборку закончить к 5 октября. Если я этого обещания не выполню, обком ВКП(б) может поставить вопрос о партийной ответственности“.

1941 год. Ульяна Третьякова и Анисья Ламбина выполняют по полторы нормы каждый день. Им помогают Таисья Вахрина и Александра Гавриленко. Образцы сознательного труда показывают трактористки Анна Санникова и Анна Вахрина, сейчас они готовятся к уборке урожая. Об

этом сообщает председатель сельсовета Симанов.

...Включились в социалистическое соревнование, бригадир тракторного отряда т. Рябухин, комбайнёрки Вахрина Таисия, Половодова Мария, Абатурова Мария, Суковых Наталья взяла на себя обязательства по экономии горючего, обязались, работая на сцепе, убрать по 800 гектаров.

1945 год. Накануне Парада Победы газета печатает Указы о присвоении товарищу Сталину звания Героя Советского Союза, о присвоении ему звания Генералиссимуса и о награждении вторым орденом „Победа“.

А в нашем районе награждают матерей за воспитание своих детей. Орден „Материнская слава третьей степени“ вручён Говорковой Лукерье Ивановне (Казанка), „Медалей Материнства“ удостоены: Денисова Марфа Ивановна (Новоалександровка), Бастрыкова Анна Александровна (Казанка), Баталова Варвара Ефимовна (Казанка), Вахрина Хевронья Семёновна (Казанка), Ивченко Вера Яковлевна (Казанка).

1946 год. ...А вот в колхозе „Урал“ (Сладчанка) к двенадцати плугам поставлены только лемеха, и больше ничего не делалось, сообщает Величко.

...А в это время в колхозе „Урал“ (Сладчанка) разбазарено с согласия и при участии председателя Собянина 104 центнера хлеба.

Памятник Ивану Коркину в Ишиме

1948 год. ...Район обеспечен кормами только на 85 процентов потребности, а колхозы „Урал“ (Сладчанка), „Красный Октябрь“ (Яровское), „Объединённый труд“ (Смирное) имеют кормов в половину потребности.

1975 год. ...„Сладчанское отделение совхоза ‚Яровской‘ в январе перевыполнило план по валовому надою и сдаче молока государству. Надоено 170 центнеров, сдано 137 вместо плановых соответственно 157 и 115 центнеров. Доярка этого отделения Е.Д. Дмитриева надоила 191 килограмм молока от каждой фуражной коровы и заняла первое место по совхозу. Неплохие результаты у З.М. Коптяевой. Её показатель — 151 килограмм“. Г. Щепелкин, главный зоотехник.

1978 год. Прошло немногим более четырёх месяцев с того времени, когда в далёкой и в то же время близкой для наших сердец республике Куба проходил XI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В те дни внимание советской молодёжи было приковано к острову Свободы. Комсомольцы и молодёжь района гордились тем, что среди делегатов Всемирного форума молодёжи находился наш земляк Александр Вахрин.

1980 год. ...Победителем признал Яровской совхоз и его Сладчанское отделение, около ста лучших трактористов, комбайне-

ров, шофёров, обслуживающих работников награждены премиями или путевками на ВДНХ.

...„Сегодня мы предлагаем беседу корреспондента газеты с одним из лучших комбайнёров Сладчанского отделения совхоза ‚Яровской‘ Иваном Тихоновичем Вахриным“...

...Указом Президиума Верховного Совета СССР за успехи, достигнутые в увеличении производства и продажи государству продуктов земледелия и животноводства, награждены: орденом Трудового Красного Знамени Вахрин Александр Иванович...

...Журналист И. Кнапик публикует большую статью „Неперспективная деревня“. Ещё раньше директор Яровского совхоза Н.Д. Долгушин написал замечательный материал „Твой дом“, в котором значительное место отведено становлению и будущему деревни Сладчанки, лучшего производственного участка во времена Долгушина. И вот И. Кнапик продолжает тему статьёй „Неперспективная деревня“. Правда, в самом начале он оговаривается, что „кто и когда избрёл такое определение — сказать трудно“. Да Бог с вами, коллега, легко, если интересоваться судьбой русской деревни. Идея второго этапа уничтожения русской деревни (если первым считать коллективизацию) была подброшена через влиятельных людей сна-

чала Брежневу в период его стагнации, затем Горбачёву, крайне нуждающемуся в новых идеях самих по себе. Авторы известны: академики Аганбегян и Заславская, все награды от международных фондов они получили. Вот тогда наша страна начала массовый закуп зерна за границей. Под благовидным предлогом концентрации и централизации производства под корень рубились деревни, о которых пишет И. Кнапик. Кстати, по стране потери составили по разным источникам от 200 до пятисот тысяч деревень за период с 1965 по 1990 год, что ни в какое сравнение не идет с деятельностью фашистских оккупантов во время Великой Отечественной войны. Если продолжать эту тему, то третий этап разрушения деревни успешно продолжается с девяностых годов. Сейчас принято, в частности, в Бердюжском районе, ставить камни на местах бывших деревень. Я такие похороны не посещаю, да и камней на всю Россию едва ли напасёшься».

Но, как видим, Сладчанка выжила в этой неизвестной большинству россиян войне по уничтожению русской деревни, правда, деревня не имеет сегодня самостоятельного статуса и входит в Яровское сельское поселение. По данным переписи 2010 года, в деревне проживало 175 человек.

Памятник основателям Сладчанки был открыт в 2014 году. Об этом нам рассказа-

ла Анна Глубокая (Половодова): «Я хотела бы упомянуть о встрече, которая состоялась летом 2014 года. Она была посвящена двум событиям: торжественному открытию мемориала в честь основателей деревни Сладчанка Казанского района Тюменской области и встрече потомков рода Половодовых, которые также были причастны к основанию этого поселения в далёком 1758 году.

Начиналась Сладчанка с 14 дворов и 70 душ мужского пола по воле императрицы Екатерины. Сегодня в деревне живёт 200 человек, в их числе и потомки основателей поселения.

Встречи представителей рода Половодовых проходят уже не первый год, в этом году будем отмечать пятилетие с первой даты съезда родственников со всей страны.

К сожалению, уже нет некоторых земляков. Так не стало Казанцевой Евгении Степановны, которая родилась в этих краях, но волею судьбы в 3-летнем возрасте оказалась вместе с родителями на Дальнем Востоке, когда многих отправляли туда в ссылку. Большое семейство Половодовых также вынуждено было туда переехать. Евгения Степановна смогла побывать в родных краях и посетить могилы своих родственников только в 2011 году. Она и радовалась, и плакала, и прощалась с ними навсегда.

Монумент установили в центре деревни — неподалёку от озера Сладкое. Как написала в газете „Наша жизнь“ Екатерина Терлеева, памятник представляет собой композицию из купола, креста и плит в виде этаких каменных скрижалей...

Леонид Фёдорович Половодов так объясняет символическую подоплёку композиции: „Свод означает стремя. Стремя — готовность к походам, движение вперёд. Крест — Христос в каждом походе всегда впереди. А всё вместе — голова воина в шлеме. Русский витязь, защитник от зверей и плохих людей. Камни — знак того, что среда обитания здешних первопроходцев — не цветочки“».

В Сибирь люди всегда шли в поисках вольной жизни, ведь в здешних местах никогда не было крепостного рабства. Первые поселенцы, уточняет Екатерина Терлеева, пришли в Приишимье из-под Тобольска. Они эту необжитую плодородную местность назвали Беловодьем (земля легенд). Говорят, что место для именно этой деревни определял тоже полуполюгендарный капитан Шустов. Он привёл сюда первый отряд, занял землю и охранял её.

Официально началом истории деревни Сладчанки считается 1758 год. Несколькими годами ранее были заселены Казанское и Ильинка. Основателем Ильинки был Ва-

сий Полотоводов, который позже участвовал в заселении и сладчанских мест. Один из его сподвижников по фамилии Казанцев вошёл в местную историю как основатель Казанского и Сладчанки. Так что история нескольких сёл на карте района крепко связана именами их отцов-основателей и судьбами их детей.

Сегодня Половодовы и иже с ними раскиданы по всей необъятной России-матушке. Леонид Фёдорович Половодов родился в городе Сковородино Амурской области, куда его родителей сослали в советские годы. Вернулись они обратно в родные места в 66-м. В Ильинке Леонид окончил школу, после чего работал на руководящих и ответственных постах в механизации животноводства, ДРСУ, на строительстве, в районном сельхозуправлении, последние перед пенсией годы руководил Омутинским почтамтом. Несколько лет назад он при активном участии дочери Алёны стал «наводить мосты» с родственниками. А три года назад произошла первая их встреча на земле предков. На неё приехало, по словам другого Половодова, Сергея Николаевича, около полусотни человек.

...Анатолий Степанович Казанцев приехал из Екатеринбурга. Его родители Анисья Алексеевна Половодова и Степан Иванович Казанцев здесь родились. Уехали в Забай-

калье, где он родился. Но вот он на очередной встрече открывает памятник предкам и сердцем ликует: „Считаю, что тут моя родина. Надеюсь, что я буду здесь жить“.

Тамара Анатольевна Тропина родилась в Бурятии. По маме она Казанцева, а по бабушке — Половодова. Их родители и деды были вывезены отсюда в 1930-м году в Читинскую область, там они основались и жили до 1949 года, пока их „добровольно-принудительно“ не переправили в Бурятию на шахты. „Новых родственников мы разыскали по интернету. Списались, договорились о времени и отправились на встречу. На неё я привозила маму, которую вывезли из Сладчанки в три годика. Так у неё получилась встреча со своей родиной через 80 лет. Она ведь её совсем не помнила, а только слышала от дедов, что есть такие места, где её родители лишь мечтали побывать. Здесь мама обрела своего двоюродного брата, а я — дядю. Круг родных у нас довольно обширный получился: Москва, Воронеж, Набережные Челны, Томск... Мой дядя Геннадий Васильевич родился в Ильинке, сейчас живёт в Красноярске. Когда приезжает, останавливается у родственников. Они принимают, поят, кормят и... денег не берут! Памятник — итог наших встреч и дань нашим предкам, которые всегда мечтали сюда вернуться. Они обре-

тут здесь свою душу, а мы, наверное, силу. У нас появился здесь дом“.

В чём феномен Сладчанки? Для них, этих взрослых и состоявшихся мужчин и женщин, сменивших не одну профессию и квартиру, обнаружившаяся где-то из прошлого Сладчанка, земля, хранящая их корни — сладкий тайный сердца уголок, страна, куда уходит детство, отмечает Екатерина Терлеева.

Было бы замечательно, чтобы этот мемориал смогли увидеть, приехать и поклониться своим праотцам потомки всех основателей деревни Сладчанка».

И мне непременно хочется это сделать...

А завершить этот маленький рассказ об истории фамильной нашей деревни мне хочется словами поэта Николая Мельникова:

***

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.*

*И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.*

*И два горшка на частоколе,
И пядь невспаханной земли,
Как символ брошенного поля,
Давно лежащего в пыли.*

*И путь поёт в тоске от боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной «русской доле»
Под тихий плач и ветра свист.
Пусть рядом робко встанут дети,
Что в деревьях ещё растут,
Наследство их на белом свете —
Всё тот же чёрный, рабский труд.
Присядут бабы на скамейку,
И всё в них будет как всегда —
И сапоги, и телогрейки,
И взгляд потухший... в никуда.
Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.
Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи помилуй!»
И вера в праведность судьбы.*

170

КОСТРОМА

В истории Сибири немало Костроминых и Костромитиных, отмеченных либо в казачьих списках, либо среди торгового или промышленного люда, которыми была наполнена эта земля во время промыслового бума 17-го столетия.

Но мы хотели бы нашу историю начать с конкретного лица, чьё родовое исконное место было связано с Костромой. Мы знаем

из истории царской семьи Романовых, что Ипатьевский монастырь был их родовым погребальным пристанищем.

Но царский род Романовых был не из Юриковичей, а из старомосковского боярства. А до Москвы, как известно, уже существовало Ростово-Суздальское княжество, которое оформилось при сыновьях переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

Из Переяславля-Залесского, который, как считают некоторые историки, и строился как будущая столица княжества, был родом князь Александр Невский. И переяславским боярином был, по версии знаменитого историка А.А. Зимина, Андрей Кобыла — патриарх рода, из которого и вышли московские бояре, ставшие впоследствии русскими царями Романовыми. А уже версия о происхождении их от пруссов имела место быть тогда, когда первым герольдмейстером России по воле Петра I был назначен прямой родственник Романовых Степан Андреевич Кольчев.

Именно у Кольчевых в Костроме, в Ипатьевском соборе, тоже было место для родовой «усыпальницы».

И мы вспомнили о Кольчевых не случайно — дело в том, что по версии историка российского казачества Андрея Андреевича Гордеева знаменитый волжский атаман Иван Кольцо, сподвижник Ермака Тимофе-

евича, — это избежавший казни Ивана Грозного Иван Колычев, прямой родственник казнённого царём митрополита Московского Филиппа (в миру Фёдора Степановича Колычева).

Иван Кольцо, по одной из версий историков, был тем самым гонцом, который принёс Ивану Грозному весть о покорении Сибири и заслужил царское прощение и награду, а впоследствии погиб в Сибири.

Какое же отношение всё это имеет к Камчатке?

Не спешите. Времена гонений на бояр Колычевых, начатых при Елене Глинской, которая, опираясь на князей Оболенских боялась потерять со стороны законного претендента на трон в лице князя Андрея Старицкого младшего сына, великого князя Ивана III, главной опорой которого были бояре Колычевы, продолжились во времена опричнины и при воцарении Бориса Годунова. При последнем Колычевых разослали по разным городам и весям. В 1632 году мы обнаруживаем в списках яицких казаков эту символическую запись: Ивашко Степанов сын Колычев Костромитин.

А впоследствии казаки Колычевы появляются в Якутске и на Камчатке.

В 1719 году на Камчатку сослан друг детства царевича Алексея Петровича, казнённого царём-отцом, Василий Иванович

Колычев, следы которого на полуострове теряются.

Но в 1854 году среди матросов 47-го Камчатского флотского экипажа, сражавшегося с англо-французами, был Николай Иванович Колычев — потомок камчатских казаков Колычевых.

Но на этом мы не заканчиваем камчатскую историю, связанную с Костромой и событиями Петропавловской обороны:

Удалов Семён Кузьмин сын (1826) — матрос 2-й статьи, уроженец Костромской губернии [современной Нижегородской области] Варнавинского уезда удельного приказа, из крестьян деревни Сидорова, рекрутом доставлен в Кронштадт и поступил матросом в 26 флотский экипаж, в 1852–1853 гг. в кругосветном плавании на транспорте «Двина», в 1854 г. «взят в плен с парусного плашкоута гребными судами англо-французской эскадры», в 1855 г. предпочёл смерть исполнению приказа стрелять из пушки по Петропавловскому порту — бросился в воды Тихого океана и погиб.

Его именем названа одна из улиц в Петропавловске-Камчатском.

Вопрос: а знают ли о его подвиге на Родине? И знают ли на Родине о других костромичах — Костроминых и Костромитиных, — оставивших свой след в истории нашего полуострова?

Но не только сами костромичи оставляли этот след. В 1913 году на восточном побережье Камчатки потерпел крушение пароход Добровольного флота «Кострома». Косу, на которую «налетел» пароход, теперь стали называть Костромой.

А когда на побережье появился в годы расцвета рыбной промышленности посёлок, то и его стали называть Костромой.

История этого судна очень интересная: «С началом Русско-японской войны в 1904 году в Одессе был переоборудован под госпиталь на 200 коек и включён в состав отряда контр-адмирала Н.И. Небогатова, с которым соединился 8 марта 1905 года в районе Суды. 14 мая 1905 года (в Цусимском сражении. — С.В.) был захвачен японским вспомогательным крейсером „Садо-Мару“ и отконвоирован в Сасебо. 14 июля того же года, в соответствии с Гаагской конвенцией, был освобождён и вернулся во Владивосток. 10 сентября 1905 года вернулся в Одессу и в конце декабря был возвращён в состав Добровольного флота.

25 августа (7 сентября) 1913 года во время очередного рейса был выброшен штормом на Карагинскую косу п-ва Камчатка, названную в дальнейшем Костромской. Снять судно с отмели не успели, так как оно было разграблено японскими рыболовными бригадами. Остатки остова судна были

переданы на строительство школы в с. Карага».

И ещё одна деталь — в 1888–1890 годах ревизором, вахтенным начальником парохода Кострома был Пётр Петрович Шмидт, тот самый лейтенант, «дети» которого прославились благодаря «Золотому телёнку» Ильфа и Петрова на весь мир. А сам лейтенант, возглавивший Севастопольское восстание в 1905 году, которое многие помнят по событиям, связанным с броненосцем «Потёмкин», был расстрелян.

Но на этом история не заканчивается. Очень важную страницу в речное и морское судоходство вписал флот, построенный в Костроме — «костромичи» осваивали речные, а затем и морские просторы Союза Советских Социалистических Республик, в том числе и у нас, на Камчатке, и не было надежнее этих судов — на одном из таких «костромичей» долгое время был капитаном и мой брат Александр Иванович.

И совершенно заслуженно Юрий Визбор посвятил одному из таких судов, на котором и ему пришлось поработать, замечательную песню «Три минуты тишины»:

***

*По судну «Кострома» стучит вода,
В сетях антенн качается звезда,
А мы стоим и курим, мы должны
Услышать три минуты тишины.*

*Молчат во всех морях все корабли,
Молчат морские станции земли,
И ты ключом, приятель, не стучи,
Ты эти три минуты помолчи.
Быть может, на каком борту пожар,
Пробоина в корме острой ножа,
А может быть, арктические льды
Корабль не выпускают из беды.
Но тишина плывёт как океан,
Радист сказал: Порядок, капитан.
То осень бьёт в антенны, то зима,
Шесть баллов бьют по судну «Кострома».*

КРАСНОДАР

Для меня этот город имеет особое значение — здесь родились мои старшие дочери, Оксана и Катюша, а внучка Катюша, дочь Оксаны, подарила мне правнучку Арину.

Здесь я написал свою первую исследовательскую работу «Биография кубанских названий».

Здесь же меня и «похоронили», не найдя в числе живых краеведов Кубани, когда через пятнадцать лет после написания «Биографии...» нашли мою рукопись в Краснодарском государственном архиве, куда я сдал её, возвращаясь с Кубани на родину.

Дело прошлое, но оно очень характерное для любого времени, когда идеология затмевает здравый смысл.

Я подготовил рукопись «Биографии...» для Кубанского книжного издательства, и её отдали на рецензию журналисту. И вот главный «опус», почему это книжицу, на которую сегодня повсеместно ссылаются, отказались публиковать, следуя совету рецензента. Он написал: почему это автор станице Красноармейской отвёл в своей книге две строчки, а станице Гладковской — несколько страниц?

А сколько страниц я мог отвести в 1978 году станице Красноармейской, если это была бывшая станица Полтавская, корнями своими связанная с Запорожским (впоследствии Черноморским) казачьим войском, население которой — кубанских казаков — частично порубали в гражданскую войну, частично — после гражданской, а оставшихся в живых поголовно выселили на Урал, заселив в станице, в добротных казачьих хатах, демобилизованных красноармейцев. А чтобы и память исчезла о повстанческой белогвардейской казачьей станице, её переименовали в Красноармейскую. Правда, в 1994 году станице вернули название и она снова стала Полтавской.

А что касается атамана Гладкого, то судьба его удивительная — он был последним кошевым атаманом Задунайской Сечи, созданной турками из казаков бывшей Запорожской Сечи, уничтоженной по прика-

зу императрицы Екатерины в 1775 году. Наказной атамана Азовского казачьего войска, перешедшего на сторону русских в 1828 году, позднее это войско вошло в состав Кубанского казачьего войска. Герой целого ряда сражений, награждённый за свои боевые заслуги орденами Святых Георгия, Владимира, Анны и Станислава.

Но это был царский генерал, и мне, по рекомендации рецензента из краевой газеты, не следовало столь подробно расписывать его биографию.

Ну, и далее в том же тоне...

Книга, разумеется, не вышла. Рукопись я сдал в архив, чтобы она могла послужить всем, кто интересуется топонимикой Кубани. Сам вернулся на Камчатку. И через пятнадцать лет меня там нашли ученые из Армавирского государственного университета, которые издали на репринте мою первую книгу, — академик Виталий Борисович Виноградов и его ученики, извиняясь за то, что первоначально решили, что я, будучи очень стареньким (какими обычно старенькими бывают краеведы), уже почил в бозе, потому и исчез из поля зрения краснодарских коллег. А мне было на момент полу-

чения этого письма сорок лет, и я, разумеется, нисколько не обиделся, тем более помня о нашей народной примете, что, если раньше времени хоронят — значит, жить будешь долго.

В свою первую премиальную командировку (в газете «Камчатский комсомолец», где я работал, её главный редактор Ольга Ивановна Космынина в целях нашего поощрения установила такие правила — человек, победивший в социалистическом соревновании, сам выбирал себе место для будущей командировки и привозил оттуда новый творческий материал) я отпра-

вился на Командорские острова. Первым секретарём райкома комсомола на острове Беринга (а здесь весь Алеутский национальный район и село Никольское существуют в одном целом) был замечательный камчатский поэт Игорь Рычков, автор великолепной поэмы о Второй Камчатской экспедиции, последним местом пребывания многих из участников которой

стала бухта Командорская, в том числе и самого капитана-командора Витуса Беринга.

Я побывал тогда благодаря Игорю, у которого был свой мотоцикл, в самых разных местах острова — и на котиковых лежбищах, и в бухте Буян, пляж которой просто усыпан опалами и агатами, и, конечно, в бухте, где похоронены умершие от цинги члены экипажа пакетбота «Святой Пётр».

Но главная встреча у меня была впереди.

Я взял с собой на остров недавно вышедшую из печати книгу писателя Леонида Михайловича Пасенюка «Берег скупого солнца», услышав о том, что писатель гостит на острове у своего сына Сергея.

Там и произошла наша первая встреча — молодого журналиста и маститого писателя-путешественника из Краснодара.

Мы с Сергеем, его сыном, — ровесники. Шестнадцатилетним подростком отец его впервые привёз на Командорские острова, и он с тех пор здесь живёт постоянно, а отец, не менее сына влюблённый в острова, постоянно курсировал между Камчаткой и Краснодаром, попутно совершая свои многочисленные путешествия по стране — Камчатка, Чукотка, Якутия, необъятная Арктика.

Для Леонида Михайловича та наша встреча на Беринге была рядовым событием, а для меня — знаковой, хотя я об этом и не подозревал.

Но случилось так, что наши литературные пути пересеклись на знаменитом Большерецком бунте 1771 года, когда ссыльный польский конфедерат, уроженец Словакии, входившей тогда в Австро-Венгрию, Август Бенъевский возглавил бунт, захватил со своими товарищами власть в Большерецком остроге и на казённом галиоте «Святой Пётр» ушёл с Камчатки в Китай, прославившись на весь мир...

К своему удивлению, Леонид Михайлович, прочтя мои первые публикации — очерк «Экипаж мятежного галиота», опубликованный в двух номерах журнал «Вокруг света» в 1990 году, а затем и роман «Встречь солнцу», встретил совершенно иную трактовку событий и характеров людей, опирающуюся на новые, неизвестные ещё самому Леониду Михайловичу факты, что стало для него неким откровением...

И с той поры мы подружились. Леонид Михайлович при каждой новой встрече дарил мне свои новые книги с автографом, я, естественно, ему, если было к тому времени что дарить, и он же самым первым заговорил о моём членстве в Союзе писателей, дав мне рекомендацию.

Леонид Михайлович был писателем-исследователем. Я не поклонник его художественных романов. Но его историческая публицистика просто блистательна. Он на-

ходил такие исторические сюжеты из жизни Камчатки, Командорских островов, Русской Америки, которые требовали обработки огромнейшего архивного, ещё никем не изученного материала, чтобы открыть нечто новое, совершенно потрясающее. И таких открытий у него великое множество. Перечитайте его «Я иду по Командорам» или исторические очерки о Русской Америке, изданные Краснодарским книжным издательством, которые он мне привозил в подарок, — о часах Кука, о путешествии на Гавайи Тараканова, о мореходах Герасиме Измайлове и Дмитрие Бочарове...

Я считаю, что Леонид Михайлович Пасенюк стоит в одном ряду с такими мастерами исторического очерка, как Сергей Николаевич Марков с его бессмертной «Летописью Аляски».

А Сергей Леонидович пошёл ещё дальше своего отца. География путешествий Леонида Михайловича Пасенюка была очерчена сушей. Сергей Леонидович вырвался из этого пространства, покорив и Великий Тихий океан — самую опасную северную его часть, называемую Беринговым морем.

Свою книгу, ставшую в одночасье бестселлером, он назвал «Соло через Берингово море».

В этом есть определённое созвучие с книгами отца «Иду по Командорам», «В одиноч-

ку по острову Беринга» — это дневниковые записи перехода на яхте, в одиночку, с Командорских на Алеутские острова и далее вдоль берегов Канады в Сиэтл (США, штат Вашингтон).

Вот один только из отзывов: «...Эту книгу прислали к нам в редакцию с Камчатки. Она долго лежала у меня на столе, заваленная черновиками статей, письмами читателей и прочими бумагами, неизбежно сопровождающими процесс издания журнала. И лишь однажды вечером, когда спала суматоха сдачи очередного номера в печать, я взял её в руки. Взял ...и не ушёл из редакции, пока не прочитал всю до конца.

Написанная простым, бесхитростным языком человека, прошедшего много лет наедине с природой, эта книга подкупает своей искренностью и правдивостью. Обо всех трудностях подготовки и осуществления своей давней мечты — плаванию от о. Беринга до Сиэтла, о сложных перипетиях людских взаимоотношений и трудностях океанского перехода Сергей говорит спокойными словами много видевшего и знающего себе цену человека.

Ироничность и точность изложения напомнили мне книгу, почитаемую яхтсменами одиночками всего мира за Ветхий Завет — бессмертную „Sailing alone around the world“ Джошуа Слокама. Поздно вечером

придя домой, для проверки снял с полки зачитанный до дыр томик и наугад раскрыл его. Да, так и есть — две эти книги, написанные с разрывом более чем в сто лет, кажутся связанными единой нитью, и грубоватая прямолинейность старого капитана незаметно переходит в ту незримую нежность к окружающей нас Вселенной, которой буквально пропитаны все строки в книге нашего соотечественника» (Артур Гроховский, журнал «Катера и яхты»).

Не так давно Сергей Леонидович сотворил ещё одно чудо — издал альбом о Командорских островах. Это, безусловно, не первый альбом о Командорах. Но если судить по значимости, то равных тому, что сделал Сергей Пасенюк, вы не найдёте среди великого множества самых красивых альбомов о Командорах с потрясающими фотографиями, созданными великими мастерами.

Он открывает своему читателю и зрителю те Командоры, которые знает только Сергей Пасенюк, проживший здесь всю свою жизнь и сроднившийся с Командорами и жителями острова, как говорится, «душой и телом». Это не просто его земля, его малая родина — это земля, без которой его собственное существование становится бессмысленным...

26 мая 2018 года Леонид Михайлович Пасенюк ушёл из жизни. Это огромная, ещё

до конца не оценённая утрата не только замечательного писателя, но и выдающегося учёного-историка. При жизни он имел множество различных наград, в том числе и военных — ведь он в пятнадцатилетнем возрасте участвовал в Сталинградской битве. Но больше всего он гордился тем, что один из мысов на острове Беринга назван его именем — мысом Пасенюка.

КРОНШТАДТ

Первоначально — Кроншлот (в переводе с любимого царём Петром голландского языка «коронный замок»). Крепость построена по приказу царя Петра I и освящена 7 (18) мая 1704 года. А в 1723 году появилось новое название — Кронштадт, что значит уже «коронный город» в связи с закладкой крепости «...которая заключала бы в себя весь город и все портовые сооружения и служила бы делу обороны со всех сторон».

Камчатка, если забыть обо всех кругосветных плаваниях россиян, которые начинались и заканчивались здесь, в Кронштадте, должна быть благодарна этому портовому городу-крепости уже за одно то, что здесь родился в простой семье ластового подшкипера 31 декабря 1826 года Александр Степанович Сгибнев.

Удивительно, хотя он провёл самую известную часть своей жизни на Дальнем Востоке России, его имя увековечено в... Рижском заливе, на хоженной-перехоженной Балтике, в названии двух банок, которые он обнаружил, проводя съёмку и промеры в 1846–1850 годах, будучи рядовым кондуктором (унтер-офицерский чин) Корпуса флотских штурманов.

В 1851 году уже подпоручик (после переэкзаменовки — мичман) Александр Сгибнев откомандирован на Дальний Восток в 46-й Камчатский флотский экипаж.

Но на Камчатку он не попал.

Ему выпала огромная историческая роль — подтвердить возможность судоходства на Амуре для бесперебойного обеспечения Камчатской области всем необходимым (тогда стояла именно такая задача первостепенной важности).

Александр Степанович произвёл промеры реки Шилка.

В 1853 году назначен командиром парохода с символичным названием «Аргунь».

Одновременно руководил в Сретенске постройкой барж и гребных судов для того самого исторического сплава по реке Амур в 1854 году, когда русские окончательно и бесповоротно утвердили своё право на Амур, устанавливая военные посты и основывая новые поселения.

В 1854 году, командуя пароходом «Аргунь», Александр Степанович непосредственно участвует в организации первого сплава по Амуре войск, продовольствия и грузов для Камчатской флотилии, что в конечном итоге обеспечило нашу победу во время обороны Петропавловского порта в августе–сентябре 1854 года.

18 мая 1854 года — день начала судоходства на реке Амур. Почётным пассажиром на борту первого амурского парохода был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьёв, тогда ещё и не граф, и не Амурский, символически испивший стакан амурской воды в честь того, что эти воды теперь становятся российскими.

В этом же 1854 году лейтенант Александр Сгибнев назначен помощником начальника Аянского порта.

И на этом его непосредственная связь с Дальним Востоком, как морского офицера, обрывается.

Он откомандирован в Иркутск, столицу Восточной Сибири, в должности адъютанта Морского управления штаба Восточно-Сибирского военного округа, а в 1862 году назначается правителем дел Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Именно здесь, в Иркутске, волею судьбы он начал изучать камчатские матери-

алы иркутского архива до того, как они погибли во время пожара 1879 года: «Выгорело 75 кварталов — 918 дворов со 105 каменными и 3418 деревянными постройками. После пожара в Иркутске осталось 3157 домов — вдвое меньше, чем было несколькими днями ранее».

Затем он переведён в Санкт-Петербург, в 8-й флотский экипаж в чине капитана 1-го ранга, в должности вице-директора канцелярии Морского министерства — фактически директора Морского архива.

В истории российского флота он занял, после Василия Николаевича Берха (1781–1834), официального историографа флота с 1828 года, это почётное место.

В 1871 году А.С. Сгибнев подготовил к изданию «Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г.», в 1872 году издал книгу «Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г.».

Одновременно он сотрудничал с журналами «Морской сборник», «Древняя и Новая Россия».

Труд его — и ратный, и научный — был отмечен высокими наградами: орден Святого Владимира 4-й степени (1854 г.), орден Святого Станислава 2-й степени (1857 г.), орден Святой Анны 2-й степени (1861 г.), Императорская корона к этому ордену (1865 г.), орден Святого Владимира 3-й степени (1870 г.).

Умер Александр Степанович Сгибнев 26 июля 1881 года, похоронен на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга.

Биография А.С. Сгибнева опубликована в «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америки» (составитель Б.Н. Болгурцев).

И вот что тоже очень характерно — в биографии Александра Степановича не указана ни одна из его работ, связанных с историей Дальнего Востока, не названа самая важная из его работ, созданная на основе навсегда утраченных для потомков иркутских архивных материалов, — «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1650–1855 гг.».

Мы уже не говорим о том, что само имя этого человека, сохранившего историческую память о Камчатке XVIII–XIX веков, не увековечено в нашей собственной памяти. Его многочисленные очерки, заметки, реплики на чужие публикации разбросаны по разным сборникам, журналам и незнакомы массовому читателю.

И я знаю причину этого. Она проста.

Александр Степанович Сгибнев был чужден в своих исторических оценках, основанных на подлинных архивных материалах.

И эти его оценки вступали в явное и откровенное противоречие с мнением официальной истории, а главное — историков.

Я приведу несколько его цитат, и вы сами поймёте, в чём тут дело.

О Витусе Беринге.

«Осенью 1727 г. пришёл в Большерецк Беринг с двумя судами, погружёнными провизией и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперёк всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причинённого им камчадалам, и как бы

в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: „Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел“. Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привёл же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно „Фортуна“. Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путём с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае».

Результат — Харчинский бунт 1731 года, когда восставшие камчадалы уничтожили Нижнекамчатский острог.

«Во время путешествия Шпанберга Беринг с двумя судами, пакетботами „Св. Пётр“ и „Павел“ прибыл 27 сентября 1740 г. в губу, называемую до того времени камчадалами Суачу, где посланным вперёд штурманом Елагиным построены были к его прибытию необходимые помещения. Здесь Беринг остался зимовать, и эту одну из лучших гаваней в мире назвал по имени своих судов — Петропавловскою. Большая же

часть экспедиционных запасов была доставлена из Охотска на дубель-шлюпке и гальоте в Большерецк, так как суда эти за сильным ветром не могли попасть в Петропавловскую гавань. Обстоятельство это было причиною, что и на этот раз все экспедиционные припасы везлись из Большерецка в Петропавловскую гавань сухим путём на собаках, что было сопряжено с большими трудами и убытками для камчадалов.

Об архимандрите Камчатском, руководителе Камчатской Духовной Миссии.

«Хотунцевский прибыл в Большерецк 7-го июля 1745 г. Ему, между прочим, поручено было учредить в Камчатке школы, а при крещении туземцев не принимать никаких насильственных мер. Но Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название антихриста. Пользуясь добротой и скромностью старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетьюми до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христиана-

ми, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось ещё тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить все прежние обычаи, освящённые веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетьюми перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции».

Результат — восстание камчадалов и коряков в 1746 году.

Но это не главное — кто в Центральной России мог и хотел знать о последствиях деятельности этих людей, когда уже гремели фанфары?! Да и в контексте великодержавной истории все эти факты выглядели как мелкие придирки.

А вот когда Александр Степанович посягнул на святая святых и написал правду о той обструкции, устроенной командой шлюпа «Надежда» по приказу капитана Ивана Фёдоровича Крузенштерна в отношении графа Николая Петровича Резанова, одного из руководителей Российско-Американской компании, трудами которого первая рус-

ская кругосветная экспедиция и состоялась, это вызвало определённый общественный резонанс, особенно среди моряков, ибо: «Крузенштерн — это символ морской романтики, пионер дальнего плавания, человек, который первым гордо пронёс русский военно-морской флаг через все океаны планеты», — как пишут о нём и сегодня. И пишут справедливо. Он заслужил свою славу. Только вот непонятно зачем понадобилось ему посягнуть ещё и на чужую славу, пытаться и её присвоить себе? Ведь тайное всегда становится явным, особенно в наше время, когда образ Николая Резанова, освящённый романтикой любви испанки Кончиты, вновь приобретает в отечественной истории те рыцарские благородные черты, которые и были основой его открытой, честной и благородной личности... (если вам хочется узнать о нём больше — рекомендую свою книгу «Встречь солнцу»).

Александр Степанович Сгибнев также прямо и честно развеял насаждаемый нам европейцами романтический образ несгибаемого борца за свободу, а на самом деле выдающегося авантюриста, циника и враля, Августа Морица Бенъевского, посвятив истории Большерецкого бунта 1771 года специальное исследование «Бунт Бенъевского в Камчатке», на который в обязательном порядке ссылаются все, кто пишет об этом замеча-

тельном авантюристе, но этот очерк можно найти только в двух номерах (4 и 7) «Морского сборника» за 1869 год. Мы включили этот очерк в наш сборник «Большерецкий бунт. 1771 год», но он вышел мизерным тиражом — 100 экземпляров, не меняя общей картины исторического забвения.

И возвращаюсь к тому, с чего начал — к Кронштадту.

Кронштадт и Петропавловский порт на Камчатке неотделимы в истории Российского флота друг от друга. Тысячи моряков (если считать — а как их можно не считать?! — рядовых матросов) прошли этой дорогой величайшей морской славы России, которую действительно проторили Иван Фёдорович Крузенштерн и Юрий Фёдорович Лисянский на шлюпах «Надежда» и «Нева».

Но особую память оставили о себе на Камчатке кронштадтцы — члены экипажей транспортов «Диана», «Байкал», Иртыш», «Двина», корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», офицеры и матросы 46-го Камчатского флотского экипажа — которые с оружием в руках встретили в 1854 году англо-французскую эскадру, намеревавшуюся захватить самый восточный тихоокеанский форпост России.

Сегодня благодаря сотрудникам Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), расположенного, как

и во времена Александра Степановича Сгибнева, на Миллионной улице Санкт-Петербурга, где размещался когда-то 8-й флотский экипаж, мы постепенно восстанавливаем имена рядовых участников тех далеких, но от этого не менее великих, событий.

Так что дело жизни Александра Степановича продолжается...

И это очень важно. Ведь первое слово, которое выбито в Кронштадте на памятнике командующему Тихоокеанским флотом в период Русско-японской войны 1904–1905 г., погибшего на подорвавшемся на mine броненосце «Петропавловск», выпускнику Николаевского-на-Амуре штурманского училища Степану Осиповичу Макарову: «Помни...».

КУНГУР

Кунгур — город, основанный и заселённый выходцами из разных городов — Чердыни, Соликамска, Кайгорода, Соливычегодска, Великого Устюга — крупных торговых и промышленных городов того времени, крепко-накрепко связанных с сибирской пушниной.

Год основания — 1648.

В 1783 году был утверждён герб города, входившего в Пермское наместничество —

«... во второй части щита в голубом поле рог изобилия, с сыплющимися из него кольсьями разного хлеба, означающие плодоносие вокруг онаго города».

В 1784 году в семье городского головы Кургура Тимофея Ивановича Хлебникова, потомка переселившегося сюда новгородца Хлебникова, появился на свет человек, который вошёл в историю нашего государства как летописец Русской Америки.

С 1801 года его жизнь связана с Камчаткой, Русской Америкой и Америкой, где он представлял интересы Российско-Американской компании более тридцати лет.

Вот его краткая биография из Морского биографического справочника: «Хлебников Кирилл Тимофеевич (18.3.1784–14.4.1838) — помощник главного правителя Русской Америки и правителя Новоархангельской конторы, путешественник, писатель, исследователь Камчатки и Русской Америки, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Родился в городе Кунгуре Пермской губернии в семье городского головы.

7.7.01 прибыл в Охотск. 21.7 поступил на службу в Российско-Американскую компанию. В 1803–1813 служил приказчиком в Нижнекамчатске. Постоянно путешествовал по полуострову, зимой 1814 написал „Письма о Камчатке“.

2.3.1815 прибыл в Санкт-Петербург и занялся подготовкой к плаванию в Русскую Америку. В 1816–17 на корабле „Кутузов“ перешёл из Кронштадта в Новоархангельск, где был назначен помощником главного правителя Русской Америки и правителя Новоархангельской конторы. В 1818–1832 находился в плаваниях на кораблях Российско-Американской компании, посетил Командорские и Алеутские острова, острова Прибылова, остров Кадьяк, порты Калифорнии, Перу, Гватемалы, Чили, Бразилии. Собрал ценный материал об устройстве и системе управления Русской Америки, коммерческой деятельности Российско-Американской компании, истории, географии и этнографии Русской Америки.

В 1833 вернулся в Кронштадт, опубликовал статью „Первоначальное поселение русских в Америке“, книгу „Жизнеописание А.А. Баранова“ и мемуары „Взгляд на полвека моей жизни“ (1836). Избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, сотрудничал со многими газетами, журналами, опубликовал статью „Жизнеописание Г.И. Шелихова“ (1838). Главный труд Хлебникова — „Записки о колониях в Америке“, состоящий из шести частей, при жизни не был опубликован. Умер в Санкт-Петербурге».

О его приключениях и злоключениях на Камчатке и в Америке написано немало.

В том числе и им самим. И мы не будем повторяться.

Мы коснёмся только одного сюжета, который красной чертой проходит по нашей книге — судьбы легендарной «Юноны» и того испытания, которое выпадало на долю каждого, кто связывал свою судьбу с покорением Тихого океана.

В своей книге «Взгляд на полвека моей жизни» («Сын Отечества», 1838 год, т. 4) Кирилл Тимофеевич рассказывает прелюбопытное: «Живучи в Камчатской Петропавловской Гавани, я имел привычку спать после обеда. Так было и 5 ноября 1811 года. Вдруг во сне я стал спрашивать у бывших тут: пришли ли люди от судна, которое недалеко отсюда разбилось? Над этим засмеялись, и когда я проснулся, пересказали мне о вопросе. Тут я вспомнил, что видел во сне нечто ужасное, но не мог привести виденного в соображение.

К вечеру того же дня входит ко мне незнакомый человек. Увидев его, я узнал одно из лиц, виденных во сне, и вздрогнул от удивления. Тут он уведомил меня, что корабль Юнона потерпел крушение при устье речки Вилюя во время сильного шторма, и при этом погибли командир судна и весь экипаж, кроме его и ещё двух матросов, спасшихся неожиданно, и что они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей, и ими сюда доставлены».

А в его «Письмах о Камчатке» — первой пробе пера — мы находим и подробности гибели судна, ставшего уже в наше время легендой.

«Американских областей правитель господин Баранов в 1811 году отправил с богатым грузом, состоящим из кантонских товаров, кораблю „Юнону“ в Камчатку под командованием штурмана Мартынова с двадцатью человеками экипажа. Чиновник сей, как видно, находясь уже в крайности, начинал писать отношение компанейскому комиссионеру (которое найдено подлинником по разбитии и выкиде) в следующих словах: „С вверенным мне судном пришёл из Новоархангельского порта в неблагополучии в самом бедственном. Три месяца, находясь от NW берегов Америки и боровшись с безпрерывно продолжающимися бурями, имея только из матрозов три человек, и тех утомлённых, пять малолетних учеников, взятых много для приучения, из коих два побольше, кроме своей, справляли матрозовския должности, а остальные трое стояли на руле, у выливания воды, которой прибыль ежечасно в крепкие ветры до пяти дюймов, у бросания лага и ведения журнала, и управление с сими восемью человеками было весьма трудно с трёхмачтовым судном, прочия же команды моей...“, — тем окончил бедной наш мореплаватель своё уведомление.

Неизвестно, по каким причинам, но один из числа троих матрозов, спасшихся при кораблекрушении, пояснил обстоятельства сего нещастия таким образом. По причине противных сильных ветров, по малолюдству и недостатку воды, которой оставалась только одна бочка, командир решился следовать на ближайшие острова, но в сем направлении от продолжавшегося двенадцать часов крепкого шторма принуждены были воротиться к Петропавловской Гавани, при которой штормом отбило от руля петли и цепи, выломало фальшборт. Лавируя после того около Петропавловска несколько дней, не могли войтить, и уже расположась зайти в бухту Жировую, но при входе туда отражены были крепким ветром, и после того двоюсутки пробыли около берегов в лавировке, с тем намерением, чтоб пристать в какую-нибудь бухту. Но как ветер сделался фордевинд для входу в Гавань, то и дошли при оном до Старичкова острова, в котором месте один из числа больных матрозов помер. Приближаясь к Старичкову острову, вдруг ветер сделался противный, а потому и отошли к мысу, имянуемому Саранным, где и бросили якорь на глубине около 35 сажен, с которого при крепком ветре начало дрейфовать, почему бросили дрек. Но вдруг канат лопнул, а вскоре после того и трос. Большой же якорь бросить не имели сил.

Случай сей происходил во время ночи тёмной на 3-е число ноября, и тогда корабль склоняло к берегу волнением, а потому, чтоб отдалиться от онаго, поставили паруса, и ливер, фок и бизань, но чрез то корабль склонило на каменной подводной риф, лежащей в параллель берега, по которому сильным волнением корабль

крепко ударило, но большой течи в нём не было ещё примечено. Наконец валами с приливом через тот риф и другие подводные перекинуло и бросило на последней большей каменной риф, а на нём уже корабль подвергнулся всем ужасам опасности от величайших валов, рассыпавшихся об острые скалы, и при первом сильном

ударе вдруг сорвало шесть человек с палубы, державшихся за ванты, в числе коих капитан, ученики и ботсман. После многих сильных ударений и чрез тот риф корабль был перекинут волнением и прижат к утёсистому берегу при устье реки Вилюя. Тогда уже борты корабля были отломаны, и оставалась только палуба. Мачты, хотя и находились ещё целыми, но лежали на воде. За ванты на поверхности держались последние четыре человека и возсылали молитвы свои к Избавителю о спасении от неминуемой смерти. В таком расположении корабль находился до 6-ти часов и волнением был придвинут к берегу весьма близко.

Тогда один из матрозов (повествователь сего случая), имевши несколько сил, пополз по грот-мачте до стеньги, а от оной по прочим судовым обломкам, заброшенным на утёсы, и выбрался на скалы. Удары волн ослабили его силу, а холод и голод вяще тому свирепствовали, и он покинул без помощи своих товарищей трёх человек, висевших на вантах, которые были заражены скорбутом. Но отчаянные, пренебрегая ужасы моря, решились по следам его выгнать. Двое из них были столь счастливы, что выброшены были на берег и остались живы, а третьей увлечен в море. Счастье был для них в том, что неподалёку от места кораблекрушения жили на-

рочные люди из Петропавловскаго порта за промыслом рыбы, и их избавили от холода и голода, без чего бы смерть была также неизбежна, ибо оттоль в такое позднее время года пешком путь окрест залива совсем невозможен.

...Теперь представим то ужасное зрелище, какое найдено нами через три дни по кораблекрушении. Мы поехали для спасения груза и такелажа, собрать мёртвые тела и предать погребению. Речка Вилюй при ветрах с приливом вбирает в себя течения до четырёх вёрст, и силою сего стремления тела умерших разбросаны были в разных местах, замётаны в песку, запутаны в траве и зацепленные за деревья. Иной рукою или ногою придавлен к утёсистым скалам, висел на воздухе, инаго части по разным местам, обезображенные, раскиданы. Девять человек были собраны и погребены, над ними поставили крест и бюст корабельный, изображающий „Юнону“».

ЛАЛЬСК

Сегодня об этом городе мало кто и знает. Да он уже и не город — посёлок городского типа в Лузском районе Кировской области.

Название самое простое — расположен на реке Лале, притоке реки Лузы.

Основан новгородцами после знаменитого Новгородского погрома, учинённого опричниками царя Ивана Грозного.

Но место было выбрано с умом — на пересечении торговых путей, и поселение начало быстро разрастаться, а значит, и богатеть, превращаясь сначала в Лальский посад, а в 1780 году в уездный город Лальск с собственным гербом Вологодского наместничества: «В верхней половине щита герб Вологодский, в нижней половине две куничьи кожи в золотом поле. В знак того, что сего города жители производят знатный торг мягкой рухлядью».

Потому вслед за «мягкой рухлядью» — пушниной — лальские купцы пришли в Сибирь, на Камчатку, в Русскую Америку...

Лальский купец Афанасий Чебаевский, организовавший совместно с иркутским купцом Никифором Трапезниковым в 1745 году промысловую экспедицию, навсегда вошёл в историю великих географических открытий — благодаря этому «вояжу» (как говорили в старину) были открыты Ближние Алеутские острова. Мореходом на судне «Святой Евдоким» был уроженец Тобольска, потомок великоустюжских серебряных дел мастеров Михаил Неводчиков.

В 1758 году лальский купец Афанасий Чебаевский был в составе купеческой компании, организовавшей новую промысло-

вую экспедицию на Алеутские острова, завершившуюся открытием тех самых Лисьих островов, чёрные лисицы которых украшают герб Тотьмы. Судно называлось «Святой Иулиан», мореходом на нём был яренский посадский Степан Глотов.

В 1758 году Афанасий Чебаевский участвует также в снаряжении для промыслового вояжа судна «Иоанн Предтеча», мореходом на котором был участник экспедиции Витуса Беринга Пётр Верхотуров.

В 1760 году судно «Святой Иоанн — чудотворец Устюжский» отправляет на промысел лальский купец Терентий Чебаевский (степень родства неизвестна) и его приказчик — Василий Попов.

В 1762 году лальские купцы вступают в долю со «счастливейшим из российских аргонавтов» (выражение историографа В.Н. Берха) соликамским куцом Иваном Саввичем Лапиным: «В сем году отправлено было судно „Адриана и Наталии“, принадлежавшее лальским купцам Терентию Чебаевскому, Василью и Ивану Поповым, да соликамскому Ивану Лапину. Мореходом был на оном яренский мещанин Степан Глотов, который, сделав важное открытие на боте „Июлиан“ и вывезя первых чёрных лисиц, простёр путь свой за пределы тогдашнего плавания: он первым приблизился к матерому берегу Америки».

По сообщению Р.В. Макаровой: «В 1764 г. компания Т. Чебаевского и Ив. Попова вторично снарядила на пушной промысел судно „Иоанн Устюжский“. В составе компании к этому времени произошли изменения. Главную роль теперь играл лальский купец Иван Попов (брат умершего Василия Попова)».

В 1764 году Афанасий Чебаевский был награждён по указу императрицы Екатерины II золотой медалью «За полезные обществу труды». Такой же медалью, как сообщает В.Н. Берх, был награждён и другой лальский купец — Василий Фомич Попов, приказчик купца Чебаевского (вот ведь удивительно — отчество приказчика известно, а отчество самого купца мне так найти и не удалось — может быть, лальские краеведы помогут?).

Но на этом не заканчивается история фамилии Чебаевский на Камчатке. В 1740-х годах в период деятельности Камчатской Духовной Миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского один из камчадалов после крещения приобретает фамилию своего крёстного отца — лальского купца, и камчатский купец Захар Иванов Снофидов послал вместо себя на промысел на Алеутские острова работником Двуюрточного острожка Никифора Гавриловича Чюбаевского. А в селе Харчино до конца XIX века сохранилась другая форма этой фамилии — Чебаев (Чабаев).

МАГАДАН

Созданию в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР с лабораторией археологии, истории и этнографии, которую возглавил бывший директор Чукотского окружного краеведческого музея Николай Николаевич Диков, впоследствии член-корреспондент АН СССР, предшествовало (хотя эти события напрямую и не были связаны между собой) одно чрезвычайное происшествие, истоки которого не раскрыты и по сей день.

Это происшествие более всего имело значение для писателя Сергея Маркова — именно оно явило для него замысел книги «Земной круг» — Сергей Николаевич был в числе самых первых, кто был заинтригован неожиданной (что там неожиданной — ставшей мировой сенсацией!) находкой на Камчатке.

Это произошло в 1944 году. Рабочий Ушковского рыбоводного завода О.И. Орехов случайно нашёл на берегу Ушковского озера четыре старинные медные монеты.

Нашёл и нашёл — ему они были ни к чему, и в 1948 году он подарил их нумизмату-любителю ихтиологу Кириллу Ивановичу Панину. Тот долго пытался самостоятельно расшифровать рисунки на этих монетах и определить их примерный воз-

раст, но у него ничего не получилось — не смог найти никаких известных ему аналогов. И тогда учёный-ихтиолог обратился за помощью в Эрмитаж, направив письмо с описанием монет и своими рисунками.

Ответ и стал мировой сенсацией.

Итак, монет было четыре.

Первая — «...оказалась, — цитируем С.Н. Маркова, — монетой греческой азово-черноморской колонии Пантикапеи и датируется III веком до нашей эры».

Вторая — «...была чеканена около 17 года нашей эры в Боспорском царстве в том же Пантикапее, который к тому времени стал Боспорской столицей.

По заключению специалистов на одной стороне этой монеты изображён боспорский царь Рискупорид I, а на второй — профиль римского императора (Тиверия?)».

«Две другие монеты восточного происхождения. Одна из них определена как „пул“ (1/32 серебряной „теньги“), чеканенной в Хорезме. Дата чеканки не установлена».

Разумеется, версий о появлении этих монет на Камчатке было и остаётся множество. От самых простых — обронил какой-то нумизмат, до самых фантастичных — прибытия Ясона в поисках золотого руна с Черноморья на Камчатку...

Ну, а Сергея Николаевича Маркова эта находка вдохновила на новую книгу —

«Земной круг», в которой он последовательно, шаг за шагом исследовал историческое движение человечества «встречь солнцу».

А Николая Николаевича Дикова, конечно же, — на археологические раскопки...

И настоящая — бесспорно, мировая! — сенсация ожидала учёного именно здесь — он обнаружил на берегу Ушковского озера древнейшую на северо-востоке Азии стоянку древнего человека в эпоху верхнего палеолита, возраст которой был порядка 13–15 тысяч лет.

Но это только первая часть открытия.

Вторая, не менее, а может быть, ещё и более важная, — установление связи этой стоянки с миграцией людей из Азии в Америку, с цивилизацией протоиндейцев.

И третья — Николай Николаевич обнаружил на камчатской земле древнейшее культовое захоронение собаки.

Безусловно, открытие столь древней стоянки на Камчатке было встречено научным миром неоднозначно.

Уже сложились к тому времени определённые научные гипотезы, в которых новому открытию «не нашлось места» — и, как это часто водится в научном мире, открытие было поставлено под сомнение.

Но факты — вещь упрямая. И новые исследования всех тех артефактов (а их было более ста тысяч), обнаруженных Н.Н. Диковым

и сотрудниками его лаборатории, только подтверждали древнейший возраст стоянки.

И вот вывод, который последовал: «Серьёзные ограничения на решение проблемы заселения Америки накладывает неполнота антропологических и археологических данных. В восточной и северной Азии до сих пор не обнаружено ни палеоантропологических остатков, ни каких-либо других следов исходной верхнепалеолитической культуры, от которой непосредственно могла бы произойти древнейшая палеоиндейская культура, будь она с каменными двусторонне обработанными наконечниками или вообще без наконечников.

В сложившейся ситуации исключительное значение приобретают обнаруженные в непосредственной близости от Америки палеолитические культуры Камчатки».

Сам Николай Николаевич считал, что ушковские стоянки (всего их обнаружено семь) относятся ко второй и третьей волне миграции сибиряков в Америку.

Первая миграция проходила через Берингию примерно 30 тысяч лет назад, вторая — пятнадцать и третья — десять тысяч лет назад.

На берегу Ушковского озера обнаружен и первый в истории Северо-Востока России геоглиф — вылепленное из красной охры изображение рыбы.

А это уже символ страны рыбоедов, а не охотников за мамонтами, которые и были основой основ первой миграционной волны, двигавшейся вслед за уходящими за горизонт стадами древних животных.

А что же это была за миграция, если она миновала легендарную Берингию?

Вот какой ответ дают нам учёные:

«...была ли Берингия единственным мостом? Антропологический облик индейцев Америки столь многообразен, а культура столь разнообразна, что трудно поверить, будто Новый Свет был заселён только кучкой бродячих охотников за мамонтами и бизонами, в погоне за дичью перешедших с материка на материк. Не было ли, помимо Берингии, и других „мостов“ суши, если не сплошных, то в виде близко расположенных друг к другу островов и островков, которые соединяли Америку с Азией к югу от берингоморского перешейка?

Вопрос этот вызван не только историко-этнографическими обстоятельствами, но и рядом причин, так сказать, геологического порядка. Дело в том, что в ту далёкую эпоху, когда существовала Берингия, почти все пространства Северной Америки покрывал гигантский ледник, кончавшийся в районе нынешних американских штатов Миссури, Иллинойс, Индиана. Высота ледника достигала около полутора километров.

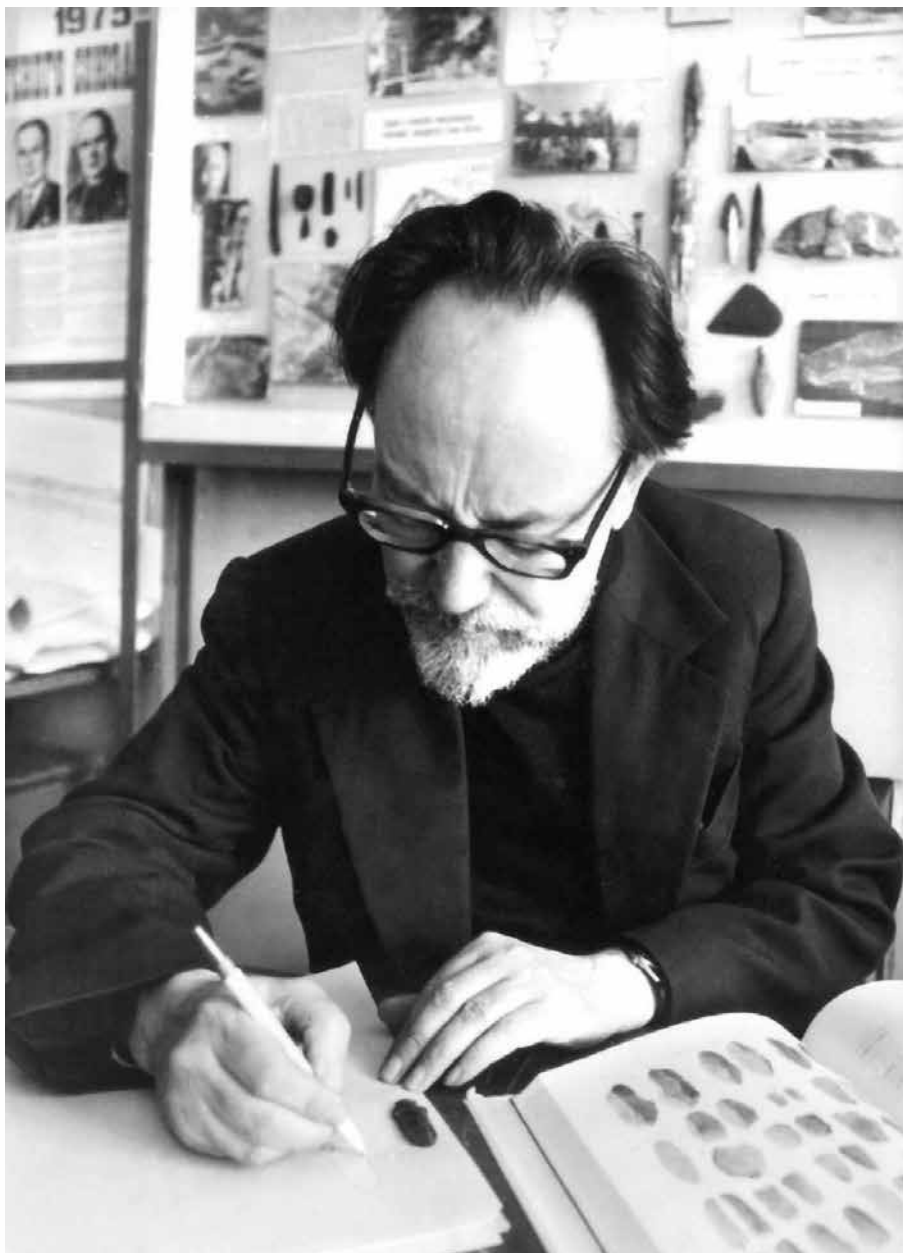

Фото пресс-службы проекта 1XPEDITION

Это американское оледенение, названное „висконсинским“ (современное европейскому „вюрмскому“ оледенению), закончилось примерно 11 тысячелетий назад — тогда же, когда стал уходить на дно Берингова моря сухопутный „мост“ из Старого Света в Новый. Человек же проник в Америку 20 тысяч лет назад (и это — самая скромная дата; называются и 30, и 40, и 50, и даже 100 тысяч лет!). Преодолеть колоссальный ледяной панцирь, покрывавший Северную Америку, первобытному человеку было намного трудней, чем проплыть несколько десятков километров на бревне и тому подобном плавательном средстве.

Геологи предполагают, что висконсинское оледенение всё же оставляло кое-где проходы, оно не было сплошным. Быть может, первобытные открыватели Нового Света,

перейдя через Берингию, двинулись вдоль узкой прибрежной кромки, не покрытой льдами, всё дальше и дальше на юг Америки, пока перед ними не раскрылись просторы континента, свободные от ледника. Но возможно и другое решение вопроса: предшественники Колумба, опередившие его на 20 или более тысячелетий, не делали большой „крюк“ через Чукотку и северо-западную оконечность Американского материка, а воспользовались более коротким путём из Азии в Новый Свет.

Ни на Чукотке, ни на Аляске не удалось отыскать следов пребывания человека, которые бы имели древность в три и более тысяч лет. А ведь если заселение Америки шло именно через эти земли, то следовало бы ожидать находок памятников возрастом по крайней мере 10–15 тысячелетий. И такие находки были сделаны... Только много южней, на Камчатке в Азии и в южной части США и в Мексике — в Новом Свете.

«Интенсивные археологические поиски, предпринятые нами в 1961–1962 гг. на Камчатке, привели к открытию на этом полуострове сначала раннего неолита, а затем и мезолита, с такими элементами культуры, которые вполне определённо свидетельствуют о связях Азии и Америки, — пишет Н.Н. Диков, руководитель археологической экспедиции Сибирского от-

деления АН СССР. — В 1964 г. на Камчатке был открыт вполне ясно выраженный верхний палеолит, и тоже, как мы увидим ниже, с определёнными чертами ещё более древних культурных связей между этими двумя континентами». Этими чертами, по мнению Дикова, являются наконечники стрел, подобные стрелам американских индейцев, найденные в древнейшем захоронении, возраст которого равен 14000–15000 лет; обилие бисера, бусин и подвесок в могильнике находит параллель в индейском поясе — вампуме; магическое употребление в погребальном обряде красной охры «тоже может расцениваться как существенный связующий элемент палеолитических культур Старого и Нового Света».

Подводя итоги раскопок, Н. Н. Диков пишет: «И географическое положение, и древность впервые открытого на Северо-Востоке Азии палеолитического памятника, и во многом американоидный его характер — всё это новые веские доказательства раннего (хотя вовсе и не обязательно первоначального) заселения Америки из Азии через её крайний Северо-Восток, в частности, через Камчатку и древнюю сушу, соединявшую Азию с Америкой на севере. И не исключено, что дальнейшими раскопками будут обнаружены здесь, на кратчайшем пути между двумя самыми большими кон-

тинентами, и ещё более древние, общие для их населения элементы культуры».

Какой же кратчайший путь мог соединять Центральную Камчатку, где находились многочисленные ушковские стоянки, с Америкой?

Тот же, говорят учёные, что и почти 300 лет спустя, — Алеутская островная дуга, которая протянулась от Командорских островов до Аляски и стала базовой основой для освоения Русской Америки в 18-м столетии...

НЕРЧИНСК

Основание Нерчинского острога связывают с двумя именами известных в Сибири людей.

Первым был Пётр Бекетов, бывший стрелецкий и казачий сотник, впоследствии казачий атаман и казачий голова в Енисейске. Тот самый Бекетов, который основал в 1632 году Ленский острог.

В 1655 году енисейские казаки попытались обжить новые места на реке Нерчи, но воины эвенского князя Гантимура (впоследствии сына боярского на казачьей службе) не позволили им этого сделать, и казаки вынуждены были временно покинуть эти места.

Но через три года первый воевода Даурии Афанасий Пашков основал Нерчинский

острог, который сыграл в истории Российского государства исключительную по важности роль.

Во-первых, в здешних местах отыскивали то, что тщетно, долго и упорно искали по всей Сибири-матушке — серебро.

Во-вторых, благодаря Нерчинскому мирному договору 1689 года была налажена торговля с Китаем, которая вскоре по своему обороту превысила торговые обороты России с Западной Европой и Бухарой.

И в-третьих, был разведан кратчайший путь из Нерчинска в Охотск и с 1720-х годов пополнение военных гарнизонов и казачьих команд в Охотске, Анадыре и на Камчатке происходило уже не из Якутска, как прежде, а исключительно из Нерчинского, Селенгинского и Иркутского острогов.

По данным переписи Нерчинска (включая подчинённые ему окрестные остроги и деревни) за 1744 год, на Камчатку были отправлены в службу: Лаврентей Анцын, Степан Савин сын Артемьев, Ермалай Аршинской, Иван Петров сын Аршинской, Семён Бакшеев, Матвей Бекетов, Фадей Березовской, Евсейей Буторин, Иван Василевых, Кондратей Фёдоров сын Вашуров, Ларион Василев сын Вертопрахов, Иван Вологдин, Пётр Лукин сын Вятченин, Ларион Григорьев сын Девяшин, Афонасей Дербин, Фёдор Душечкин, Дмитрий Загоскин, Проко-

пей Михайлов сын Калашников, Василей Калмаков, Григорей Климов, Семён Колесников, Ефим Силин сын Колосов, Михайло Иванов сын Корнилов, Василей Дмитриев сын Коровин, Иван Кривонос, Пахом Кривонос, Алексей Нестеров сын Кудеяров, Василей Митрофанов, Фёдор Митрофанов, Василей Неделин, Данило Прокопьев сын Недоносков, Андреян Пospelов, Максим Дмитриев сын Скорняков, Григорей Алексеев сын Соколов, Филип Соколов, Еким Иванов сын Сысоев, Степан Сычѳв, Михайло Томилов, Андрей Тупицын, Дмитрий Алексеев сын Фёдоров, Гаврило Филиповых, Конан Филиповых, Иван Фоминых, Иван Яковлев сын Цветков, Алексей Черных, Андрей Черных, у него брат Иван Черных, Степан Черных, Гаврило Шадрин, Иван Шадрин, Алексей Шитиков, Фёдор Григорьев сын Шушонин, Иван Василев Щербаков.

Состав Нерчинска был сборный. Значительную часть старожилы в нём занимали казаки, участвовавшие в обороне Албазинского острога.

Особенно много встречается тобольских казачьих фамилий — Анцыны, Аршинские, Бакшеевы, Сысоевы, Корниловы...

На последней мы и остановимся. В Албазинском остроге служили двое Корниловых из тобольской деревни Медянки, принадлежавшей роду потомков казачьего атамана

на Ивана Дурыни — казакам Дурыниным и Корниловым. Осип Корнилов участвовал в обороне острога и остался жив. Михаил Корнилов в это время был откомандирован по службе и не участвовал в обороне, поэтому тоже остался жив — и его потомок как раз и был направлен служить на Камчатку. Позже мы встречаем эту фамилию, как и ещё одну нерчинскую фамилию — Сысоевых, в списках казаков Тигильской крепости, а в 1854 году — в списках участников обороны Петропавловского порта.

Но в мировую историю вошёл только один человек из этого списка — Иван Черных, которому удалось впервые в истории России побывать почти на каждом из многочисленных Курильских островов и дать их описание. Именно на материалах сотника Ивана Черных зиждется сегодня утверждение о правообладании Россией этим архипелагом.

Попытки исследования и колонизации Курильских островов начались с убийства в 1711 году восставшими казаками Камчатского Ермака — Владимира Атласова и приказчиков Осипа Липина и Петра Чирикова. Чтобы заслужить прощение царя, бунтовщики отправились открывать новые земли — в 1711 году они побывали на Шумшу, в 1713 году — на Парамушире.

Геодезисты Фёдор Лужин и Иван Евреинов в 1721 году дошли, благодаря архангело-

городскому мореходу Кондратию Мошкову, до острова Симушир — 17-го по счёту острова Курильской гряды.

В 1769 году появился на свет документ под названием «Журнал, или записка, учинённая казацким сотником Иваном Чёрным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествованию и усмотренным на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем», который свидетельствовал о том, что большерецкий казачий сотник Иван Черных дошёл до острова Уруп и оставил первое в истории географии описание острова: «19-й остров Эторпу в длину, например, вёрст 300 с прибавою потому, что, по объявлению тамошних мохнатых главных курильцов, тот остров (с места, до котораго доходил Чёрный) будет ещё разстоянием дальше того, как отстоит от того 19-й остров. К 18-му острову к лопатке — над морем сопка превысокая, которая и мною (Чёрным) видима была, что и полагают они за половину разстояния сего острова.

На северной стороне острова имеется пристань байдарная, называемая по-курильски Камуи-вамкуин потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды, которую и пить невозможно, но курильцы употребляют её в питьё вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят. От той при-

стани вперёд, разстоянием вёрст 10, речка по курильскому званию Нинепет, потому что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая из озера Кимуято, и при ней бухта же песчаная, а живёт тут лучший князец Цета окайку камуини ампи с родниками; версты 3 от той реки на высоком месте, на горе, жилище детей бывшего князца Каткура симу; место называется Хамарая, потому что близ берега стоит кекур. От того жилища вёрст, например, в 20 бухта песчаная, называемая Соткия, потому что прямо губы в море удят рыбу треску, рямжу и палтуса; при той бухте есть речка небольшая и при ней жительство князца Томимах кур. Отсюда вперёд вёрст 8 небольшая речка Поронет и при ней жительство князца Нижкуракут.

А по объявлению князцов, по острову по разным местам, и к лопатке к 20-му острову, и вокруг острова по восточной стороне живут мохнатые только не многолюдно; у лопатки к 20-му острову по речкам и около острова в море имеется довольно трески, рямжи и палтуса.

К лопатке к 18-му острову к восточной стороне стоит над морем немалая сопка, на подножии которой хребты и каменя, да и остров весь состоит в хребтах и горах. По северной стороне по край моря имеются небольшие низменные места, и берег возле

моря весь в утёсах и горах. На острове в горах и близь моря прегустой камыш, по которому в летнее время и ходить пешком невозможно, к тому ж и весьма оводно. Лес на острове: березник, тальник, ольховник, рябинник и кедровник, притом имеется и другой тонкий лес, подобен таловому, который, по крепости его, употребляют на разные надобныя поделки и называется утаки; да другое дерево, подобное корою берёсту, только та кора против берёста столь крепка, что её употребляют, отделяя тонко, на перевивку ножней и перевязку стрел по их обычаю разными фигурами; та кора называется по-курильски карымпини. Звери — обыкновенные и медведей чёрных, по-курильски укуюк, довольно ж, соболи — онка, лисицы бурья — систумпнери, сиводушатыя и красныя — яяре, выдры — исаман, росомахи — томеира, горностаи — тинпикруму, нерпы и сивучи, а бобров нет. Пучек, морковнику, также коренья и трав для пищи довольно, ягод, кроме рябины, не имеется.

Лучшие князцы, о коих выше объявлено, чрез перевод бывших со мною и тоёном Чупровым толмачей, лучших ясачных; 1-го острова Петра Красильникова и 2-го острова Ивана Притчина — Руача и племянника бывшего тоёна Чикина Фёдора Притчина — Кокомшина, чрез коих и сие описание учинено, объявляли: имеют-де они на 18-м

острове ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с упромышленными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на 20-й остров Кунасыр и даже до 22, Аткаса, куда приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по 16 работных, да, кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нём другой — тонтойно, третий — шендо (штурман), четвёртый толмач — тунчи и того 20 человек, а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов, и когда по приходе их поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп чёрных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зелёной меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов орловых, никаких больше зверей и не промышляют. По объявлению ж тех князцов, по прочим островам уже бобров, кроме 18-го острова, нигде не имеет-

ся, а только соболи, лисицы бурья, красныя, сиводущатя, медведи, олени, бараны, волки, горностаи на 20 и 22 островах ловятся довольно; на 22 же острове есть и лес стоячий большой: бук, лиственъ, ель, также и прочаго довольно; в речках находится рыбы разных родов в безчисленном множестве, а притом для пищи коренья и трав немало».

А судьба русского человека, имя которого вошло в мировую историю, осталась, как это обычно на Руси, неизвестной...

По одной из версий, за свои жестокости, творимые на Курильских островах, он был отправлен в Иркутск, где долгое время находился под следствием, а потом умер во время эпидемии оспы.

По другой версии: «Чёрный погиб в 1778 у о. Райкоке в центральной части Курильского архипелага, где на его байдару внезапно обрушились камни при извержении вулкана».

Не буду оспаривать ни одну из этих версий о смерти Ивана Черных.

Расскажу другое — в 1771 году этот бесстрашный человек, будучи в отставке (а не под следствием) в Большерецком остроге, был единственным человеком во всём гарнизоне, который с оружием в руках попытался противостоять бунтовщикам, убившим камчатского командира Нилова и захватившим власть. Он был арестован бун-

*Якутск, памятник основателю
города Петру Бекетову*

товщиками вместе со своим сыном Никитой и содержался в тюрьме вплоть до ухода бунтовщиков с Камчатки на казённом галиоте «Святой Пётр».

В Иркутск для проведения следствия о причинах бунта были отправлены все, кто находились на службе, но не оказали сопротивления команде польского ссыльного конфедерата Августа Морица Бенъевского, возглавившего этот бунт. Среди арестованных был и Никита Черных, но отставного сотника Ивана Черных среди них не было.

И стоит ли удивляться тому, что о жизни и смерти этого человека мы практически ничего не знаем. Удивляться нужно другому: «Полностью „Журнал“ был опубликован сто лет спустя в статье „Курилы“ Александра Полонского (1871)».

Недаром ведь говорится: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...» — и через четыре года, в 1875 году, в благодарность за то, что японцы признали за Россией Южную часть острова Сахалин, который был открыт казачьим отрядом Ивана Юрьевича Москвитина ещё в 1639 году, царское правительство подарило Японии Курильские острова, не понимая их географической ценности и закупорив в итоге Тихоокеанскому флоту России выход в северную часть Тихого океана вплоть до 1945 года — все Курильские проливы, кроме Первого, самого

опасного, контролировались японцами, все острова были милитаризованы, на Шумшу и Парамушире размещались плавающие танки, способные форсировать Первый Курильский пролив для захвата Камчатки.

Первую попытку «присоединения» Камчатки к Курильским островам японцы предприняли еще в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. И в народном ополчении, отразившем врага, сражались казаки Черных, двое из которых были удостоены высшей солдатской награды того времени — ордена Святого Георгия Победоносца, или Георгиевского креста. Александр Николаевич Черных получил Георгиевский крест 4-й степени № 171281, а Алексей Алексеевич Черных — Георгиевский крест 4-й степени № 169563 и Георгиевский крест 3-й степени № 8609.

В составе народного ополчения были также потомки нерчинских казаков, отправленных служить на Камчатку — Виктор и Самуил Николаевичи Корниловы, Григорий, Леонтий, Никандр Сысоевы.

Среди участников Курильского десанта, освобождавших острова от японских милитаристов в августе 1945 года, также были потомки большевецкого сотника Ивана Черных — Павел Павлович Черных, награжденный медалью «За отвагу», и Павел Афанасьевич Черных — кавалер ордена «Слава».

НИКОЛАЕВСК-НА-АМУРЕ

Камчатская область, образованная в 1849 году, которую возглавил военный губернатор генерал-адмирал (генерал-майор — он же и контр-адмирал) Василий Степанович Завойко, просуществовала недолго — уже в 1855 году после героической обороны Петропавловского порта, осознавая полную безуспешность нового отражения англо-французского десанта, был получен приказ о срочной эвакуации всего гарнизона Петропавловского порта в недавно (по ст. стилю 1 августа 1850 года) организованный Николаевский пост в устье реки Амур, фактически на пустое и необжитое ещё место.

Основной состав переселенцев — семьи матросов 47-го Камчатского флотского экипажа, который вскоре был переименован в 27-й Амурский. То есть старожильческим ядром Николаевска-на-Амуре являются многочисленные уроженцы Камчатки, которые, выйдя в отставку, получали разрешение от начальства селиться в портах Восточного океана — кто-то возвращался на Камчатку, кто-то оседал в Николаевске, а кто-то обживал быстро разраставшийся Владивосток или новую столицу Приамурского генерал-губернаторства — Хабаровку, вскоре превратившуюся в Хабаровск.

В Николаевск-на-Амуре перекочевали следующие фамилии уроженцев Камчатки, не сохранившиеся на полуострове: Бачинины, Гавриловы, Усовы, Норины, Соленовы, Березовские, Греховы, Дмитриевы, Дурнынины, Дюковы, Емельяновы, Залуцкие, Колычевы, Красовские, Куриловы, Ломаевы, Панышины, Порохины, Соколовы, Чарковы.

В Николаевск-на-Амуре было переведено из Петропавловского порта (как когда-то из Охотска в Петропавловск) и штурманское училище, гордостью которого стал один из выпускников — будущий командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров, погибший в период Русско-японской войны на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на mine.

Вместе с ним учились и бывшие кантонисты (юнги) школы кантонистов Петропавловского порта, принимавшие участие в обороне Петропавловского порта, в том числе и потомок Камчатского Ермака — Степан Семёнович Атласов, принимавший впоследствии активное участие в изучении морского побережья Приамурья и Приморья. Его именем назван один из мысов.

Среди выпускников Николаевско-на-Амуре штурманского училища были и другие потомки камчатских казаков — Николай Леонтьевич Чупров, подполковник

Корпуса флотских штурманов, именем которого названы бухта на острове Монерон и мыс в Амурском заливе; братья Гурий и Андрей Михайловичи Чудиновы (в честь Гурия Михайловича назван мыс в заливе Императорская (ныне Советская) Гавань, а именем его брата — бухта на острове Сахалин и мыс в заливе Ольга; а также несколько представителей рода тобольского казачьего атамана Ивана Савельева сына Дурыни — унтер- и обер-офицеры Корпуса флотских штурманов Дурынины.

Но в истории Николаевска-на-Амуре обозначено ещё одно имя потомка камчатского казачьего пятидесятника Леонтия Черных, собиравшего ясак среди аборигенов западного побережья Камчатки и проживавшего в Большерецком остроге. В 1757 году его сын Георгий был принят в клир Камчатской Духовной Миссии, а в 1771 году рукоположен «во священника» Большерецкой Успенской церкви. Его потомки служили впоследствии в самых разных церквях Камчатки, а с образованием в 1840 году обширной Камчатской (Камчатско-Курильско-Алеутской) епархии, территория которой постоянно расширялась за счет присоединения новых земель в Приамурье и Приморье, священно- и церковнослужители Черных обживали вместе со всеми новые территории.

Комсомольск-на-Амуре, памятная стела основателю города Николаевска-на-Амуре адмиралу Невельскому

В 1895 году настоятелем Николаевского собора в городе Николаевске-на-Амуре был назначен Серапион Леонтьевич Черных.

А далее произошли следующие события: «28–29 февраля 1920 года (в субботу–воскресенье Первой седмицы Велико-го Поста) Николаевск-на-Амуре был занят „лихими эскадронами“ приамурских партизан-анархистов под командованием Якова Тряпицына и Нины Лебедевой. Они сохраняли контроль над городом до 31 мая того же года. Ими, как пишет прот. М. Польской, о. Серапион был спущен под лёд в бухте, во время освящения вербы, прямо в облачении».

Говорят, что русские в этот период ещё боялись богохульствовать, оставаясь в вере.

Но, чтобы самим не грешить, они перепоручили казнь над священником китайским «собратьям по оружию», для которых не было ничего святого.

В 1981 году Серапион Леонтьевич Черных был прославлен в лике священномученика Русской Православной церковью как Святой Серапион Амурский.

ОБВИНСК

Бывшее село из четырёх дворов (1623 год) с названием Верх-Язьва.

А в 1781 году в связи с созданием Пермского наместничества село стало уездным городом с оригинальным названием Обвинск по своему расположению на реке Обва.

В 1783 году учреждён и свой герб: «в верхней части щита помещался герб Пермский, а в нижней — „в голубом поле плывущее по реке оснащённое соляное судно; в знак того, что все нагруженные солью суда из Пермских соляных промыслов проплывают сей город“».

Но уже в 1796 году уезд ликвидировали, а город вывели за штат уездных городов, привязав его к Соликамскому уезду. Весь этот город состоял из 50 домов.

Не стоит удивляться: эта государственная реформа была настолько непродуманной и глупой, что казус следовал за казусом — на Камчатке уездным городом сделали несколько юрт под названием Акланск и учредили герб города — в верхней части герб Иркутского наместничества, в который входил тогда весь регион Восточной Сибири, а в «нижней части, въ золотомъ поле, стоящий медведь, в знакъ того, что въ округе сего города много ихъ находится».

Администрация уездного города Акланска размещалась (за неимением никаких строений в самом уездном городе) в Тигильской крепости.

В 1850-х годах Обвинск потерял и статус самого города, снова превратившись в село Верх-Язьвенское. А после революции произошло ещё одно переименование — и село стало называться Обвинским.

Ещё, конечно же, хотелось бы понять смысл всех этих переименований и преобразований.

Эх, Россия-матушка!..

Но с Обвинском связана ещё одна характерная для того периода история — помимо того, что на пустом месте создавались новые уездные города, эти «пустоты» заполнялись вполне конкретными людьми — уездными чиновниками.

Своих людей для этого, разумеется, не хватало. И кадры черпали из-за границы.

И вот в ранге капитан-исправника (позже городничего) Обнинска служил папа нашего героя Иоганн Готфрид фон Штейнгейль, отправившийся в Россию за деньгами и почестями, как и сотни других, привлечённых Брауншвейгской принцессой, ставшей в России императрицей, правда, предварительно умертвив собственного мужа.

Иоганн Готфрид, представитель старинного дворянского рода Бранденбург-Байройтского княжества Священной Римской империи, тоже был не последним человеком на родине: его отец «барон Филипп Фридрих фон Штейнгейль (1703–1763) —

был баварским министром, сыном Иоганна Вильгельма фон Штейнгейля (ум. 1735) — саксонского министра».

И безусловно, он надеялся на тот же карьерный успех, какой сделал в России его ближайший родственник Фаддей Фёдорович Штейнгейль — генерал-губернатор Финляндии.

Но из заштатного Обнинска Иоганна Готфрида, почти не говорившего на русском языке, отправили капитан-исправником Нижнекамчатского уезда Иркутского наместничества, что обернулось для семьи катастрофой, а для самого Иоганна — сумасшедшим домом.

Но наш рассказ сейчас не о нём. В Обнинске 13 апреля 1783 года родился Владимир Иванович Штейнгейль, детство которого, в соответствии с новой должностью отца, проходило на Камчатке: в Нижнекамчатске, в Петропавловской гавани, в камчадальском селе Машура... Обо всём этом он подробно рассказывает в своих мемуарах.

Мы же хотим в этом своём рассказе выделить одну важную особенность — однажды побывав на Камчатке, Владимир Иванович не мог расстаться с ней уже всю оставшуюся жизнь.

И не только потому, что после окончания Морского кадетского корпуса, став офицером флота, он служил на Камчатке и даже

участвовал в первом в своей жизни политическом заговоре — в намерении лишить жизни камчатского военного коменданта генерал-майора П.И. Кошелева.

Но и после...

На полях сражений с войсками Наполеона он попадает служить к... бывшему камчатскому коменданту Павлу Ивановичу Кошелеву.

Его свидетелем на свадьбе в далёкой сибирской Кяхте был участник первой кругосветной экспедиции Василий Николаевич Берх, знаменитый впоследствии историограф отечественного флота, автор книг о камчатских промысловых «вояжах» в Русскую Америку.

Владимир Иванович Штейнгейль принял участие в событиях 14 декабря 1825 года, целью которых было совершение государственного переворота, и большую часть своей жизни провёл в Сибири, на каторге и в ссылке.

У него было две семьи. Одна до ссылки в Сибирь — на попечении царя Николая I осталось десять детей. Другая в Сибири, в Ишиме, где у Владимира Ивановича было двое детей, получивших впоследствии фамилию Бароновы.

Один из сыновей Владимира Ивановича, являвшийся идейным противником своего отца, будучи монархистом по убеждению,

Вячеслав Владимирович, сделал, несмотря на то, что его отец был политическим преступником и врагом трона, исключительную по тем временам карьеру — он был инспектором Александровского лицея, редактором «Российской военной хроники», генералом от инфантерии.

Но именно в этой семье после своей ссылки Владимир Иванович приобрёл покой.

А что же Камчатка, которая не отпускала?

Женой Вячеслава Владимировича Штейнгейля была дочь адмирала Петра Фёдоровича Анжу и камчадалки Ксении Ивановны Логиновой — Людмила Петровна.

205

ОРЁЛ

Город Орёл был заложен по указу Ивана Грозного как военная крепость: «Того же лета повелением государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси поставлен бысть город на поли на реке Орлее». Реке Орле, которая в 1784 году почему-то была переименована в Орлик.

Шел 1566 год. Город имел военно-стратегическое значение. Тогда же появляется и орловское дворянство — служилые дети боярские.

Откуда же они брались? Орловские краеведы отвечают на этот вопрос. И их ответ напоминает мне крушение Советского Союза, когда секретари республиканских ЦК и обкомов КПСС, развалив великую державу, бежали потом в Москву от расправы национальных экстремистов. И здесь было явно что-то похожее... Как будто своих — русичей — на службе у наших царей не хватало?!

«Проживали в Орле...

Арсеньевы — дворянский род с XVI в. Происходят от Ослана-Мурзы Челебея, который был татаринном. Челябей крестился под именем Прокопия. Переехал в Россию из Золотой Орды.

Барановы — дворянский род с XVII в. Мурза Ждан по прозвищу Баран, приехал из Крыма в Россию. После крещения получил имя Даниил. Служил при князе Василии Тёмном.

Батурины — дворянский род с XVI в. Начало этого рода идет от Батугерда, выехавшего „из немец из венгерской земли в 1492 г. к великому князю московскому Василию Ивановичу и пожалованного именем на Рязани“.

Безобразовы — дворянский род с XVI в. В XV в. Христофор Безобраз перебрался из Пруссии в Россию, где и был крещён под именем Михаила. По сказаниям родослов-

ных книг, служил воеводой при Великом князе Василии Дмитриевиче.

Бунины — дворянский род с XVI в. Этот род, по преданию, происходит от Семёна Буниковского, который приехал из Польши в Россию.

Воейковы — дворянский род с XVI в. По сказаниям древних родословцев, родоначальником этого рода является Воейко Войтягович, который прибыл на службу к Дмитрию Донскому из Пруссии.

Волковы — древний дворянский род с XVI в. Этот род произошёл от „знатного“ литовца Григория Волка, который в начале XVI в. прибыл в Россию.

Желябужские — дворянский род с XVI в. Этот род происходит от поляка Станислава Желябужского, который в середине XV века приехал в Москву.

Зиновьевы — дворянский род с XVI в. В 1392 г. из Литвы в Москву выехал литовский дворянин Александр Зенович.

Зыбины — дворянский род с XVI в. Род Зыбиных произошёл от выходца из Пруссии Андрея Зыбы, который во второй половине XIV в. переселился в Великий Новгород.

Кожины — дворянский род с XVI в. Этот дворянский род происходит от немца Юрия Бахты-Франца.

Кондыревы — дворянский род с XVI в. Род Кондыревых произошёл от Марка Де-

мидовича, который прибыл на службу из Литвы в Тверь к князю Ивану Михайловичу.

Лавровы — дворянский род с XVI в. Этот род происходит от выходца из Польши, Григория Ивановича Лаврова.

Ладыженские — дворянский род с XVI в. Он происходил от Облагини, который в 1375 г. выехал из Швеции к великому князю Дмитрию Донскому.

Левашёвы — дворянский и графский род с XVI в. По преданию, род Левашовых происходит от Христофора Карла Дола. Он приехал из Германии в Псков, крестился и переселился в Тверь к князю Александру Михайловичу.

Лунины — дворянские роды с XVI в. По сказанию родословца, один из родов Луниных брал своё начало от Лукьяна Даниловича Луни, который в конце XV в. приехал из Польши к князю Ивану Васильевичу.

Милюковы — дворянский род с XVI в. Этот род происходит от немца Семёна Милюка, который нёс службу в сторожевом полку и был убит во время Куликовской битвы.

Огарёвы — дворянский род с XVI в. Род Огарёвых произошёл от мурзы Кутлу-Мамента-Огар, который прибыл из Золотой Орды на службу к Александру Невскому.

Озеровы — дворянские роды с XVI в. По преданию, один из родов имел корни

в Польше. Предки этого рода прибыли к Иоанну III на службу.

Офросимовы — дворянские роды с XVI в. По сказаниям старинных родословцев, один из этих родов происходит от Андрея Андреевича, который прибыл на службу из Молдавии к князю Василию Тёмному.

Пашковы — дворянский род с XVI в. По сказаниям старинных родословцев, род Пашковых происходит от Григория Пашкевича, который переехал при Иване Грозном из Польши в Россию.

Писаревы — дворянский род с XVI в. Род Писаревых берёт свои истоки от выходца из Литвы Семёна Писаря.

Раевские — дворянские роды с XVI в. Один из родов берёт своё начало от выходца из Польши Ивана Степановича Раевского.

Тургеневы — дворянские роды с XVI в. Этот род берёт своё начало от мурзы Льва Тургенева (при крещении Иван). Он переехал из Золотой Орды к князю Василию Тёмному на службу.

Тухачевские — дворянский род с XVII в. Своё начало этот род берёт от графа Индриса. Он прибыл в Чернигов из цесарской земли к князю Мстиславу Владимировичу. В XV в. его потомки перебрались из Чернигова в Москву, где получили фамилию Тухачевские.

Уваровы — дворянские и графские роды с XVI в. Один из этих родов проис-

ходит от мурзы Минчака Косаевича (после крещения Симеон), который прибыл к князю Василию Дмитриевичу из Золотой Орды.

Ханыковы — дворянский род с XVI в. Этот дворянский род произошёл от Салахмира (после крещения Иван), который приехал в Россию к князю Олегу Рязанскому из Золотой Орды.

Хитрово — дворянский род с XVI в. Этот род вёл свое начало от Эду-Хана (при крещении Андрей), который прибыл во второй половине XIV столетия из Золотой Орды к князю рязанскому Олегу Иоанновичу.

Хрущёвы — дворянский род с XVI в. Своё начало этот род взял ведущий от Ивана Ивановича Хруща (после крещения Хрущёв), который прибыл в Москву из Польши.

Чернышёвы — князья, дворяне, графы с XVI в. Род Чернышёвых берёт своё начало от сына польского шляхтича Михаила Черницкого. В 1493 г. Иван Михайлович прибыл из Польши на службу воеводой сторожевого полка к князю Иоанну Васильевичу.

Шепелевы — дворянский род с XVI в. Род Шепелевых произошёл от „мужа честен именем Шел“ — полковника Агтея Алексеевича Шепелева (1632–1689 гг). Он прибыл „из немец из Свейского королевства в Польшу к королю Ольгерду, был на службе у князя Дмитрия Донского“».

Орловские дворяне Кошелевы, об одном из представителей которого у нас речь впереди, появляются, вероятно, гораздо позже — поэтому их нет в этом списке. Да и города Орла тоже какое-то время не существовало: «29 августа 1615 года, — как сообщает Википедия, — спустя 6 дней после боя в районе Царёва Брода с четырёхтысячным отрядом героя 2-го ополчения князя Михаила Пожарского, на Орёл обрушился трёхтысячный отряд литовского шляхтича Лисовского. Немногочисленные ратники и жители заблаговременно покинули город, уйдя во Мценск. Лисовские полностью сожгли пустующие остатки орловской крепости и посада».

Существует две дворянские ветви Кошелевых. Одна — от польского пана Аршера Кошелева, поступившего на службу к великому князю Московскому Василию III, а другая — самостоятельная ветвь древнего русского дворянского рода Кушелевых, из которого вышли не только потомки Алексея Васильевича Кушелева по прозвищу Кошель (к числу которых относится и наш герой), но и дворяне графского достоинства Кушелевы и Кушелевы-Безбородко.

Камчатский военный комендант, командир Камчатского гарнизонного батальона генерал-майор Павел Иванович Кошелев был из этой ветви дворян Орловской губернии.

Судьба благоволила молодому офицеру. В десятилетнем возрасте в 1774 году он был зачислен фурьером (унтер-офицером) в лейб-гвардии Преображенский полк. Это было в порядке вещей — молодой человек рос, а вместе с ним рос и его чин. В 1789 году Павел Кошелев числится уже в Конном гвардейском полку вахмистром (тоже ещё унтер-офицерский чин), и с этого момента и начинается его действительная военная служба. А в 1790 году он поступает из гвардии в армию уже в чине ротмистра (чины гвардии и армии отличались на несколько ступеней и это уже был обер-офицерский чин).

Боевое крещение Павел Иванович принял под Измаилом в 1790 году. И ни где-нибудь, а в самом ближайшем окружении Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, будучи его офицером по особым поручениям.

И наградой за Измаил был ему золотой крест. Он был произведён в секунд-майоры и откомандирован в Бугский егерский корпус, которым командовал М.И. Кутузов.

И далее карьера пошла стремительно вверх. В 1798 году он полковник. 11 апреля

1800 года назначен командиром Московского гарнизонного генерал-майора П.Е. фон Рейхенберга полка. С сентября 1801 года — комендант Ахтиарской (Севастопольской) крепости и шеф сводного гарнизонного своего имени полка (полк сформирован 4 марта 1800 года из Николаевского, Перекопского и Севастопольского гарнизонных батальонов).

18 января 1802 года П.И. Кошелев произведён в чин-генерал майора.

Вероятно, что-то произошло у него по делам службы — почему он оказывается на далёкой Камчатке в качестве командира полка ланд-милиции, расквартированного на полуострове.

Идею аракчеевских военных поселений попытались реализовать и на Камчатке, поселив здесь в 1799 году солдат с их семьями, взятыми в Иркутске, чтобы и Камчатку от врагов охранять, и земледелие на полуострове развивать. Солдаты должны были не только служить, но и обеспечивать себя продуктами земледелия и скотоводства.

Проект был непродуманный, бестолковый и бесчеловечный по сути — на край

земли завозились и бросались на выживание сотни солдат с жёнами и детьми.

Вопросы с проживанием, обмундированием, продовольствием, заведением земледелия и скотоводства, несением военной службы решены не были...

Солдаты к тому же завезли на полуостров оспу, от которой погибло, по некоторым данным, до двух тысяч человек – в основном камчадалы, коренные жители полуострова. Некоторые поселения аборигенов обезлюдели настолько, что некому было поддерживать так называемую „каюрную гоньбу“ – транспортную связь между административными центрами Камчатки, осуществляемую в зимнее время на нартовых собаках.

Генерал Сомов, один из инициаторов этого переселенческого проекта и шеф полка его имени, сославшись на болезнь, ретировался (то есть сбежал) с Камчатки, а вместо него прислали генерал-майора Кошелева.

Та гора проблем, которая обрушилась на бравого генерала, была ему ещё по плечу. Он с ней справился. Завёл скотоводство. Построил больницу на термальных источниках, которые с его лёгкой руки стали называться так же, как и в Ставрополе, – Малкинскими, а поселение камчадалов вблизи источников – Малкой.

11 марта 1803 года в первый раз (во второй в 1849 году, в третий – в 1909 году)

была создана Камчатская область с административным центром в Верхнекамчатском остроге. Начальником области был военный комендант Кошелев.

Но, к сожалению, была ещё одна гора извечных российских проблем, которая оказалась для генерала не по его плечу – коррупция.

Против него, как только он начал разбираться с вопросами, связанными с тратой бюджетных средств на содержание полка, оплату поставки продовольствия комиссионерам Российско-Американской компании и другими денежными затратами, возник заговор с целью убийства...

Убить военного коменданта не позволили солдаты Камчатского гарнизонного батальона, принявшие сторону Кошелева, человека благородного даже по оценкам его врагов.

Но, тем не менее, он был впоследствии арестован, с него сорвали эполеты, доставили в столицу, где ему был вынесен совершенно несправедливый приговор с отставкой от службы: «за законопротивные поступки и чинимые им притеснения офицерам Камчатского гарнизонного батальона», которые впоследствии сами предстанут перед судом.. В своей книге «Встречь солнцу» я подробно рассказываю об этих событиях.

Единственный человек, который восторженно писал о камчатском коменданте Пав-

ле Ивановиче Кошелеве и даже назвал в честь него один из вулканов на юго-западе Камчатки, был Иван Фёдорович Крузенштерн.

Но у Крузенштерна были личные для этого причины — Кошелев спас его от суда офицерской чести за все те оскорбления и унижения, который капитан «Надежды» нанёс за период плавания из Кронштадта в Петропавловский порт, руководителю первой российской кругосветной экспедиции Николаю Петровичу Резанову, не сумев смириться с мыслью, что не он, а Резанов, здесь главный командир.

Мы приведём одну из цитат из книги И.Ф. Крузенштерна о первом кругосветном плавании россиян: «Особенно прискорбна была разлука с любезным Кошелевым. Все мы сокрушались об нём и о достойном его брате, тем более что оставляли их в такой земле, где в безмерном удалении от друзей своих и родственников окружены они были людьми, от которых не только не могли ожидать искренности и удовольствий жизни, но, напротив, должны были опасаться всяких ухищрений и досад».

То есть Крузенштерн был в курсе того, что творилось вокруг Кошелева на Камчатке.

Переломным событием в судьбе генерала Кошелева стала Отечественная война 1812 года — по рекомендации фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова ему

было поручено командование 4-й дружиной Санкт-Петербургского ополчения. Что интересно, в составе этого ополчения оказался и будущий декабрист Владимир Иванович Штейнгейль, участник камчатского заговора против Кошелева, в дальнейшем историограф Санкт-Петербургского ополчения (и так бывает!).

За события под Полоцком 18–20 октября 1812 года по представлению М.И. Кутузова с Павла Ивановича была снята судимость.

Он назначается начальником 2-й бригады, затем 2-й дивизии ополчения и принимает участие в сражениях под Чашниками, Смолянами и особо отличается в Березинском сражении: «Начальник 2-й дивизии ополчения генерал-майор Кошелев, ордена св. Владимира 3-й степени кавалер.

Генерал-майор Кошелев, начальствуя вверенною ему дивизиею, под сильным неприятельским огнём везде сам распоряжал и устраивал с большим благоразумием, неустрашимостию и храбростию, чем много способствовал к поражению неприятеля».

Участник Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов. Впоследствии, до выхода в отставку, прослужил в армии ещё до 1827 года.

Портрета, к сожалению, найти не удалось. Может быть, орловские краеведы помогут?..

ОХОТСК

В 1639 году русские казаки вышли к Ламскому морю, которое впоследствии получило название Пенжинского, а затем — Охотского по острогу-порту, с которого начинается история русского мореходства на Тихом океане. Здесь они построили два семнадцатиметровых морских судна — поморских коча и обследовали на них охотоморское побережье вплоть до устья Амура на юге и Шантарских островов на севере.

За ними следуют новые имена охотоморских мореходов: в 1646 году морем с устья Амура до казачьего зимовья в устье реки Ульи добираются на речных дощаниках, нарастив борта, члены экспедиции Василия Пояркова; в 1647 году также морем добираются с Ульи на реку Охоту отряд казачьего десятника Семёна Андреева сына Шелковникова, построившего Охотский (Косой) острог; в 1648 году из Охотского острога отправлен на север отряд Алексея Филиппова для описания ламского (охотоморского) побережья; в 1651–1652 годах с севера Охотского (Ламского, Пенжинского) моря на морских судах добирается до Охотска отряд Михаила Стадухина...

Я много раз писал об этом и готов повторять из раза в раз, что история русского флота насчитывает не три жалких столетия, которые отмерили ему официальные

русские историки, начиная своё летоисчисление с царя Петра, а сотни и сотни лет...

Напомню бессмертные пушкинские строки:

***

*Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.*

Кто забыл, напомню, было это осуществлено в 907 году, более тысячи лет назад. И прибыла в Константинополь киевская дружина не по суше, а по морю — на лодьях, которые прикатили из Киева на колесах...

Новгородцы и поморы (жители русского Севера) ходили на своих судах на Грумант (Шпицберген) и Новую Землю.

Сибирские казаки ещё в XVII веке покорили Северный Ледовитый океан, открыв морской путь сначала в Мангазею и на Енисей, закрытый впоследствии правительством, чтобы не допустить в Русскую Арктику иностранные суда, а затем — с устья Лены до Камчатки и обратно — Семён Иванов сын Дежнёв, Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец...

Забыто...

Третьего июля 1714 года якутский воевода Яков Ельчин, направляя в Охотск пятидесятника Кузьму Соколова открывать морской путь в Камчатку, напутствовал его такими словами: «И естли содетель Христос бог наш помилует и перейдете на Камчатку, то, не медля многово времени, взяв на Камчатке ведение от государевых людей, из камчатских острогов итти тем же путем на Ламу и в Якуцкой. И естли по милости божией возвратятся в целости, то зело по его, великого государя, милостивому обещанию пожалованы все будете великою его царского величества милостию и переменены чинами, и повышены многом числом, окладами и дачею в приказ его, великого государя, жалованья, и богатством будете уснабжены. Буде же по воли Христа бога нашего в той посылке и кончину животу своему примете, надеяние на него, содетеля всех Христа бога нашего, что он, содетель наш, даст вам во оном веце живот вечный; предела сего смертнаго никакая плоть минути не может, и о сих посланных всегда просити будет церковь божия, чтоб, прося себе от Христа помощи, шли в тот путь по повелению его царского величества без всякого сомнения, а надежду б имели, что он, всего содетель, не оставит вас своего ради имени. А оставшие жёны и дети не будут оставле-

ны, по указу его царского величества уснабжены будут».

Вот неполный список строителей лодьи, покорившей Охотское море, мореходов и казаков, участвовавших в морском походе:

«Матрос Андрей Яковлев сын Буш, Яков Невейцын, Никита Тряска (Треска).

Плотники: Кирило Плоских, Варфоломей Фёдоров.

На Ламе построя морския суды, плотников Ивана Каргапола, Михайла Кармакулова отпустить в Якуцкой.

Служилые люди: пятидесятник Михайло Кривоносов (за сим имена 12 человек)».

Обратите внимание, как восторженно начинает и насколько грустно заканчивает свой очерк об открытии из Охотска морского пути на Камчатку историк А.И. Алексеев:

«Весь 1715 г. прошёл в усиленных сборах к экспедиции и в постройке лодьи. На следующий год работу закончили, и в мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была сделана „наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю“. Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8½ сажен, ширина — 3 сажени. Осадка в полном грузу 3½ фута. Получилось настоящее морское судно с учётом современных требований. Оно было

во многих отношениях лучше, мореходнее, чем строившиеся здесь до того (!!! – С.В.) кочи и боты-однодеревки. Это было первое морское судно, созданное русскими мастерами на берегах Тихого океана. Охотский острог стал родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке.

...Мореход Никифор Моисеев Треска, ещё долгие годы проплававший в Охотском море, несомненно играл основную роль во время самого похода как моряк, отлично знающий своё дело. Через много лет В. Беринг писал своему помощнику по Камчатской экспедиции М. Шпанбергу, набиравшему людей для похода в Японию: „...обретающейся де ныне при экспедиции мореход Никифор Треска бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осмаго на десять японского острова, и между островов глубокия места, тако ж берега и земли, губы и гавани, лежащий при море около Камчатки, может де быть не безызвестен, а в случившуюся до на море великую погоду рулем править умеет и в таковых местах потребен он быть у вас необходимо вожем“.

Треска принадлежит к тем людям, которые должны по праву стоять в одном ряду с Москвитиным, Поярковым, Стадухиным, Хабаровым, Дежнёвым. На протяжении свыше двух десятков лет он каждую навигацию уходил в море, участвовал во многих, если

не сказать во всех, экспедициях того времени, выходящих из Охотска. В Охотске у него был собственный дом на южной части Охотской кошки, выходящей к морю, здесь он и жил всё время, пока бывал на берегу. Надо полагать, что была и семья.

Из именного списка морских чинов, находившихся на ноябрь 1739 г. в составе экспедиции Шпанберга, видно, что мореход Никифор Треска был в ней. По возвращении в 1739 г. из плавания к берегам Японии он оставался при Охотском портовом правлении. Так, про него, про попа Анисима Аврамова и кузнеца Максима Коновалова сказано, что они „оставлены при Охоцку того для что они охоцкие жители“. К сожалению, проследить его жизнь после участия в экспедиции Беринга пока не представилось возможным.

Треска управлял судном совместно с Я. Невейцыным и А. Бушем. Оба они, так же, как и Треска, участвовали во многих плаваниях по Охотскому морю. Невейцын был участником Большого Камчатского наряда, а Буш плавал с Евреиновым и Лужиным. 7 августа 1735 г. Буш просил уволить его за старостью. Отставка ему была дана, и известно, что в 1736 г. его видели в Якутске, ходившим по миру. Так часто кончалась жизнь людей, которые своими подвигами вписывали новые страницы в летопись славных дел России».

Да, скорее всего, это было правилом русской истории, нежели неким исключением из него. И в церквях уже, как было обещано, не славят, не поминают героев-мореходов...

Но, тем не менее, официальная история Тихоокеанского флота начинается, как у нас заведено, гораздо позже: «Новый этап в создании Тихоокеанского флота России положен был 21 мая 1731 года, когда в Москве был издан именной указ императрицы Анны Иоанновны об учреждении Охотской военной флотилии с базой в Охотске — первого постоянного военно-морского подразделения России на Дальнем Востоке».

То есть как порт Охотск признаётся лишь с 1731 года, с именного указа. А то, что было до этого — брошено в урну отечественной истории, которая и так уже переполнена до самых до краёв...

Но зато мы не забываем отмечать, что при Беринге была создана в Охотске навигацкая школа, хотя на самом деле эта школа появится здесь только через четверть столетия благодаря морскому офицеру Василию Хметевскому.

А вот какая на самом деле «навигационная» школа была в Охотске до Хметевского: «В 1732 году на Дальний Восток прибыли посланные от Адмиралтейств-коллегии штурманы Иван Бирев, Софрон Хитрово и Авраам Дементьев с шестью матросами, которым ве-

лено „обучать матросской должности“ детей охотских казаков. Однако до Охотска они не добрались... (в Охотск из них попадал только Бирев к концу 1735 года).

В 1740 году командиром Охотского порта, вместо арестованного Скорнякова-Писарева, был назначен находящийся с 1727 года в сибирской ссылке А.М. Девиер. Он же и образовал школу для детей нижних чинов в Охотске, назначив учителем попа-растригу Якова Самгина (!!! – С.В.). В 1741 году в ней числился 21 человек. Из-за отсутствия постоянных учителей школа работала с перерывами и оставалась цифирной, так как в ней обучали только грамоте и арифметике».

То есть это была обычная (необычным был только поп-растрига) церковно-приходская школа, какие были тогда на Камчатке при каждой церкви. Но нам её подают историки как некую несомненную заслугу некоего лица в подготовке будущих штурманских учеников Охотской флотилии.

Охотску хватает и собственной славы. Заслуженной славы. К горькому сожалению, преизрядно забытой историками. Или вообще выброшенной ими из научного оборота.

Ведь не только делами Первой и Второй Камчатских экспедиций занимались в Охотском порту. У них — охотских мореходов — была ещё и повседневная работа осуществлять по морю транспортную связь с Камчат-

кой и Курильскими островами, доставляя туда грузы и людей, вывозя драгоценную пушную казну. И это было у них не разовым мероприятием, получившим всемирную огласку, а каждодневной рядовой повседневностью.

Великий мореплаватель Беринг испугался идти Курильскими переливом — пошёл вместо него мореход из Охотска. Не совершил великий Беринг открытия Америки — пошёл завершать начатое мореход из Охотска. И успех Южной экспедиции Мартына Шпанберга, как пишет А.И. Алексеев, обеспечивали мореходы из Охотска (см. главу «Архангельск»).

А новые кадры мореходов они — эти охотские мореходы — готовили сами. И не в несуществующей навигацкой школе, идеи создания которой только ещё витали в облаках, а в повседневной практике, и потому с 1 (12) августа 1743 года хлынул на восток поток промысловых экспедиций к берегам Русской Америки, как это было во времена златокипящей Мангазеи, потому что было кому держать в руках штурвал...

Но об этом, благодаря историографу российского флота Василию Берху, академику Николаю Болховитинову, историку Зинаиде Зубковой, писателю Сергею Маркову, то-темскому краеведу Станиславу Зайцеву и многим другим современным историкам, писателям и краеведам, включая и меня самого, написано уже немало...

А об этом человеке, о котором хочу рассказать, мне удалось собрать по разным источникам только крупицы его биографии и опубликовать её в 1990 году в одном из двух номеров журнала «Вокруг света» в статье «Экипаж мятежного галиота», до сих пор очень популярной в интернете.

Этот мало кому в России известный штурман Охотского порта, о котором пойдёт речь ниже, совершил за период своей службы в Охотске два исторических плавания в экспедициях Синдта и Креницына-Левашёва, а также — уже вне службы — самостоятельное, не имеющее аналогов в российской истории плавание от устья реки Большой на Камчатке до португальского порта Кантон (Макао) в Китае, преодолев впервые из россиян Охотское, Японское, Восточно- и Южно-Китайские моря.

Имя его — Максим Чурин. Отчество до сих пор не установлено. В «Морском биографическом справочнике Дальнего Востока России и Русской Америки» среди сотен имён мореходов и мореплавателей его имени вы не найдёте.

В 1761 году Чурина направляет Адмиралтейство в распоряжение Сибирского приказа, и таким образом он оказывается в Охотском порту и принимает командование галиотом «Святая Екатерина».

В 1768 году «Святая Екатерина» вошла в состав судов Секретной правительствен-

ной экспедиции Креницына-Левашёва, на борту которой находился руководитель экспедиции капитан Пётр Кузьмич Креницын. На долю экипажа этого судна выпали самые тяжёлые испытания во время зимовки на острове Унимак, где от голода и цин-

ги погибло 36 человек, в том числе и знаменитый мореход из Яренска Степан Глотов и вологодский промышленник Алексей Удачин.

По возвращении в Охотск штурман Чурин получает новый галиот — «Святой

217

Поморский коч, худ. Константин Черепанов

Пётр», только что вышедший из новостроя и спущенный на воду в 1768 году.

На этом судне он доставил в Большерецкий острог группу ссыльных, среди которых был и участник Барской конфедерации Август Мориц Бенъевский.

С.В. Максимов в книге «Сибирь и ка-торга» даёт своё объяснение последующим поступкам Чурина и причине его бегства с Камчатки: «Согласие Турина (Чурина на бегство. — С.В.) безоговорочно и надёжно в том отношении, что другого выхода ему не представлялось; идти в Охотск он не мог, без стыда и опасности, по случаю неоплатных долгов своих; согласие же своё он дал под впечатлением недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновение и развратное поведение».

Странная, надо сказать, версия. Когда он успел влезть в неоплатные долги? Кто и когда подал на него в суд за неповиновение? И как понять мотивацию «за развратное поведение», если с ним на Камчатку пребывает и отправляется в новое плавание жена Ульяна Захаровна?

Но другой версии нет.

А то, что Максим Чурин был одним из лучших моряков России того времени, уже пишут современные авторы в своих книгах. И это не правда — он был обыкновенным, как и сотни других, русским моряком.

Просто он делал свою обычную работу, а не выполнял, как другие, миссию, которая обходилась Российскому государству «в копейку». И был приказ ему идти в Китай — он и пошёл в Китай... И дошёл до Китая.

Жизнь его обрывается в Кантоне (Макао) — он умер 16 октября 1771 года.

Но у него был помощник — штурманский ученик Дмитрий Иванович Бочаров, который не только провёл судно вместе с Чуриным до Китая, но и положил маршрут на карту. Вместе со всеми остальными, оставшимися в живых членами экипажа галиота «Святой Пётр», Бочаров добрался до Парижа, откуда он (и часть камчатских беглецов) вернулся в Россию и был отправлен на постоянное место жительства в Иркутск, где его заметил Григорий Иванович Шелихов и нанял на службу водить к берегам Русской Америки промысловые суда.

А далее читаем у Сергея Маркова в «Летописи Аляски»: «Дмитрия Бочарова — подневольного участника похода Бенъовского в прошлом — Баранов послал... для описи берегов Аляски. Удивительный байдарочный поход Бочарова продолжался всю весну и лето. Баранов и Бочаров разделились в Иссанаханском проливе, в виду берегов Аляски. Бочаров прошел по северному берегу полуострова Аляски до реки Квийчак. В пути у него изопрели байдары, и Бочаров

не смог пойти водой к аглемютскому берегу. ...Короче говоря, Дмитрий Бочаров со своими удальцами пересёк полуостров Аляску, таща на себе байдары и припасы. В Кенаях бочаровцы починили байдары и на них приплыли к Кадьяку. Баранов к тому времени уже прибыл на Кадьяк».

На острове Кадьяк Григорием Шелиховым было основано первое русское поселение в Русской Америке, поэтому отсюда начиналась и здесь же завершалась первая русская экспедиция на территории собственно Русской Америки, а не её побережья. Поэтому именем Бочарова на Аляске назван не остров, не мыс, не залив, а... озеро. Открытое им озеро Бочарова.

Ещё одним охотским (в том числе, возможно, и по обучению в Охотской навигацкой школе) штурманским учеником был уроженец Якутска Герасим Григорьевич Измайлов, который, к своему несчастью, тоже оказался в Большерецком остроге в 1771 году и даже пытался предупредить местную власть о готовящемся бунте. В результате сам был арестован бунтовщиками и насильно вывезен с Камчатки, но за попытку угнать галиот «Святой Пётр» был высажен Бенъевским на необитаемом Курильском острове, откуда он через год добрался до Камчатки, где был арестован уже как участник бунта, доставлен в Иркутск и

здесь находился под следствием два года, пока, наконец, не приобрёл желанную свободу.

В конце концов и он был «прибран» Григорием Ивановичем Шелиховым, как и Бочаров.

Именно он, Герасим Григорьевич Измайлов, вёл судно «Три святителя» с семьёй Шелихова на остров Кадьяк обживать американские земли, а потом вместе с Бочаровым открывал северный берег полуострова Аляска, именно он в 1778 году дважды встречался на острове Уналашка и беседовал с великим мореплавателем Джеймсом Куком. В благодарность за информацию, которой поделился с ним Г. Измайлов, Кук назвал его именем остров в бухте Халибут-Ков (залив Кука) и островок в проливе Латуш (залив Принс-Уильям).

Джеймс Кук, в свою очередь, передал Герасиму Измайлову для доставки в Британское Адмиралтейство составленную им карту западного побережья Северной Америки, а самому Герасиму Григорьевичу подарил свою шпагу, меркаторскую карту «посещённых и описанных им мест», и квадрант для измерения высоты солнца, высоко оценив штурманские познания Г. Измайлова.

Умер Герасим Григорьевич в Охотске.

Но я не уверен, что на его могиле там установлен хоть какой-нибудь памятник.

ПЕРМЬ

Вообще-то изначально не Пермь, а Егосихинский завод.

Пермь Великая (именно с прибавлением титула «Великая») существовала в истории нашего государства в глубокой древности.

По мнению дореволюционного академика Николая Герасимовича Устрялова Пермью Великой была либо Чердынь, либо Сольвычегодск, либо Соликамск, либо Кайгород, так как, по его мнению, Великопермское княжество существовало в верховьях Камы.

Сигизмунд Гербенштейн, составивший описание России в 16-м столетии, сообщал о Перми Великой: «Великая и обширная область Пермия отстоит от Москвы прямо к Северо-Востоку на двести пятьдесят (или, как утверждают некоторые, на триста) миль. В ней есть город того же имени, стоящий на реке Вышере (Vischora), которая в десяти милями ниже изливается в Каму. По причинам частых болот и рек сухим путём туда можно добраться только зимою, летом же этот путь совершить легче на судах через Вологду, Устюг и реку Вычегду (Vitzechda), которая в двенадцати милях от Устюга вливается в Двину. Тем, кто отправляется из Пермии в Устюг, надо плыть вверх по Вышере; проплыв по нескольким рекам и перета-

скивая иногда в другие реки суда по земле, они достигают, наконец, Устюга, находящегося в трёхстах милях расстояния от Перми. В этой области хлеб употребляется весьма редко; ежегодную дань Государю они выплачивают лошадьми и мехами. Они имеют особый язык и точно так же особые письмена, которые впервые изобрёл епископ Стефан, укрепивший жителей, колеблющихся в вере Христовой (ибо раньше они были очень слабы в вере и содрали кожу с одного епископа, покушавшегося на то же)».

Но есть и зеркально противоположное мнение авторов «Новой Хронологии», которые считают, что Великая Пермь, как и Вятка — это западноевропейские провинции Великой Тартарии, как ещё в 18-м столетии географы той же Западной Европы называли территорию будущей Российской империи.

Я знаю, что отношение к «Новой Хронологии» в нашей стране самое разнообразное, и поэтому, не пытаясь вступать в дискуссию, хочу ещё раз напомнить один весьма важный исторический факт, который известен каждому, кто жил в СССР во времена перестройки и краха великой державы. Скажите мне, пожалуйста, куда бежали первые секретари ЦК республик, обкомов и крайкомов КПСС бывших братских республик, ставших суверенными государствами?

Правильно — в Москву, в метрополию.

А теперь объясните мне (исключая версии о том, что это было модным явлением 18-го столетия записывать себя в потомки иностранцев), почему в родословных росписях огромного количества служилого люда России (а это были священные для рода записи, связанные со службой предков и подтверждения имущественного и земельного статуса дворянства) записано, что их предки — выходцы из самых разных провинций Западной Европы.

Я говорю сейчас не о тех наёмниках, что пришли в Россию вместе с Петром и его Всецарнейшим Собором, а о тех боярах и детях боярских, кто служил великим князьям ещё со времен Куликовской битвы.

Почитайте на досуге книги князя Петра Долгорукова и задумайтесь...

А мы продолжим.

Итак, нынешняя Пермь — город совсем молодой и его появление на свет связано с пуском медеплавильного завода, построенного рядом с деревней Егошиха, расположенной в устье одноимённой реки, впадающей в Каму.

Появление же в Перми пензенских помещиков князей Максutowых (имеющих татарские корни) связано с гражданской службой: Пётр Иванович, выпускник Казанского университета, отец многочисленного (де-

сять детей) семейства, был управляющим Пермской удельной конторой. В Перми родились его младшие дети: Александр (1830), Дмитрий (1832), Пётр (1834), Георгий (1836), Параскева (1838), Владимир (1839).

В Перми умерла и похоронена его супруга Анна Ильинична (в девичестве Яковкина).

Братья — Александр и Дмитрий Максutowы — навечно связаны с камчатской историей. Лейтенант флота Александр Максutow командовал батареей № 3, получившей название «Смертельной», во время обороны Петропавловского порта от англо-французов был смертельно ранен. А его младший брат лейтенант Дмитрий Максutow, офицер с фрегата «Аврора», в знак особого отличия был отправлен с депешей о победе над врагами в столицу.

Дмитрий Петрович Максutow был последним правителем Русской Америки. При нём спускали трёхцветный флаг Российско-Американской компании (известный ранее как «флаг царя Московского» — Петра I), который впоследствии стал государственным флагом России. Это был страшный позор, который наш народ никогда не простит царю Александру II (хотя беспечный Николай Расторгуев почему-то уверен, что это «Екатерина была не права...», хотя в её время за открытие Алеутских островов и Аля-

ски вручали золотые медали с надписью «За полезные обществу труды»).

Любопытно, откуда взялась такая непонятная (даже неокруглённая для сделок мирового масштаба) сумма в семь миллионов двести тысяч долларов США?

Меня однажды познакомили с версией, которой я до нынешнего дня так и не нашёл документального подтверждения, но которая, как мне кажется, соответствует действительности.

Если вы помните, то в 1863 году Россия направила на поддержку Северных, воюющих с Южными, штатов Америки две эскадры парусно-винтовых кораблей.

В Атлантике оперировала эскадра только что получившего звание контр-адмирала С.С. Лесовского:

Фрегаты «Александр Невский» (капитан 1-го ранга М.Я. Фёдоровский), «Пересвет» (капитан-лейтенант Н.В. Копытов), «Ослябя» (капитан 1-го ранга И.И. Бутаков).

Корветы «Варяг» (капитан-лейтенант Р.А. Лунд), «Витязь» (капитан-лейтенант О.К. Кремер).

Клипер «Алмаз» (капитан-лейтенант П.А. Зеленой).

Фрегат «Ослябя» присоединился к эскадре, перейдя из Средиземного моря. Эскадра имела приказ скрытно пройти Балтику и Северное море, базироваться на Нью-Йорк.

К тихоокеанскому побережью Америки подошла и стала базироваться на Сан-Франциско эскадра контр-адмирала А. А. Попова.

Корветы «Богатырь» (капитан-лейтенант П.А. Чебышёв), «Калевала» (капитан-лейтенант Карнеллан), «Рында» (капитан-лейтенант Г.П. Сфурса-Жиркевич), «Новик» (капитан-лейтенант К.Г. Скрыплев).

Клиперы «Абрек» (капитан 1-го ранга К.П. Пилкин), «Гайдамак» (капитан-лейтенант А.А. Пещуров).

Приход этих эскадр решил судьбу Американской войны и судьбу американского государства.

А 7 миллионов 200 тысяч долларов — это расходы, понесённые русской стороной на осуществление двух этих походов, компенсированные Российской империи правительством Соединённых Штатов Америки под видом «продажи» Аляски, которую Россия, будучи не в состоянии удержать в своих руках, даром отдала «доброму» (на тот момент истории) соседу.

Удивительно? Да. Невероятно? Нисколько — нам ещё и не такую пыль в глаза пускали и пускают, обкрадывая и разрушая наше государство.

Но вернёмся в город на Каме. Лично для меня Пермь дорога ещё и тем, что этот город — родина моего друга, журналиста Юрия Манжосина, с которым я работал в своё вре-

мя в газете «Камчатский комсомолец». Затем Юра вернулся в родной город, а я однажды, это было лет тридцать назад, побывал у него в гостях. Он успел мне рассказать и показать лишь частицу того, что знал и любил, но мне запомнилось единственное — балет. Я никогда не испытывал к этому виду искусства никаких чувств, так как видел балет лишь по телевизору. Но, когда увидел вживую — это было что-то потрясающее... Но и пермский балет считался (не знаю, как сейчас) тогда лучшим в мире! По крайней мере, Юра мне это внушил...

Родившись как медеплавильный завод, Пермь и сейчас продолжает быть промышленным центром нашей страны, в котором проживает более миллиона человек. Вполне возможно, что кто-то из них и дополнит эту камчатскую историю.

А я коснусь судьбы известного русского историка флота, который здесь, в Перми, написал многие свои работы, хотя был уроженцем Москвы, и явно имел какие-то давние «иноземные» корни — это морской офицер, участник первой кругосветной экспедиции на шлюпе «Нева» Василий Николаевич Берх, который, выйдя в отставку по состоянию здоровья в 1808 году, сменил военно-морской мундир на статский и из капитан-лейтенанта превратился в титулярного советника Пермской казённой палаты

и до 1821 года писал свои труды, которые в будущем были оценены по достоинству — в феврале 1828 года он был назначен историографом российского флота. Но в 1834 году его уже не стало...

Помимо того, что Василий Николаевич посвятил Камчатке несколько своих исторических исследований, самым важным из которых для меня является «Хронологическая история открытия Алеутских остров, или Подвиги русского купечества», он постоянно попадал в перекрестье различных человеческих судеб и различных событий, прямо или косвенно связанных с Камчаткой.

Вот, например, в 1810 году в Кяхте — городе, расположенном на границе с Китаем, директором Кяхтинской таможни, через которую проходили все товары, предназначенные для продажи, был действительный статский советник Пётр Дмитриевич Вонифатьев, в дочь которого — Пелагею Петровну — влюбился молодой морской офицер, только что вернувшийся с Камчатки, Владимир Иванович Штейнгейль. Но был он в Кяхте не один — а со своим другом, который и выступал в роли свата. И разумеется, это был Василий Николаевич Берх, который возвращался из Русской Америки в столицу не по морю, а по суше. В этом браке до ссылки Штейнгейля за участие в декабрьском

восстании 1825 года родилось десять детей. Но на этом наша история не заканчивается.

В 1820 году в Перми к Василию Николаевичу пожаловал неожиданный гость, ни слова не говоривший по-русски. Его звали Джон Кокрен (John Dundas Cochrane). Это был путешественник, который пешком шёл из Европы в Русскую Америку.

Берх был потрясён — каким невероятным ни казался ему рассказ Кокрена (и он об этом, разумеется, впоследствии написал), но, тем не менее, иностранный гость был уже в Перми, а потом и на Крайнем Севере, где встречался с двумя известными своими поисками Земли Санникова друзьями Фердинандом Врангелем и Петром Анжу, а потом добрался и до Камчатки.

Это сегодня в России напрочь забыли про этого «бродягу», но в своё время слава о нём гуляла не только по всей нашей стране, но и по миру: «Джон Дундас Кокрен, офицер флота её величества королевы Великобритании, рассорился с отцом,

порвал с морской службой. Блудный сын и перекасти-поле, он наудачу шёл пешком из Петербурга по Сибири и Дальнему Востоку. Летом 1821 г. Кокрен очутился в Барнауле, где ему посчастливилось-таки встретить генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского, по чьей протекции он вошёл в состав экспедиции, шедшей к мысу Дежнёва, в перипетиях своего маршрута он женился на сибирячке и вернулся в Англию, где издал книгу о своих скитаниях (1824 г.). Книга Кокрена, попав в Россию, оказалась как нельзя кстати в разгар эпохи романтизма, главный герой которой остро не принимает действительность и бежит от неё, отправляясь путешествовать по миру, подобно байроновскому Чайльд-Гарольду. Последнее, видимо, больше всего и интриговало: оба, и Байрон, и Кокрен, были родом с берегов Туманного Альбиона. Личность этого Кокрена, которого министр внутренних дел В.П. Кочубей метко прозвал „почётным бродягой“, случайно долго занимала русское общество,

в частности пушкинский круг: обсуждали изданную им книгу, способ его путешествий, характер и качество сделанных им наблюдений».

С Камчатки Кохрен намеревался отправиться в Русскую Америку, но... влюбился в дочь местного священника, разжалованного за пьянство в дьячки. Правда, дочь имела блестящее (по российским меркам) воспитание — образованием и воспитанием местных барышень занималась лично жена командира Камчатки Петра Рикорда Людмила Ивановна.

Кохрен увёз молодую жену в Англию к родственникам («Незаконный сын шотландского авантюриста Эндрю Кокрена-Джонстона, Джон Дандас Кокрен, родился в большой и склонной к авантюрам семье — он был кузеном адмирала Томаса Кокрена, десятого лорда Дандоналда, и племянником адмирала сэра Александр Форрестера Инглиса Кокрена»), а потом в Южную Америку, где неожиданно умер.

Его молодая жена — Ксения Ивановна, в девичестве Логинова — вернулась в Россию, в Кронштадт, командиром которого был Пётр Иванович Рикорд, и здесь она встретила свою судьбу — того самого молодого морского офицера, который искал с Врангелем Землю Санникова — Петра Фёдоровича Анжу, в браке с которым у них было девять детей.

Но для нашего рассказа важно не количество детей у наших героев, а сопричастность Василия Николаевича Берха (прямая или косвенная) к судьбам камчадалов — так вот каков итог: сын Владимира Ивановича Штейнгейля Вячеслав женится на дочери Петра Фёдоровича Анжу и Ксении Ивановны Логиновой-Кохрен-Анжу Людмиле.

Вот так легли карты в этой обычной необычной истории, какие нам дарит жизнь бесконечно — только успевай записывать...

ПОЛЬША (РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ, КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ)

225

Говоря об истории Польши 17-го столетия и касаясь отдельных представителей государства, которое в ту пору именовалось Речью Посполитой, мы попадаем в некий исторически замкнутый круг, когда понятие национальности становится весьма неопределённым для её идентичности.

Речь Посполитая — это в соответствии с Люблинской унией 1569 года объединение («Общее Дело») — двух государств — Королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Сразу уточним, что Великое княжество Литовское имело более полное название — Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское.

Соответственно, Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтское (северо-западная часть современной Литвы), охватывавшее земли всей Беларуси, большей части Украинской и Литовской земли, юго-западной территории России, некоторые Эстонские, Молдавские, Латышские земли, было территориально значительно более крупным федеративным образованием Речи Посполитой, нежели Королевство Польское.

Но к началу 17-го столетия территория Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского в значительной степени сократилась за счёт территориальных претензий Московского государства, что не могло не вызывать в Речи Посполитой отрицательной реакции и попыток вернуть эти земли.

При общем короле и общем правительственном органе — Сейме казна и армия королевства и княжества были самостоятельными, поэтому и военнопленные делились на разные категории — шляхта (поляки), литвины (белорусы), черкасы (украинцы).

В соответствии с уровнем профессиональной подготовки эти военнопленные, отправляемые в Сибирь, делились ещё на несколько категорий.

Высшую из них составляли те, кто был вёрстан в дети боярские. Следующую составляли конные казаки литовского списка. Затем — конные и пешие казаки. И последняя — пашенные крестьяне. Среди последних особенно много было ссыльных черкасов.

В XVII веке отмечается три основных этапа появления ссыльных из Речи Посполитой.

Первый — после Великой Смуты. Хотя тот же Черкас Иван Александров, сподвижник Ермака Тимофеевича, носил ещё одно прозвище — Корсак, позволяющее историкам отнести его к шляхте. То есть этот период начался гораздо раньше.

Второй — в период Смоленской войны 1632–1634 годов. Но в тот период пополнение Сибири было незначительным — мы, наоборот, несли значительные потери.

И третий, самый значительный в XVII веке — во время тринадцатилетней войны 1654–1667 годов.

Правда, историки утверждают, что после подписания мирных договоров до 90 процентов бывших военнопленных Речи Посполитой было возвращено на родину. И оставались в Сибири только добровольцы, как правило, принявшие православие и обзаведшиеся семейством.

Я приведу пример, как сложно в этой ситуации ориентироваться с выходцами из Речи Посполитой.

Вот что пишет один автор: «Фёдор Козыревский был пленён под Смоленском во время русско-польской войны 1654–1667 годов. Будучи человеком православной веры, при размене пленными он отказался возвращаться в Русь Литовскую, под поляков, соединивших к тому времени Польшу с Русью Литовской в Речь Посполитую. Русский царь Алексей Михайлович „пожаловал“ Фёдора в дети боярские и отправил на службу в Якутск с женою и малолетним сыном Петром».

А вот что сообщает другой: «Основателем сибирского рода российских государевых казаков Козыревских был мелкий польский шляхтич...»

Собственно, такая же история касается и людей, рождённых в Советском Союзе, разделённых сегодня границами суверенных государств.

Ссылный военнопленный Никифор Черниговский вообще определял свою национальную принадлежность в России в соответствии с конъюнктурой: в одном случае выдавая себя за шляхтича, а в другом — за литвина. Спрос рождал и предложение.

Так и сейчас. В итоге появляются публикации с таким вот названием: «Как два белоруса России Курилы подарили».

Первым белорусом автор считает коренного уроженца Якутска Ивана Петровича Козыревского.

Почему коренного? Потому что рождённого во втором поколении. Его дед, Фёдор Иоаннович, не привозил с собой жены и сына. Он жену нашёл себе в Якутске. И здесь, в Якутии, появилось первое поколение якутских Козыревских — сыновья Пётр, Семён и Дмитрий.

Иван Петрович с братьями Михаилом и Петром — представители уже второго поколения якутских казаков Козыревских.

Вторым «белорусом» автор считает геодезиста Ивана Евреинова, с отчеством которого биографы путаются, потому что его прежде звали «белорусским именем» Яган Родилгусов.

Точно так же нельзя относить непосредственно к полякам или белорусам (литвинам) Дмитрия Ивановича Павлуцкого — одного из зачинателей русско-чукотской войны 18-го столетия, рождённого во втором поколении в Тобольске. Его дед оказался в Сибири после событий Смутного времени и стал родоначальником сибирских Павлуцких. Кстати, на племяннице Дмитрия Ивановича — Степаниде Ивановне Цибульской, был женат Степан Петрович Крашенинников, автор бессмертного «Описания земли Камчатки», один из потомков которого — Павел Владимирович Крашенинников — ещё на нашей памяти был министром юстиции Российской Федерации.

На Камчатке сегодня некоторые коренные её жители носят фамилии потомков представителей польской шляхты, полученные при крещении камчадалов Камчатской Духовной Миссией в 1740–50-х годах от своих крёстных родителей — сибирских казаков.

А вот и история появления в Сибири этих казаков.

Якутск: «Будучи умелыми солдатами, к тому же имевшими опыт общения с разного рода „вольницей“, эти бывшие пленники приспособились в Сибири к сохранившимся казачьим распорядкам. Одни из них добивались привилегированного положения и верстались в дети боярские. Другие довольствовались более скромными чинами. Так, судьба семьи Ушницких прослеживается на протяжении более 50 лет: пленённый в 1633 г. Яков (польский шляхтич) служил казаком в Енисейске и в 1640-х гг. погиб в Якутии; его сын Михаил, будучи грамотным человеком, 35 лет служил подьячим приказной избы в Якутске; внук Кузьма в 1690 г. поступил в службу...»

Тобольск: «Павел Хмелевский — польский шляхтич, в годы Смуты воевал на стороне „тушинского вора“ Лжедмитрия II, затем сидел в осаде в Московском Кремле. Не выдержав „осадного сидения“, перешёл на сторону русских и в составе Второ-

го ополчения участвовал в боях с польской армией гетмана Ходкевича и освобождении Москвы. За свою службу получил поместье в Вологодском уезде. Однако вскоре попытался бежать в Польшу, за что был сослан в 1614 г. в Тобольск, где через некоторое время определён в дети боярские. В 1622 г. был приказчиком Енисейского острога, в 1625 г. вёл следствие над мангазейским воеводой Дмитрием Погожим. Затем сам попал под следствие по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Был бит кнутом, имущество его было конфисковано, но сам он остался на службе. Умер в 1638 г.»

«Да в нынешнем же во 177 (1669) году прислана Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца грамота за приписью дьяка Льва Ермолаева. Велено быть в Енисейском остроге в детях боярских шляхте, которые били челом Великому государю в вечную службу Самойло Павлов сын Климовской...»

«Тое ж присылки ссыльные ж люди... Куземка Лукашевский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди в Красноярской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

«Тое ж присылки ссыльные ж люди шляхта... Михаило Юзов сын Чижевский... а по

государеве грамоте посланы они ис Тоболска в Енисейской острог».

«Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди князь Адам Чаплин... Александр Бобровской; и по государеве грамоте посланы ис Тоболска те ссыльные люди... в Красноярской острогъ, а государеву службу велено им служить в конных казаках».

«Да тое ж присылки ссыльные люди шляхта... Франтышек Крыженевской... а ис Тоболска по государеве грамоте посланы они на Лену в Якуцкой острог во 164-м ж году, а государеву им службу велено служить в детях боярских».

Томск, 1680 год: «Михайло Степанов сын Гуторов сказал: родом де он польские земли, взят на бою в 165 (1657) году и приведён к Москве и сослан был в Сибирь в Енисейской, а из Енисейска взят был к Москве для размена, но в свою землю не пошел и в 176 (1668) году по указу великого государя и грамоте прислан в Томской в службу в дети боярские. Оклад ему учинён в Москве: денег четырнадцать рублёв, хлеба двенадцать четей ржи, овса тоже, три пуда соли и служить в Томску тринадцать лет. А детей у него один сын Федька 5 лет, а пашни за ним и сенных покосов нету».

Томск, 1680: «Веха Яковлев сын Яцкого. Отец поляк выезжий, в Томск прислан в конную службу по грамоте, а он вёрстан в пешую службу. Оклад пеший рядовой».

Конечно, сибирских казаков польского происхождения было значительно больше, нежели количество имён в этом списке.

Но для нас в данном случае необходимо подчеркнуть очень важное — православную преемственность, ведь на Русь поляки в большинстве своём приходили католиками, и одной из главных целей их военных походов было утверждение католичества на всей территории Российского государства — в чём, собственно, и крылся сакральный смысл взлёта и падения польского ставленника царя Лже-Дмитрия, вызвавших Великую Смуту на Руси.

ПРИБАЛТИКА

229

Здесь была родина так называемого остзейского — курляндского, лифляндского, эстляндского — дворянства, которое в царствование императрицы Анны Иоанновны заполонило двор и коридоры российской власти.

Это было не коренное население Прибалтики, а потомки немцев и шведов. Прежде всего немцев — рыцарей Тевтонского ордена, утвердившихся на побережье Балтийского моря (нем. Ostsee) в результате захвата этих земель.

Предательская сущность остзейского дворянства особенно ярко проявилась

в Первую мировую войну, когда эти дворяне стали инициаторами и командирами местных прогерманских военных формирований так называемого прибалтийского ландесвера и в годы Великой Отечественной войны.

Но это одна сторона медали. Есть и другая — несомненная заслуга многих из представителей остзейского дворянства на службе своему новому Отечеству — России.

Конечно, в том случае, когда эти заслуги соответствовали действительности.

Как это было, например, с организацией русских кругосветных плаваний.

Чтобы не быть голословным о том, что идея кругосветного плавания пришла в голову не одному только Ивану Фёдоровичу Крузенштерну, я процитирую: «Ещё в 1722 г. Ф.И. Соймонов предлагал Петру I отправить корабли из Кронштадта на Камчатку, поскольку возможно „способнее и безубыточнее“ до тех мест доходить, учитывая, что „ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены“. Десять лет спустя вопрос о посылке кораблей из С.-Петербурга на Камчатку вновь был поставлен в связи с подготовкой второй экспе-

диции В. Беринга. Речь идёт об известном представлении вице-адмирала Н.Ф. Головина Анне Иоанновне от 12 октября 1732 г., „чтобы в будущую весну отправить отсюда в Камчатку чрез море два фрегата военные российские... на которых положить всякого провианту в запас на год или больше...“» Адмирал резонно полагал, что путь «отсюда чрез Большое море-океан займёт около 11 месяцев, „понеже галанские корабли всякий год до японских островов ходят и назад в 18 и 16 месяцев возвращаются“».

То есть идей хватало.

Не было единственного — организатора таких плаваний.

И попытка Ивана Фёдоровича Крузенштерна и его товарищей по морской команде представить первую русскую кругосветную экспедицию как сугубо свою личную заслугу — не только несправедливо, но и подло.

Подло по отношению к человеку, который, будучи одним из руководителей Российско-Американской компании и на средства РАК все это организовавший, пошёл вместе с моряками в плавание на флагманском судне — шлюпе «Надежда» и подвергся бесчисленным

и оскорбительным для чести и достоинства издевательством со стороны командира судна и его подчинённых на протяжении всего пути до Камчатки. А тон задавал Иван Фёдорович Крузенштерн, которому не давал покоя тот факт, что официальным руководителем первой русской кругосветной экспедиции был не он.

В Петропавловском порту генерал-майор Павел Иванович Кошелев, камчатский военный комендант, готов был арестовать Крузенштерна и отправить его по этапу в Санкт-Петербург для проведения следствия в том числе и по поводу оскорбления имени Его императорского величества в связи с отказом морского офицера подчиняться письменным указам царя, касающихся действительных полномочий графа Николая Петровича Резанова, одного из руководителей Российско-Американской компании, как первого лица экспедиции.

Резанов, будучи патриотом своей страны, простил Крузенштерна и принял извинения от морских офицеров шлюпа «Надежда» («Нева» ушла к тому времени в Русскую Америку).

Моряки в ответ, пользуясь ранней смертью Николая Петровича в Красноярске, оплевали в истории его имя...

Так вот подумать — неужели Ивану Фёдоровичу не хватало славы великого русско-

го мореплавателя, каким он и был на самом деле?

Неужели остзейцам не хватало власти, богатства и славы, что они то и дело норовили залезть за чужой славой в чужой карман?

Например, Фабиану Готтлибу Таддеусу фон Беллингсгаузену, который был прославлен «до краёв» великими географическими открытиями, но как участник первой кругосветной экспедиции был участником не только той (на судне), но и последующей (уже в истории) травли имени Николая Петровича (так одной из первых жертв уже его навета был молодой офицер Владимир Штейнгейль, услышавшего от Фаддея Беллингсгаузена целую серию весёлых анекдотов о графе Резанове).

Или Отто Евстафьевич Коцебу, также участник первой и руководитель ещё двух самостоятельных кругосветных экспедиций и автор многотомных «Путешествий вокруг света»...

За Николая Петровича заступился один из русских морских офицеров — лейтенант Головачёв, которого за этот благородный поступок доведут на «Надежде» до такого состояния, что он покончит жизнь самоубийством.

Даже один из крупнейших историографов российского мореплавания Василий

Николаевич Берх, участник первой кругосветной экспедиции на втором судне — «Неве», будучи в курсе всего происходящего, в том числе и морского самосуда над Резановым, учинённого капитанами судов — Крузенштерном и Лисянским, ни словом не обмолвился об этом инциденте.

Все моряки как будто воды в рот набрали, полагая, что таким образом будет сохранена их морская честь.

Расследование провёл моряк-тихоокеанец Александр Степанович Сгибнев, опубликовавший в 1877 году статью во втором номере журнала «Древняя и Новая Россия» под названием «Резанов и Крузенштерн», где честно и подробно рассказал об этом бесчестном поступке по отношению к памяти замечательного русского человека и патриота.

Вот только вчитайтесь и вдумайтесь в эти его слова: «...польза Отечества, на которую посвятил уже я жизнь свою, ставит меня выше личных мне оскорблений, лишь бы успел я только достичь моей цели, то весьма охотно всё случившееся предаю забвению и покорнейше прошу вас оставить бумаги без действия». Это ответ Николая Петровича Резанова генералу П.И. Кошелеву, военному коменданту Камчатки, по поводу прекращения расследования дела капитана Крузенштерна.

Я уверен, что слава великих мореплавателей Ивана Крузенштерна и Фаддея Бел-

линггаузена от этих моих слов не померкнет никогда.

Но суть ведь в другом — остзейцы не могли себе позволить, чтобы хоть какая-то доля славы досталась русскому дворянину. Их это коробило. И они, не стесняясь, присваивали себе и то, что принадлежало чести других.

Вот такая, возможно, сугубо камчатская история...

ПСКОВ

Один из древних русских городов. Первое упоминание о нём датировано 903 годом — а ведь он существовал уже и ранее.

У великого князя киевского Игоря Рюриковича супруга Елена был родом из «Плескова», как называли тогда Псков. Это будущая великая княгиня киевская, в крещении Ольга, одна из первых на Руси принявшая православие. В 1547 году она причислена к лику святых Русской православной церкви.

В 1510 году Псков вошёл официально в состав Московского государства. Безусловно, это не было свободным волеизъявлением псковских республиканцев. Символ свободы — вечевой колокол Пскова — был снят и увезён в Москву.

А недовольных, как это было впоследствии и с новгородцами, расселили по разным

городам и весям государства, а их псковские поместья пожаловали служилым дворянам.

В том числе и Сनावидовым (Сновидовым).

«Пушкин вернулся к столу и открыл узкий боковой ящик, где хранились разного рода деловые бумаги. Вот они, скрепленные медной клешнёй, многочисленные счета...

Крупные, мелкие, срочные, давнишние, и среди них письма заимодавцев настойчивые, требовательные...

Вот от „дворянки Екатерины Шишкиной, рождённой Сновидовой, вдовы подполковника Алексея Петровича Шишкина с шестью детьми, из коих четверо малолетних...“ Она слёзно молит поскорее вернуть ей „12 500 рубликов“, взятых у неё под залог шалей, жемчуга и серебра...

Пушкин болезненно поморщился и поставил на этом письме жирную „нота бене“:

„Этот долг подлежит оплате в первую очередь... Жемчуг Азинькин, а серебро Соболевского...“

Прапорщик Юрьев напоминал о заёмном письме сдержанно, но категорически.

Поставщица дров Екатерина Оберман сообщала, что пришлёт „самолутших берёзовых поленец, коль скоро получит за прошлогодний обозец...“

Счета портных: англичанина Рутча, француза Бригеля, русского Кондратьева...

И каждый на своём языке в более или менее благопристойной, но неизменно настойчивой форме требует денег... денег... денег...» («Северное сияние», Мария Марич).

А это тоже найденное в интернете продолжение пушкинской темы:

«В последнюю поездку в Михайловское — в начале мая этого года — мы много уделили времени обследованию окрестных Михайловскому и малоизвестных нынче усадеб. Большинство из них — в руинах. Некоторые упоминаются в письмах Пушкина — это его ближайшие соседи. Повезло нам побывать в двух деревнях, где были имения Кутузовых — Матюшкино и Теребени. Матюшкино принадлежало сестре Кутузова, а в Теребени похоронены отец и мать Кутузова. Сами места — потрясающей красоты и нереальной пустоты, но деревни все обитаемы и довольно ухожены по меркам дальнего подмосковья, что типично для уютной псковской области, слегка напоминающей Прибалтику, особенно у границ.

Род Голинищевых-Кутузовых принадлежит одному из древнейших дворянских родов России. Он происходит „от мужа честна Гавриила“, выехавшего к князю Александру Невскому „из Прус“. Праправнук Гавриила Фёдор Александрович сохранил прозвище своего отца Александра Прокши „Кутуз“ (подушка) и стал родоначальником Кутузо-

вых. Внук же Александра Прокши („Кутуза“) и племянник Фёдора Александровича Кутузова Василий Ананьевич имел прозвище „Голенище“, и от него пошли Голенищевы-Кутузовы. Правнук Василия Ананьевича Голенищева-Кутузова, умерший в 1580 г., был похоронен в Псково-Печерском монастыре, о чём гласит текст керамида (надгробной плиты) в пещерах монастыря: „7088 (1580) июля 20 преставился р. б. Иван Иванов сын Голянищева-Кутузова“.

О том, что ветви, идущие от основателя рода Голенищевых-Кутузовых, прочно обосновались на Псковской земле, говорят копии жалованных грамот царей Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича, Фёдора, Иоанна и Петра Алексеевичей Романовых, хранящиеся в Псковском архиве. Землями на Псковщине жалуются за верную службу царю четырежды правнуки Василия Ананьевича Голенищева-Кутузова: Фёдор, Елизар, Ульян Александровичи и их двоюродные родственники, братья Михаил и Иван Савиновичи.

В Матюшкино сохранилась деревянная церковь, построенная сестрой Кутузова. Она действующая, но, как водится в провинции, закрыта — батюшка, наверное, в полях... Ещё там есть чудесная школа в здании XIX века — работающая. Сохранился парк — но он теперь среди деревни, угадывается по липам на крестьянских дворах. Живопис-

ная деревня, окружённая сосновыми лесами... Находится она на нынешней дороге от Михайловского в Опочку, добраться до неё легко, и проездом из Михайловского можно запросто заехать туда.

Михаилу Илларионовичу не часто приходилось бывать в кругу своей семьи, ведь 28 лет он провёл в походах и сражениях, но он с трогательным вниманием и заботой относился к своей жене и дочерям. Женился М.И. Голенищев-Кутузов в 1788 г. на дочери инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова — Екатерине. У них было 6 детей. К сожалению, единственный сын Николай умер в грудном возрасте от оспы.

Дочери полководца не были связаны с Псковской землёй. Но на опочечкой, великолукской, псковской, гдовской землях остались его брат и сёстры. Не так часто бывал Михаил Илларионович в родных местах, где провёл детство.

Михаил Илларионович проявлял заботу и о своих сёстрах. И не только потому, что „отец завещал братьям платить за них недоимки“, как пишет Анна.

В 1812 г. полководец выхлопотал пожизненную пенсию в 2 тыс. рублей в год для своей младшей сестры Дарьи. Дарья Илларионовна до смерти отца жила с ним в Ступине. Из дела об узаконении права наследования Д.Л. Голенищевой-Кутузовой сельца Матюш-

кина Опочецкого уезда с деревнями и пустошами выясняются любопытнейшие детали. Дарья пишет: „...как из того имения означенным родителем нашим при жизни ево на следующую мне часть выделено ничево не было и ничем владения не имела, то оные братья мои после родительской кончины поговоря между собой любовно прошлого 1784 г. ноября 10 дня на ту следующую часть отделили мне...“. Большая часть владений, отданных Дарье, числилась за Семёном, в том числе и Матюшкино. Деревни Варыгино, Максимова, Тархова, пустошь Маклакова в 1782–83 годах были в совместном владении братьев.

Девушка Дарья Илларионовна, дочь генерал-поручика и кавалера Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова (так её называют во всех документах), обращается в Синод за разрешением построить в с. Матюшкино церковь. В конце описи Никольской церкви с. Матюшкино за 1802 г. сообщается, что „оные вещи все устроены госпожой генеральской дочерью Дарьей Ларионовной Кутузовой 1795 г. ноября 4“.

Дарья Илларионовна не только построила на свои деньги церковь, но и весь интерьер и церковная утварь были устроены ею же.

За ней с 1794 г. в Матюшкине числится небольшой винокурный завод. По данным 1807–1808 годов, он вырабатывал 90 вёдер вина в год, то есть на самом деле был

винокурней. В 1813 г. этот заводик числится за Прасковьей Осиповной Сनावидовой, племянницей Дарьи Илларионовны».

Прасковья Осиповна — дочь Анны Илларионовны Голенищевой Кутузовой и отставного капитан-поручика лейб-гвардии Семёновского полка Осипа Петровича Ушакова, которая вышла замуж за псковского помещика Ивана Тарасевича Сनावидова.

В лейб-гвардии Семеновском полку в чине сержанта служил и Иван Кириакович Сновидов, который, собственно, и ввёл родовую фамилию в широкий исторический оборот, будучи участником дворцового заговора в пользу малолетнего царя Иоанна Антоновича, которому завещала российский трон императрица Анна Иоанновна.

Вот, что пишет по этому поводу С.М. Соловьёв в «Истории России с древнейших времён...»: «...в то время когда заботились о безопасности жителей Москвы, вдруг разнёсся слух, что императрица небезопасна во дворце своём. Слух подтвердился, когда 15 июля, в день освящения церкви в московской академии, ректор Кирилл Флоринский в проповеди своей сделал выходку против внутренних врагов Елисаветы. Проповедь была на текст: „Не творите дому Отца моего дому купленного“; оратор представил Россию в виде храма, созданного Петром Великим, по смерти которого в этом храме некоторые завели торговлю.

Торговля не прекратилась и по восшествии на престол дочери Петра: „Как же ужасно и подумать, — говорил оратор, — яко осмимесячию не претекшу, егда провозсия на престоле отчи венценосица Елисавет, и уже на ино торжники прелагаются. Странная весть: давно ли вожделенная — и уже ненавидима Елисавет; давно ли в сердцах и в устнех сладка — и уже горька Елисавет; давно ли оживотворившая нас, уже опасна жизнь ей посреде дому; давно ли обрадовавшая нас — и уже в слезах печалема посреде дому; давно ли мать (и ещё всемилостивейшая, яко и истинно есть) — и уже тяжка и немилосердна. О непостоянство злоковарных торжников!.. Но ащи тыи, злобою воспящаеми, о благостыне её величества немотствуют, то поне вы, прежде расточении и заточении, ныне же всегда бедствующим состраждущие, матере Елисаветы милостию возвращении и уже мнози собраннии от Сибири, Иркута, Камчадала, от многих трудно и именуемых стран и от подземленных недр мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавым торжником государства Елисавет ненавидима, горька, тяжестна кажется и не мать, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенное отцом возобновляя и вас, бедствовавших, возвращая, — словом, вся отеческая в первобытное состояние приводя, не попускает долее злодеям, да дом отеческ и

её величества наследный соделывают домом купли и вертепом разбойническим... Что же, ваше императорское величество, долго терпите, и на торжницах государства, сие есть чудное премудрые экономии вашего величества дело, по разуму притчи Христом реченные: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како восторгая плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу“.

Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Пётр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елисавету и племянника её, герцога Голштинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра её Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».

И все трое оказались на Камчатке.

Но только один из них — Иван Кирикович Сновидов — оставил здесь после себя многочисленное потомство, известное сегодня как камчатский род Сновидовых — Снафидовых, разбросанный сегодня по всей нашей необъятной стране.

РИГА

Хотя о событиях, связанных с Большерецким бунтом 1771 года, россияне (та их мизерная часть, которые интересовались историческими событиями) узнали только через полстолетия, тем не менее само это событие вызвало немалый переполох в правительстве императрицы Екатерины II.

Мало того, что Ипполит Степанов написал «Объявление», выносящее приговор российской олигархии, скучковавшейся у трона, но и Бенъевский под видом барона де Бенгоро (как японцы перевели его фамилию) написал устрашительное письмо японскому императору: «Государство Рюсу (Россия) на Камчатке и на Куруриису (Курилы) строит крепости, сосредоточивает вооружение. В следующем году они собираются дойти до близлежащих к Мацумаэ островов и направить туда корабли. Поэтому Япония тоже должна послать туда корабли, чтобы не допустить их посягательства».

Но и это не самое главное — перед уходом с Камчатки Бенъевский пообещал её жителям, что вернётся назад на большом морском судне и увезёт всех на Остров Счастья и Справедливости — на неведомую Тапробану. В эту чушь, конечно, никто не верил, но вот то, что на Камчатку могут прийти французы или англичане и захватить её,

пользуясь тем, что её казачий гарнизон не способен оказать никакого сопротивления (как показал Большерецкий бунт, был произведён только один выстрел по мятежникам престарелого сотника Ивана Черных, остальные казаки попрятались от страха кто куда мог).

Поэтому по личной просьбе императрицы и её именным указом на Камчатку в 1772 году был отправлен уроженец Риги премьер-майор Магнус Карл фон Бем.

Сведений о нём очень мало, поэтому мы прибегаем к Русскому биографическому словарю Половцова: «Происходя из лифляндских дворян, он поступил на военную службу и, приняв участие в Семилетней войне, попал в плен к пруссакам. По возвращении из плена он продолжал служить в армии, а 30 апреля 1772 г. был произведён в премьер-майоры и, как честный и энергичный офицер, назначен начальником Камчатки, где, благодаря бунту и побегу Бениовского, обнаружилось серьёзные беспорядки. Прибыв на место служения, Бем усердно принялся за дело, хотя ему приходилось самому приглядывать за каждой мелочью, так как на всём полуострове, кроме него, был только один офицер, живший в Нижне-Камчатске. Несмотря на это, Бем в шесть лет своего управления Камчаткою успел исправить и укрепить батареями Пе-

тропавловскую гавань, возобновить на всей Камчатке пришедшие в полный упадок казённые здания и вновь выстроить Тагильскую крепостцу. Вместе с тем он улучшил материальное положение и усилил дисциплину среди местных военных отрядов. Чтобы понизить стоимость соли на полуострове, Бем отыскал соляные копи, устроил солеварение и добывал ежегодно до 700 пуд. соли; затем он попробовал эксплуатировать найденную ещё до него железную руду и устроил близ Мильково небольшой железный завод; по неумелости рабочих железо получалось довольно плохое, однако с прибавкою старого годилось для мелких поделок. Обратил Бем внимание и на хлебопашество; благодаря его неустанным заботам удалось обработать довольно значительную площадь, но суровость климата принудила преемников Бема отказаться от земледелия. Сельское хозяйство затруднялось ещё отсутствием рабочего скота на Камчатке. Бем с большими затруднениями выписал лошадей и коров из Якутска, а затем завёл скотный двор близ Верхне-Камчатска. Наконец, Бем привёл в порядок все запущенные дела по администрации, добился правильности в поступлении ясака с инородцев и ввёл строгую отчётность в производство ссуд местным купцам из казённых денег. Необходимость лично надзирать за всем вынуждала

Бема постоянно посещать разные пункты полуострова, причём, вследствие жесткого климата и отсутствия хороших дорог ему часто приходилось сотни вёрст проходить пешком в метель и стужу. Здоровье его не выдержало такой жизни, и в 1776 г. он стал просить увольнения от должности начальника Камчатки. Просьба Бема была удовлетворена лишь в 1779 г. Преемнику своему он сдал наличный капитал до 40 000 руб. и всё управление в полном порядке. Во время пребывания Бема в Камчатке, в 1776 г., в Петропавловскую гавань заходила экспедиция Кука, и за гостеприимство, оказанное английским морякам, Бем получил впоследствии от британского правительства драгоценную вазу.

Приехав в Петербург, Бем представил в кунсткамеру Академии наук некоторые замечательные предметы, вывезенные им из Камчатки, и за это получил золотую табакерку и 300 червонцев; кроме того, он был награждён поместьем в Лифляндии и назначен казначеем иностранной коллегии. Несколько позже он, по собственному желанию был определён председателем рижского губернского магистрата и получил чин надворного советника. В 1792 г. он был награждён орденом св. Владимира 4-й степени, а в 1795 г. — чином коллежского советника».

На Камчатке у него родились сын и дочь.

На вазе, которую вручили Матвею Карловичу (как на русский манер звали Магнуса Карла) была такая надпись: ««Знаменитому мужу Магнусу фон Бему, который в благополучное царствование Августейшей Императрице Екатерины I, по высокой Ея милости на суровых берегах, вверенной управлению его Камчатки, оказал гостеприимство Британским кораблям и мореплавателям, и потом, когда они тщетно покушались обрести неизвестные пределы Российской Империи, по претерпении многих бедствий, во второй раз их принял, угостил, успокоил и снабдив всякими жизненными припасами отпустил в путь, Британское Адмиралтейство в память столь отличных подвигов благосклонности, с живейшим чувством дружелюбия и признательности от своего лица и от имени Отечества своего принесло в дар, в лето от Р.Х.1781»».

В 1796 году должность, которую занимал в последние годы Магнус Карл фон Бем, была упразднена, и он, как пишут его биографы, остался без средств к существованию. И вот, что было далее: «Обстоятельства сии понудили Бема, невзирая на семидесятилетнюю его старость, сесть на корабль и отправиться в Англию. Здесь он думал найти сострадательных людей, но никто не помнил более добродушного угостителя английских мореплавателей. Всякой с равнодушием смотрел

на бедного старика иностранца, бродящего пешком по обширному Лондону».

Но это не совсем так, еще как помнили и помнят: «В честь М.К. Бема названы: Бема пролив, Тихий океан, побережье Северной Америки, архипелаг Александра (назван в 1793 г. Д. Ванкувером, дабы «выразить свою глубокую признательность майору Бему за его гостеприимство, оказанное офицерам и командирам «Дисковери» и «Резолюшн»); Бема гора, Тихий океан, побережье Северной Америки, архипелаг Александра, пролив Бема (названа в 1883 г. лейтенантом-командиром флота США Никольсом).

И вообще не так: для государственных служащих Российской империи (и особенно для тех, кто когда-то служил в Сибири) полагалась пенсия и генерал-губернатор Риги произвел Магнуса Карла фон Бема в статские советники (5-й по значимости из четырнадцати существовавших в России чинов в табели о рангах), чтобы установить ему 1000 рублей ежегодного пенсионера.

А при этом, не забывая, он еще и имел в собственности подаренное ему императрицей поместье в Лифляндии.

Но чего только не напишут историки, чтобы показать какой ужасной была жизнь в царской России: приходилось даже (почти как ныне) бродить пешком по обширному Лондону в поисках своего счастья...

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему целый ряд городов России носит эту замечательную «прибавку» к своему имени?

Мне объяснили это так: именно в этих городах когда-то была резиденция великих князей.

Если говорить об истории Ростова Великого и Ростово-Суздальского княжества, то эта версия могла бы считаться рабочей, если бы...

Да, Ростов Великий — один из древнейших городов России (Ростово-Суздальской земли), который ведёт своё летоисчисление от 862 года. А Великим он назван в Ипатьевской летописи в 1151 году, то есть за сто лет до появления самостоятельного Ростовского княжества со своим великим князем Ростовским в 1207 году, ставшего основой основ будущей России — Владимирского и Московского княжеств.

Либо в старинную летопись кто-то из переписчиков внёс позднюю правку, либо данная версия не может считаться рабочей, и причина появления слова Великий заключается в чём-то ином.

Но наша история носит ещё более необычный характер. Нас интересует судьба потомков Чингисхана, которых в нашей стране следует искать начиная с сердца России — с Ростова Великого, где похоронен Ор-

дынский царевич, внук Чингисхана — Даир Кайдагул Орда-Ичинов сын.

Но мы знаем его под другим именем — это... преподобный Пётр Ростовский. Он основатель Петровского монастыря, который простоял в Ростове Великом не одну сотню лет, пока не пришли воинствующие безбожники большевики...

Но наш разговор не об этом, а о потомках преподобного Петра — русских дворянах Чириковых: «Род Чириков происходит от племянника Царя Беркая, которому при крещении наречено имя Пётр. Житие сего Петра угодившего Вседержителю описано в Четьмиinei под 30 числом июня месяца с надлежащею подробностью. Праправнук помянутого Святого Петра, Пётр Игнатьевич Чириков, служил при Великом Князе Дмитрии Иоановиче в Сторожевом полку и был в сражении против Мамайя. Потомки сего Петра Игнатьевича, Чириковы, равным образом служили Российскому престолу в боярах, наместниками, стольниками, комнатными, окольничими и в иных чинах и жалованы были от Государей поместьями. Всё сие доказывается копиями с жалованных на поместья грамот, справкою розрядного архива и родословною Чириковых».

В России насчитывается три рода дворян Чириковых, но все они имеют общий корень и общий герб.

О великом русском мореплавателе Алексее Ильиче Чирикове, уроженце Тульской губернии, участнике Первой и Второй Камчатских экспедиций, знает сегодня, наверное, каждый мало-мальски грамотный человек в России.

Он прожил короткую жизнь — всего 45 лет и умер от последствий цинги, как и многие другие участники Второй Камчатской экспедиции, для которых это короткое, по меркам не только будущих «кругосветок», но и тихоокеанских промысловых «вояжей» русских промышленников, плавание стоило жизни...

Но эти жизни мало кто считал.

И потом эта гибель людей от цинги становится «обычным явлением» и в экспедиции Креницына-Левашёва, и в экспедиции Биллингса к берегам Северной Америки.

Менее известна другая камчатская история — о приказчике сыне боярском Петре Чирикове, который был убит вместе с Владимиром Атласовым и Осипом Липиным взбунтовавшимися камчатскими казаками в 1711 году.

Для убийства Владимира Владимировича Атласова и Осипа Мироновича Липина у казаков были мотивы.

Если говорить о них коротко — то жестокость и алчность обоих зашкаливали, даже если судить по сибирским меркам, где всё это было явлением обычным.

Правда, к моменту гибели сам Атласов уже четыре года был не при власти, но казаки хорошо помнили 1707 год, когда для устрашения камчадалов Атласов посылал на убой своих казаков на авачинских, на большевецких, на воровских камчадалов (это реки такие на Камчатке — Авача, Большая и Воровская, где проживали аборигены), копя для себя «пожитки», награбленные в захваченных поселениях аборигенов — одних соборей у него было более 30 сороков...

А Осип Липин, пользуясь предоставленным ему якутским воеводой правом розыска по делу о свержении с камчатского приказа казачьего головы Владимира Атласова, вымогал пытками пушнину у самих казаков-старожилов и набрал её за короткий период 20 сороков соборей, 400 лисиц красных да 30 бобров морских.

Много это или мало?

У Петра Чирикова, который был камчатским приказчиком до прихода Липина и которого казаки первоначально не собирались убивать, по сообщению С.П. Крашенинникова, своих, а не казённых «пожитков» было 15 сороков соборей, 500 лисиц красных, 20 бобров морских.

Но его, повторяю, за это никто убивать не собирался. «Пожитки» были у каждого, кто приходил на Камчатку. Собственно, из-за них и шли в столь дальний многомесячный

поход через бои с коряками и чукчами. Рисковали жизнью не за пять казённых рублей годового жалованья, а за каждый «сорок», то есть вязку из сорока соболей, которую у якутских казаков оптом купцы скупали по 200 рублей (а сами продавали соболей в розницу по 40 и выше рублей за штуку).

Пётр Чириков оказался случайной жертвой: «Чириков, сдав Миронову острог и всё, что надлежало, в октябре месяце поплыл в Нижний Камчатский острог батами со служивыми и с казной своего сбора, чтоб, там перезимовав, следующего года идти с казной Пенжинским морем. А Осип Миронов, пробыв в Верхнем до зимы, декабря 6 числа в Нижний же острог отправился, для разряда служивых людей к судовому строению и к препровождению ясачной казны, оставив заказчиком в том остроге Алексея Александровых.

Но как он, исправив дела свои в Нижнем, ехал обратно в Верхний острог с прежним приказчиком Чириковым, то 20 человек служивых, которые давно уже были в злоумышлении на приказчиков, не допустив до острога, зарезали его на дороге. А происходило оное убийство 1711 года генваря 23 числа. После того удумали они и Чирикова живота лишить, однако по просьбе его дали ему время к покаянию» (С. Крашенинников).

*Алексей Ильич Чириков,
худ. В.Н. Ефимов*

Верхнекамчатские казаки прекрасно знали, какими «сыскными» делами занимался Осип Липин в Нижнекамчатске, и готовились к встрече с ним — ведь Атласова лишили должности именно верхнекамчатские казаки. А Пётр Чириков, которому захотелось развеяться, прогулявшись по зимнику до Верхнекамчатска, попал, что называется, под «горячую раздачу».

И его сначала не убили — отвезли в Верхнекамчатск, оставили под караулом в доме казаков Бекеревых, чтобы принять решение после того, как вернутся из Нижнекамчатска после расправы с Владимиром Атласовым, который «воровским» казачьим кругом тоже был приговорён к смерти.

А когда вернулись, то посчитали, что оставлять столь опасного свидетеля нельзя. Пять человек, которым потом в наказание отрубили пальцы, оттащили Петра Чирикова к проруби и утопили в реке Камчатке: «...и марта 20 числа Чирикова, оковав, в воду бросили», «связав ему руки назад, и наложив на ноги кандалы, бросили его в воду, и в воде кольями убили до смерти».

Мы не знаем пока, из какого из трёх родов потомков преподобного Петра Ординского, Ростовского, царевича был Пётр Чириков.

Но знаем другое: в 7202 (1694) году прислан в ссылку и повёрстан в дети боярские

на убылое место Лёвки Скоробогатова Иван Чириков. Он прибыл вместе с женой и детьми.

Из его детей, вероятно, и был Пётр Чириков — «Прислан в ссылку в 7202 году, повёрстан в дети боярские на убылое место Чудинки Мартынова». А также брат Петра Федот, который был в отряде Петра Чирикова на Камчатке. И в 1706 году в пятой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Филат Чириков, по всей видимости, ещё один брат Петра и сын Ивана Чирикова.

И тогда становится понятным, почему в 1830 году в составе Якутского казачьего полка казачий состав Чириковых столь многочислен:

Чириков Конон — казак, вторая сотня
Чириков Алексей — казак, вторая сотня
Чириков Василий — казак, первая сотня
Чириков Егор — казак, первая сотня
Чириков Иван — казак, первая сотня
Чириков Капитон — казак, первая сотня
Чириков Матвей — казак, вторая сотня
Чириков Николай — казак, вторая сотня
Чириков Софрон — казак, первая сотня

До своего прибытия на Камчатку Пётр Чириков в 1700 году послан на Усть-Витим приказчиком вместо казака Афанасия Петрова (будущего приказчика Анадырско-

го острога — такие дальние перемещения в Якутии были обычным делом).

Сегодня мне понятно, почему казаки не хотели убивать Чирикова — многие, кто пришёл с ним на Камчатку, побывали с ним в боях, отражая нападения чукчей, коряков, камчадалов, что называется, плечом к плечу. И не один раз.

И вреда от него казакам не было. Чириков был отправлен на Камчатку в 1709 году и в этом же году поступает с Камчатки челобитная казаков о злоупотреблениях Атласова и смещении его с должности. Наказная память из Якутска о необходимости проведения розыска по этому делу уже не успевает догнать Чирикова, путь к которому был отрезан воинственными чукчами: «Однако она указная память Чирикова не застала в Анадырске и на Камчатку не отправлена, за малолетством служивых людей в Анадырском остроге, ибо малых людей посылать в тот путь было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога от многих изменников занята была, так что они в 1709 году июля 20 числа, невзирая на знатную Чирикову команду, днём напасть на него отважились; бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина со товарищи в 10 человеках убили, казну и военную амуницию разграбили, а остальных служивых принудили сидеть в осаде на пустом месте, от которой они 24

числа того ж месяца, учиня вылазку и олюторов счастливо отбив, освободились, потеряв двух человек в сражении, чего ради Чириков, прибыв на Камчатку, не производил следствия, довольствуясь одной командой».

Возможно, если бы Чириков провёл следствие, последствия были бы совсем иными, но того, что случилось, уже не поправить.

Вполне вероятно, что кто-то из родни Петра Чирикова — Филипп или Филат, или уже их дети, служили на Камчатке в период деятельности Камчатской Духовной миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского и стали крёстными родителями для новокрещённых камчадалов Чириковых.

Так длань святого Петра Ростовского дотянулась и до самой до окраины России, осеняя крестным знаменем своих камчатских духовных потомков...

245

РУССКОЕ УСТЬЕ, ЯКУТИЯ

Легенды об истории появления этого русского поселения в устье реки Индигирки настолько необычны, что просто дух захватывает...

Но начнём мы не с этой истории, а с другой, не менее невероятной, а главное, связанной в конечном итоге и с нашей камчатской историей: «В 1944 г. во время Второй

мировой войны, в период советско-американского сближения, вызванного борьбой против общего врага, в США вышла в свет сенсационная статья историка Теодора С. Фаррелли об обнаружении на северо-западном берегу Америки на Кенайском п-ве следов русской постройки будто бы... 300-летней давности. Обратив внимание на появившуюся в самом конце XVIII в. у русских миссионеров в Русской Америке легенду о проникновении в Америку группы новгородцев, будто бы бежавших в 1571 г. от преследований Ивана Грозного, Теодор Фаррелли поспешил объявить, что найденное на Аляске строение якобы принадлежало беглым новгородцам».

А вот теперь о главном: «Версия о новгородцах, поплывших на восток, родилась впервые в индигирском селении Русское устье. Именно тут появилась курьёзная легенда о том, что местные Корякины будто бы являются потомками „новгородских“ Куракиных».

Естественно, сразу же последовали и опровержения: «Приверженцы этой версии не учитывали главного: в XVI–XVII вв. на пути у русских мореходов в Ледовитом океане были многие непреодолимые препятствия, и в первую очередь паковые льды в нескольких труднопроходимых зонах. Безусловно, самой трудной зоной был район Таймыра. Ни в XVI,

ни в XVII в. эту зону никто по морю преодолеть не смог. Находка следов русских мореходов в заливе Симса у о-вов Фаддея дала повод кое-кому утверждать, что русские мореходы ещё в начале XVII в. смогли обогнуть Таймыр. Но гораздо правдоподобнее точка зрения знатока Таймыра В.А. Троцкого, считавшего, что русские смогли проникнуть в этот район со стороны р. Хатанги и р. Пясины. Вторая труднопроходимая зона находилась между реками Хатанга и Оленёк. На Оленёк же русские впервые вышли в 30-е гг. XVII в. со стороны Лены. Поэтому наивно думать, что кто-либо из новгородцев в середине XVI в. мог бы при тамошних примитивных судах пройти весь Северный морской путь и достичь берегов Аляски. Но, к сожалению, эта фантастическая версия продолжает и теперь нередко повторяться в научно-популярной литературе и кинофильмах» («История Русской Америки», т. 1, М., 1997).

Меня, честно говоря, несколько поколебала формулировка о примитивных судах, которыми пользовались на Русском Севере поморы и на которых они ходили на Грумант и Новую Землю, что является доказанным историческим фактом. Эти суда не вмерзали в лёд, как суда всех других, более высоких цивилизаций, и не вынуждены были месяцами, а то и вечно, как «цивилизированные», дрейфовать, превратившись

в нечто, впаянное в лёд, — они строились совершенно по другому принципу — лёд их выдавливал на поверхность и эти суда можно было... катить по льду до чистой воды.

Это первое. И второе. Технология строительства морских судов была настолько отработанной и традиционной, что морские суда строили без особого труда везде, где только был подходящий для этого материал.

И третье — освоение Русской Америки с Камчатки велось на шитиках — судах, шитых лозой и китовым усом. Это тоже исторический факт. Поэтому игнорировать судостроительные традиции и возможности русских людей, живших в XVI (и ранее!!!) столетии, не стоит.

Но я это говорю не потому, что сам очень сильно верю в поход новгородцев на Аляску.

Просто чем глубже проникаешь в историю родного Отечества, тем очевиднее становится тот факт, что мы бесстыдно мало знаем о жизни и деятельности своих предков, более того — мы ещё и сами всевозможными способами и праздничными юбилеями эту их жизнь и деятельность отвергаем начисто как невозможную — с точки зрения современного сытого, слегка образованного, плохо воспитанного и духовно неполноценного обывателя.

В 1972 году вышла очень интересная книга А.Л. Биркенгофа «Потомки землепроход-

цев», в которой автор также касался легенд Русского Устья: «В рассказах русскоустыинцев своеобразно переплетаются правдивые исторические сведения — сказание о плавании Ивана Реброва и другие — воспоминания об известных событиях 1647 г.: о восстании якутских служилых людей и бегстве их („от ратной службы“, в передаче индигирщиков) вниз по Лене „на море“ и далее в Анадырь, „в Заносье“...».

И версия о боярстве приобретает у автора иное звучание: «Может быть, и поводом для утверждения о „боярском“ происхождении русскоустыинцев послужило то реальное обстоятельство, что среди землепроходцев были и „сыны боярские“».

А вот и более конкретная историческая информация: «Другое сказание русскоустыинцев говорило, что предками их были выходцы с Анадыря. И от этой версии не стоит отмахиваться. Кстати сказать, среди индигирщиков были фамилии, общие с фамилиями казаков, служивших на Анадыре, например, Киселёвы, предки русскоустыинцев».

Но, подчеркнём это, ещё в 1967 году А.Л. Биркенгоф в четвёртом номере «Известий Всесоюзного географического общества» в статье «К вопросу о древней „Новгородской колонии на Аляске“», писал: «С фамилией Киселёва связана версия об

исчезнувшей так называемой Новгородской колонии на Аляске — селении Казилове у устья реки Казиловой (или река Киселева), в районе Кенайского залива, где в 1957 г. были обнаружены остатки древнего, вероятно русского, поселения 300-летней давности». И добавляет: «Газета „Якутия“ напоминала о том, что в чукотском походе Фёдора Чукичева в 1641 году с ним был и казак Киселёв: „К сей челобитной вместо служилого человека Фёдора Чукичева по его велению Ерофейко Киселёв руку приложил“».

Мы не будем вдаваться в подробности этих версий. Просто уточним. Куракины были князьями из рода Гедиминовичей, выходцами из Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, близкими родственниками царя Ивана Грозного (боярин Курака, от которого пошли Куракины, был четвероюродным братом царя).

А вот детьми боярскими якутские Корякины действительно были — в 1725–1727 годах помощником у камчатского приказчика дворянина Степана Трифонова был сын боярский Пётр Осипович Корякин, вполне возможно, уроженец Русского Устья или Зашиверска.

Вполне возможно также, что изучение родословной якутских (и произошедших от них камчатских) Корякиных может таить в себе некие сюрпризы.

Например: «Г.Ф. Миллер указывает, что в построении Тары в 1594 году принимали участие из „Казани сотник с полусотнею пленных поляков“, из Тетюш „сотник Никита Корякин с полусотнею польских казаков, т. е. пленных поляков, поступивших на казачью службу“, из Тюмени „40 человек конных литвы, черкасов и казаков“, из Тобольска, „из тамошних пленных литвы, черкасов и казаков 100 человек под командою головы Своитина Рупосова“».

И в Томске тоже служил «Карякин Казый Кузмин, сын боярский, новокрещён, из татар. В 1631 г. был в числе посольства к Алтын-хану».

Казаки Корякины были и в Тобольске. Но вернёмся к Киселёвым.

Казак Ерофейка (Ярофей) Киселёв был из енисейских казаков (возможно, из рода тобольских казаков Киселёвых), которые первыми пришли на Лену и начали освоение этого края. Якутский воевода Пётр Головин, которому поручено было навести порядок на окраинных русских землях, «пытал без сыску» Киселёва, явно подозревая его в каких-то должностных проступках. В 1647 году Ерофей Киселёв был в числе тех казаков, что подняли бунт на реке Лене: «июля в 1-м числе нынешняго 155-го году ночью порою, отняв у торгового человека у Васьки Щукина кочи, пограбя у промышленных лю-

дей хлебные запасы, а у иных лодки, собрався со многими с промышленными людьми воровски, пятидесятники: Ивашко Реткин, Шаламко Иванов, да десятники казачьи: Васька Бугор, Симанко Головачёв, рядовые казаки: Ерофейка Киселёв, Ивашко Пуляев, Павлик Кокоулин, Евсейко Павлов, Гришка Онтонов, Филька Мартынов, Гаврилко Фролов, Митька Васильев, Ортюшка Федотов, Васька Щукин, Ивашко Микитин сын Пушкарёв, Ивашко Павлов сын Южак, Ивашко Яковлев, Гришка Вахромеев, Ивашко Борисов сын Пенег, Архипко Максимов сын Аршин, Васька Иванов сын Вилюй, Парфенко Григорьев, Максимко Васильев сын Тотменин, всех 23 человека...»

Но вскоре и внутри самих бунтовщиков начался раздор: «Да в нынешнем же, во 158 году декабря в 26 день пришёл с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижнее ясажное зимовье и, собрав всех служивых и торговых и промышленных людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров Ярафейка Киселёва да Ивашка Пуляева с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришёл к нашим зимовьям, и служивые люди Пашко Кокоулин, Артюшка

Федотов Салдат [с] служивыми и с промышленными людьми того вора Ярафейка Киселёва взяли и, связав, отвели в ясажное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселёва, крепине держать в ясажном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясажного зимовья убежал. А тот Михайло с теми беглыми служивыми людьми его, Ярка Киселёва, ночью по слову, укарауля, свели к себе в зимовье. И учили те служивые люди Михайло Стадухин [с] служивыми и с промышленными людьми, и те беглые служивые люди Васька Бугор с товарищы на нас, холопей и сирот твоих, учили приметыватца всякими мерами бездельно и подают торговым и промышленным людям на нас челобитные изветные, описываютца. А ставят оне затейной извет свой впредь себе в поправку и угрожают нам, а хотят, дорогою идучи и на месте, где бог велит быть, в ясажных и не в ясажных людех запасы и оружие, и собаки хотят сильно имать, чтоб нам, холопям и сиротам государевым, та государева служба за... жыт и между б нами рознь учинить. Да в нынешнем во 158 году ноября в 8 день он, Михайло, нашел полчанина промышленного человека Матюшку Кальина у себя на дому, бил неведомо за что напрасно. Да февраля

в 10 день он же, Михайло, з беглыми служывыми людьми с Ярафейком Киселёвым нашего ж полчанина промышленного ж человека Кирилка Проклова бил неведомо за что напрасно ж и ясыря у него сильно взял».

Затем отряд Михаила Стадухина отправился с Колымы на Анадырь, где уже прижилась у Семёна Дежнёва часть бунтовщиков во главе с Василием Бугром.

И снова начались столкновения. Дежнёв со своими людьми даже оставил острог и ушёл на поиски реки Пенжины, но вернулся ни с чем.

Затем ушёл Михаил Стадухин со своим отрядом. Ушёл пешком — через тундру. А добравшись до Охотского моря, построил два судна, одно из которых погибло, но на втором, на борту которого вместе со Стадухиным был и Ерофей Киселёв, казаки добрались до западного побережья Охотского моря и основали Ямское и Тауйское зимовья. Где-то в этих местах в боевых стычках с воинственными аборигенами погиб Ерофей Киселёв.

Киселёвы, которые стали старожилками Русского Устья, вполне возможно, потомки черкаса (запорожского казака) Григория Васильева сына Киселя (Кисия), который в 1652–1654 годах был приказчиком на Яне и по поводу злоупотребления которого проводился розыск, а результатом этого сыска

могла стать и ссылка в Русское Устье. То есть история появления здесь Киселёвых может быть гораздо прозаичнее, нежели новгородская эпопея...

В 1706 году в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка служит десятник Гаврило Иванов сын Киселёв. Четырнадцатая пятидесятня довольно основательно была представлена на Камчатке в этот период, поэтому вполне возможно, что Гаврило Иванов сын Киселев был патриархом камчатского рода казаков Киселёвых.

В старину в одной и той же семье могло быть двое или даже трое детей с одинаковым именем, так и у Степана Кирилловича Киселёва, служившего матросом в Петропавловской экипажной роте, было два сына, и оба были Иванами.

В 1854 году оба Ивана были отмечены в событиях, связанных с обороной Петропавловского порта.

Один из них (по одной версии, брат, по другой — племянник жены боцмана Павла Васильевича Усова) попал в плен вместе с семьёй Усова и тремя матросами 47-го флотского экипажа (в числе которых был и матрос Семён Удалов, о подвиге которого мы рассказываем в главе «Кострома»). Французский адмирал отпустил семью Усовых вместе с боцманом и матросом Киселёвым,

который на вид был совсем мальчишкой — адмирал не знал, что против него на Камчатке будут воевать и мальчишки-юнга...

Это был старший из братьев.

Младший Иван, которому было 15 лет, учился в школе кантонистов (юнг), участвовал в обороне Петропавловского порта наравне со взрослыми и 24 августа по старому стилю 1854 года погиб в бою.

В этих же боях вместе с Киселёвыми сражались и камчатские Корякины — матрос 47-го флотского экипажа Трофим Корякин и казак Пётр Корякин.

Иван Степанович Киселёв в составе военного гарнизона Петропавловского порта отбыл для дальнейшей службы в Николаевск-на-Амуре, а вот род Корякиных, который ведёт своё начало от сына боярского Петра Осиповича Корякина, вёрстанного в 1706 году в казаки на «убылое место» убитого на Камчатке десятника шестой пятидесятни Михайла Иванова сына Макаровых, остался служить на Камчатке и после вывода отсюда Петропавловского военного гарнизона.

В 1768 году камчатский служилый Иван Корякин принимает участие в морской секретной экспедиции Креницына-Левашёва к берегам Русской Америки — то есть легенда о посещении Корякиными Аляски наконец-то обретает реальную жизнь...

РЫЛЬСК

Для всех, кто хоть когда-то интересовался историей Русской Америки, известно имя Григория Ивановича Шелихова — одного из самых успешных купцов и организаторов промысловых экспедиций на Курильских, Алеутских островах и на Аляске, отца-основателя Российско-Американской компании, экономические интересы которой впоследствии дотянулись и до Калифорнии, принадлежавшей в те годы испанской короне.

Григорий Иванович Шелихов оставил после себя замечательную книгу о своём вынужденном путешествии с Камчатки, где он застрял по причине штормовой погоды, а судно, ожидавшее его на рейде, вынуждено было уйти без него.

Добавим к этому, что первым человеком, родившимся на острове Беринга, была дочь Григория Ивановича во время вынужденной зимовки на островах, когда он вместе со своей женой и старшими детьми отправился в морское плавание из Охотска на остров Кадьяк, где было организовано Шелиховым первое русское поселение.

Сам Григорий Иванович был из рода рыльских пушкарей, которые в 1679 году за успешную защиту Рыльска были записаны в гостиную сотню. А матерью его была дочь

рыльского помещика дворянка Аграфена Ивановна Бырдина.

Какая же из четырех дочерей Шелихова родилась на Командорских островах?

Старшей была Анна — в будущем жена камергера Н.П. Резанова, широко известного в нашей стране не по его действительным заслугам перед Отечеством (ибо только его инициативе мы обязаны тем, что на средства РАК была организована первая русская кругосветная экспедиция, навечно прославившая наших моряков), а по рок-опере «Юнона и Авось», в которой роль Николая Петровича Резанова долгие годы исполнял Николай Петрович Караченцов.

Затем следовала Екатерина, замужем за Гаврилом Амвросиевичем Тимковским.

С этим двумя старшими дочерьми супруги Шелиховы отправлялись в Русскую Америку.

Третьей, родившейся на острове Беринга, была Евдокия, впоследствии вышедшая замуж за купца из Великого Устюга Михаила Михайловича Булдакова, который долгие годы был главенствующей фигурой в директорате Российско-Американской компании.

Правда, в воспоминаниях самого Шелихова об этом событии ни слова: «Построив при Охотском порте в 1783 году от компании три галиота и наименовав оные первой

трёх Святителей, второй Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, третий Св. Михаила, отправился в Восточный Океан 1783 года Августа 16 дня из устья реки Урака, впадающей в Охотское море, с 192 человеками работных людей; и будучи сам на первом галиоте с женою моею, которая везде за мною следовала, и все трудности терпеть не отреклась, назначил на случай разлучения судов противными ветрами, сборным местом остров Берингов. Преодолев разные затруднения, препятствовавшие моему плаванию, 31 числа Августа же месяца, приплыли к первому Курильскому острову, но противный ветер не допустил пристать к оному даже до 2 Сентября. Сего числа став на якорю, сходили на остров и запаслись пресною водою, 3 Сентября пустились в назначенной путь, на котором 12 числа сделавшийся шторм и продолжаясь двои сутки, разлучил все галиоты один от другога. Буря сия столь была велика, что лишились было и надежды в спасении своей жизни; но однакож 14 числа два первые галиоты сошлись и пристали на Берингов остров 24 Сентября, расположась прозимовать на оном, сколько в ожидании третьего галиота, на коем было людей 62 человека, столько же и в разуждении противных ветров; но галиота онога во все время бытности на Беринговом острову дожидаться не могли. 25 Сентября с обеих

судов несколько человек на байдарках с собою привезённых, посылал обойти остров, любопытствуя, не встретят ли чего достойного примечания. Посланные возвратились 27 числа того же месяца, не нашед ничего такого.

Во всю зиму никакова промысла на сем острову не имели, кроме малого количества песцов, потому что других зверей и не было. Пища, каковую на сем острову употреблять можно, состоит из морской рыбы, коей много разных родов, такожде мясо морских зверей, как то: Сивучей, Котов и Нерп; из птиц находятся: Гуси, Утки, Лебеди, Урилы, Чайки, Ары, Куропатки, а сверх того употребляют и коренья Кутагарное и Сарана, кои причисляются так же к роду употребляемой пищи. Зима продолжалась с сильными, и более северными и восточными ветрами, снег и метель были почти ежедневно.

Поелику мореплаватели цынготной не могли избежать болезни; то нужно было искать и средств к освобождению от оной: и для того, во время метели ходили возле моря, а в ясные дни по горам на лыжах в дальнее расстояние.

На линии деланной, нашли там склонение магнитной иглы к востоку один румб с четвертью.

Оставили сей остров 1784 года Июля 16 числа...»

Дата рождения Евдокии Ивановны нигде не уточняется. Год рождения колеблется между 1783/1784.

И была ещё четвёртая дочь — Александра, которая вышла замуж за статского советника Гаврилу Герасимовича Политковского, сын которых Владимир Политковский впоследствии также играл значительную роль в руководстве компании.

Очень важным элементом в системе РАК были комиссионеры.

Структура РАК выглядела следующим образом. Главное правление было в Санкт-Петербурге. В Иркутске находилась главная сибирская контора, которая фактически и осуществляла всю финансово-деловую часть по реализации пушнины и обеспечении жителей Русской Америки всем необходимым. Вторая по значимости контора находилась в Охотске, представители которой (комиссионеры) располагались в Гижиге и на Камчатке.

В 1800-х годах комиссионером РАК на Камчатке был рыльский купец Фёдор Алексеевич Выходцев (1767). За участие в заговоре против камчатского коменданта генерал-майора П.И. Кошелева Фёдор Алексеевич был осуждён и оставлен на Камчатке.

В 2017 году Рыльск торжественно отметил 350-летие со дня рождения Герасима Никитича Выходцева — основополож-

ника известной в России династии купцов. Среди гостей, съехавшихся на этот юбилей со всех концов страны, были «Михаил (Выходцев), прямой потомок Николая Павловича Выходцева, 8 раз переизбиравшегося главой Рыльска, тоже в своём роде купец — финансовый директор крупной московской компании. Старейшина рода, Георгий Зубков — журналист-международник, лауреат Госпремии СССР, один из основателей радиостанции „Маяк“. Андрей Красильников — писатель, драматург, общественный деятель».

Камчатка на этом юбилее не присутствовала.

У комиссионера РАК Фёдора Алексеевича Выходцева было четверо детей — близняшки Пётр и Степан (1797), Ирина (1801) и Фёдор.

Нам известна только судьба потомков Петра, который служил в Русской Америке, откуда был «сослан» за какие-то провинности на Камчатку. Пётр был женат на одной из сестёр Ксении Логиновой — представитель и ныне существующего рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых-Петрологиновых. Семья жила в Нижнекамчатске — старинном русском поселении в долине реки Камчатки.

Прапраправнучка Фёдора Алексеевича Прасковья (Параскева) Федоровна Выходце-

ва (1885), дочь нижнекамчатского крестьянина, вышла в 1903 году замуж за коренного камчадала, потомка знаменитого тойона Камака, о котором писал С.П. Крашенинников, Гавриила Петровича Кузнецова (1881). Их потомки и по сей день живут на Камчатке — Кузнецовы, Медведевы, Веремчуки, Стасюки, Ивановы, Киреевы, Мисеревы, Непукоевы, Ипатовы...

Возможно, что в канун какого-нибудь нового памятного события, связанного с историей рода Выходцевых, в Рыльске вспомнят и о камчатских потомках комиссионера Российско-Американской компании Фёдора Алексеевича Выходцева...

САМАРА

«Ах, Самара, городок...» — эта песня в исполнении Лидии Руслановой для поколения людей, рождённых в 1950-х годах, то есть для моего поколения, была частью той великой эпохи, когда песни горланили не просто так и бестолку — они были выражением нашего русского духа как неотъемлемой сущности русского мира.

Сегодня мы живём в другом духовно-нравственном измерении массовой культуры, для которой сам русский дух неприемлем, а русский мир враждебен. И, под-

чиняясь этой массовой бескультурности, мы перестали петь...

*Ах, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я, —
Успокой ты меня!*

Но вернемся к истории. С Волги, из Самарской земли, постоянно черпались всё новые и новые служилые люди на пополнение военных гарнизонов Сибири — зимовий, острогов, городов-крепостей, которые росли как грибы, оконтуривая всё новые и новые территории с ясачным населением.

Самарская крепость возникла на Волге сравнительно недавно — в 1586 году по приказу царя Фёдора I, о котором историки часто отзываются весьма нелицеприятно (например, В.О. Ключевский: «...блаженный на престоле, один из тех нищих духом, которым подобает Царство Небесное, а не земное, которых Церковь так любила заносить в свои святцы»), а вот русский народ чтит его именно как святого благоверного Феодора I Иоанновича, царя Московского. А память народная — это духовная скрепа, которую не под силу разогнуть и сломать даже таким маститым историкам, как Ключевский.

Самарская крепость служила защитой для обеспечения торговли на Средней Волге от набегов кочевников. Службу в ней несли стрельцы и волжские казаки, многие из ко-

торых впоследствии были направлены в Сибирь.

Служба казачья продолжалась до глубокой старости. Вот только один из примеров: «Беломестные казаки формировались в Сибири из гулящих людей и крестьян. В одной из челобитных имеются интересные биографические сведения об одном из таких гулящих людей. В 1694 г. на государево имя обратился с челобитьем о позволении оставить службу Лука Суслов, беломестный казак Невьянской слободы, прослуживший в составе данной категории служилых людей 46 лет. А до того он начал службу ещё при Михаиле Фёдоровиче солдатом в полку воеводы Плещеева на Самаре, затем „многие годы“ служил стрельцом в Астрахани во время воеводства Б.А. Репнина, в середине XVII в. перешёл в Сибирь и строил Китайский острог „без вашего великого государя жалования“, служил „во всяких посылках непрестанно“. В 1694 г. казаку исполнилось 92 года, по его словам, он стал „стар и дряхл и казачьи службы служить за дряхлостью не могу“, и остался без кормильцев. 27 июня 1694 г. эта челобитная была удовлетворена».

А не было бы челобитной, не побеспокоился бы Лука Суслов о собственной старости, никто бы его на заслуженный отдых, то бишь на пенсию, не отправил бы — да и о пенсиях тогда не знали: либо дети корми-

ли до старости, либо монастырь призревал, и старость становилась призренной (а не презренной...).

В 1685 году в Нерчинском остроге служил в казаках Овдей Самара — как раз в то время, когда шла героическая оборона Албазинского острога и согласно Нерчинскому договору 1689 года Россия теряла освоенное уже даурскими казаками Приамурье, которое удастся вернуть только спустя сто пятьдесят лет.

Но сам Нерчинск в тот период становится центром торговли России с Китаем и превращается в крупный сибирский город.

А нерчинские казаки, разведав удобный южный путь перехода по границе с Китаем в Охотский острог, становятся главной военной силой для закрепления русских на Чукотке и Камчатке, а также участниками всех тех знаменитых тихоокеанских экспедиций, которые вошли в мировую историю, оставаясь сами при этом безвестными для потомков.

И даже в период обороны Петропавловского порта, когда главной силой обороны стали сибиряки 13, 14, и 15-го Восточно-Сибирских линейных батальонов (казачьи дети), прибывшие в Петропавловский порт в буквальном смысле накануне сражения, имена большинства из них до сих пор остаются неизвестными для неблагодарных по-

томков и забытыми на их исторической родине.

И вот одним из таких (возможно, тоже из казачьих нерчинских детей) был и матрос 2-й статьи 47-го Камчатского флотского экипажа Кирило Самарской, который в 1855 году был переведён вместе со всем гарнизоном в Николаевск-на-Амуре, где, возможно, впоследствии и пустил свои родовые корни.

Но мы знаем на Камчатке ещё одного Самарского — Владимира Петровича — пилота первого класса, командира вертолёт Ми-8, который родился на Волге — в селе Александровка Волгоградской области 26 мая 1940 года.

Он был не только легендой камчатской авиации, как часто пишут о нём. Он сам был живой легендой — одним из самых лучших знатоков заповедной Камчатки. И неслучайно прощальные стихи о Владимире Петровиче сложил не кто-нибудь, а представитель коренной Камчатки Нина Германовна Бережкова из рода камчадалов Поротовых.

***

*И свечи плакали в тот вечер,
Роняя слёзы восковые,
Метался в сопках где-то ветер,
Слагая сказы ветровые.
И вторил им Ноктюрн Шопена,
Сердца тревожила тоска,
Он сострадал мотивом Сены*

*И песней рвался в облака.
А память бережно вела
Всех через снежники и лес,
К одной вершине подошла:
Друзья, стойте здесь.
Печаль молитвенных мелодий
Воспоминанья воскресит,
И до Самарского Володи
На крыльях ветра долетит.
Любил он небо и полёт,
Так часто в жизни шёл на риск,
Ему, ушедшему вперёд,
Алней поставилobelиск.
Пусть вновь летит среди созвездий,
Взметая млечность, словно пыль...
Крик «От винта!»... Но слов последних
Мы не услышим. Это была.*

Я много раз участвовал, работая в Камчатрыбводе, в различного рода рыбоохранных рейдах на вертолёте, который пилотировал Владимир Петрович. Наши рейды, как правило, продолжались дней десять — вертолётчики любили работать с рыбоохраной: и азартно, и налётно, и практически всепогодно («поквратно», как говорил Владимир Петрович, то есть уходили в тот квадрат, где погода позволяла летать)... И я навсегда запомнил его как жизнерадостного, никогда не унывающего, доброжелательного и очень отзывчивого человека, с лица которого никогда не сходила улыбка...

СМОЛЕНСК

Антон Петрович Сильницкий, начальник Петропавловского уезда (1903–1904 гг.), происходил из династии смоленских священнослужителей. Сама фамилия, вероятно, пришла с Украины — под Винницей есть село Сильница.

Но сам Антон Петрович волею судьбы оказался на Дальнем Востоке и был здесь востребован в самое важное для страны время.

Он был офицером и в 1894 году переведён в Приамурский военный округ в 10-й Восточно-Сибирский линейный батальон, расквартированный в Хабаровске.

Командующий округом генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовский был человеком неординарным. Именно он организовал издание газеты «Приамурские ведомости». Именно он подвигнул Сильницкого на изучение истории освоения Приамурского края, охватывающего весь Дальний Восток России, командировал его на Чукотку и Камчатку, предоставил возможность работать в архивах Мариинска, Софийска, Николаевска, Владивостока, справедливо полагая, что без знания и понимания прошлого невозможно выстроить нормального будущего для своей страны.

Из своих поездок по Чукотке и Камчатке Антон Петрович привёз не только свежие

впечатления, но и боль, и тревогу за будущее тех людей, которые жили на далекой и всеми забытой и брошенной окраине русской земли. На основе этих материалов был написан очерк «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь». В 1897 году А.П. Сильницкого назначают главным редактором «Приамурских ведомостей», в 1901 году снова направляют в командировку на Камчатку, а в 1903 году в связи со смертью Петропавловского уездного начальника Петра Алексеевича Ошуркова, предложили эту должность Сильницкому, искренне полагая, что он сможет не только разобраться в проблемах Камчатки и причинах, их порождающих, но и кардинальным образом решить эти проблемы, будучи человеком решительным, принципиальным и отважным.

Во что это на самом деле вылилось, описано в романе В. Пикуля «Богатство», в котором Антон Петрович Сильницкий представлен в образе Андрея Петровича Соломина.

Он с маху попытался разрубить гордиев узел камчатских проблем.

Первая проблема — поголовное пьянство — была разрешена закрытием трактиров.

Вторая проблема — нажива на ясачной пушнине — была решена на основе аукционов, вмиг поднявших на порядок цены на казённые и частные меха.

Решение третьей проблемы — традиционной для России коррупционной поруки — обернулось для него бумерангом: местная элита единодушно признала его сумасшедшим, а окружной врач В.Н. Тюшов утвердил этот общественный диагноз и отправил соответствующую бумагу по инстанции...

Но вслед за радостными воплями о победе над неразумным уездным начальником пришло и похмельное отрезвление: в конце апреля на Камчатку по зимнему тракту (на нартовых собаках из Хабаровска через Охотск – Гижигу – Тигиль) поступило сообщение о начале Русско-японской войны.

Ситуация для Камчатки была критичной: уже в 1903 году японские браконьер-

ские («хищнические», как говорили тогда) шхуны не боялись появляться в Авачинской бухте, а попытка уездного начальника Ошуркова запретить хищнический промысел на Западной Камчатке чуть не закончился для него трагически (в 1906 году японцы уже не побоятся и убьют первых инспекторов рыбнадзора — Максима Сотникова и Македона Ворошилова вместе с сопровождавшими их жителями села Воровское).

Первыми опомнились самые трезвомыслящие — камчатские купцы. Именно они заговорили о создании народного ополчения и своей готовности обмундировать и накормить ополченцев. Оружия на Камчатке хватало. И не только своего. В честь 200-летия присоединения Камчатки к России её снабдили большим количеством списанных с вооружения винтовок Бердана и патронов к ним.

И вот тогда Антон Петрович отдал приказ, который в трудах отечественных наших историков обсуждается и по сей день. И не только обсуждается, но и осуждается – пленных не брать, враг должен быть уничтожен.

А у японцев был готов свой хитроумный план. Так как Камчатку по международному праву нельзя было оккупировать (здесь не было никаких войск), то японцы задумали хитрость,

Хабаровская переписная комиссия первой всероссийской переписи населения 1897 года. Крайний слева в верхнем ряду А.П. Сильницкий

которая у них при ином раскладе могла бы и дать реальный результат. Дело в том, что мы не только продали США Аляску в 1867 году. В 1875 году в обмен на Южный Сахалин мы уступили японцам Курильские острова (заблокировав таким образом самим себе выход в океан). Но суть не в этом. Согласно этому обмену жители Курильских островов (айну или курилы) становились подданными японского императора. Но жители Шумшу и Парамушира не захотели переходить в подданство Японии и в течение 1875–1878 годов перебрались на Камчатку — в частности в сёла Явино и Голыгино. И хитрость японская заключалась в том, чтобы высадить на полуострове десант из отставных унтер-офицеров для «освобождения» подданных микадо. Летом 1904 года в устье реки Озерной этот десант был высажен. В селе Явино командир японского отряда Сечу Гундзи оставил историческую память — доску с надписью «эта земля уже принадлежит Японии...». А перед этой высадкой японцы заблаговременно произвели разведку и решили, что летом на помощь явинцам и голыгинцам никто прийти не сможет: в это время всё население занимается заготовкой рыбы, связи между селениями нет, мужчин в сёлах всего по несколько десятков, так что отряд из 150 отборных отставников пройдёт сквозь Камчатку, как нож сквозь кусок масла...

Японцы не учли главного: на Камчатке был «сумасшедший» — волевой, упрямый, честный патриот своего Отечества, который уже отдал приказ на уничтожение, создал народное ополчение, вооружил, обмундировал людей, обеспечил их продовольствием и надёжными командирами...

Десант бежал к месту своей прежней дислокации — на Курилы. Хищнические шхуны уничтожались вместе с их экипажами. На всех важнейших участках восточного и западного побережья Камчатки были выставлены боевые посты.

А бумага о сумасшествии уездного начальника жила своей жизнью. И прибывший в Петропавловск Командорский уездный начальник Гребницкий, мечтавший о японском протекторате, вывез Сильницкого на материк для медицинского освидетельствования, разогнал народные дружины и оставил на исполнении должности уездного начальника человека, ориентированного, как и он сам, на японский протекторат.

Но случилось непредвиденное: из столицы от государя царя-батюшки Гребницкий (который разогнал ополчение!!!) привез Георгиевские кресты и серебряные медали «За усердие». Царь Николай II оценил по достоинству тот народный подвиг, в результате которого Камчатка осталась за Россией — что было единственной и бесспорной

победой России в этой повсеместно позорно проигранной войне.

Сильницкий вернулся в 1905 году на Камчатку, но уже не в должности уездного начальника — ему нашли замену.

Он работал в «Приамурских ведомостях», потом создал частную газету, критикующую правительство, за что был даже арестован, потом был избран гласным городской Думы в Хабаровске, а в 1910 году его уже не стало.

Он написал статью об обороне Камчатки в Русско-японскую войну, которую перепечатали многие газеты. Но многие сегодняшние историки, с упоением говоря о падении Порт-Артура, гибели «Варяга», Цусимской трагедии, даже НЕ ВЕДАЮТ, что благодаря мужеству жителей полуострова Камчатка была сохранена за Россией... Они говорят: «Была за Россией... Осталась за Россией... Вроде как ничего и не произошло...»

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Продажа в 1867 году Аляски Северным Соединённым Штатам Америки (США), а в преддверии этого вывод военного гарнизона с Камчатки, обусловил появление американцев в водах Северной Пацифики.

В 1846 году в состав Соединённых Штатов вошёл Орегон, в 1847 году — Калифорния и США получили выход к Тихому океану.

Крупнейшим торговым и одним из старейших городов Соединённых Штатов был Бостон. Он был основан в 1630 году пуританскими колонистами (английскими протестантами, не признающими официальную церковь) Массачусетской колонии на полуострове Шомут.

Впоследствии именно в Бостоне не признали и власть английской короны. Первое событие, которое легло в основу сопротивления и будущей Американской революции, получило название «Бостонского чаепития», когда в ответ на новое налогообложение английской администрации жители Бостона выбросили в море груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индской компании.

«Парламент отреагировал на события в Бостоне отменой местного самоуправления в провинции Массачусетс-Бэй. Жители всех тринадцати колоний, в свою очередь, ответили на этот закон дополнительными акциями протеста и созывом Первого Континентального конгресса, который ходатайствовал перед британским монархом об отмене закона и санкционировал новые акции протеста. Кризис обострился и к 1775 году вылился в освободительную войну».

Свобода Соединённых Штатов принесла Бостону всемирную славу как крупнейшему торговому городу на побережье Атлантического океана.

Первой «ласточкой» в торговых отношениях России и США был договор, заключённый губернатором Камчатской области В.С. Завойко с американским купцом из Бостона У. Бордменом на поставку для Петропавловского гарнизона муки. 21 октября 1851 г. в Авачинскую бухту пришёл пароход «Нобль», на борту которого было 2 тысячи пудов муки и 100 пудов пушечного пороха.

Камчатские купцы, которые везли товары на полуостров через всю Сибирь, не могли покрыть свои расходы, когда вступили в конкурентные отношения с американскими купцами. Те доставляли товары гораздо раньше русских, которые везли их из Охотска и продавали по очень высокой цене, товар по качеству был выше и пользовался большим спросом.

В.С. Завойко попытался предоставить дополнительные льготы камчатскому купцу Михаилу Сахарову, предлагая правительству поставлять продовольствие на Камчатку судами Российско-Американской компании, но дирекция РАК отказалась заниматься такой «мелочёвкой», не приносящей компании серьёзной выгоды.

В итоге на Камчатке правительством России была введена беспошлинная торговля иностранными товарами.

«Осенью 1857 г. Камчатку посетил первый официально назначенный Вашингтонском дипломат, который должен был защищать интересы американских граждан на Дальнем Востоке России, коммерческий агент Перри М. Коллинз, энергичный предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско. 23 сентября американский барк „Беринг“, принадлежавший бостонской фирме „Бордмен энд К°“, бросил якорь в бухте Петропавловска».

Бостонские купцы очень быстро освоились на российском Дальнем Востоке, а с уходом военных с Камчатки заняли здесь все ключевые позиции по снабжению полуострова продовольствием и торговле пушниной. Затем, с приобретением Калифорнии, потомки этих купцов обосновались в Сан-Франциско.

Иностранцы не имели права торговать на территории полуострова (за исключением Тигиля), поэтому повсеместно действовали их русские приказчики, а впоследствии и сами американцы, вступая в брачные отношения с уроженками Камчатки, занимались торговлей через своих детей, имеющих российское гражданство.

Дело доходило до того, что американцы на Камчатке занимали ответственные административные посты — так купец первой гильдии Эдмунд Турович Сандалин (ум. в 1896 г.) был избран городским старостой Петропавловского порта и был им в 1874–1888 годах. За свою добросовестную службу на этом посту он был удостоен от правительства России серебряной медали «За усердие».

Но одним из первых американцев, обосновавшихся в Петропавловском порту, был капитан торгового флота из Бостона Вильям Толман, который в 1813 году женился на Дарье — дочери командира Тигильской крепости Егора Кекенова (Кикенова) и остался на Камчатке, обзаведясь большой семьей, пустившей впоследствии ростки по всей Камчатке (кроме дочери Марии, которая выехала в Америку, где и сегодня проживают её потомки).

В 1854 году сын Вильяма петропавловский мещанин Николай Васильевич Толман (1828) был участником обороны Петропавловского порта и

награждён памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте, которой награждались только непосредственные участники сражения.

В 2009 году на семейный сход Толман собралось в селе Мильково, где укоренилась одна из ветвей этого рода, более 500 членов этой огромной камчатской семьи, породнившейся со всей старожильской и коренной Камчаткой.

Американская история происхождения той или иной фамилии не миновала и нашу собственную семью. В главе «Ишим, деревня Сладкая (Сладчанка)» я рассказываю об истории появления на Камчатке нашей ро-

Иван Михайлович Толман (1889 г. р.) с сыновьями: Иваном, Спиридоном, Валентином, Павлом

довой фамилии. На самом деле непосредственное отношение к фамильному роду Вахриных имеет только младший брат моего отца — Владимир Григорьевич и его потомки. Он родной сын Григория Павловича Вахрина. А мой отец — Иван Григорьевич и его старший брат — Пётр Григорьевич были усыновлены Григорием Павловичем Вахриным, уроженцем ишимской земли.

Старший брат отца был сыном устькамчатского казака Александра Александровича Полякова.

А вот что касается происхождения моего отца, то здесь долгие годы была тайна, которая и сегодня раскрыта только частично.

В семье эта тема была «табу» — запретной. Я полагал, что всё это связано с репрессиями 1930-х годов, стувившими Григория Павловича Вахрина, бывшего солдата армии генерала Каппеля.

Но однажды в воспоминаниях двоюродной сестры моего старшего дяди Екатерины Константиновны Радионовой (Портнягиной) промелькнула информация, что моим родным дедом был некий Иван, который был арестован за контрабанду и, по всей видимости, как предполагала рассказчица, был расстрелян, ибо дальнейшая судьба его неизвестна.

Отец родился 18 апреля 1927 года.

В 2017 году, в год девяностолетия Ивана Григорьевича Вахрина, неожиданно была приподнята завеса над тайной его происхождения. В этот год на Камчатку прибыла международная этногеномическая экспедиция, которую возглавлял немецкий учёный доктор Т. Кран, и я, как и многие мои земляки, прошёл тестирование.

И вот результат: «Гаплотип Сергея Вахрина из субклада R1b-U106+ по происхождению западноевропейский, родственными фамилиями к Вахриным являются Гюнтеры (Gunter; North and South Carolina, USA), Батлеры (Butler; Poultney, Vermont, USA), Буггаард (Boogaard; Goudswaard, Netherlands), Фаенза (Faenza), Корнинги (Corning; Shelfanger, Norfolk, England), Дотсоны (Dotson), Тайлоры (Taylor, Sussex, England), Лингберги (Lindberg, Skellefteå, Sweden), Шелтоны (Shelton), Уайтфильды (Whitfield), Доббсы (Dobbs, State of Georgia, USA), Вюрттемберги (Lower Württemberg / Wurttemberg, Germany), Ричесоны (Richeson, Montgomery County, Virginia, America), Кинсманы (Kinsman, Cornwall, England), Хамильтоны (Hamilton, Sachsen (Provinz) / Saxony (Prussian Province), Germany), Вахи (Vaughn, Tretower, Wales) и т. д. Итого около 123 фамилий, это только самых близких родственников, все они западноевропейского происхождения».

Читаем дальше: «Особенный интерес, как родственник к Вахриним, представляет клан Джона Гюнтера. Джон Гюнтер (1722–1784) торговый мореплаватель, немец по происхождению, семья которого с XVIII века проживала в США. Потомки Джона Гюнтера сообщили о себе следующее.

Джон Гюнтер (1722–1784) основал компанию в США, в штате Вирджиния, под названием Jones Co., в частности Гюнтеры торговали кофе. Впоследствии компания несколько раз меняла название. Отцом Джона Гюнтера, вероятно, был Томас.

Дети Джона Гюнтера: Джошуа, Джон, Люси, Ишэм, Томас, Ричард, Сэмюэль, Мэри, Чарльз, Уили, Нэнси. Джон Гюнтер умер в 1784 г. в штате Северная Каролина, США».

Как выяснилось — это огромный купеческий клан, который был рассредоточен на огромном торгово-географическом пространстве, представляя интересы семьи в разных регионах.

В том числе и в России. В том числе и на Камчатке.

В 1887 году в возрасте 59 лет в Петропавловском порту умер гражданин САСШ, купец первой гильдии, проживающий и торгующий на Камчатке, Эдуард Иероним Александр Хунтер (1827).

На руках у его жены Екатерины Яковлевны (в девичестве Ивановой, дочери петро-

павловского мещанина) — в тот год остался пятилетний сын Владимир (1882).

Старшая дочь — Екатерина Эдуардовна в 1888 году вышла замуж также за гражданина САСШ Николая Николаевича Грея.

Далее следы этой фамилии обрывались...

И снова совершенно неожиданно при изучении родословной камчатской купеческой фамилии Ворошиловых, я натолкнулся на исходное: Екатерина Ивановна Хунтер (1927–1987).

Год рождения точно такой же, как и у моего отца.

Появление Ивана Владимировича в Усть-Камчатке и соседнем с ним селе Николаевка, основанном в том числе и моим прадедом Демьяном Хомченко, встреча с моей бабушкой Ульяной Демьяновной, последующий его арест за контрабанду приобретает в таком случае вполне реальный смысл — семья Хунтер продолжала заниматься скупкой камчатской пушнины, а бассейн реки Камчатки — один из богатейших промысловых районов полуострова. Кроме того, сюда возможен заход торгового судна через устье реки Камчатки.

Вот такая прорисовалась история. Ещё очень зыбкая. Но вполне возможная. И главное, объяснимая.

И совершенно не похожая на ту, что предположили исследователи: «Как версия, можно

высказать предположение, что во время одного из бедствий на корабле (голод, шторм, болезни и т. д.) мореплаватели Гюнтеры во избежание смерти детей, возможно, оставили на Камчатке одного из своих малолетних сыновей, от него впоследствии и появился род Вахриных в Усть-Камчатском. В пользу этой версии указывает тот факт, что Гюнтеры в своей генеалогии упоминают, что на корабле их предков были случаи смерти их детей. Дословно, цитата: „D. aft. 1850 AL Children: Fair, Israel, Jacob, Joshua, Patrick ?, three unknown daughters Fair Gunter b. abt. 1808 Lexington Co., SC, died aft...“, конец цитаты. То есть, исходя из этого упоминания, можно сделать вывод, что Гюнтеры иногда брали с собой в море своих малолетних детей».

Хотя надо признать, что и их версия имела место быть — рассказывают, что в старину в Усть-Камчатске жил негр — вполне вероятно, что могла повториться история четырёх членов экипажа китобойного судна, которые в своё время сбежали с него и проживали некоторое время на Камчатке, пока их не вывезли в 1854 году на Гавайские острова.

Такие случаи повторялись и позже — например, на западном побережье полуострова долгое время жил швед из США, сбежавший с рыболовного судна, Северин Карлович Карльссон, участник Русско-япон-

ской войны на Камчатке, награжденный за свои подвиги Георгиевским крестом.

А в 1912 году в Петропавловске родился Георгий Иванович Джонсон, отцом которого тоже был швед из Америки.

Судьба семьи и Карлссона, и Джонсона была примерно одинаковой.

Джонсон в августе 1939 года приговорён по статье 58-10, ч. 1 к 8 годам заключения в Гулаге с поражением в правах на три года.

Сын Карльссона (сам Северин Карлович умер в 1932 году) — Александр Северинович без предъявления обвинения расстрелян 22 августа 1938 года. Его сестра Ксения Севериновна Лазебная (Карльссон) вместе со всей своей семьёй выслана с Камчатки куда-то на Урал.

Поэтому неудивительно, что и следы Ивана Владимировича Хунтера затерялись где-то на этапе...

Как вполне понятно и то, почему так тщательно скрывала впоследствии бабушка — Ульяна Демьяновна, и без того жена «врага народа», правду о рождении моего отца...

СОЛИКАМСК

В 1651 году якутские казаки задержали за незаконную охоту покрученника соликамских купцов Колупаевых промышлен-

ного человека Владимира Тимофеева Отласа, также уроженца Усолья Камского.

В своё время Соль Камская давала половину всей соли России. Но с конца 17-го столетия, когда были установлены торговые отношения с Китаем, Соликамск, через который шли торговые пути, стал крупнейшим торгово-промышленным центром региона. И соответственно, торговля пушницей представляла для Соликамска несомненную ценность.

В итоге Владимир Тимофеевич Отлас стал служивым. Долгое время считалось, что он получил свое прозвище из любви к атласным тканям. Но историк Г. Леонтьева нашла более оригинальное объяснение: «На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье „отласами“ называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море».

И этот образ становится актуальным, когда узнаёшь, что Владимир Тимофеевич Отлас, рядовой казак, числившийся по холостому окладу, умудрился за 30 лет своей казачьей службы (он умер в 1682 году) побывать в Москве (куда, как правило, отправлялись за наградами те, кто открыл новые земли или собрал огромный яsak) пять

раз — в 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678 годах.

При этом документально установлено, что он только один раз выезжал на дальнюю службу в Охотский острог.

Каждая такая поездка приводила к рождению нового сына, которые появляются в Якутске перед смертью отца и записываются в казаки — кстати, Владимир Владимирович был сразу же записан в женатый оклад, то есть прибыл в Якутск уже с женой Степанидой, которая была потом с ним и на Камчатке. В казаки были записаны также братья Иван и Григорий Атласовы.

Молодой и грамотный казак в первый в своей жизни поход пошёл подъячим (писарем) — то есть вторым официальным лицом. И ему сразу же выпала доля «ушника» — воеводского соглядатая и доносчика, за что он сначала быстро продвинулся по службе, но потом «заворовал». Цитирую Г. Леонтьеву (книга «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»), чтобы не быть голословным: «В декабре 1688 года на Атласова поступили жалобы со стороны якутов. Один из них, Коптачко Сырганов из Сылянской волости, бил челом на казаков Михаила Гребенщикова, на Владимира Атласова... в том, что они во время ясачного сбора избивали и ограбили его, Сырганова, и его родственников. Тогда же в якутскую

приказную избу поступила ещё одна жалоба от якутов Сетей Немнякова, Тетия и Бакучела Мостониных да Бочко Някина об их ограблении всё теми же ясачными сборщиками Гребенщиковым и Атласовым».

Приговор был конкретен: «По указу великих государей и по челобитью иноземческому, казакам Володьке и Мишке за воровство их и озорничество и за бой и за увечья и за разорение учинить наказание: Володьку бить кнутом на козле нещадно...».

В итоге на своё «счастье-несчастье» Владимир Атласов оказался на службе в Анадырском остроге, где снова показал свой нрав и был снова нещадно бит кнутом — за ложное «Слово и Дело» (то есть объявленное им преступление против престола) в отношении анадырского приказчика Семёна Чернышевского.

А после, воспользовавшись результатами походов на Камчатку Ивана Васильевича Голыгина и Луки Старицына Мороски, совершил и свой поход, войдя в мировую историю.

А по пути ограбил коряков, которые объявили ему войну.

Возвращаясь из Москвы, куда был послан с вестью об открытой им новой российской земле, богатой пушниной, ограбил купеческие дощаники и был посажен в якутскую тюрьму, откуда был выпущен, чтобы

вновь отправить его на Камчатку, путь на которую перекрывали воинственные коряки и чукчи.

На Камчатке он начал активные боевые действия, которые привели к разгрому казачьих гарнизонов: был полностью уничтожен Большерецкий острог, а на юге Камчатки авачинские камчадалы разгромили казачий отряд, на западном побережье были убиты сборщики ясака...

Тогда казачий круг Верхнекамчатского острога постановил сместить Атласова с приказа и посадить его в «казёнку» (тюрьму), откуда ему удалось бежать в Нижнекамчатский острог. Всё его огромное имущество из соболей и морских бобров было конфисковано в казну.

А в 1711 году в ходе следствия по отстранению от власти Атласова, который проводил новый камчатский приказчик Осип Миронович Липин, вымогавший под видом следствия, в том числе через пытки и батоги, пушнину у казаков-старожилов, вспыхнул новый бунт, в результате которого были убиты три камчатских приказчика — Осип Липин, Владимир Атласов и Пётр Чириков — последнего убили как опасного свидетеля. Чтобы заслужить прощение, взбунтовавшиеся казаки восстановили Большерецкий острог и начали освоение Курильских островов — и весьма символически остров-вул-

кан Алаид — первый в гирлянде этого архипелага — носит сегодня имя Атласова.

Мы рассказали эту историю вовсе не для того, чтобы опорочить имя знаменитого землепроходца. Его имя бессмертно в истории Земли. А для того, чтобы создать подлинную картину того, как создавалась эта история, какими мотивами руководствовались тогда люди, творя эту историю, и какие уроки мы, потомки, должны извлечь сегодня из истории нашей малой Родины...

В 1854 году два брата — Иван и Степан Семёновичи — Атласовы, прямые потомки Владимира Владимировича участвуют в обороне Петропавловского порта. Степану Семёновичу в тот год было всего 10 лет, но он был кантонистом (юнгой) и наравне со взрослыми участвовал в сражении, помогая артиллеристам остужать стволы орудий. Впоследствии Степан Семёнович был награждён памятной медалью за Крымскую кампанию на Георгиевской ленте, которой награждались только непосредственные участники сражения.

Степан Семёнович Атласов закончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище и долгое время служил на Тихоокеанском флоте, участвовал в многочисленных походах, в память о которых один из мысов Приморья носит имя Атласова.

Но продолжим наш рассказ о Соликамске.

Василий Николаевич Берх — историк российского флота и морских путешествий назвал счастливейшим из российских аргонавтов соликамского купца Ивана Саввича Лапина, награждённого по воле императрицы Екатерины II золотой медалью «За полезные обществу труды».

20 апреля 1767 года купцы-промышленники: великоустюжский — Василий Шилов и соликамский — Иван Лапин награждены за четырёхлетний вояж к дальним Алеутским островам для изыскания сведений и открытия новых земель на судне «Святой Павел». Шилов начертил новую карту Алеутской гряды, затем через всю Сибирь доставил в Петербург «алеута в одежде из птичьих шкур» и там лично давал сведения Адмиралтейств-коллегии о новых землях. Екатерина II подписала указ управляющему «Собственным её величества кабинетом» А.В. Олсуфьеву: «Адам Васильевич! Дайте из Кабинета Великоустюжскому купцу Василью Иванову сыну Шиллову, да соликамскому купцу Ивану Лапину, за усердие их о взыскании за Камчаткою новых островов, каждому по золотой медали, каковые и в 1764 году таковой же компании даны, а как Лапина здесь нет, то для отдачи ему, отдайте оную Шиллову».

Иван Саввич Лапин (1740 – 25.09.1820), купец первой гильдии, впоследствии бургомистр городского магистрата, глава Со-

ликамской городской думы, был награждён также за благотворительную и подвижническую деятельность золотой медалью на Аннинской ленте во времена императора Александра I: он на свои средства, заработанные в Русской Америке, построил в Соликамске двухэтажный дом и передал его городу, чтобы создать здесь Дом для престарелых. А умер Иван Саввич бедным человеком, «именитым гражданином» Соликамска.

У соликамского купца Петра Ивановича Лапина и его жены Дарьи Сергеевны были сыновья Герасим и Савва.

Сын Герасима — Василий Герасимович Лапин — тоже занимался пушным промыслом в Русской Америке, а потом перебрался на жительство в Пермь. Вот что рассказывают о нём местные краеведы: «Как-то во время деловой поездки по Тихому океану Василий Лапин попал в шторм и чуть не погиб, но выбрался на находившийся неподалёку необитаемый остров. Казалось, спасения не будет. Лапин начал неистово молиться Пресвятой Богородице, и свершилось чудо: проходивший мимо корабль подобрал его. Благодарный купец дал обет построить церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери. В октябре 1787 года он получил разрешение на постройку в Перми на собственные средства Владимирской церкви, которая стала вторым церковным каменным зданием

Памятник соли, Соликамск

в истории Перми. Позднее она была переименована в церковь Рождества Богородицы».

СУЗДАЛЬ

Суздаль — это сердце России. Именно здесь, в Залесье, в плодородном чернозёмном Ополье, семя русской национальной идеи дало свои первые всходы...

Само название города обращено к будущему — и обозначает либо «създать» — создавать, либо «зизжду» — созидаю.

С рождения этого города начинается летоисчисление России.

И русский мир — сложный, многогранный, необычный, энергетически необъемлемый и духовно необъятный — зарождается именно в этих дремучих лесах с крошечным Опольем (30 км с севера на юг и 70 км с запада на восток).

Приняв римскую корону и влившись в католический мир Западной Европы, православное Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, простиравшее свои территории от Чёрного моря до моря Балтийского, исчезло как государственное образование.

А крошечное Ростово-Суздальское княжество, наоборот, превратилось в мощнейшее государство — в Русскую империю, тер-

риторию которого омывают двенадцать морей трёх из четырёх существующих на Земле океанов.

В последующем, при возвышении города Владимира и переноса резиденции митрополита из Киева во Владимир-на-Клязьме (1299), Суздаль начинает играть всё более и более второстепенные роли, а с возвышением Москвы он входит в 1392 году в состав Великого княжества Московского уже на правах рядового города, на который к тому же начали обрушиваться многочисленные несчастья. Возможно, ещё и по этой причине Суздаль становится центром монастырского строительства — духовной столицей России.

В 1445 году после Суздальской битвы, в результате которой к татарам попал в плен великий князь Василий II, город был разграблен.

В 1608–1610 годах польско-литовские войска практически уничтожили город — после них осталось в целости всего 78 дворов.

В 1634 году город разграблен крымскими татарами.

В 1644 году пожар уничтожил практически весь посад.

В 1654–1655 годах моровая язва унесла жизни половины населения города, хотя численность Суздаля на тот период была всего-то 2467 человек.

Вероятно, всем этим и объясняется тот факт, что в истории Сибири и Дальнего Востока присутствие суздальцев не обозначено столь ярко, как, например, участие в освоении этой земли уроженцев Великого Устюга, Вологды или Тотьмы.

И в период освоения Алеутских островов и Аляски мы видим суздальцев, как правило, в числе рядовых участников событий.

Но есть человек, родившийся в селе Остафьево Суздальского уезда Владимирской губернии, который оставил и исторический, и фамильный след не только на Камчатке, но и на Дальнем Востоке в целом.

Я пока не буду называть его имя. И для этого у меня есть особые причины.

А пока расскажу о том, что он совершил.

Он родился в 1698 году в семье суздальского помещика. В 1721 году поступил в Московскую школу математических и навигацких наук, затем был переведён в Академию Морской гвардии в Санкт-Петербург.

В 1734 году по личной просьбе определён во Вторую Камчатскую экспедицию. Был адъютантом у капитан-командора Витуса Беринга.

В 1738 году произведён в чин штурмана.

А вот далее начинаются некоторые «непонятки» — первостроителем города Петропавловска считается штурман мичманского ранга Иван Фомич Елагин, хотя известно,

что на Камчатку 29 сентября 1739 года были отправлены два морских офицера — Иван Елагин и наш (пока безымянный) герой. Именно они, ОБА, должны были выбрать место для базирования Второй Камчатской экспедиции.

Первоначально предполагалось, что как и Первая, так и Вторая Камчатская экспедиции местом своего базирования изберет обжитый, уютный и знакомый (не по месту — он к этому времени был уже перенесён ниже по течению, а по лицам — здесь изменения были незначительными) Нижнекамчатский острог.

Но наш герой пришёл к неутешительному выводу, что устье реки Камчатки не подходит для судов типа пакетботов: «по ево мере глубиною семь с половиной футов», и потому местом для базирования была избрана Ниакина гавань Авачинской бухты, где проживали авачинские камчадалы во главе со своим тойоном (вождём) Ниакой, впоследствии получившей название Петропавловской гавани, давшей название и самому порту, и городу. Ни вблизи Ниакиной гавани, ни в дали от неё не существовало в то время ни одного русского поселения. Разумеется, не было и никакой дороги, связывающей это место с административными центрами Камчатки того времени — Большерецким, Верхнекамчатским и тем более Нижнекамчатским острогом.

То есть судьбу будущего Петропавловска предначертал наш герой.

Но об этом в истории, как правило, ни слова... Как и том, что он наравне с И.Ф. Елагиным осуществлял строительство Петропавловска. О нём даже не вспоминают, когда отмечают очередной юбилей города.

В 1742 году он в составе Южной экспедиции М. Шпанберга высадился на острове Хоккайдо и исследовал его.

В 1743–1744 годах под его началом была произведена глазомерная съёмка северной части Охотского моря — от Охотска до Гижигинской губы (1 500 км), а затем часть западнокамчатского побережья от реки Кахтаны до устья реки Большой (600 км).

После расформирования Второй Камчатской экспедиции 25 сентября 1743 года служил в Тобольске и в Томске.

В Охотск вернулся в 1752 году начальником морской части Охотского порта.

В 1753 году, командуя судном «Святой Иоанн Креститель», потерпел кораблекрушение и оказался вне службы под следствием.

А вот теперь главное: «В начале 1755 года губернатор Сибири генерал-поручик В.А. Мятлев предписал находившемуся в Охотске штурману подготовить из числа учеников Охотской школы 10 человек „так, чтобы они, будучи в обучении, могли для надобных здесь к мореплаванию служите-

лей вступить в навигацкия науки“». Во второй половине 1756 года, после получения необходимых учебников и инвентаря, народная школа была реорганизована в Охотскую навигацкую школу.

Вот с этого времени и начинается реальная, а не надуманная история Охотского – Петропавловского – Николаевск-на-Амуре – Владивостокского штурманского (навигационного, мореходного — называли по-разному) училища, подготовившего тысячи и тысячи моряков, чьими именами прославлен Тихоокеанский флот.

И последний штрих — после убийства большемерецкими бунтовщиками командира Камчатки капитана Нилова начальником Камчатки в 1771 году был назначен наш герой, который был уже в отставке и служил в Охотской портовой конторе. Он же и производил и первые следственные действия по бунту.

Почему я до сих пор не назвал имени этого суздальца?

Потому что он вошёл в мировую историю совершенно по иной причине — как притеснитель, гонитель и губитель великого немецкого учёного Георга Вильгельма Стеллера, написавшего на него некий донос...

Правда, из истории выброшено главное звено — донос (если пользоваться современной лексикой) первым написал Георг

Вильгельм Стеллер, который, собственно, и создал конфликтную ситуацию, о которой мы расскажем чуть ниже.

А командир Большерецкого острога в своё оправдание, как и положено, написал на этот донос соответствующий рапорт, в котором изложил суть и причины конфликта и в свою очередь «обвинил Стеллера в том, что он подстрекал туземцев к восстанию, самовольно, никого не спросив, отпустил камчадалов, главных зачинщиков бунта против русских».

Что же произошло?

Наши современники, почему-то взявшие на себя моральную ответственность за русскую колонизацию Сибири и Дальнего Востока и не шибко разбираясь в том, что же происходило в ту пору на самом деле, порой создают мифы на пустом месте.

Одним из таких мифов является и «благородный», на их взгляд, поступок Стеллера, когда он не только выпустил из большерецкой «казёнки» бунтарей-камчадалов, убивших казаков, собиравших ясак, но ещё и снабдивший их... порохом.

Владимир Бахмутов Красноярский в своём очерке «Стеллер — трагедия русской истории», который мы цитировали и выше и который я рекомендую для ознакомления, обращает наше внимание ещё на один очень важный факт: Стеллер был сыном своего вре-

мени и своего немецкого народа, не оставляющего на захваченной им территории живых аборигенов, поэтому он мыслил весьма прагматично: «Вот что предлагал Стеллер Сенату: „Надлежит, по моему мнению, ...чюкоцкой народ искоренить, хотя не весь, но только стариков и тех, которые ружьё носить могут, чтоб сей непокорливой народ о российских людях лучшее мнение имел“».

Обстановка в этот период на Камчатке была крайне напряжённой: авачинские камчадалы, самые воинственные из всех аборигенов Камчатки, были крайне недовольны появлением русского поселения на берегу Авачинской бухты и русские (по приказу Беринга) силою оружия сдерживали это недовольство, в этот же период назревало и восстание на восточном побережье Камчатки, которое возглавит в 1746 году Алексей Лазуков — толмач Второй Камчатской экспедиции, зимовавший вместе со Стеллером на острове Беринга. И действия Стеллера в этих условиях выходят за какие-либо рамки дозволенного. Даже по меркам нашего «добродетельного» времени.

Но... рапорту (именуемому ныне доносом) командира Большерецкого острога в Иркутске не был дан ход.

Иностранца отпустили с миром.

И его дальнейшие злоключения, в том числе и ранняя смерть, были связаны во-

все даже не с камчатскими событиями, которые использовались только для отвода глаз, — появления великого ученого Георга Вильгельма Стеллера боялись в Санкт-Петербургской академии наук те самые его соотечественники академики Гмелин и Миллер, с которыми он не ладил в Сибири, не считаясь с их академическим рангом, от которого за версту несло невежеством... Но это совершенно другая тема.

А мы представляем нашего героя — это Василий Андреевич Хметевский из древнего русского дворянского рода: «Восходит к первой половине XVI века. Иван и Владимир Тимофеевичи Хметевские по указу царя Ивана IV Васильевича были „испещены (1550) в московских местах в числе тысячи лучших боярских детей“».

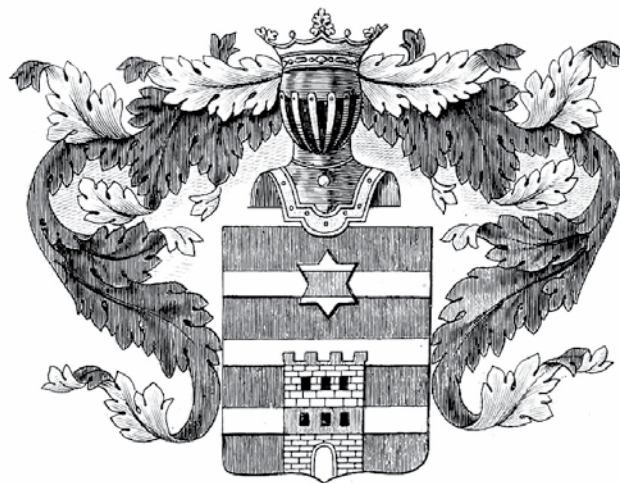
Их герб: «В щите, имеющем красное поле, горизонтально изображены три серебряные полосы, из которых на верхней видна звезда и под ней нижних двух полосах крепость с четырьмя зубцами, переменяющиеся, как звезда, так и крепость, вид свой на краске в серебро, а на полосах в красный цвет. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нём короной. Намёт на щите красный, подложен серебром».

И я надеюсь, что хотя бы в Суздале — в сердце нашей Родины, хранят добрую па-

мять об этом человеке, достойном сыне своего Отечества.

На Дальнем Востоке его именем назван полуостров на побережье Охотского моря.

А на Камчатке при крещении эта фамилия по духовному наследству перешла к камчадалам — правда, в XX веке по неизвестной нам причине первая буква выпала из фамилии, но в форме Метевские или Митевские она продолжает жить...

СУРГУТ

Основан в 1594 году как пограничный город, но в связи со стремительным движением казачества на восток быстро потерял это своё значение, и его довольно крупный

для того времени (280 служилых людей) гарнизон рассредоточился по другим стратегически более важным военным постам — зимовьям, острогам, городам.

Именно отсюда, из Сургута, казаки Перфильевы (Перфириевы) начали активно осваивать сибирские просторы — и среди них особое место занимал Максим Перфильев, которого в 1618 году отправили с отрядом казаков строить новый острог на Енисее.

Местнический принцип — когда сыновьям и внукам по наследству доставалось не только имущество, но и должности и заслуги отцов и дедов, в Сибири существовало повсеместно. И поэтому нет ничего удивительного в том, что и через столетие потомки Максима перечисляют заслуги своего деда, чтобы самим получить должность в соответствии с этими заслугами:

«Отписка сибирского служилого человека Перфириева о службах его предков в Сибири с 1600 по 1697 г. Во 108 (1600) году по государеву указу посланы в Мангазею из Тобольска письменной голова князь Мирон Шаховской да Данило Хрипунов с служилыми людьми, с ними прадед мой Максим Перфириев атаманом. А велено им в Мангазее поставить острог, а в Енисейску самоедь привести к вере, а на их место из Тобольска велено послать Фёдору Ивановичу Шере-

метьеву воеводу князь Василия Михайлова Масальского, да Луку Пушкина.

Во 126-м (1618) году при боярине и воеводах при князе Иване Семёновиче Куракине посланы из Тобольска пелымского города сын боярской Пётр Албычев да тобольской сотник стрелецкой Черкас Рукин, а велено им на Енисее поставить новой острог. И ис Тобольска посланы в Енисейской дети боярские Максим Трубчанинов, Михаиле Ушаков, Михайло Байкашин, Павел Хмелевской.

Первой воевода в Енисейску Яков Игнатьев сын Хрипунов во 130 (1622) году. И из Енисейска проведаль Байкал море прадед мой Максим Перфириев и служил по Енисейску в детех боярских многие годы.

Деда моево Ивана Перфириева службы: во 161 (1653) году на великой реке Шилке призвал князя Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей. Во 1660 году изменили от Брацкого и Балаганского острогов брацкие люди в мунгалы, а во 168 году всех призвал по прежнему в ясашной платёж. Во 171 и во 172 (1663–1664) годех призвал под Иркутской в ясашной платеж тунгуского князца Заяктая с родом и в Иркутску первую пашню завёл и пашенных поселил. А во 175 и во 176 (1667–1668) годех призвал из мунгал прежних изменников и вновь брацких людей

Тертеивского и Коннодворовского родов в ясашной платёж.

И во 175 же и во 183 (1675) годах посыпан з государевыми грамотами и з жалованьем к мунгальскому Калхе хану и Очирею Саину

Памятник в забайкальском селе

хану и к Батуру тайше для договору всякого мирного состоятельства и для проезду через их землю посланником и торговым людем в Китайское государство. И того ж 183 году пропущен был через договор торговой человек Гаврило Романов. А во 187 (1679) году погромили мунгальские люди под Тункинским брацких людей, а иных многих побили. И по договору Цецен ноен отдал назад юрт з девяносто.

А в 205 (1697) году по указу великого государя и по грамоте был в Ыркуцку с Николаем Полтевым судьёю в товарищах.

Служба Остафья Перфирьева.

Во 188 (1680) году был на службе из Енисейска в киргизах, на той службе изранен. В 196 (1688) году в Тункинском прибрал с немирных сосецких людей вновь соболей сорок. В Верхоленску во 197 и во 198 и в 201 и в 203 (1689–1690 и 1693–1694) годах собирал вновь с подростков ясаку соболей со сто. И во 200 (1692) году послан был за море в Нерчинск и в Албазин с казной оружейной, и с порохом и свинцом и с служилыми людьми.

Во 204 и 20 (1686–1687) году был в Ылимску на перемену стольнику Богдану Челищеву по государева грамоте и по московскому наказу. В 71 (1663) году в Верхнеангарском и в Нижнем Подкаменном зимовьях побили тунгусы иркуцких

служилых людей пятидесятника Андрея Штинникова с товарищи да баргузинских служилых людей Алексея Пономарева с товарищи, а побив их изменили, отшатились по сторонним рекам. И я тех тунгусов сыскал и призвал по прежнему в ясапшой платеж и аманатов с них взял, а пущих воров убойцов 4 человек поймав привез в Ыркуцк. И ныне с тех тунгусов ясак збирается по-прежнему».

В 1683 году Иван Максимович Перфильев стал иркутским сыном боярским. В этом нет ничего удивительного — формирование военных гарнизонов в Иркутском и Братском острогах, «за морем», то есть за Байкалом, шло в тот период из Енисейска.

В 1682 году Иркутск становится центром самостоятельного Иркутского воеводства, объединяющего все остроги Прибайкалья. В 1686 году ему присвоен статус города.

Дети боярские — это был высший административный служилый чин. Выше могло быть только уже дворянство — по местному или (что было значительно выше) по московскому списку.

И хотя Иван Максимович был в своё время Иркутским выборным воеводой, а Остафий Иванович — Илимским, в дворяне Перфильевы так и не попали.

Вопрос о дворянстве приобрёл принципиальное значение, когда в связи с обра-

зованием в 1909 году Камчатской области встал вопрос о назначении губернатора.

Вопрос был не просто важным — суперважным. По итогам Русско-японской войны 1904–1905 годов Камчатка де-юре принадлежала России, а де-факто — Японии, которая получила право на использование главного ресурса полуострова — её рыбных богатств и открыто готовилась к экономической экспансии. Отечественная рыбная промышленность, проклюнувшаяся в 1696 году в Усть-Камчатке, была не просто в зачаточном состоянии — всё её развитие целиком и полностью зависело от японского рыбного рынка, японских кредитов и японской рабочей силы...

Поэтому, хотя на должность камчатского губернатора претендовали многие желающие, нужен был человек не просто грамотный, не просто имеющий опыт административной работы, не просто служащий, исправно выполняющий начальственные директивы, а человек, мыслящий стратегически, способный на проведение экономических, социальных, политических, административных, культурных, образовательных, межнациональных и прочая, прочая реформ, так как на полуострове ни в одном из этих направлений, грубо говоря, ещё «конь не валялся»: Камчатка жила патриархальной жизнью середины 19-го сто-

летия, будучи полностью обеспеченной за счёт чрезвычайно выгодному товарообмену с Соединёнными Штатами, которые поставляли на полуостров за пушнину всё необходимое — и лес для постройки домов, и шкафы с зеркалами, и кровельное железо на крыши, и заморские продукты, и европейские костюмы и платья...

Генерал-губернатор Приморского края предложил на эту должность сына... казначьего урядника из Забайкалья Василия Власевича Перфильева (25 января 1865 — 25 июня 1914).

И ему мало кто тогда возражал.

Перфильев имел прекрасное образование — окончил физико-математический факультет Харьковского университета и курсы Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, в 1893 году прибыл в Хабаровск на должность врача, но в скором времени стал не только начальником госпиталя, но и делопроизводителем канцелярии генерал-губернатора, а затем и начальником его канцелярии, поражая окружающих умом, распорядительностью и знанием дела.

Я не буду перечислять то, что Перфильев успел сделать за три года своего пребывания на Камчатке. А успел он сделать много.

Главное в другом — всё, что он предвидел для дальнейшего развития области и изложил в своём проекте, было осуществ-

лено только в годы Советской власти. Сам Перфильев в связи с убийством выдающегося отечественного реформатора Петра Аркадьевича Столыпина, со смертью которого рушились и собственные планы по преобразованию Камчатки, подал в отставку. Её охотно поддержали... — в стране наступала реакция. А через два года Василия Власевича не стало.

Говорят, что на детях отцовский талант отдыхает. Но тут другой случай. Один из его сыновей — Борис Васильевич Перфильев (1891–1969), микробиолог, гидробиолог, лимнолог, доктор биологических наук, основоположник капиллярной микроскопии, был лауреатом Сталинской (1941) и Ленинской (1964) премий, выдающимся учёным XX века.

ТОМСК

В период до появления в 1638 году самостоятельного Якутского воеводства главным после Тобольска, сибирской столицы, городом на востоке России был Томск.

Необходимость строительства русского города-крепости была вызвана настоятельной просьбой князя эуштинских татар То-яна, прибывшего с посольством в Москву, защитить его народ от набегов енисейских кыргызов и калмыков.

Последовал указ царя Бориса: «...Бил нам челом Томские земли князек Тоян, что б нашему царьскому величеству его Тояна пожаловати, велети ему быти под нашею высокою рукою и велели бы в вотчине его в Томи поставити город... И мы... челобитие его милостливо выслушали и, пожаловав его высоким царским жалованием, велели отпустить в Сургут, а из Сургута в Томскую волость... а с ним послати наших служилых людей, сколько будет человек пригож, смотря по тамошнему делу... что б им тех мест и всяких угодий рассмотрети, и где на то городское дело имати лес, и сколь далеко, и на которой реке, и сколь велика река... и вперёд тут городу стоять мочно ль...»

Строили город казаки из Сургута, Тюмени и Тобольска.

По реке Томь, на которой он расположен, город и получил своё название. Построен он был в 1604 году.

Население его представляло смесь из различных городов и весей Руси (как называли в Сибири Россию до Урала): «По подсчетам лингвистов, русское население Томска в 1604–1650-х гг. состояло из 6 частей севернорусов, 2 частей среднерусов и 1 части южнорусов». Но не забывайте, что значительную часть сибиряков составляли ещё и ссыльные военнопленные — литвины, поляки, черкасы, немчины...

Томск был городом взрывоопасным — здесь нередкими были казачьи бунты, когда воеводскую власть сменял вольный казачий круг.

И поэтому совершенно неслучайно первый и самый крупный камчатский казачий бунт возглавил Данила Яковлев сын Анцыферов Томский, а в ближайшем его окружении были казаки Дмитрий Иванов сын Томский и Сергей Томский. Все трое участвовали в убийстве камчатских приказчиков, в том числе и Камчатского Ермака — Владимира Владимировича Атласова, а затем, искупая вину перед царём, в 1711 году ходили в морской поход открывать новые земли — Курильские острова, а в следующем 1712 году в походе на авачинских камчадалов, не желавших платить ясак, попали в западню и были заживо сожжены авачинцами.

Но фамилия эта для Дальнего Востока была неиссякаемой, помимо Дмитрия и Сергея, по данным на 1706 год, только в Якутском казачьем полку (не считая Красноярска и Енисейска, где были свои Томские) служили и другие томичи — Томский Степан Григорьевич (одиннадцатая пятидесятня), Томский Степан Мартынович (седьмая пятидесятня), Томский Семён (четырнадцатая пятидесятня), Томский Иван Корнилович (одиннадцатая пятидесятня), Томский Василий Григорьевич (четырнадцатая

пятидесятня) и его отец десятник Григорий Томский — в разное время приказчик Олонского и Верхоянского зимовья, а также Анадырского острога.

В 1854 году в победном приказе адмирала Василия Степановича Завойко о награждении наиболее отличившихся казаков и матросов знаком отличия военного ордена Святого Георгия Победоносца было названо и имя казачьего пятидесятника Камчатской казачьей команды Александра Никифоровича Томского: «Пятидесятник Томский, будучи легко ранен, при гряде пуль не отошёл от пушки, и когда фитиль потух, то он, как говорят, угольем выпалил в придувку», но Георгиевский крест ему по какой-то неизвестной нам причине вручен не был.

В 1875 году царское правительство в обмен на признание прав России на Южный Сахалин расплатилось с японцами Курильскими островами, не подозревая о том, какие проклятия будут высказаны в адрес этого правительства, когда выяснилось, что таким образом Россия была лишена выхода в Тихий океан — и в период Великой Отечественной войны все грузы из США по ленд-лизу мы должны были проводить через самый опасный Первый Курильский пролив — все остальные проливы контролировались японцами.

Но мало этого — под прикрытием Русско-японской войны, которая проходила

вдалеке от Камчатки, японцы попытались захватить полуостров, используя десант из оставшихся унтер-офицеров, который якобы для отвода глаз не представлял собой регулярных японских военно-морских сил. В расчёт было взято то, что Камчатка слабо населена, населённые пункты находятся на большом расстоянии друг от друга, отсутствует телеграфная и какая-либо другая связь, народ вооружён только охотничьими ружьями и не имеет воинских навыков.

Но они просчитались. Камчатка встретила японцев с оружием в руках. В составе народного ополчения, оборонявшего полуостров от нашествия японских «хищников», были и казаки Томские — Иван и Василий.

А в августе 1945 года Михаил Гаврилович Томский, потомок камчатских казаков, открывших Курильские острова, был участником Курильского десанта по возвращению Курильских островов в состав нашего государства.

И один из островов Курильской гряды, представляющий из себя потухший вулкан, был назван островом Анциферова (о. Ширинки). Так уж случилось, что расположен он чуть южнее острова... Атласова (о. Алаид).

И не только в истории, но и в географии сошлись эти два действительно вулканических имени...

ТОРОПЕЦ, ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

29 января 1776 года в этом маленьком городке родился Пётр Иванович Рикорд — командир Камчатки, российский адмирал, путешественник, учёный, дипломат, писатель, кораблестроитель, государственный и общественный деятель. Отец — Иоган (Жан-Батист) был родом из Ниццы. Мать — Мария (урожденная Метцель) — из Данцига.

А Пётр Иванович, как мы помним, из Торопца, где в то время располагался Ингерманландский полк, в котором служил премьер-майором его отец — иностранец на русской службе. А сын его, родившийся в России, был уже подданным империи.

В 1787 году Пётр Иванович был определён отцом в Морской кадетский корпус. Возможно, его служба протекала бы относительно ровно, как и у многих других моряков, которые, как и он, участвовали в кругосветных плаваниях, ставших для того времени уже обычным явлением, если бы его командир — лейтенант Василий Головин, капитан шлюпа «Диана» — не попал на южном острове Курильской гряды Кунашир в плен к японцам, а Петру Рикорду пришлось взять на себя командование судном

и спасти командира из плена. Позже В.М. Головин расскажет об это в своей книге «Записки флота капитана Головина».

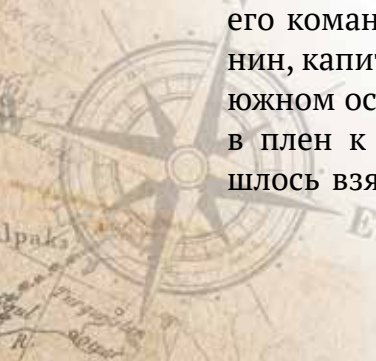
Офицер был замечен начальством, последовало производство в следующие чины и награды — орден Святого Владимира, орден Святого Георгия...

Уже в 1817 году он был произведён в капитаны первого ранга и назначен начальником Камчатки. Вместе с ним приехала и супруга — Людмила Ивановна (в девичестве Коростовцева), которая занялась воспитанием местных барышень, что очень важно для нашего рассказа.

Итоги управления Петром Ивановичем Камчаткой выше всяких похвал: Петропавловский порт стал военно-морским портом России, а жители Камчатки впервые за всю историю пребывания под властью России почувствовали на себе заботу о своем существовании.

Рос Петр Иванович и по службе — в 1827 году он был уже контр-адмиралом.

В 1828 году благодаря зимней блокаде Дарданел, осуществлённой российским флотом под руководством П.И. Рикорда, турецкий флот не смог проникнуть в Средиземное море и прекратить войну греков за освобождение турецкого ига. Греки в благодарность даже предлагали ему пост президента.

Но Пётр Иванович продолжал служение своей Отчизне. В 1843 году произведен в адмиралы флота.

У него не было сыновей. Дочь Серафима вышла замуж за генерал-майора Сергея Георгиевича Тихоцкого и родила двенадцать детей: четверых сыновей и восемь дочерей. В настоящее время известны и документированы следующие прямые потомки Петра Ивановича Рикорда: Тихоцкие в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Боровичах; Красильниковы в Москве; Богомольцы в Киеве; Ерохины в Сочи; Макаровы в Екатеринбурге; Халины в Новосибирске; Васидловы в Ивано-Франковске; Кагадеевы в Сербии; Силаковы в Харькове».

Но мы вернёмся к тем барышням, которых воспитывала в Петропавловском порту

супруга Петра Ивановича Людмила Ивановна Рикорд.

Одной из этих юных девиц была Ксения Ивановна Логинова, дочь местного священника. Она рано и не по своей воле вышла замуж — к её несчастью (так как она была влюблена в морского офицера) на неё обратил внимание английский путешественник Джон Кохрен, который собирался попать с Камчатки в Русскую Америку, но, влюбившись, тут же женился на Ксении (как она не сопротивлялась — в церковь для бракосочетания её в буквальном смысле несли, ухватив под руки) и увёз молодую жену в Южную Америку, где Джон внезапно скончался. Английская аристократическая семья Кохрен в Лондоне (дядя Джона был адмиралом английского флота) не приняла юную

вдову-камчадалку, и она вынуждена была возвратиться в Россию. Её приняла семья Рикорд, которые стали её приёмными родителями.

А в 1828 году в Кронштадте появился молодой герой Наваринского сражения, награждённый орденом Святого Георгия Пётр Фёдорович Анжу — то самый Анжу, который искал вместе со своим другом и однокашником Фердинандом Врангелем Землю Санникова. И здесь, в доме начальника порта, он встретил свою любовь: 24 октября 1828 года состоялось венчание в Никольском Морском соборе Санкт-Петербурга.

Потомки приёмной дочери Петра и Людмилы Рикорд Ксении Ивановны Анжу разлетелись сегодня по всему миру.

Но есть ещё и камчатская линия Ксении Ивановны — род священно- и церковнослужителей Логиновых, из которого она вышла и который с лёгкой руки епископа Камчатского (впоследствии митрополита Московского, апостола Сибири и Америки) Иннокентия Вениаминова приобрел ещё и новое начертание — Лонгиновы и Петрологиновы.

Однажды в доме замечательного камчатского певца Евгения Филаретовича Лонгинова в Звенигороде произошла историческая встреча с потомками Ксении Ивановны — Светланой Узловой и её мамой. Возможно, когда-то удастся собрать вместе

и других представителей этого камчатского рода, камчатская история которого начинается с августа 1745 года...

ТРАПЕЗУНД, ТУРЦИЯ

После развала Византийской империи на её обломках было создано несколько государств, в том числе и Трапезундская империя, которая впоследствии также прекратила своё существование.

Мы вспомнили о Трапезунде и империи по нескольким причинам.

Первая. Князь Степан Васильевич Ховра, потомок одной из ветвей императорского Дома Великих Комнинов Гаврасов, управлявших Трапезундом, а после его падения — княжеством Феодора в Крыму (Судак, Балаклава), будучи человеком православным, перешёл на службу к московскому князю в 1393 году. С тех пор Ховрины утратили княжеский титул — так же как и многие из Рюриковичей, присоединив свои удельные княжества к Москве и перейдя на службу к великому князю Московскому и всея Руси (так, например, случилось со Степановыми, о которых мы рассказывали в главе «Веря»). Но при этом Ховрины получили первый по значимости боярский чин — они стали наследственными казначеями Московского правящего Дома.

Прямой потомок Степана Васильевича в IV колене Иван Владимирович Ховрин среди разросшегося к тому времени рода Ховриных имел прозвище Голова (кто говорит, что это связано с тем, что он был быстро умным, кто — просто главным, головою в своём родовом колене) и стал родоначальником рода московских бояр Головиных.

Тех самых Головиных, один из которых — Пётр Петрович — в 1638 году принял под своё начало Якутское воеводство, а второй — его внук Фёдор Алексеевич — подписал с Китаем Нерчинский мирный и торговый договор.

О воеводстве Головина в Якутске и до, и после, и до нынешних времён ходят самые страшные слухи — это был зверь, а не человек.

Да, это был жёсткий и жестокий воевода. Он был уполномочен царём навести порядок на великой реке Лене, где разгоралась не просто конкурентная борьба за новые промысловые соболиные районы, а братоубийственная война с кровавыми жертвами, когда енисейцы убивали мангазейцев и наоборот, они же воевали с томичами и казаками разбойного Красного Яра, провоцировали на восстания и бунты якутов, направляя их против воеводы, и сами составляли против него тайные заговоры.

Прежде чем поставить новый Якутский, вместо Ленского, острог, Пётр Петрович Го-

ловин построил семь тюрем и приготовил несколько виселиц, чтобы покарать тех, кто заводит смуту и грабит государственную казну, вывозя с Лены пушнину, минуя таможенные посты.

Первым, кто попался на пушном лихимстве, был Ерофей Павлович Хабаров со своим компаньоном — сыном боярским из Великого Устюга Парфентием Ходыревым.

Тюрьма была переполнена торговым и служилым людом (за мужей, которые были в походах, сидели в тюрьмах их жёны). Но что интересно — промышленных людей на сотню арестованных было всего четверо. И тем служилым людям, которые честно отдали государству десятину со своих промысленных или купленных соболей, также не чинились никакие препоны.

Но вынести окончательный приговор и повесить виновных Головину всё же не дали: Москва испугалась, что, лишив якутское казначество личного стимула, будет потеряна инициатива по расширению территории государства и поиску новых «плательщиков ясака».

Головин вернулся в Москву и впоследствии занимался делами, связанными с подготовкой вместе с Богданом Хмельницким Переяславского договора о вхождении Левобережной Украины в Россию.

А внук — Фёдор Алексеевич — начал свою карьеру с мирного Нерчинского договора 1689 года с Китаем, затем стал ближайшим сподвижником царя Петра, главой Польского приказа, генерал-адмиралом и первым в России генерал-фельдмаршалом, первым кавалером высшей награды Российской империи — ордена Святого Андрея Первозванного, первым из россиян возведён в графское Римской империи достоинство...

Это, как мы уже говорили, первая причина вспомнить о Трапезунде.

А вот и вторая.

В августе 1627 года в Архангельск на английском судне прибывает человек, которого позже, уже в Посольском приказе, запишут как Юрия Иванова сына, «родом греченина Трапизона» (Трапезунда) города.

Это был первый выдающийся враль в истории Российского государства, более чем на столетие опередивший знаменитого (и казалось бы, непревзойдённого) барона Мюнхгаузена, который служил в России начиная с 1737 и по 1754 год, будучи пажом при герцоге Антоне Ульрихе, прибывший в Россию, чтобы жениться на племяннице императрицы Анны Иоанновны, впослед-

Храм Святой Софии в Трабзоне (Трапезунде)

ствии отец малолетнего российского императора Иоанна IV. Барон убыл из России в чине ротмистра.

Третьим был уроженец Словакии барон Август Мориц Бенъевский, отбывавший ссылку на Камчатке.

Но если последние врали просто из удовольствия, то Юрию Трапезундскому было что скрывать в своём прошлом, в котором пытаются разобраться современные историки: был ли он невольником либо пиратом; мусульманином, православным или католиком; перебираясь из Турции в Испанию, из Испании в Нидерланды, с голландского судна на английское, а уже из Англии прибыл с миссией «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царское жалованье и неизреченную милость».

Ему поверили — зачислили в греческую роту Иноземного легиона, входившего в состав Московского Большого полка, но при первом же боевом столкновении он дезертировал ещё с одним своим земляком — Мануилом, которого называл своим племянником.

«А тот... изменник рохмистръ Юрья Тропизонской... ведомой вор и крестопреступник, под Смоленским сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языках. И

про то ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь».

С ним же был сослан и Мануил, у которого впоследствии в Томске было много детей.

Так появилась в Томске диаспора детей боярских Гречениновых или Гречениных, которая в скором времени настолько разрослась, что им уже не хватало для всех штатных мест на казачьей службе, и Греченины активно занялись торговой деятельностью, переезжая и осваивая новые места — прежде всего в Иркутск, значение которого резко возрастало, а оттуда — в начале XIX века — на Камчатку.

Здесь Греченины отметились уже как патриоты Отечества: после Крымской войны 1853–1856 годов (включающей в себя оборону Петропавловского порта) Захар Иванович Греченин награждён памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте (за участие в эвакуации Петропавловского порта), а его внук Захар Петрович Греченин, староста села Нижнекамчатск, за участие в создании народного ополчения для обороны Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годах награждён серебряной медалью «За усердие».

Возможно, кто-нибудь из потомков сибирских (томских, иркутских, камчатских) Гречениных (Гречениновых), интересующихся своими родовыми корнями, и откликнется на эту публикацию.

ТУЛА

Может быть, и не по правилам, но в нашей истории, объединённой темой «Камчатка – Россия – Мир», речь пойдёт о человеке, который никогда на Камчатке не был.

И вообще он уроженец Эстляндии. Выдающийся теоретик и практик стрелкового и оружейного дела, а также крупнейший организатор оружейного производства в Российской империи XIX века, начальник Императорского Тульского оружейного завода, инспектор стрелковой части в войсках и инспектор оружейных и патронного завода Российской империи, генерал от инфантерии, кавалер бесчисленного количества орденов:

Орден Святой Анны 3-й ст., 26 августа 1856 г. — в награду отлично усердной и ревностной службы.

Орден Святого Станислава 2 ст., 30 августа 1858 г.

Орден Святой Анны 2-й ст., 30 августа 1858 г.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й ст., 30 августа 1862 г.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 3-й ст., 30 августа 1867 г.

Орден Святого Станислава 1-й ст., 28 марта 1871 г.

Орден Святой Анны 1-й ст., 19 февраля 1872 г. — во внимание бытности попечите-

лем при Его Императорском Высочестве Князе Евгении Максимилиановиче Романовском Герцоге Лейхтенбергском.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 2-й ст., 1 января 1878 г.

Орден Белого Орла, 30 августа 1882 г.

Орден Святого благоверного великого князя Александра Невского, 30 августа 1885 г.

Бриллиантовый знак к ордену Святого благоверного великого князя Александра Невского, 30 августа 1891 г.

Светлобронзовая медаль «В память войны 1853–1856».

Тёмнобронзовая медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878».

Тёмнобронзовая медаль в память священного Коронования Их Императорских Величеств в 1883 г.

Вензеловое изображение в бозе почившего Государя Императора Николая I.

Знак отличия за 40-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах, 22 августа 1884 г.

Знак отличия за 50-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах, 22 августа 1894 г.

Чем же так «угодил» Владимир Васильевич фон Нотбек автору, что он открывает его именем «тульскую» страницу своего очерка?

Секрет чрезвычайно прост. Женой Владимира Васильевича была дочь Петра Фёдоровича Анжу и Ксении Ивановны Логиновой (Кохрен, Анжу), о которых мы рассказываем в главе «Торопец», — Александра Петровна.

Мы не будем более перечислять заслуг великого русского оружейника (об этом написано немало), скажем о важном — «Именно В.В. фон Нотбек добился того, чтобы закрытая коллекция редкого и старинного оружия, хранящаяся на заводе была преобразована в полноценный музей, доступный широкому кругу посетителей. То есть существующий в Туле уникальный Тульский государственный музей оружия в некоторой степени своим существованием обязан, в том числе, и В.В. фон Нотбеку».

Но главное богатство семьи, как известно, — дети. Их было девять:

Александра (26.10.1862 – ?),

Елизавета (14.04.1864 – ?), замужем за генералом от инфантерии Владимиром Петровичем Ольшевским (30.08.1851 – ?),

Владимир (9.06.1865 – 1921) — русский военачальник, генерал-лейтенант, участник Белого движения,

Ксения (5.04.1867 – ?),

Мария (10.03.1868 – ?), замужем за генерал-лейтенантом Гавриилом Георгиевичем Милеантом (24.03.1864 – 11.05.1936) — участником Русско-японской, Первой

мировой и Гражданской войн: кавалером Золотого оружия. После октябрьской революции служил в Вооружённых силах юга России. Затем эмигрировал.

Пётр (18.07.1869 – 24.05.1913), полковник гвардии, зам. начальника администрации Царского Села,

Юлия (11.07.1870 – ?),

Людмила (22.06.1872 – ?),

Вячеслав (10.05.1879 – 26.04.1886).

Гражданская война разметала эту семью, как и многие другие русские семьи, по всему миру. Многие потомки камчадалки Ксении Ивановны Логиновой и адмирала Петра Фёдоровича Анжу находятся за границей. Возможно, что когда-нибудь кто-нибудь из них побывает на родине той женщины, которая дала жизнь их роду...

УДОМЛЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПРЕЖДЕ ИЛОВ ПОГОСТ БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Эта история начинается в Новгородской губернии того времени (а завершается в современной Тверской области), администра-

тивные границы которой постоянно, как и всё в России, менялось сообразно новым представлениям, новым веяниям и даже новым капризам, когда уезды создавались на бумаге, а уездные города воссоздавались из воздуха и размещались в безлюдных местах, а потом всё снова перемешивалось...

Автор «Историко-статистического описания камчатских церквей» Прокопий Васильевич Громов, воссоздавая историю династий камчатских священников, писал: «Священник Пётр Логинов, сын священника Новгородского уезда Илаго погоста Богородско-Казанской церкви Михаила Романова, бывшего потом в Иверском монастыре на Валдаях иеромонахом под именем Мефодия. С 1735 г. находился Пётр Логинов в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. из школы Синтоксимы поступил в камчатскую миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского. При выезде обратно миссии добровольно пожелал остаться в Камчатке. В 1761 г. в Иркутске от епископа Софрония принял священство и поступил к Большерецкой церкви на место выезжавшего отсюда священника Сивцова. Скончался в Большереце 11-го апреля 1771 г. по утру, 54 [лет]».

Илаго (Илова) погоста как такого тоже к тому времени уже не существовало, потому что город Илов исчез с лица земли в 1238 году.

Этот город располагался на берегу озера Иловец (Илова), связывающего когда-то его с рекой Мологой и, соответственно, с Волгой, с Ярославлем.

Это было крупное поселение, занимающее территорию порядка 40 тысяч квадратных метров. Здесь обнаружены следы кузнечного и стекольного производства

Причина его исчезновения неизвестна: «Не было никаких укреплений. До вторжения дикой орды в этих местах никто ни с кем не воевал. И это тоже было причиной трагической гибели города. Видимо, его уничтожение случилось через несколько дней после последней попытки русских отбить нашествие — битвы на реке Сити, где 4 марта 1238 года войска под командованием Владимирского князя Юрия Всеволодовича были уничтожены».

О том, что всё это случилось внезапно, говорит одна из находок: «...при раскопках найдена висловая свинцовая печать князя Ростислава Мстиславовича Смоленского. Он княжил в Новгороде в 1154 и 1157 годах. Печать говорит о наличии сотского или тысяцкого — крупного новгородского чиновника, имевшего право вершить суд, собирать дань, править всей округой. Печать была знаком княжеского доверия, потерять её было немислимо. А в землю она попала, вероятнее всего, в огне и пожаре страшного 1238 года».

Город Илов погиб, но память о нём долго хранилась в народе. В писцовой книге Бежецкой пятины за 1547 год упомянут погост Илов Пречистый.

«В писцовых книгах XVI–XVII веков эта местность называлась то Иловым, то Ыловым и в основном входила в волость Удомлю (в настоящее время находится на северной границе Тверской области с Новгородской областью). Все деревни вдоль дороги Дворищи-Старый Ряд назывались Иловскими. Это Илово было многолюдным краем, в него входили тогда существовавшие деревни Гришкино, Гузарёво, Ермолино, Ледины, Пашнево, Ярцево и другие».

То есть совершенно случайно мы коснулись одного из древних пластов нашей истории.

Сведения, близкие к нашей теме: «Село Илово, от Твери 200 вёрст, от Волочка 80 вёрст».

Иловский погост упоминается в летописях 1478 года как часть огромного древнего погоста «Егорьевского Удомельского в Илове, что на Съеже».

В исповедных ведомостях по Иловскому приходу значится:

За 1737 год: «Роспись Новгородской епархии Бежецкой пятины Николаевского Удомельского погоста выставки Илова церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священника Михаила Романова...»

За 1740 год: «Роспись Новгородской епархии Бежецкой пятины Тверской половины Николаевского Удомельского погоста выставки Илова церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священника Михаила Романова...»

За 1741 год: «Роспись Новгородской епархии Бежецкой пятины Тверской половины Никольского Удомельского погоста выставки Илова церкви Казанской Пресвятыя Богородицы попа Михаила Романова...»

Несколько слов нужно сказать и о Славяно-греко-латинской академии. Это было первое и долгое время единственное высшее учебное заведение в России, основанное в 1687 году. Самым известным из выпускников этой Академии был основатель Московского университета Михаил Васильевич Ломоносов.

Прохождение курса тогда было рассчитано на 12 лет. Обучение было разделено на восемь классов или, как в то время говорили, на восемь «школ», которые включали в себя четыре низших класса: «фара», «инфирма», «грамматика», «синтаксима», два средних: «пиитика» и «риторика», два высших: «философия» и «богословие».

Академия готовила специалистов разного уровня — от переводчиков до дипломатов, от высших государственных чиновников до священнослужителей.

Когда объявили о наборе желающих отправиться на Камчатку в составе Духовной Миссии, срок пребывания которой определялся семью годами, были избраны из состава студентов Академии для «преподавания в школах для новокрещённых и письмоводства В. Кочуров, П. Логинов, С. Никифоров, Ф. Серебряков, П. Грязной, А. Ласточкин и Д. Камшигин».

9 августа 1745 года Камчатская Духовная Миссия прибыла на Камчатку. И уже 23 августа первая церковная школа была открыта в Большерецком остроге при церкви Успения Божьей Матери. Учителем в ней был Пётр Михайлович Логинов.

Прокопий Громов, собирая материал для своей книги по истории камчатских церквей, писал следующее о последних днях жизни священника отца Петра: «В семейном предании Логиновых остаётся мысль, что смерть заболевшего священника Петра Логинова была ускорена Бениовским через дачу какого-то порошка. Она нужна была Бениовскому для того, чтобы иметь предлог вызвать в Большерецк для отпевания Логинова священника Устюжанинова».

Речь идёт о подготовке знаменитого Большерецкого бунта 1771 года, когда ссыльные дворяне и зимовавшие в Большерецком остроге зверопромышленники подняли бунт, захватили власть, а потом

на казённом галиоте «Святой Пётр» ушли в Китай.

В заговоре участвовал и священник Устюжанинов, который был отозван в Нижнекамчатск, где располагался благочинный.

Но священник Устюжанинов нужен был заговорщикам, чтобы принять присягу, и «лучшего» предлога, чем отравить священника Логинова, они придумать не смогли.

Дети Петра Михайловича, как и положено, пошли по стопам отца. Иван Петрович также был священником, правда, за пьянство был разжалован в дьячки.

Но в истории отметились внуки и внучки Петра Михайловича, дети Ивана Петровича.

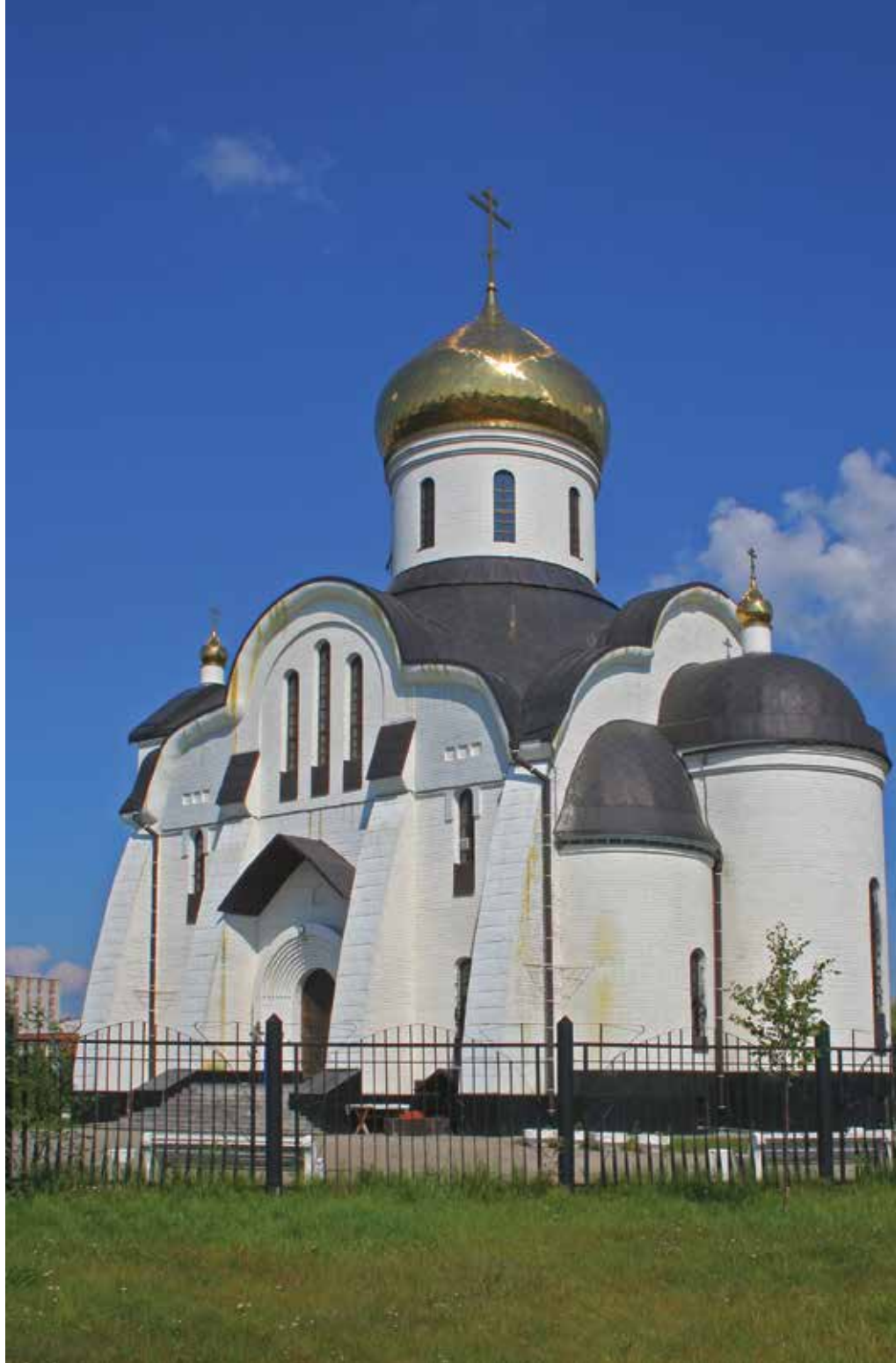
Об истории Ксении Ивановны Логиновой, в замужестве Кохрен, а затем Анжу, мы подробно рассказываем в главах «Торопец» и «Тула» — это санктпетербургская и зарубежная ветвь Логиновых.

В 1854 году во время Петропавловской обороны настоятель Петропавловского собора Георгий Иванович Логинов с братом Александром Ивановичем преподали сражавшимся образец мужества. Вот что мы находим по этому поводу в «Творениях Иннокентия, митрополита Московского» — апостола Сибири и Америки: «За то, что Георгий Логинов во время бомбардировки города все дни проводил на батареях, рядом

с командиром, и, подвергая свою жизнь опасности, „был славным ему помощником в воодушевлении нижних чинов“, он был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Остальные священнослужители были награждены бронзовыми наперсными крестами, скуфьями. Также все получили медали на Георгиевской ленте в память о Крымской войне (Петропавловская оборона считалась эпизодом большой Крымской войны. — С.В.)».

К сожалению, о судьбе многочисленных детей Георгия и Александра Ивановича Логиновых мне ничего неизвестно. Дело в том, что 15 октября 1840 года была создана Камчатская епархия (точнее, Камчатско-Курильско-Алеутская, охватывающая территории, подведомственные Российско-Американской компании, включая Аляску, Алеутские острова, Курильские острова, Чукотку, Охотоморье, Якутию), первым епископом которой стал Иннокентий Вениаминов. Местопребыванием его был определён город Ново-Архангельск, куда было переведено Камчатское ду-

Удомельский Князь-Владимирский собор

ховное училище, преобразованное в духовную семинарию. Туда же были перевезены на транспорте «Байкал» в 1845 году и учащиеся — дети камчатских священно- и церковнослужителей, которые после окончания семинарии получали распределение по всей огромной епархии, где строились новые церкви и появлялись новые вакансии для службы.

Но у нас есть возможность проследить судьбу потомков другого из сыновей Петра Михайловича — Петра Петровича, сын которого — Алексей — был отмечен Святителем.

Вот что пишет епископ Иннокентий в своём «Путешествии по Камчатке» о помощнике своего брата Степана: «Вновь произведённый священник Логинов, которому велено отныне прозываться Лонгиновым, бывший дьячком при Лесновской церкви, был добрым и усердным помощником священнику в построении и устройении церкви и вместе с ним благодушно терпел недостатки. Он учился только в Камчатском училище, но благодаря священникам, при коих он служил, знает очень хорошо устав и катихизис, характером кроток и добр, набожен, услужлив и деятелен, способностей очень хороших. Не имея никого из учёных, кем бы можно было заместить открывшееся священническое место, я принуждённым нашёлся рукоположить его, приняв во

внимание его характер, деятельность и особенно набожность, в надежде на Пастыреначальника, что Он сам наставит и укрепит его... а бывшему его священнику Стефану Вениаминову, соседу его, поручено руководить его и где нужно давать советы и наставления».

Лесновскую церковь Алексей Петрович, тогда ещё Логинов, строил вместе с братом Святителя священником Степаном Евсеевичем Вениаминовым, который и дал Алексею Петровичу самые добрые рекомендации.

Но на этом наша история не заканчивается — троим младшим братьям Алексея Петровича — Ивану, Симеону и Харлампию — Святитель дал тоже новую фамилию — Петрологины.

Старший из них — Харлампий — после окончания Новоархангельской духовной семинарии восемнадцать лет прослужил в Большерецкой Успенской церкви, а потом был переведён на материк и последние годы служил настоятелем Градо-Иннокентьевской церкви в Хабаровске.

Иван Петрович Петрологинов служил в Усть-Уссурийской Иннокентьевской церкви.

А на похоронах и отпевании младшего из братьев — Симеона — присутствовал лично генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской.

«Приамурские ведомости» от 5.03.1895 г. сообщали: «На истекшей неделе 27 февраля скончался один из старейших обывателей здешнего края священник о. Симеон Петрологинов. Несколько строк, посвящённых прошлому покойного, прочтутся, конечно, с интересом всеми близко знавшими эту симпатичную личность. О. Симеон — сын священника, уроженец Камчатки, воспитывался и обучался в духовной семинарии в Ново-Архангельске... откуда в начале шестидесятых годов (XIX в. — С.В.) приехал на Амур; здесь безвыездно (30 лет) служил священником, частью на Уссури, частью на Амуре (ниже Хабаровска) ...около 10 лет о. Симеон провёл среди полудиких гольдов, преподавая им свет христианского учения...

Во внимание ли к заслугам ...или личного к нему расположения — неизвестно, но бывший епископ Камчатский, впоследствии митрополит Московский Иннокентий, избрал о. Симеона своим духовным отцом и всегда у него исповедывался».

Но и это ещё не всё.

Серапион Семёнович Петрологинов, выпускник Благовещенской духовной семинарии (1896/1906). Окончил полный курс (6 классов) по 2-му разряду (1906), учитель двухклассной школы в станице Полтавка Уссурийского казачьего войска (1913 г.).

В 1921–1922 годах — председатель Войскового правления Уссурийского казачьего войска. Позже Серапион Семёнович был представителем правительства Дальневосточной республики, одним из первых руководителей строительства БАМ.

О последующей судьбе Петрологиновых мне известно только из книги о жертвах политических репрессий.

Герман Петрович Петрологинов, налоговый инспектор Сталинского райфинотдела г. Хабаровска, был привлечён в 1938 году, но по недоказанности обвинения освобождён. А вот Николай Владимирович Петрологинов, заведующий складом в посёлке Судоверфь на Сахалине, за антисоветскую агитацию был приговорён в том же 1938 году к 10 годам лишения свободы (или ГЛС, как для скорописи штамповали в приговорах).

Страшной трагедией обернулись годы политических репрессий для потомков священника Алексея Петровича Лонгинова, проживавших в селе Палана, куда была переведена Лесновская церковь.

Вот что мне написала много лет назад Римма Алексеевна Мешалкина (в девичестве Лонгинова):

«В годы Советской власти над паланскими Лонгиновыми нависла угроза уничтожения. В 1932 г. был арестован Лонгинов Пётр Васильевич, 10 лет пробыл в заключении,

прибыл в Палану разбитый параличом. Реабилитирован в 1957 г.

Позже были арестованы Иннокентий Васильевич и Пантелей Васильевич. Довезли их до Хабаровска. Потом отпустили, не разрешая жить на Камчатке. И разрешили жить подальше от границы. Иннокентий Васильевич умер в г. Ташкенте. А Пантелей Васильевич, чубаровец (участник красноармейского похода Г. Чубарова по уничтожению остатков белогвардейских отрядов на севере Камчатки. — С.В.), всё же отсидел десять лет как политзаключенный. Реабилитирован.

В 1934 г. был арестован мой отец, Алексей Васильевич, довели до г. Петропавловска, разобрались, отпустили. Он где пешком, где на собачках добрался до Паланы, благо что начиная с Большерецка везде жили родственники.

В 1937 г. начались повальные аресты. Были арестованы все мужчины нашего рода старшего поколения (в том числе снова и отец Риммы Алексеевны. — С.В.).

Лонгинов Алексей Васильевич (было ему 47 л.), Николай Васильевич (далеко за 50), Алексей Николаевич (ровесник Николая Васильевича), Вячеслав Николаевич, Нестор Николаевич, племянники Африкан Петрович и его брат Константин Петрович Лонгиновы».

Алексей Васильевич (1890 г. р.), Вячеслав Николаевич (1894) и Африкан Петрович (1906) были расстреляны.

«Но нас не сломили, — заканчивала своё письмо Римма Алексеевна. — Род был трудолюбивый, дружный, всегда стремился к знаниям. Наши матери постоянно напоминали нам, какими хотели видеть нас наши деды, наши отцы. И по тому, что я написала выше, вы можете судить, выполнили ли мы их завет, хотя бы частично. Всех посмертно реабилитировали...»

А выше Римма Алексеевна написала, что начиная с 23 августа 1745 года род Логиновых-Лонгиновых-Петрологиновых является родом камчатских просветителей, который в 2020 году отмечает свое 275-летие. Быть учителем — святая традиция этого рода.

В этом роду есть и свои писатели — Евдокия Фаддевна Лангбурд («Дорога в полтора века») и Дмитрий Павловича Логинов («Большерецкие беглецы», «Большерецкий острог»).

Есть свои певцы — Евгений Филаретович Лонгинов, заслуженный работник культуры РСФСР.

Есть свои — лучшие в России — звонари: сын Серафимы Вячеславовны Лонгиновой Иван Васильевич Данилов, в честь которого 22 февраля 1995 года названа малая планета под номером 29345.

Свои знаменитые художники — Сергей Юрьевич Лонгинов...

И свои Герои.

Уроженец Якутии, потомок камчатского священника Алексея Петровича Лонгинова, командир пулеметного расчёта 722-го стрелкового полка 206 стрелковой дивизии старший сержант Владимир Дионисьевич (Денисович) Лонгинов, удостоенный звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра. Погиб 18 ноября 1943 года и похоронен в братской могиле в селе Пшеничники Каневского района Черкасской области, на Украине.

Уроженец города Петропавловска, потомок казаков Мутовиных и священнослужителей Лонгиновых Олег Евгеньевич Мутовин, лётчик-истребитель: «Указом Президента Российской Федерации от 26 мая 2008 года № 837 за „мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники“ полковник Олег Мутовин был удостоен высокого звания Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия — медали „Золотая Звезда“ за номером 915».

Этот род — Логиновых-Лонгиновых-Петрологоиновых — рассыпался сегодня по всему миру, порой даже не подозревая о своей связи с Камчаткой.

Появились сотни новых фамильных узелков, которые ещё предстоит распутать,

*Сын Серафимы Вячеславовны Лонгиновой
Иван Васильевич Данилов*

чтобы каждый из представителей рода занял свою веточку и нашёл свой листик в кроне огромного родового дерева...

А мы пожелаем удачи всем тем, кто находится в поиске...

И напомним, что ваше родовое гнездо — урочище Илов Пречистый погост Бежецкой пятины Новгородской губернии, а место поклонения предку — Иверский монастырь на Валдае, где иеромонах Мефодий (Михаил Романович Логинов) провёл остатки своей жизни.

УЛАН-УДЭ

298

Сначала появляется на месте слияния реки Уды с Селенгой Удинское зимовье, а затем Удинский острог, который в отличие от Нижнеудинского острога в 18-м столетии назывался Верхнеудинским.

Но ещё раньше этого было желание установить дипломатические отношения с соседями:

«В XVII веке российский император царь Алексей Михайлович Романов, желая установить дружеские отношения с южными соседями, в 1649 году снаряжает дипломатическую миссию во главе с царским сановником Ерофеем Заболотским. В его группе 8 человек. Цель — дойти до ставки монголь-

ского хана Цэцэна и уговорить его присягнуть Белому царю. Миссия проделала долгий путь до Байкала, затем на небольшом дощанике переплыла озеро и остановилась на ночлег. Ночью на эту группу напал летучий отряд монголов во главе с Тарухай-табуном. Путники были убиты. Через годы на месте убийства посольской миссии был заложен памятный камень, а позже построен крупный православный Посольский Спасо-Преображенский монастырь — ныне гордость и главная туристическая достопримечательность Кабанского района».

А селенгинские казаки Гаврило Ловцов и Осип Васильев, построившие Удинское зимовье, выполнили при этом и посольскую миссию: «...в нынешнем во 174 г. (1665 г.), сентября в 27 день, выбрав угроже место в Мунгальской земле, на Селенге реке, за помощью божиею великим государем острог новый поставили... И, услыша мунгальские люди про острожное поставление, и за помощью божиею... великих государей царского величества высокую руку мунгальской царь Куканкан в мирное поставление приклонился, и послов от себя трех человек великим государем к Москве послал; а имяна тем мунгальским послам, первому имя Банбара Болот косячи, второму имя Зорукту зайсан, третьему имя Азар Мергень батур. И в нынешнем во 174 году,

сентября в 30 день я, Осипко Васильев, со служилыми людьми с товарищи, тех мунгальских послов в Енисейской острог отпустил с пятидесятником казачьим с Гаврилом Ловцовым, да служилым человеком с Пятком Фофоновым, да охочих казаков с десятником казачьим с Федором Ивановым...»

Особый смысл строительства здесь острога раскрылся чуть позже: «С 1680 года через Удинский острог начинают проходить русские торговые караваны в Китай. Острог прикрывал от наступлений кочевников с юга и запада долину реки Уды, по которой пролегал основной путь в Нерчинский край, и стал главным местом хранения товаров и формирования караванов, отправлявшихся в Нерчинск».

В Нерчинске в 1689 году был подписан мирный договор с Китаем, который коренным образом изменил географию торговых путей внутри России — теперь пушнину везли не в Европу через Россию, а непосредственно в Нерчинск и Кяхту — таможенный пост на границе с Китаем.

Вот что пишут по этому поводу историки: «В первое же десятилетие товарооборот через Нерчинск достиг таких значительных размеров, что стал соперничать с оборотами русской внешней торговли со Средней Азией, имевшей за собой вековую историю,

и превосходил обороты торговли с Западом через Псков, Тихвин, Смоленск».

Мы к этой теме еще вернёмся, когда будем говорить о самом Нерчинске.

Торговая составляющая в жизни Верхнеудинска нашла отражение и в гербе города, когда он был назначен главным городом уезда: «Щит разделён на две части: в верхней герб Иркутский, а в нижней части, в золотом поле, Меркуриев жезл и рог изобилия, в знак того, что в городе происходит знатный торг и условия о торге».

В связи с 350-летием российско-монгольских дипломатических отношений, связанных с именами Гаврилы Ловцова и Осипа Васильева, основателей Удинска — Верхнеудинска (с 1730 г.) — Улан-Удэ (с 1934 г.), возникло предложение установить памятник этим людям. И вот что пишет по этому поводу газета «МК в Бурятии»: «...история с противодействием установки памятника Ловцову и Васильеву приобретает реальный антигосударственный оттенок, о чём, впрочем, давно предупреждала местная общественность. Как и сказки про разбойников-казаков, только и знавших, что грабить бедных инородцев. Дипломаты они были, выполнявшие важную государственную службу — Ловцов и Васильев, под чьим руководством было срублено Удинское зимовье».

Явление не новое — когда пошла мода наименовать аэропорты в честь славных сынов Отечества, в Сибири (вероятно, в Тюмени) сняли кандидатуру Ермака Тимофеевича, на Камчатке — Владимира Атласова в связи с тем, что это были по меркам нынешнего дня казаки-разбойники.

В 1689 году внук первого якутского воеводы Петра Петровича Головина Фёдор Алексеевич Головин, впоследствии первый кавалер высшей награды Российской империи того времени — ордена Святого апостола Андрея Первозванного, не только подписал Нерчинский договор, но и оставил на службе в Нерчинске, Селенгинске и Верхнеудинске два полка сибирских казаков, набранных по всем городам Сибири — многие из них остались здесь служить «вечно».

В 1851 году верхнеудинские казаки вошли в состав Забайкальского казачьего войска. Из казачьих детей Нерчинска, Селенгинска и Верхнеудинска шло формирование Якутского пешего полка, солдаты которого проходили службу в горячих точках Чукотки и Камчатки, были участниками всех тихоокеанских экспедиций до начала отечественных кругосветок.

В 1854 году четыре сотни казачьих детей из Иркутской губернии (в состав которой входил, как известно, и Верхнеудинский уезд) — солдаты 13, 14 и 15-го Восточно-Сибирских

батальонов влились в состав 47-го Камчатского флотского экипажа и защищали Петропавловский порт от англо-французского вторжения. Сегодня мы можем поимённо (с географической привязкой к конкретному месту призыва) назвать всех сибиряков, состоявших Петропавловский порт.

Из Забайкалья прибыл на Камчатку второй (после Завойко) губернатор Камчатской области Василий Власьевич Перфильев, сын казачьего урядника (о нём я рассказываю в главе «Сургут»), который наметил пути для развития Камчатки, реализованные уже в годы Советской власти.

А в 1954 году, в тот год, когда и я появился на свет, на Камчатке начал писать свою рабочую биографию ещё один житель Забайкалья — из села Большая Речка того самого Кабанского района, где находится Посольский Спасо-Преображенский монастырь Бурятской АССР — Дмитрий Иванович Качин.

Он закончил Московский институт рыбной промышленности и был обычным тралмастером (судовым мастером по добыче рыбы), который постепенно, набирая знания и опыт, поднимался по профессиональной лестнице всё выше и выше — сначала инженером добычи, а потом и начальником отдела добычи крупнейшего рыбопромышленного предприятия Камчатки того времени — Управления

тралового и рефрижераторного флота (УТРФ), а после окончания Высшей партийной школы (1961 г.) вырос из обычного секретаря парткома УТРФ до первого секретаря Камчатского обкома КПСС.

Было два человека в летописи рыбацкой Камчатки, которые вывели рыбную отрасль полуострова (а значит, и всю Камчатку, для которой эта отрасль является важнейшей) на новый виток её развития. Первым был Михаил Анатольевич Орлов. Он был уроженцем Вологды. И о нём мы рассказываем в соответствующей главе.

А вторым — Дмитрий Иванович Качин. В 1969 году он стал председателем Камчатского облисполкома, а через два года — первым секретарём Камчатского обкома КПСС.

1970–1980-е годы — это то самое время, когда Советский Союз стал великой рыболовной державой и вёл промысел водных биологических ресурсов во всех четырех океанах мира — от Арктики до Антарктиды.

Благодаря той кадровой базе, которая была сформирована в те годы, рыбная отрасль Камчатки, пошатнувшись и накренившись в лихие 1990-е годы, не рухнула и не рассыпалась на мелкие обломки, как это случилось у наших соседей — на Сахалине и в Приморье. Да, кое-что откололось, кое-что разбилось, как это бывает на Камчатке в сильное землетрясение, но фунда-

мент выдержал и здание выстояло — сегодня «Океанрыбфлот» и рыболовецкий колхоз имени В.И. Ленина — по-прежнему флагманы рыбацкой России.

Слава Богу, что, когда я пишу эти строки, Дмитрий Иванович жив и здоров.

И, пользуясь случаем и этой возможностью, хочу высказать ему лично слова благодарности за всё, что он сделал для Камчатки.

Мы часто слышим о партократах сплошной негатив. И дыма, как водится, без огня не бывает. Но этому человеку, который долгие годы находился на столь высоком посту, предьявить оказалось нечего — он всего себя посвящал делу, Камчатке и нам, её жителям...

Вот какие замечательные кадры вырастила для Камчатки Бурятия.

Уверен, что мне подскажут и новые имена известных на полуострове людей, которые родом из бывшего Верхнеудинского уезда...

ХАБАРОВСК

Военный пост Хабаровка был основан в 1858 году на берегу реки Амур по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, в будущем графа Амурского.

Первыми его жителями, как и поста Владивосток в 1860 году, стали солдаты и офицеры 13-го Восточно-Сибирского линейного

батальона во главе с их командиром — капитаном Яковом Васильевичем Дьяченко.

Но и здесь, при основании Хабаровска, нашлось место и для нашей камчатской истории.

Но сначала послушаем самих хабаровчан. Вот что рассказывает Татьяна Гладких, автор статьи «Святитель Иннокентий в судьбе Хабаровска».

«От Благовещенска до Хабаровки — более 840 вёрст, и, конечно, для военных строителей нужен был свой пастырь. Уже в июле 1858 года святитель Иннокентий направил служить сюда священника из Николаевска Константина Коллегова. „Что же касается места для отправления богослужения, — писал Иннокентий приморскому губернатору П.В. Казакевичу, — то на первый раз оно может быть избрано в казарме. Но если найдётся ныне или на будущий год построить там храм, то благословит Господь такое дело; благословляю и я построить сей храм во имя св. равноапостольной Марии Магdalины“».

В 1858 году первые богослужения действительно проходили в обычной солдатской казарме. Спустя годы известный священник-миссионер Афанасий Протодиаконов рассказывал об этом так:

«Первою заботою вновь прибывшего батюшки было — найти место для от-

правления богослужений. Командующий батальоном Я.В. Дьяченко любезно предложил о. Константину одну комнату в казармах, наскоро построенных, которая и была убрана зеленью для отправления служб церковных. Трогательно было первое богослужение! Умилительное зрелище представляла группа усердно молящихся, закинутых судьбой в пределы Дальнего Востока. Вся юная Хабаровка, ещё ничтожная по количеству населения, собралась к первому служению. Горяча, искренняя была молитва каждого... Смутное в то время понятие об Амуре, предполагаемые случайности заставляли „едиными устами и единым сердцем“ взывать к Творцу Вседержителю о помощи. Первое служение благотворно подействовало и на о. Константина, который с сердечною радостью увидел свою паству в горячей восторженной молитве, обнаружившую лучшие свои душевные качества».

По благословиению святителя Иннокентия жители (они же и строители) Хабаровки в 1858 году возвели часовню. Правда, А. Протодиаконов, которого можно считать первым историком церковной жизни в Хабаровске, утверждал, что часовню построили годом позже: «В 1859 году была закладка храма, небольшого, зато славного по усердию жертвователей и строителей».

Часовню построили на склоне горы у амурского берега — на том самом месте, которое освятил и где провёл первый молебен А. Сизой. Для первых жителей Хабаровки она стала и символом России, и лучшим украшением их небольшого ещё селения, и местом молитвенного единения.

До 1859 года Хабаровка входила в приход походной Николаевской церкви, которую возглавлял А.П. Сизой. В 1859 году здесь открылся самостоятельный приход. Приходским батюшкой служил К. Коллегов. В августе 1861 года его сменил священник Павел Прокопьевич Громов. Скорее всего, он был сыном известного историка церкви, протоиерея из Иркутска П.В. Громова — однокурсника и друга святителя Иннокентия. Павел Громов прослужил в Хабаровке более десяти лет, а в 1873 году его сменил Иоанн Гомзяков — выпускник Новоархангельской семинарии, созданной на Аляске камчатским архиереем Иннокентием.

...Но заботу о хабаровской пастве святитель Иннокентий действительно проявлял огромную. В начале 1860-х годов в Хабаровке жило около тысячи человек. Часовня, рассчитанная на сто человек, становилась всё более тесной. К тому же построенная на зыбком грунте и деревянном фундаменте, она начала разрушаться. Святитель Иннокентий не раз поднимал вопрос о строитель-

стве в Хабаровке новой церкви. В путевом журнале Камчатского архиепископа Иннокентия за 1863 год осталась небольшая, но очень интересная запись о его пребывании в Хабаровке (он прибыл сюда 30 июня из станицы Казакевичево):

«2 июля, вторник. Отправлял литургию в Хабаровской церкви, и у литургии было довольно много народу. Здание здешней церкви, бывшей часовнею до 30 июня сего года, было построено из старого леса на непрочном основании и потому довольно уже ветхо и уклонилось к югу. Без капитальных поправок более 2–3 лет не простоит. Давно здесь предложено было выстроить церковь, и была к тому вся возможность, но бывший начальник здесь находящегося батальона, г. Дьяченко, всё только обещал и тем кончил. Вновь писано мною об этом г. военному губернатору».

История происхождения фамилии Коллеговых весьма и весьма интересна. Это, разумеется, грамотные священники Коллеговы стали писать свою фамилию с двумя буквами «лл», полагая, что их фамилия образовано от слова «коллега». Но они ошибались — это латинское словообразование пришло к нам из-за границы во времена Петра I, когда мы облачались (в том числе и словесно) в европейские «одежки», а фамилия Коллеговых была известна гораздо рань-

ше — ещё в древние-предревные времена, когда она была ещё только прозвищем у народа коми (не знаю, у зырян или у пермяков) и означала на их языке «болтливый».

Но для русских именно Колеговы (то есть самые болтливые из этого народа) были самыми ценными людьми — именно они указали русским тайные тропы, по которым их народы издавна осваивали сибирские земли, промышляя там пушного зверя.

И когда русские люди пришли в Сибирь, то они повсеместно встречали зырянские поселения.

Отряд Ермака вели в Сибирь сорок проводников из народа коми.

Доктор исторических наук И.Л. Жеребцов в статье «Участие коми в освоении Сибири и Дальнего Востока в конце XVI–XVIII вв.» вообще пишет: «Выходцы из Коми края (а к ним можно отнести полностью или почти полностью упоминаемых в источниках того времени вымичей, сысоличей, зюздинцев, пермяков, чусовитинов, удорятинов, косьвинцев и обвинцев, и в значительной мере — яренчан, сольвычегодцев, вычегжан, вилежан, койгородцев, чердынцев, усольцев и мезенцев) были в числе основателей или жителей большинства городов, возникших в Сибири».

Я, правда, считаю, что это является преувеличением — жителями многих из этих

мест, поселений и городов были к тому времени уже и русские люди. Но только преувеличением. Факт же остаётся фактом — значение народа коми в истории освоения Сибири и Дальнего Востока весьма значительно и неоспоримо.

Вы только отметьте, сколько в нашей стране проживает Зыряновых и Пермяковых — тьма тьмушая.

«В 1610 году был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет среди 300 промышленных людей Енисейского уезда было 249 человек (более двух третей!), пришедших сюда из Коми края — с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В 1630 году, например, в Енисейском уезде охотились на пушного зверя сысолицы Семён и Иван Колеговы, а в 1647 году — Иван, Андрей, Родион и Михаил Колеговы».

«Мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей и лежащие между ними территории и вышли к р. Лене. В 1632 был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на северо-восток. В середине и второй половине XVII в. среди служилых людей Якутска были Е.С. Вычегжанин, М.С. Сысолятин, Н.Л. Колегов, Н. Габышев, И. Тарабукин, несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермяков.

Среди многих сотен участников освоения Дальнего Востока документы сохранили и имена выходцев из Коми края».

«В начале 1630-х гг. началось освоение бассейна р. Лены. В числе отправленных туда служилых людей были и коми. Переселенцы с Вычегды, Сысолы и из других районов Коми края имелись и среди служилых и промышленных людей, осваивавших Яну, Индигирку, Колыму, Чукотку. В походе Ерофея Хабарова на Амур участвовали Треня Зырянин и Калина Зырянин. Коми имелись и среди участников знаменитого похода С. Дежнёва и Ф. Попова вокруг Чукотки: известно, что среди оставшихся в живых 12 человек были Иван Зырянин, Фома Пермьяк, а также усалец, чердынец, два мезенца и др. Известными землепроходцами стали Дмитрий Зырян и Фёдор Чукичев, руководившие освоением Алазеи, Колымы и Пенжины».

На Камчатке свой фамильный и родовой след оставил нижнекамчатский казак Евдоким Колегов. Хотя его сын, Иван Евдокимович Колегов, в 1748 году служит по Якутску, отцу этот выезд был закрыт за его непосредственное участие, как сборщика ясака, во всевозможных злоупотреблениях, которые привели в 1731 году к восстанию камчадалов, известного в истории под названием Харчинского бунта. Евдоким был бит кну-

том и переведён в разряд верхнекамчатских разночинцев, как и многие другие камчатские казаки, виновные в злоупотреблениях. А его дочь вышла замуж за вологодского купца Алексея Удачина, и род ключевских крестьян Удачиных — это камчатская линия Евдокима Колегова.

Заметный след был оставлен Евдокимом Колеговым на восточном побережье Камчатки, где и по сей день многие представители корякских родов носят его фамилию, полученную ими при крещении. Одним из его духовных детей был тойон Умьевушка (Дранка), о котором мы рассказываем в главе «Ивашка» — один из руководителей корякского восстания 1746 года — Степан Евдокимович Колегов.

Побратался Евдоким и с обиженными ими камчалалами — вождь Ключевского селения Лыкоч стал его крёстным сыном и получил новое имя — Никита Евдокимов сын Колегов.

А далее историю этой семьи нам рассказывает отец сменившего первого хабаровского священника отца Константина (Колегова) на этом посту Петра Прокопьевича Громова — Прокопий Васильевич, который прослужил на посту благочинного камчатских церквей с 1834 по 1846 год.

В своем «Историко-статистическом описании камчатских церквей», изданном

в Трудах Киевской духовной академии в 1861 году, он писал историю рода хабаровского священника Константина Коллегова:

«После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева, вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитою Евдокимовым Коллеговым, сделался за смыслённость свою любимцем архимандрита Хотунцевского и был первым церковным старостой при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарём к сей церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял его сын Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшем первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, — как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование открытия камчатской епархии, Михаил почтён саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья. И уже один из внуков его Михаил священствует в Камчатке. Только род

Коллеговых чисто камчадалский упрочился на служении церкви».

Ещё один Михаил Григорьевич (сын Григория Григорьевича, брата священника Михаила) был отмечен в период обороны Петропавловского порта. Антон Петрович Сильницкий, первый редактор «Приамурских ведомостей», издаваемых в Хабаровске, писал: «Петропавловские священники Георгий Логинов, Александр Логинов, Михаил Коллегов, будучи неоднократно призываемы к служению молебствий о даровании победы над врагами, совершали их во время действия неприятельской эскадры с очевидной опасностью для жизни. Под сильнейшим огнём эскадры они являлись сами на батарее, именем Бога Живаго ободря защитников». Среди церковнослужителей Петропавловского собора в период обороны Петропавловского порта был и дьячок Моисей Колле-

Геронтий Васильевич Коллегов, потомок тойона Лыкоча, был последним священником Нижнекамчатской Успенской церкви

гов, впоследствии священник церкви в корякском селе Дранка, названного так по прозвищу тойона Умьевушки — Степана Евдокимовича Колегова.

Камчатские семьи в ту пору были многодетными, и епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий отправлял юную камчатскую поросль этих семей священников и церковнослужителей в духовные училища и семинарии, расположенные за пределами Камчатки, а потом, по окончании учёбы, распределял их служить в новые храмы, быстро вырастающие на самой в то время огромной в России по территории расположения Камчатской епархии, которая разбрасывала, под стать государственному символу России — двуглавному орлу, по обе стороны Великого океана — Аляску и Калифорнию в Америке, Камчатку, Чукотку, Якутию, а впоследствии и Приамурье с Приморьем на Дальнем Востоке России, своих птенцов. Камчадалы учились в Якутске, Ново-Архангельске, Иркутске, впоследствии — в Благовещенске и служили повсеместно, постепенно обрывая из-за огромных расстояний и утрачивая связь с малой родиной. А затем пришла революция, а за ней последовали десятилетиями непрекращающиеся репрессии в отношении духовных лиц. И ещё долгие годы после этих событий потомки камчатских священнослужителей

держали в глубокой тайне правду об истории своего рода, постепенно забывая её и окончательно утрачивая связь со своим родовым гнездом.

Сегодня нам известно отчество Константина Колегова — Григорьевич.

Он родной брат того самого священника Михаила Григорьевича, который был отмечен в период обороны Петропавловского порта.

ЧЕРДЫНЬ

В буквальном смысле переводится как «посёлок в устье (дын) реки Чер» — Чердын.

Это поселение появляется неслучайно: «В русской историографии XIX века древнерусский топоним Пермь Великая отождествлялся со скандинавским топонимом Биармия, центр которой, как полагали, находился в районе Чердыни, которая в X–XII веках вела обширную торговлю с волжскими булгарами, Ираном, Великим Новгородом и северными народами (Югрой). В эту эпоху с Пермью поддерживали тесные торговые и политические отношения новгородцы, которые следовали на восток древним торговым путём по притокам Северной Двины, попадая с Вычегды волоком на Колву. Чердынь и расположенное в семи киломе-

трах к северу другое важное селение Покча были основаны на высоком правом берегу Колвы близ её впадения в Вишеру напротив горы Полюд, самой высокой точки в этой части Уральских гор. Историки отмечают, что Чердынь располагалась на перекрестке водно-волоковых торговых путей:

— В Вычегду по Колве и через Немский (Бухонин) волок;

— К полноводной Печоре и по ней к Ледовитому океану;

— В Западную Сибирь по Вишере (Вишерско-Лозьвинский волок) и Чусовой (Чердынская дорога);

— В Вятку через Волосницкий волок.

Когда верхнекамские земли отошли во владения Строгановых, то административный центр из Чердыни — столицы Великопермского княжества, переместился в Соликамск — в промышленную вотчину купцов, поставлявших соль для всей Руси».

В 1680 году томские казаки Усовы — Ивашка и Савка Левонтьевы дети — сообщали: «Отец чердынец, прислан в Томск по государевой грамоте и служил в пешей службе, а он, Ивашко, вёрстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой»; «Отец чердынец и прислан в Томск по государевой грамоте, а он вёрстан, Савка, в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

С 1702 года, с наказа, полученного в Москве казачьим головой Владимиром Владимировичем Атласовым, начинается вербовка казачьих детей на службу «в Камчатку». В этот период в Томске количество казачьих детей, не вёрстаных в казачью службу, просто зашкаливало: в числе казачьих детей по спискам проходили и те, кому по возрасту полагалось быть уже в отставке, а они ещё ни дня не служили, будучи за штатом.

Мы не знаем, в каком году был поверстан в службу Савва Усов, но по материалам следствия о Харчинском бунте, завершившегося массовыми казнями и битьем кнутом и батогами виновных казаков, проходит и большеерецкий казак Савва Усов, битый кнутом.

В 1748 году он числится среди разночинцев Верхнекамчатского острога, но его дети продолжают казачью службу, и в 1741 году, когда пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел» отправляются к берегам Америки, часть большеерецких казаков откомандирована в Петропавловскую Гавань (как первоначально назывался Петропавловск-Камчатский) для охраны казённых грузов, материалов, построек. И с той поры эти казаки так и остались служить в Гавани, как сокращённо называли на Камчатке это новое, ни для каких более целей не ис-

пользуемое поселение — разве что изредка заходили сюда суда, следовавшие из Охотска или Большерецка в Нижнекамчатский острог.

А в 1812 году всё изменилось — благодаря деятельности Российско-Американской компании и началу кругосветных плаваний отечественных судов значение Авачинской бухты и, соответственно, Петропавловского порта резко возросло. Вскоре здесь появляется и Петропавловская экипажная рота, подчинённая Охотскому флотскому экипажу, а в 1849 году роли меняются — возникает Петропавловский порт, создаётся 46-й флотский экипаж, которому подчиняются и Охотская флотилия, и Охотский порт.

А в 1854 году на долю Усовых выпали особые испытания.

Когда вражеская эскадра вошла в Авачинскую бухту, в это же самое время в Петропавловский порт двигался плашкоут, гружённый кирпичом, на котором кроме матросов 46-го флотского экипажа (в июне номер поменялся на 47, но об этом в Петропавловске узнали гораздо позже) находился боцман Павел Васильевич Усов со своей женой и двумя детьми — дочкой и сыном.

Ничего не подозревавшие об опасности люди на плашкоуте приняли вражеские

суда за свои — а навстречу им, в предвкушении военного трофея, двинулись шлюпки с английскими и французскими моряками со всех судов.

И русские моряки неожиданно для самих себя попали в плен. В числе этих матросов был и Семён Удалов, о котором мы рассказываем в главе «Кострома».

Но, как пишет жена Василия Степановича Завойко Юлия (урождённая баронесса Врангель): «21-го августа в час пополудни от адмиральского французского фрегата отвалила шлюпка и направилась к Сигнальному мысу: то была наша шестёрка, взятая неприятелем вместе с плашкоутом. На ней пристали к берегу: унтер-офицер Усов с женою и двумя маленькими детьми и молодой матрос Киселёв; первый передал мужу записку:

„Господин губернатор! Благодаря случайности войны в мои руки попала русская семья. Имею честь её вернуть Вам. Примите, господин губернатор, мои заверения в моём высоком почтении.

Адмирал Ф. Де-Пуант (Auguste Febvrier Despointes. — *Авт.*)“».

«Усова рассказывала, — писала позже Юлия Егоровна, — что адмирал — старик, что он ласкал её маленьких смуглых ребятшек, давал им конфет и говорил матери, или она это уже себе так истолкова-

ла, что у него во Франции остались такие маленькие дети. Камчадалка любила это рассказывать. Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21 августа адмирал сказал, что отошлёт женщину с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, чёрненький, хиленький старичок. Не подозревал адмирал, какие меткие стрелки наши камчадалы... Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу...»

В 1855 году 47-й Камчатский флотский экипаж покинул Петропавловский порт, передислоцировавшись в Николаевск-на-Амуре. Сюда же перебрались и Усовы. Новый экипаж стал именоваться 27-м Амурским флотским экипажем.

В 1865 году сын баталёра 27-го флотского экипажа Василий Васильевич Усов вернулся на Камчатку и женился на камчадалке Агриппине Ивановне Спешневой, у них родилась дочь Анна (в замужестве) Копьёва — прабабушка моих собственных детей по линии супруги Татьяны Петровны Ларионовой.

Вот такая удивительная и трогательная история...

ЯРЕНСК

И снова, как это часто было на Русском Севере, сначала был монастырь: «Первым письменным упоминанием о нём считается Вычегодско-Ипатьевская (Мисаило-Евтихиевская) летопись 1384 года, содержащая сведения о святителе Стефане Пермском, уроженце Великого Устюга, который, продвигаясь вверх по Вычегде, основал монастырь на „Еренском горотке“, что послужило основанием для празднования в 1984 году 600-летия Яренска».

Назван по реке Яренге.

В настоящее время село в Архангельской области. И история взлёта и падения города Яренска, который то входил в состав Перми Вычегодской, то был центром самостоятельного Яренского уезда, то, уже при Петре I, уезд входил сначала в Сибирскую губернию, а затем в Великоустюжскую провинцию Архангелогородской губернии, то при Екатерине II — будучи в составе Великоустюжской области Вологодского наместничества, получил в 1780 году статус уездного города и собственный герб; то при Павле I — войдя в состав Вологодской губернии, а уже при Советской власти — сначала в состав Северо-Двинской губернии РСФСР, а затем, потеряв статус города, — в состав Архангельской области, где находится и поныне.

Обратим внимание на герб: «Двѣ бѣлки натурального цвѣта, въ серебряномъ полѣ. Въ знакѣ того, что жители сего города кожами тѣхъ звѣрковъ производятъ довольно знатный торгъ». В верхней части щита — герб Вологды: «В красномъ полѣ щита видна выходящая изъ облака рука, держащая золотую державу съ серебрянымъ мечемъ».

То есть пушной промысел был определяющим в истории Яренска, почему жители уезда — купцы, посадские люди и крестьяне — становились участниками дальних тихоокеанских «вояжей», осваивая новые для Российской империи земли в Северной Америке.

Мне есть что рассказать о яренских мореходах, но начать я хочу с истории, рассказанной не мной, а сотрудниками Национального архива Республики Коми Л.А. Кызьюровым и М.М. Сельковой об одном из своих земляков:

«Плавучая мастерская „Камчатка“.

На транспорте (мастерской) „Камчатка“ проходил морскую службу Степан Михайлович Ивкин, 1881 года рождения, из Важгортской волости. В 1903 году Степан Ивкин был определён в 8 флотский экипаж, получил звание матроса 2-й статьи. В 1904 году его перевели на транспорт „Камчатка“, который должен был обеспе-

чивать поход эскадры вице-адмирала Рожественского из Балтики на Дальний Восток. 11 октября 1904 года вместе с другими кораблями эскадры транспорт вышел из порта Ревель (сейчас г. Таллинн). После стоянки в порту Танжер (Марокко), 5 ноября главные силы эскадры, в том числе мастерская „Камчатка“, отправились дальше. 29 декабря корабли прибыли на Мадагаскар, где находились более двух месяцев, ремонтируясь и ожидая подхода других судов. 16 марта 1905 года 2-я Тихоокеанская эскадра продолжила путь, через 23 дня прибыла в Сингапур. Затем были непродолжительные стоянки в бухтах Южно-Китайского моря. К этому времени русские корабли прошли более 20 тысяч миль морского пространства.

14 мая 1905 года в Цусимском проливе русская эскадра была атакована мощным японским флотом. В первый же день сражения были потоплены четыре российских линейных корабля, а также несколько вспомогательных судов. Транспорт-мастерская „Камчатка“ представляла огромную удобную цель для японских кораблей. На борту мастерской имелось всего лишь шесть 47-мм скорострельных орудий. Но экипаж „Камчатки“ до конца выполнял свой долг, до самого вечера он прикрывал огнём орудий повреждённый флагман-

ский броненосец „Князь Суворов“ от атак японских миноносцев. Транспорт „Камчатка“ погиб в 7 час. 30 мин вечера от снарядов японских броненосных крейсеров. Когда один из членов экипажа предложил старшему офицеру для спасения экипажа погибающего корабля поднять белый флаг, умиравший от ран лейтенант В.В. Никанов ответил: „Всё что хотите, но только не флаг!“ Вместе со многими членами экипажа „Камчатки“ погиб в бою и Степан Михайлович Ивкин».

Самым знаменитым из яренских мореходов и промышленников был Степан Гаврилович Глотов (1729 – 04.05.1769).

У меня о нём написан очерк, опубликованный в книге «Покорители Великого океана».

Благодаря Степану Гавриловичу были открыты Лисьи острова, а чёрные алеутские лисы почему-то стали символом на гербе Тотьмы. На острове Уналашка (из группы этих самых Лисьих островов) начал свою проповедническую деятельность апостол Сибири и Америки Иннокентий Вениаминов, первый епископ крупнейшей в России Камчатской епархии, которая в середине XIX века охватывала территорию Русской Америки, Камчатки, Курильских островов, Якутии, Приамурья и Приморья.

На этих же островах Степан Гаврилович Глотов умер от цинги, приняв участие в Секретной правительственной экспедиции Креницына-Левашёва, направленной для определения границ империи на Американском континенте.

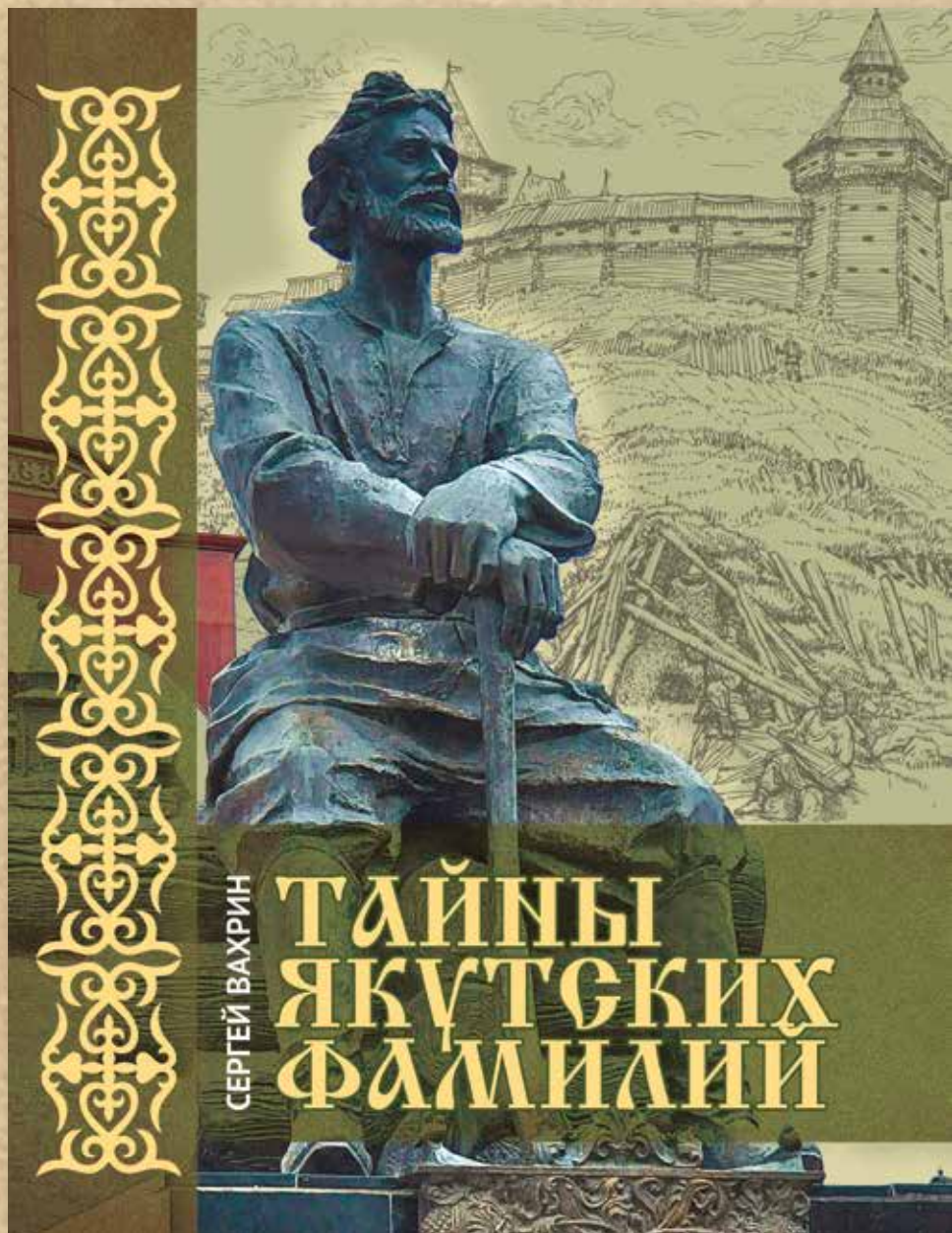
Одним из первых яренских купцов, известных нам на Камчатке, был Степан Тырин, участвовавший в снаряжении на промыслы судна «Симеон и Иоанн», а затем — галиота «Пётр и Павел».

Для организации промысла на «Святом Иулиане», который повёл на восток к Лисьим островам яренский посадский Степан Глотов, была создана компания, участие в которой приняли яренские купцы Иван Томилов, Степан Тырин, Афанасий Суханов.

В 1764 году яренские купцы Афанасий Суханов и Иван Томилов были награждены императрицей Екатериной II золотыми медалями «За достойные обществу труды».

В 1777 году в составе промысловой компании, отправлявшей в «вояж» судно «Иозим и Савватий», был яренский купец Григорий Баженов.

Возможно, их имена тоже помнят и чтят на родине, как имя члена экипажа транспорта «Камчатка» Степана Михайловича Ивкина...

«Тайны якутских фамилий» — это история освоения Северо- и Дальнего Востока России сибирскими казаками, которые из поколения в поколение присоединяли к России эти земли и оставались её обживать, рождались с местным коренным населением и отправляли своих сыновей-казаков далее — «встречь солнцу» — преодолевать великие реки, великую тайгу и тундру и Великий Тихий океан, завершив свой поход в Северной Америке. Якутские казаки, осваивая просторы Северо- и Дальнего Востока, не только кровно рождались с местными народами, но и духовно, становясь крёстными родителями новокрещённым в православие якутам (Саха), юкагирам, эвенкам и эвенкам, чукчам, корякам, камчадалам и даря им свои фамилии, которые и носят сегодня многие представители Республики.

Книга I

Книга II

Книга III

Сергей ВАХРИН
Дѣло объ убійствѣ
Володимера Атласова.
Камчатская Сибириада

В своей новой книге писатель С.И. Вахрин обращается к событиям трёхвековой давности и пытается разобраться в причинах и мотивах убийства казачьего головы Владимира Владимировича Атласова — «камчатского Ермака», как назвал Атласова великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

При этом исследуются не только общеизвестные исторические события, но прослеживается, шаг за шагом, жизненный путь Владимира Владимировича и тех людей, кто был рядом и кто в конечном итоге стал его убийцей.

Ставится под сомнение официальная версия о том, что главными виновниками всех происходящих бунтов на Камчатке были выходцы из сибирской столицы – Тобольска, откуда были родом первые старожилы Камчатки.

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

МЁН

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»
БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

Сергей Вахрин

ТАЙНЫ
КАМЧАТСКИХ ИМЁН

Том II

Книга Сергея Вахрина открывает многовековые тайны происхождения фамилий, которые носят коренные жители Камчатки и Командорских островов. В первом томе даётся история происхождения этих фамилий, приводится алфавитный список фамилий и начинается рассказ о каждой фамилии от А до Я, а затем даются очерки, продолжающие тему. Часть очерков была издана ранее отдельными книгами, но, собранные вместе, они дают цельную картину происходящих на Камчатке исторических событий, с которыми связаны все без исключения фамилии живущих нынче камчадалов и других коренных жителей полуострова. Книга уникальна громадностью и качеством собранного материала.

СЕРГЕЙ ВАХРИН

КАМЧАТСКАЯ
РОДОСЛОВНАЯ
КНИГА

Книга Сергея Вахрина открывает многовековые тайны происхождения фамилий, которые носят коренные жители Камчатки и русские старожилы, поселившиеся здесь в незапамятные времена и за двести лет совместного проживания с аборигенами, с 1700 по 1926 год, образовавшие единую семью народов, которую советские этнографы в 1926 году отказались признать, исключив из списка коренных малочисленных народов Советского Союза этноним «камчадалы».

Книга призвана помочь возрождению народа, который в течение нескольких тысячелетий проживал на территории полуострова, создав уникальную цивилизацию рыбоедов — КАМЧАДАЛОВ.

Сергей Вахрин

Секреты Камчатских Имен

Большерецкий острог

Фотоальбом — история старинных камчатских фамилий, представители которых проживали в Большерецком остроге (с. Большерецком), — Бречаловых, Ворошиловых, Евстафьевых (Астафьевых), Игнатьевых, Коллеговых, Кравченко, Логиновых, Петрологиновых, Пшенниковых, Селивановых, Секериных, Сторожевских, Уксусниковых, Усовых, Черных.

Фотоальбом — история старинных камчатских фамилий, проживавших на территории современных Усть-Большерецкого, Соболевского, Быстринского и Елизовского районов Камчатского края: Аббакумовых, Адукановых, Антоновых, Атласовых, Банакановых, Бибиковых, Борисовых, Бурнашовых, Бутиных, Вагиных, Винокуровых, Волковых, Гилкановых, Дехтярёвых, Дурыниных, Дьяконовых, Евстафьевых, Елагиных, Заочных, Индановых, Ичанга, Карлссон, Келтякиных, Климовских, Коерковых, Командорских, Коневых, Косыгиных, Кривогорницких, Мандятовых, Марковых, Машихиных, Мерлиных, Осьминичевых, Пановых, Петровых, Садовниковых, Слободчиковых, Сметаниных, Соболевых, Солодиковых, Спешневых, Трапезниковых, Тылкановых, Уваровских, Чегликовых, Черкановых, Ятских (Яцких).

**Цикл книг
«Камчатские ссыльные: тайная история России»**

Мало кто сегодня знает, что Камчатка в XVIII веке была местом, куда ссылались важнейшие государственные преступники Российской империи — участники дворцовых заговоров, замышлявшие государственный переворот.

И главными из этих государственных преступников были русские масоны, объединившиеся вокруг незаконных детей царя Петра I — Чернышовых и Румянцевых и создавшие масонский семейный клан Воронцовых, Шуваловых, Разумовских, Паниных, в который входили и герои этих книг.

Камчадалы – Защитники Отечества

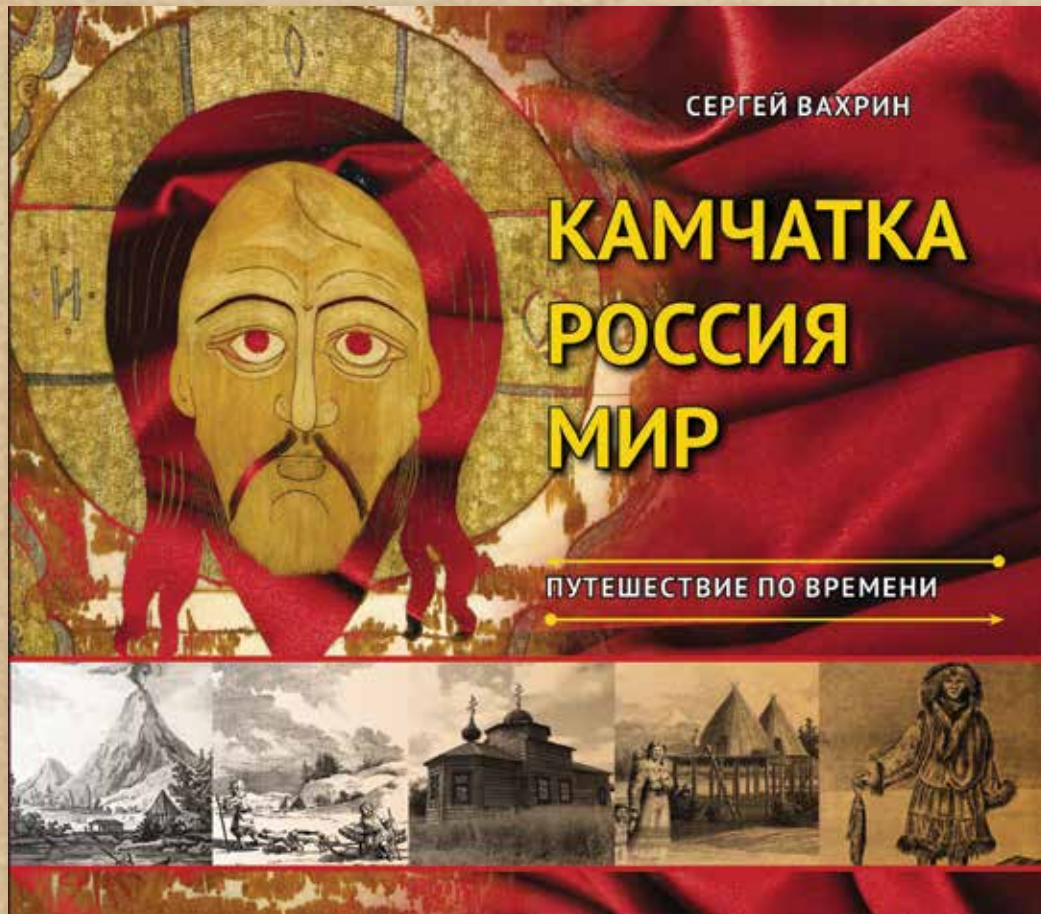
Сергей ВЯХРИН

Летопись Великой Победы

В альбоме «Летопись Великой Победы. Камчадалы — защитники Отечества» на основании архивных документов рассказывается о династиях аборигенов и старожилов Камчатки, принимавших участие в военных событиях, начиная с обороны Петропавловского порта в 1854 году, продолжая событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг. и завершая Второй мировой войной, во время которой наши земляки сражались и на Западном фронте с немецкими фашистами, и на Дальнем Востоке — с японскими милитаристами. Благодаря в том числе и подвигу этих людей город Петропавловск-Камчатский носит сегодня гордое имя Города Воинской Славы.

Цикл книг
«Камчатка – Россия – Мир»

Эта книга о сохранении исторической памяти, о жителях Камчатки (постоянных или временных), которые и оставили нам в наследство эту память о своих замечательных деяниях во славу нашего Отечества – Ростово-Суздальского, Владимирского, Московского княжеств, Московского царства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации...

Эта книга об исторических и духовных связях Камчатки со всей великой Россией и со многими государствами мира, представители которых оставили свой след в истории нашего края.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

Эта книга о сохранении исторической памяти о героях обороны Петропавловского порта — уроженцах Камчатки, а также многих других регионов Российской империи, включая Царство Польское и Великое княжество Финляндское, Лифляндскую и Эстляндскую губернии, которые в августе–сентябре 1854 года сумели малыми силами отразить удар объединённой десантной группы англо-французской эскадры.

Эта книга об исторических и духовных связях Камчатки со всей великой Россией и со многими государствами мира, представители которых оставили свой след в истории нашего края.

Книга рассчитана на самую широкую читательскую аудиторию.

В книге использованы фотоматериалы из открытых источников, а также из фотоархива холдинга «Витязь-Авто».

Сергей Иванович ВАХРИН

Камчатка – Россия – Мир

Путешествие по времени II

Вёрстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

Подписано в печать 18.01.2024. Формат 70×100/12.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 240143.

КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс».
690106, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, д. 10